

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

Է. Ա. ԶՈՐՐԱԲՅԱՆ

**ՇԱՐՈՒՐ-ՆԱԽԻՉԵՎԱՆԸ
1918-1919 ԹԹ.**

(Նախիջևանահայերի ցեղասպանության պատմություն)

ԵՐԵՎԱՆ
ԵՊՀ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
2012

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э. А. ЗОГРАБЯН

**ШАРУР-НАХИЧЕВАН
В 1918-1919 ГГ.**

(История геноцида нахичеванских армян)

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2012

УДК 941 (479.25)
ББК 63.3 (2 Ар) 52
3 - 783

*Издаётся решением научного совета
факультета международных отношений ЕГУ*

Перевод с армянского Л. Р. Багдасарян
Г. Р. Оганесян

Зограбян Э. А.

3 - 783 Шарур-Нахичеван в 1918-1919 гг. (история геноцида нахичеванских армян): Ист. исследования.- Ер.: Изд-во ЕГУ, 2012.- 376 с.

В работе обстоятельно освещены события 1918-1919 гг. в Шарур-Нахичеване, когда турецкие и азербайджанские власти хладнокровно задумали и осуществили геноцид местного армянского населения. Преступление совершалось в два этапа: в конце Первой мировой войны, с июля по октябрь 1918 г., насилия, убийства и грабежи, совершаемые турецкой армией, фактически опустошили край от коренных его жителей, и второй этап, начавшийся с июля 1919 г., когда в Шарур-Нахичеване вспыхнуло антиармянское восстание, продолжавшееся до конца года. Турецко-азербайджанские разбойные группировки уничтожили остатки армянского населения, так что в Нахичеванском районе сохранилось всего 2-3 армянских села.

Впервые в работе в свете нахичеванских событий рассматриваются позиции союзников, политика правительств стран Антанты. Значительное место отведено в связи с этими событиями деятельности Ереванского армянского национального совета, политике и дипломатии Первой Армянской Республики.

Книга предназначена для специалистов-историков, международныхников, политологов, а также для широкого круга читателей.

УДК 941 (479.25)
ББК 63.3 (2 Ар) 52

ISBN 978-5-8084-1678-9

© Издательство ЕГУ, 2012
© Зограбян Э., 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди, более или менее знакомые с историей Армении, несомненно, знают, что Нахичеванский край, охватывающий Шарурский, Нахичеванский и Гохтанский уезды исторической Армении, по требованию Турции, как автономная единица был передан Азербайджану по русско-турецкому московскому договору от 16 марта 1921 года. Но очень мало кто знает, как, при каких обстоятельствах это было сделано и какая борьба развертывалась из-за этого столь важного в географическом плане края в предшествовавшие этому договору годы - в период образования и существования независимых государств Закавказья. Тема эта не исследовалась, для советских историков она была запретной, прикосновение к ней грозило неминуемой карой.

Ситуация не изменилась и после развала Союза. Все внимание наших исследователей поглотила карабахская проблема, нахичеванская же проблема осталась в тени. В результате, кроме нескольких журнальных статей, ничего иного не имеем. Благодарную работу выполнил только "Вестник архивов Армении", который один из номеров 1993 года полностью посвятил документам и материалам о Шарур-Нахичеване¹. Однако здесь от внимания составителей, сделавших главный упор на публикации журнальных статей, ускользнули многочисленные документы, касающиеся истории 1918-1919 и частично 1920 годов. Можно отметить также публикацию 12 документов по

¹ "Нахичеван-Шарур в 1918 - 1921 годах", документы и материалы под редакцией В. Казахецяна (см. "Вестник архивов Армении", Ер., 1993, № 1-2), далее: ВАА.

истории Нахичевана (1889-1920 гг.), 6 из которых относятся к интересующему нас периоду, в №3 "Вестника общественных наук" за 1996 год.

Достаточного внимания нахичеванская проблема не удостоивалась и в армянской диаспоре. С. Врацян, Ал. Хатисян и другие, обращавшиеся к истории первой республики, только частично освещали ее. События интересующего нас периода с позиции очевидца описаны отдельными мемуаристами. Более примечательны, однако, статьи, опубликованные в газетах того времени - "Оризон" (Горизонт), "Арач" (Вперед), "Ашхатавор" (Трудящийся), "Ашхатанк" (Труд), и особенно "военные сводки", которые содержат интересный материал о военных действиях. Все это учтено в нашей работе, написанной преимущественно на основе архивных материалов, содержащихся в фондах НАА.

* * *

После развала Союза возрос интерес к Нахичевану в Иране и особенно в Турции. Нахичеван - тот мост, через который Турция может протянуть руку Азербайджану. Но и для Армении Нахичеван представляет особый интерес, своей основой имеющий:

а) бесспорное историческое право, которое не ставилось под сомнение ни русскими, ни англо-американцами, управлявшими в Закавказье в 1919-1920 годах;

б) очень важное географическое положение и экономическую связь с Арменией.

С незапамятных времен составляя неотделимую часть исторической Армении, Шарур и Нахичеван в древние и средние века были всецело армянонаселенными. Греческий географ Страбон (I век д.н.э.) свидетельствует, что еще во времена Арташеса и Зарэ (II век д.н.э.) население Армении говорило на одном языке - на армянском. Значит, в Шаруре и Нахичеване тоже говорили на армянском. Во времена Хоренаци (V век

н.э.) Шарур и Нахичеван также были всецело армянонаселенными.

А Гохтан (ныне Ордубадский район Нахичевана) был одним из важных очагов армянской музыки. Именно у певцов Гохтана Хоренаци взял материал для своих эпических сказаний. По "Ашхарацуйцу" Нахичеван принадлежал Васпураканскому княжеству, а уже во времена Багратидов (9-11 вв.) он стал яблоком раздора между Сюникским и Арцрунийским княжествами. Во времена турко-сельджукских и монгольских набегов Шарур-Нахичеван оставался армянонаселенным. Это подтверждают не только историки, но и многочисленные памятники, которые еще остаются на территории Нахичевана¹. Но уже начиная с этих веков и особенно во времена владычества туркменских племен в крае постепенно обживаются также тюркоязычные элементы, число которых в начальный период было незначительным. Для края катастрофическими были затяжные турко-персидские войны XVI-XVII веков и особенно организованное Шах-Аббасом в начале XVII века насильственное переселение армян в Персию. Тем более, что из северных районов Персии постепенно народ передвигался на покинутые армянами земли, вследствие чего этнографический облик края понемногу изменялся. Так что, когда по Туркменчайскому русско-персидскому договору (1828 г.) Нахичеванское ханство перешло к России, к этому времени мусульмане (турки, персы, курды) уже имели некое численное превосходство над армянами. Тем не менее, царская администрация справедливо считала край армянским, вследствие чего он был введен в новообразованную армянскую область. А когда в 1849 году была образована Ереванская губерния, край вновь был в ее составе. И ситуация эта сохранялась вплоть до образования независимых государств в Закавказье.

¹ См.: А. Айвазян, Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР, Ер., 1981.

Географическое положение Шарур-Нахичевана очень важно не только для страстных последователей пантюркизма, но и для Армении. Край этот клином вбит в сердце Армении и делает ее уязвимой с юго-востока. Эта территория может стать военно-стратегическим плацдармом для врагов Армении. Она также отсекает Зангезур от Араратской долины, лишает коротких и удобных путей сообщения. Через нее проходит также дорога из Армении в Иран, с которым Армения поддерживала активные торговые связи еще до крушения Российской империи¹.

Экономически Нахичеванский край никогда не был связан с Азербайджаном, даже в годы советской власти. Став автономной республикой в составе Азербайджана, но будучи территориально отрезанным от него, край этот экономически был связан с Арменией. По-иному и быть не могло, так как он с трех сторон окружен армянской территорией и очень близок к центральным районам Армении, с которыми связан удобными дорогами. Население торговало в Ереване и в других городах Армении. Даже в наши дни, потеряв связь с Арменией, он не может войти в экономическую сферу Азербайджана. Правда, после развала Союза, Нахичеван получил возможность связи с Турцией и Ираном, но вряд ли он сможет найти там такой же рынок сбыта для своей сельхозпродукции, как в Армении.

Крушение Российской империи, последовавший за этим большевистский переворот, отделение Закавказья от России и образование независимых государств создали благоприятные условия для реализации планов пантюркизма.

Географическое положение Нахичевана сразу же привлекло к себе внимание младотурок и их кавказских сателлитов. По

¹ См.: Э. Зограбян, Советская Россия и армяно-иранские отношения (1920-1922 гг.), Ер., 1985, с. 12-13 (на арм. яз.).

навязанному Армении Батумскому договору от 4 июня 1918 года Османская Турция в числе других районов забрала у Армении также Шарур-Нахичеван и оккупировала его, сопровождая все это резней и выселением армян. *Совершенное в отношении армянского населения Шарур-Нахичевана во время турецкой оккупации не что иное, как геноцид во всех его проявлениях.* В книге показано, что мусаватистский Азербайджан, пытаясь взять на себя роль проигравшей в войне и вытесненной из Закавказья Турции, приложил все усилия для завоевания Шарур-Нахичевана. А правившие в Закавказье державы Антанты – “союзники” Армении, - руководствуясь принципом “разделяй и властвуй”, сперва создали в Шарур-Нахичеване английское генерал-губернаторство (1919 г., февраль), затем, не сумев управлять краем, в мае передали его Армении, не решив при этом ни ввести войско для нормализации положения в крае, ни разоружить народ, хотя в Республике Армения этот закон действовал. Вместе с тем, по решению Парижской конференции, малочисленные английские войска также были выведены из региона. Пользуясь благоприятными условиями, турецко-азербайджанские силы восстали в июле и отделили край от Армении. Наши “союзники” удовлетворились только ролью наблюдателей и ничего конкретного не предприняли для помощи подвергшейся нападению с трех сторон Армении. А назначенный Парижской конференцией генеральный комиссар Армении американский полковник Гаскель хотя и на словах признавал, что Шарур-Нахичеван является частью Армении, однако, не имея реальной силы для претворения слов в дело, свою посредническую миссию между Азербайджаном и Арменией завершил решением о создании американского генерал-губернаторства, но - безуспешно. Мусульмане Нахичевана, давно понявшие бессилие союзников и расхождения между их словом и делом, в октябре отказались принять американского губернатора, а в декабре, истребив безоружных жителей Верхнего и Нижнего Агулисов и соседних с ними сел,

осуществили этническую чистку Гохтана, завершив этим геноцид армян в Нахичеване.

Как и почему это произошло, читатель узнает из настоящей книги. Рассмотрение проблемы доведено в книге до апреля 1920 года. С советизацией Азербайджана и формированием кемаль-большевистского сотрудничества нахичеванская проблема вышла на новый уровень, где главные авторы - это Советская Россия и кемалистская Турция.

Остается добавить, что наряду с освещением событий в Шаруре и Нахичеване, что является нашей главной задачей, в книге освещены также сражения в Ведибасаре, Зангибасаре и Сурмалу, поскольку мусульманские элементы этих районов как авангард Шарур-Нахичеванских турок, по существу, действовали по их инструкциям и пользовались их материальной и моральной поддержкой.

Изучаемый вопрос мы сочли целесообразным представить в двух частях:

Часть I – “Шарур-Нахичеван в 1918 году. Первый период геноцида армян Нахичевана”.

Часть II – “Нахичеванская проблема в 1919 году. Завершение геноцида”.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШАРУР-НАХИЧЕВАН В 1918 ГОДУ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ГЕНОЦИДА АРМЯН НАХИЧЕВАНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИТУАЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ. АНТИАРМЯНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ КУРДОВ И ТАТАР (АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ)

(октябрь 1917 г. – февраль 1918 г.)

Октябрьская революция и Закавказье. Национальная политика Закавказского комиссариата. Ликвидация фронта и мобилизация армян.

Разрушительная деятельность турецких агентов в армянских провинциях и курдские погромы осенью 1917 года.

Антиармянские выступления турок в Веди и Улуханлу (Масис) в январе-феврале 1918. Попытки межнационального примирения, предпринятые губернскими властями Еревана и Армянским Национальным Советом. Армяно-мусульманский съезд. Турецкая интервенция и активизация антиармянских выступлений в Ереванской губернии. Февральские события 1918 года в Камарлу (Арташат) и Зангибасаре (Масисский район). Бессилие Закавказского правительства. Проблема межнациональных столкновений в Сейме. Меры, предпринятые Ереванским Национальным Советом по открытию коммуникаций и подавлению антиармянских выступлений.

В начале XX века в Ереванской губернии, кроме Шарур-Нахичевана, проживало значительное количество мусульман, в том числе: в провинциях Александрополь и Сурмалу, а также в некоторых поселениях Араратской долины (Зангибасар, Ведибасар). После присоединения к России, вплоть до 1905-1906 гг. в пределах Ереванской губернии отношения между армянами и мусульманами были в основном добрососедскими. Во вся-

ком случае нет никаких фактов, которые бы свидетельствовали об обратном. Положение, однако, коренным образом изменилось в 1905-1906 гг., когда наряду с разворачиванием революционного движения в Российской империи активизировались и армяно-азербайджанские (татарские¹) столкновения. События эти посеяли в душах людей семена такой взаимной неприязни и недоверия, что, несмотря на сохранявшиеся (вплоть до 1917 года) довольно лояльные отношения между ними, достаточно было малой искры, чтобы разгорелся новый пожар. Подобная ситуация сложилась после падения Российской империи и особенно после большевистского октябрьского переворота, когда утвердившееся повсюду безвластие и спешная ликвидация фронта способствовали разжиганию новых армяно-азербайджанских столкновений.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года потрясла не только саму Россию, но и все национальные окраины огромного государства, в том числе и Кавказ. Дошедшая до Кавказа в начале марта телеграмма оповещала о событиях в Петрограде, об отречении от престола Николая II и о бесславном падении 300-летней царской династии Романовых. Уже 7 марта, не ожидая хоть какого-нибудь указа о временной передаче власти, наместник и другие представители центральных властей покинули Тифлис.

Последствия февральской революции оказались в Закавказье более тяжелыми, чем в центральной России. Причиной этому был не только чрезвычайно пестрый национальный состав региона, но и присутствие разных общественно-политических сил, интересы которых не только не совпадали, но были прямо противоположными, а порой и враждебными. К возможным причинам следует отнести и тот факт, что специально

¹ До 1918 года в российских официальных источниках азербайджанцы именовались "кавказскими татарами", мы же, армяне, называли их турками, что более верно.

назначенный Временным правительством Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ, создан 9 марта из бывших закавказских представителей Государственной Думы), который прибыл в Тифлис 18 марта и был наделен верховной властью в Закавказье, так и не сумел за время своего правления стабилизировать обстановку. Более того, их неудачные и нерешительные попытки создания местных органов власти еще больше углубили и расширили ситуацию безвластия. Так, по особому распоряжению ОЗАКОМА, на местах (в селах, провинциях, губерниях) должны были учреждаться новые органы власти, исполнительные комитеты, в обязанности которых вменялось проведение реформ (земельных, трудовых, продовольственных и др.). Однако ни одна из обещанных реформ не была претворена в жизнь, а смена старой власти новой создала такую путаницу и нестабильную обстановку, которая, в первую очередь, резко ухудшила продовольственную ситуацию. Это особенно сказалось в Ереванской губернии, где, судя по газетным материалам того времени, положение ухудшалось день ото дня, цены росли, а ассортимент продуктов резко падал. В подобной ситуации, естественно, росла преступность: грабежи, воровство, убийства. Примечательно, что эти преступления часто носили не индивидуальный, а групповой характер, причем банды зачастую организовывались по национальному признаку, и преступления соответственно приобретали национальную окраску. К таковым можно причислить, например, грабительские бандитские нападения курдов на армянские села в провинции Сурмалу весной и летом 1917 года. Специально прибывшая из Тифлиса Особая комиссия провела тщательное расследование, оценив курдские набеги как результат продовольственного кризиса, представила в соответствующие инстанции докладную, тем самым, закрыв дело и оставив безнаказанными организаторов бандитских нападений.¹ Однако не

¹ НАА (Национальный архив Армении), ф.276, оп.1, д.4, л.15

зря говорится, что чувство безнаказанности порождает новые преступления. Совершенные в начале 1917 года курдские набеги не были единичными, к осени нападения на армян со стороны соседей-мусульман зачастились, приняли систематический и широкомасштабный характер, о чем более подробно будет сказано ниже.

Фактически национальный вопрос, который и при царизме считался самым болезненным на Кавказе, был упущен из виду ОЗАКОМ-ом и обострился до предела. Правда, время от времени созывались совещания по межнациональным отношениям при участии руководителей политических партий и отдельных видных деятелей и с той и с другой сторон. Однако они, как правило, заканчивались лишь лживыми и высокопарными словесами о мире и сотрудничестве между двумя нациями, и каких-либо конкретных мер по установлению взаимотерпимости и добрососедства, особенно между армянами и азербайджанцами, по реальному улучшению межнациональных отношений предпринято не было. Что и самым ярким образом проявилось летом 1917 года, когда был проведен ряд совещаний по введению земств и стали очевидны антиармянские позиции азербайджанских и грузинских националистов, их совместная целенаправленная деятельность по переделу Закавказья (разделу его между собой с оставлением армянам по возможности меньшей территории). Вследствие этого все предложения с армянской стороны, в частности, о создании земств по национально-территориальному признаку, для чего было необходимо произвести некоторые изменения границ в прежних административно-территориальных единицах (например, вывести провинцию Ахалкалаки из Тифлисской губернии, Лори – из губернии Борчалу и др.) – встречали упорное сопротивление азербайджанской и грузинской сторон (спорными территориями между армянами и азербайджанцами считались Карабах и Зангезур).

Вряд ли стоит доказывать, как отрицательно влияют подоб-

ные позиции политических кругов на широкие массы населения. Тем более, что грузинские и азербайджанские газеты открыто нападали на армян, обвиняя их в агрессивности, обостряя страсти и еще больше накаляя и без того уже раскаленную атмосферу. Но если грузины внешне сохраняли с армянами добрососедские отношения, не доводя дело до разрыва, то этого нельзя сказать об азербайджанцах. Они с нескрываемой враждебностью относились к армянам, считали их единственными и главными своими врагами, открыто вооружались, ожидая удобного повода для нападения, чтобы кровью разрешить запутанный и сложный вопрос. Причем, вести о том, что кавказские турки вооружаются, были настолько упорны, что ОЗАКОМ был вынужден обсудить этот вопрос на заседании 24 апреля, однако, выслушав турецких представителей, он тем не менее вынес решение о неправдоподобности этих слухов. Можно подумать, что турки должны были признаться в том, что вооружаются. Как бы то ни было, решение это еще больше подогрело антиармянские настроения кавказских турок, поскольку они приписывали распространение слухов армянам. “На провокацию среди кавказских народов способен лишь один народ, – писала бакинская газета “Ени Икбал” от 3 мая. – Если хотите знать, какой из них, то нам придется признать с сожалением, что это наши близкие соседи – националисты-армяне.”¹

Однако уже через несколько дней, 12 мая, когда на повестке дня снова встал вопрос о том, как кавказские мусульмане вооружаются, пришлось под давлением фактов все-таки признать это. Было принято решение из 7 пунктов, в котором говорилось о проведении среди населения разъяснительной работы о том, какой вред может нанести в нынешней ситуации наличие оружия, об ознакомлении с законом о праве ношения оружия, о создании специальных примиряющих органов для разрешения споров, возникающих на национальной почве и

¹ С.Врацян, Республика Армении, Ер., 1993, с.70 (на арм.яз.).

т.д.¹ Но, как и остальные решения, принятые ОЗАКОМ-ом, и это осталось только на бумаге, хоть закон о праве ношения оружия тем не менее был принят. Согласно этому закону, запрещалось иметь при себе боевое оружие, насчет других видов оружия предписывалось получение в губернских комиссариатах специальных разрешений.² Под этим законом стоят подписи уполномоченных ОЗАКОМ-а: Харламова, Абашидзе, Джафарова, Пападжаняна, Чхенкели. Но вряд ли даже они сами верили в то, что возможно забрать у мусульман оружие при культовом у них к нему отношении.

Большевистский октябрьский переворот стал для России новой, еще более сильной встряской и положил начало распаду страны. Ибо если февральская буржуазно-демократическая революция не была принята только монархическо-помещичьими слоями общества и соответственно не могла таить в себе серьезной опасности раскола единства страны, то октябрьский переворот, учитывая экстремизм большевиков и их нетерпимое отношение к разным политическим силам и течениям, наоборот, широко раскрыл двери для ожесточенных гражданских войн и представлял реальную угрозу единству России. Закавказье, где большевики никогда не были влиятельной силой (за исключением Баку), одним из первых определилось в своем неприятии большевистского переворота. Образованный уже 11 ноября Комитет общественной безопасности объяснял свое создание отсутствием центральных властей и желанием противостоять проникновению распространяющегося повсюду безвластия и в Закавказье. А 15 ноября возглавляемый грузинским меньшевиком Евгением Гегечкори Верховный исполнительный орган власти – Закавказский Комиссариат³ - в своем

¹ Там же, с.69-70.

² “Оризон”, 2 июня 1917 г.

³ Закавказский комиссариат был организован по принципу национального представительства: армянам достались должности комиссара продо-

первом Обращении к народам края, хотя и считает свою власть временной вплоть до созыва Конституционного собрания или признанного всеми центрального органа власти, решительно заявляет, что “если по какой-либо причине, обусловленной российской действительностью, созыв (Конституционного собрания – Э.З.) будет невозможен, то он сохранит свои полномочия до созыва Конституционного собрания с участием представителей Закавказского и Кавказского фронтов” и добавляет, что “любое сопротивление действиям властей будет оцениваться как посягательство на жизненные интересы народов Закавказья и как попытка втянуть эти народы в самую мрачную гражданскую, межнациональную войну и будет пресекаться всей мощью органов, представляющих эту власть.”¹ Это означало, что Комиссариат действовал самостоятельно и независимо от центральных властей и что Закавказье встало на путь отторжения от России. Фактически это была некая федерация трех народов (армян, грузин и азербайджанцев) пока еще без национально-территориальных границ. В Обращении было сказано также о проведении земельной, финансовой, продовольственной и ряда других реформ, на которых, однако, мы не намерены останавливаться, так как это выходит за рамки нашего исследования. Что касается национального вопроса и национальных отношений, то здесь Закавказский Комиссариат, хотя и объявлял, что, стоя на позиции самоопределения наций, декларированной русской революцией, он приложит все усилия, дабы “в кратчайшие сроки и со всей справедливостью разрешить этот вопрос”, однако уже первые его шаги в этом направлении еще больше усугубили ситуацию. 27 ноября был обнародован декрет, по которому в Закавказье вводились местные органы самоуправления – земства, но не везде, а только

вольственного снабжения (Г. Тер-Казарян), комиссара финансов (Х. Карчикян), комиссара общественного призрения (О. Оганджян).

¹ “Оризон”, 19 ноября 1917 г.

в тех губерниях и провинциях, в которых нет проблемы пересмотра границ по национальному признаку.

Вот текст декрета:

“Декрет о введении в Закавказье земств”

1. Земства как органы местного самоуправления вводятся на всей территории Закавказья.
2. В тех губерниях, районах и провинциях, где не возникает вопроса административно-территориального разделения границ, органы земства вводятся немедленно.

Примечание. Бесспорными с точки зрения административных границ считаются: Бакинская, Кутаисская и Черноморская губернии, Батумский и Дагестанский районы, Сухумская и Закавказская провинции, провинции Сгнах, Телави, Тионети, Душети, Гори и Ахалцха Тифлисской губернии, провинции Ареш и Нухи Гандзакской губернии, провинции Ардаган и Олти Карсского района.

3. В течение месяца со дня обнародования настоящего декрета Закавказский Комиссариат производит административно-территориальное деление в спорных губерниях с целью введения в них органов земств.

Примечание. Спорными с точки зрения границ признаются Ереванская губерния, провинции Гандзак, Казах, Дживаншир, Шуши, Зангезур, Карягино Гандзакской губернии, провинции Ахалкалаки и Борчалу Тифлисской губернии.

Мы специально привели текст декрета полностью с тем, чтобы читатель сам убедился, насколько он тенденциозен и несправедлив. Согласно автору декрета (кстати, под текстом стоит подпись не председателя Закавказского комиссариата Гегечкори, а комиссара по внутренним делам Чхенкели), в Закавказье нет бесспорных армянских территорий, даже в Ере-

¹ “Ашхатавор”, 2 декабря, 1917 г.

ванской губернии, которая вошла в списки “спорных” целиком. Спорными названы также все те провинции других губерний, в которых армяне составляют подавляющее большинство (Ахалкалак, Борчалу, Зангезур и др.).

Замысел более чем понятен: грузино-азербайджанский блок стремился занять главенствующее положение в Закавказье, чтобы разделить его между собой, приблизив армянские территориальные претензии к нулю. Было ясно также и то, что декрет станет новым поводом для конфликтов, еще больше обострит армяно-грузинские и армяно-азербайджанские отношения. Что же касается обещания Закавказского Комиссариата за месяц ввести земства на спорных территориях, то, как напечатала газета “Оризон” от 29 ноября в своей передовой: срок этот в действительности может растянуться, “потому что мы живем в такое время, когда все может измениться в течение часа”.

Октябрьский переворот, царящая в стране анархия и большевистская антивоенная пропаганда не могли отрицательно не сказаться на фронте. “Декрет о мире”¹, призывавший всех участников Первой мировой войны немедленно заключить перемирие на три месяца, в течение которых состоятся переговоры и будет заключен мир без аннексий и контрибуций, был принят во многих воинских частях, уставших за долгую и изнурительную войну, как уже свершившийся факт. Поэтому на многих участках фронта, не ожидая даже заключения перемирия, вопреки приказу командиров, а нередко и сводя счеты с ними, по решению солдатских комитетов, состоящих в основном из рядовых, солдаты с оружием в руках или без оружия покидали фронт и отправлялись домой. На отдельных участках Кавказского фронта дезертирство началось еще в октябре-ноябре, а после заключения Ерзнкайского перемирия (5 декабря, 1917 г.) оно приняло массовый характер. Фронт быстро оголялся, и

¹ Принят на Втором Всероссийском съезде Советов в 1917 г. 26 октября.

опасность османского вторжения становилась все более реальной. Более чем ясно было, что Ерзнкайское перемирие не могло быть достаточным гарантом безопасности и что после отхода русских турки непременно под любым предлогом нарушат условия перемирия (как это и случилось позднее) и не только продвинулись вперед, опустошая Западную Армению, но попытаются стереть с лица земли и Восточную Армению. И кто в этом случае схватил бы за окровавленную руку турка, остановил бы его, чтобы предотвратить новый геноцид. У армянского народа не было надежды на помощь ни от кого и ниоткуда: грузины были ненадежны, хотя опасность грозила и им также, азербайджанцы с явным нетерпением ожидали прихода турок.

Будучи наделен правом решать судьбу армянского народа, Тифлисский армянский национальный совет¹, не имея другого выхода, должен был решительно и оперативно мобилизовать все силы армян для того, чтобы организовать сопротивление внутреннему и внешнему врагу и тем самым попытаться оказать влияние на ход событий. В противном случае он стал бы немым свидетелем уничтожения последних остатков собственного народа.

Однако идея создания армянских воинских частей не принадлежала Армянскому национальному совету. Еще летом 1917 года Временное правительство, заметив признаки разложения и усталости в русской армии, разрешило создание национальных воинских подразделений, которые во имя национальных интересов и ради защиты собственных границ будут более стабильны и надежны (без симптомов разложения). Были созданы украинские, белорусские и другие национальные воинские части. В июне право создания одной бригады полу-

¹ Армянский национальный совет, состоящий из 15 членов (6 из которых – дашнаки, 2 эсера, 2 социал-демократа, 2 представителя партии армянского народа и 3 беспартийных) – исполнительный орган, избранный Тифлиским национальным советом с 28 сентября – по 13 октября 1917 года.

чили и армяне. К ноябрю уже было сформировано несколько батальонов и полков. Однако процесс этот проходил крайне медленно: с большим трудом удавался перевод воинов-армян с восточного фронта в Закавказье. Были также финансовые и другие трудности. Кроме того в создавшихся условиях одной бригады было слишком мало для удержания все более оголяющейся линии фронта. Поэтому, получив в ноябре от Кавказского командования разрешение на формирование корпуса, Армянский национальный совет с большим усердием взялся за дело. *Нужно отдать должное Армянскому национальному совету, его руководству за то, что осенью 1917 года в чрезвычайно сложной и напряженной обстановке он сумел правильно сориентироваться, предугадать возможный ход событий и подготовиться, приложив поистине титанические усилия и проявив самоотверженность.* Нелегкое это было дело: попытаться, не обладая государственной властью, объединить остатки сил всеми оставленного, рассеянного по миру народа, едва пережившего геноцид, сформировать военный корпус, добыть для него необходимые финансовые и другие средства. *Не сделай они этого – не быть сегодня Армении, ибо без организованной военной силы армяне не в состоянии были бы противостать не только османским наступающим войскам, но и внутреннему врагу – местным туркам, которые, наблюдая за разложением в русской армии и радуясь их отходу, заранее ободрившись от ожидаемого вторжения соплеменников-османов, подняли головы, чтобы еще раз дать волю кулакам и попробовать силу своих ударов на армянах, страстно желая сломить и истребить их.*

Младотурки вступили в Первую мировую войну с сумасбродной авантюристической программой пантюркизма, вознамерившись объединить в одном государстве все тюркоязычные народы начиная от Эгейского моря и до Алтая (азеры, туркмены, узбеки, казахи, киргизы). Им казалось, что немецкая мощная военная машина с легкостью одолеет русских, и

им (младотуркам) откроется путь в Туран. Руководство младотурок через своих эмиссаров на Кавказе развернуло широкую подготовительную пропагандистскую деятельность в тылу русских войск, с целью вызвать волнение и раздоры в армии и разведать данные о передислокации войск. Им удалось даже прийти к соглашению с грузинами¹, но с армянами им, конечно, договориться не удалось. Переговоры представителей Иттихата с руководителями партии “Дашнакцутюн”, имевшие место в августе 1914 года в Эрзеруме, прошли безрезультатно. На предложение турок поднять антирусский мятеж на Кавказе и направить добровольческие отряды в помощь турецкой армии (взамен была обещана помощь в создании на Кавказе независимой Армении) руководство партии “Дашнакцутюн” ответило: “Армянский народ останется нейтральным. Армяне разделены надвое. Русская часть в пределах этого государства обязана нести воинскую повинность и выполнять свой долг. Турецкие армяне останутся верными Турции, подчинятся воинскому призыву и исполнят свой долг перед правительством”.² Комментируя ответ дашнаков и реакцию турок, К.Сасуни пишет: “Турки покинули Эрзерум будучи глубоко убеждены в том, что ответ армян отрицателен и что если армяне не с ними – значит – с русскими.”³ И надо сказать, они не ошибались. Дашнаки на самом деле не были нейтральны. Буквально через месяц-другой с большим рвением ими были сформированы добровольческие отряды для участия в войне на стороне России против Турции. Что же касается пантюркистских планов младотурок, то сокрушительные поражения, на-

¹ Грузинский комитет Свободы и Турция заключили между собой тайный договор, согласно которому за содействие победе турецкого оружия Турция обязуется помочь Грузии в создании независимого грузинского государства (полный текст договора см.: “Оризон”, 30 окт., 1918 г.).

² К.Сасуни, Турецкая Армения в Первой мировой войне (1914-1918), Бейрут, 1966, с.29 (на арм.яз.).

³ Там же, с. 29-30.

несенные русскими войсками в 1914-1916 гг., свели на нет все их притязания. Но один шаг в этом направлении они тем не менее успели сделать. Это – геноцид западных армян. Армения тяжелым камнем лежала поперек дороги на Туран, она своеобразным коридором разъединяла малоазиатских турок (турок-османов) Восточного Закавказья и азеров, населяющих обширные территории на севере Ирана. Опустошая Западную Армению, уничтожая и изгоняя оттуда армян, младотурки фактически ликвидировали часть этого коридора, осуществив один шаг в этом направлении. Но поскольку русские войска побеждали на фронте, пантюркистские планы младотурок не могли перейти из области грез в реальность. Положение изменилось в конце 1917 года, когда русские армии стали разлагаться и покидать фронт. Разгромленная турецкая армия получила передышку и ожила. Воскресли также мечты о завоевании Кавказа. Единственным препятствием были недавно сформированные малочисленные армянские вооруженные силы, которые уступали им как в опытности, так и в вооруженности. Турецкое командование отлично осознавало это, но все же оно не забывало о подрывной деятельности теперь уже в тылу армянских войск. В населенных мусульманами районах Ереванской губернии турецкие агенты организовывали боевые отряды, разворачивали разлагающую дезорганизующую деятельность: разбирали железнодорожные пути, сваливали телеграфные столбы, подстерегали на дорогах и нападали на отдельные отряды и т.д. “Напряженная, нервная обстановка царил повсюду, - писал С.Врацян. - Мрачная рука (Османской Турции – Э.З.) действовала беспрепятственно, и ни одна сила, правящая или общественная, не могла противостоять или сдерживать мусульманское движение. Оно постепенно разрасталось, принимало продолжительный характер и к концу 1917 года стало самым большим злосчастьем кавказской жизни”.¹ О

¹ С.Врацян..., с.72.

планах младотурок насчет подготовки повстанческого движения мусульман на Кавказе были осведомлены также союзники Османской Турции – Германия и Австро-Венгрия. Об этом, в частности, говорится в телеграмме из Бадена от 4 января 1918 года министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернини представителю министерства иностранных дел при главнокомандующем армии.¹

В Ереванской губернии и, в частности, в провинции Сурмалу курдские погромы (грабежи и убийства на дорогах, нападения на села с целью угона скота) начались еще весной 1917 года. Достаточно полистать страницы периодической печати за это время. С марта по май месяц зарегистрировано 11 подобных случаев. К осени движение приобрело явные антиармянские черты, и кроме того, именно с осени в борьбу включились и местные турки. Поскольку разбойные нападения и грабежи всегда практиковались кочевыми курдскими племенами, более того – являлись характерной чертой их быта, мы оставим в стороне весенние и летние курдские набеги² и остановимся лишь на осенних событиях, которые представляют определенный интерес в связи с занимающими нас вопросами. Но прежде хочется подчеркнуть, что армянские политические круги, за исключением руководства ОЗАКОМ-а, уже с лета понимали истинную подоплеку и направленность этих волнений и предупреждали о грядущих бедствиях. Вот, к примеру, что пишет ежедневная газета “Оризон” – орган партии Дашнакцутюн за 20 августа 1917 года: “Разбойничьи набеги турецких и иранских курдов принимают все более широкомасштаб-

ный характер. Совсем недавно через Араздаян в Нор-Баязетскую известную летовку Айричу проезжали 170 джалалских курдов, все на конях, вооруженные турецкими трехствольными ружьями. Угон крупного рогатого скота, набеги на села, убийства и грабежи, похищение и насильствование женщин – все это начинает принимать массовый характер. Общее число джалалцев, проживающих на территории от Баязет-Оргов до границы Масиса и Персии, доходит, согласно авторитетным источникам, до 9-10 тысяч. Все они молоды и способны носить оружие. *Они образуют отдельные группы, отряды, имеют опознавательные знаки, действуют по отдельности или сообща, также надзирают, обыскивают. Имеют особые санитарные бригады из 10-12 человек, которым вменяется в обязанность быстро убирать трупы убитых, а раненым оказывать медицинскую помощь...*” (выделено нами – Э.З.). Иными словами созданная джалалскими курдами военная сила мало чем отличалась от организованной армии. Осознавая это, та же газета “Оризон” от 2 сентября в статье “Курдская опасность” писала: “Курды все без исключения вооружены и вооружены в основном русским оружием. Более того, все курды отлично натренированы в военном отношении. Сегодня они представляют собой не только массу вооруженных людей, а подготовленную *регулярную армию*. Таково впечатление всех тех, кто сталкивался с ними. Курдские набеги не были обыкновенным разбойничьим нападением, они представляли собой самые настоящие военные походы с соблюдением всех мелочей.” Понятно, что организаторы “регулярной армии” не могли довольствоваться только грабежом и разбоем. Поэтому автор статьи приходит к выводу, что “курдский разбой сегодня совершенно иного характера, не похож на обыкновенный разбой, на обычный грабеж. Здесь, несомненно, есть политическая изнанка: в каждом движении, на каждом шагу бросается в глаза предварительная подготовка. Иначе невозможно ни объяснить, ни понять этот шаг. Одним лишь разбоем невозможно объяс-

¹ Г.Аветисян, Армянский вопрос в 1918 г., Ер., 1997, с.83 (на арм.яз).

² О разбойничьих нападениях масисских курдов весной и летом 1917 года в провинции Сурмалу довольно часто сообщала газета “Ашхатанк” за июнь-июль месяцы под рубрикой “Курдские набеги”.

нить ряд случаев, которые происходят каждый день, в разных местах, в разных столкновениях. ... Вне всякого сомнения, некая тайная рука направляет курдское движение, управляет им по единой программе, которая в основном политического свойства. Не осознавать этого, не видеть здесь указующий перст врага нашего, означает быть слепым или сознательно закрывать глаза на происходящие события – что само по себе достойно осуждения...

Это организованное курдское движение было нацелено в одну точку: создать атмосферу нависшей опасности в тылу, для чего курды сеяли среди населения панику и постоянное чувство страха и ужаса, нарушали коммуникации, мешали продвижению “обоза”, препятствовали свободному передвижению войск...

Несомненным для нас является одно: та связь или тайная соотнесенность, которая существовала между курдами, настоящим курдским движением и турками некоторых районов...”

Как видим, в статье довольно неопределенно говорится о наличии связи курдского движения с местными турками. Видимо, это следствие проявленной осторожности, поскольку, как увидим ниже, в начале осени 1917 г. связь эта уже была не “тайная”, а наоборот, слишком уж явная. Явной стала также связь этих местных движений с Османской Турцией, которая использовала все средства, чтобы обессилить армян, лишить их способности к сопротивлению. Вот характерный пример. “Из Трапизона телеграфируют, - читаем в номере “Оризона” за 23 февраля, - что турки требуют сдачи им всех тамошних русских складов с боеприпасами. Свое требование они объясняют тем, что *на Кавказе формируются армянские воинские части и что они не желают, чтобы эти воинские части пользовались боеприпасами из Трапизона*. Турки обещают выдать расписку с тем, чтобы после заключения перемирия вернуть боеприпасы” (выделено нами – Э.З.).

В октябре 1917 года разбойничья банда курдов и турок, уст-

роив засаду у села Кара-Коллю Сурмалинской провинции, напала на армянский военный продовольственный отряд. В результате были убиты несколько солдат и один офицер. Взбешенные армяне-игдирцы в ответ напали на село Кара-Коллю и разорили его. Для сглаживания конфликта губернские власти в Ереване предпринимали некоторые шаги: к месту инцидента направляются помощник комиссара губернии Халил-бек Кязимбеков и губернский прокурор. Однако ситуация со временем все более накаляется и 3 декабря губернский исполнительный комитет с миротворческой миссией направляет в Игдир делегацию, состоящую из армян и азербайджанцев.¹ Также было решено выдать курдам в необходимом количестве муку, сахар и другие продукты, так как погромы якобы имели экономическую подоплеку. Однако курды не только не явились в Игдир за провиантом, но и, подстрекаемые местными турками, стали чаще нападать на прохожих, на армянские села, совершать грабежи на дорогах, железнодорожных путях. Это означает, что начавшееся движение имело не экономические, а политические корни и что оно преследовало далеко идущие цели.

В декабре 1917 года в Тифлисе было созвано совместное совещание Армянского национального совета и Особого комитета, на которое были приглашены также Арам Манукян (Арам-паша) и Драстамат Канаян (Дро). Исходя из сложившейся на фронте ситуации и неотложной необходимости формирования и пополнения Армянского корпуса, совещание решает немедленно приступить в Ереванской губернии к организации воинского призыва. Для этого Арам Манукян получил от Национального совета и особого комитета необходимые полномочия. А Дро, в качестве комиссара корпуса, должен был формировать новые воинские подразделения.

18 декабря Арам и Дро вернулись в Ереван, 20-ого здесь так же, как и в Тифлисе, был образован Особый комитет во

¹ НАА, ф.276, оп.1, д.4, л.16.

главе с Арамом¹, и уже с 24-ого начался воинский призыв. В этот день на улицах Еревана, на стенах зданий появились объявления о призыве в армию. Однако это был всего лишь частный призыв, так как осуществлялся не в общенациональных масштабах, и даже не охватывал всю Ереванскую губернию, а лишь некоторые ее провинции (Ереван, Эчмиадзин, Александрополь). Распоряжение о более расширенном общем призыве (охватывая армян России и всего Закавказья) Тифлисский армянский национальный совет издал лишь 4 февраля, причем это было именно распоряжение, а не решение или приказ. В нем, в частности, говорилось следующее: развал Кавказского фронта чреват для армянского народа угрозой физического и политического уничтожения; чтобы защитить ценнейшие завоевания русской революции, а также спасти армянский народ от надвигающейся опасности, армяне должны мобилизовать все свои силы; волею судьбы Армянскому национальному совету выпала ответственность возглавить армянский народ в это чрезвычайно опасное время. Армянский национальный совет с полным осознанием этой тяжелой ответственности призывает всех армян в пределах России и Закавказья взяться за оружие в надежде на то, что и наши соседи также мобилизуют свои силы для защиты культуры Кавказа и завоеваний революции.

С этой целью Армянский национальный совет отдает распоряжение о том, что:

1. Все юноши-армяне, от рожденных в 1899 г. и до тех, которым 1 января 1918 г. исполняется 25 лет, обязаны встать в ряды армянской армии, согласно декретам о

¹ В отличие от Армянского национального совета, в котором были представлены почти все политические течения, Особый комитет состоял исключительно из дашнаков. Кроме Арама туда вошли М.Мусинян и А.Аствацатурян. В работе комитета с правом голоса участвовали также губернский комиссар (С.Торосян) и председатель армянского военного союза (Г.Меликян).

воинской повинности, изданным Закавказским комиссариатом.¹

2. Все солдаты старше 25 лет и те, кому 1 января 1918 года исполнилось 32 года обязаны оставаться на службе в армянских подразделениях, а если по каким-либо причинам они оставили службу в армии, то должны в срочном порядке вернуться в строй, как это предписано в Декретах Закавказского комиссариата о воинской повинности.

Далее до сведения армянского народа доводится, что при содействии Закавказского комиссариата и с его одобрения формируется национальная местная милиция, призванная защищать честь армян Кавказа, гарантировать их жизнь и защищать имущество от бандитских нападений.²

В конце было сказано, что заботу о семьях военнослужащих возьмет на себя из "государственных и национальных средств" Национальный совет и что все те армяне, которые попытаются уклониться от призыва, будут привлечены к ответственности как враги отечества, народа и революции. Однако Национальный совет не был органом государственной власти и не мог распоряжаться государственными средствами. Поэтому совершенно непонятно, какими средствами он собирался поддерживать семьи военнослужащих. Непонятно и то, каким образом Совет собирался привлекать к ответственности уклоняющихся от призыва. Тем не менее, это распоряжение Тифлисского Армянского национального совета было призвано стимулировать начавшийся еще с конца декабря в Ереванской губернии воинский призыв, и с этой точки зрения следует оценивать его значение и важность, игнорируя некоторые упущения. Пройгнорируем также и вопрос о том, насколько

¹ Декреты о воинской повинности Закавказского комиссариата были опубликованы 2 и 3 февраля.

² "Оризон", 7 февраля 1918 г.

совет был правомочен объявлять воинский призыв в обход правительству. Нас интересует именно призыв, который, кстати сказать, запоздал, учитывая начавшееся с конца января наступление османских войск, и взятие Ерзнка 31 января (по старому стилю).¹ К этому времени на фронте русских частей уже не было: с декабря-января началось массовое возвращение солдатских эшелонов с фронтов. И словно по какому-то указанию свыше приверженцы ислама, объединившись, атакуют не только русские эшелоны с целью приобретения оружия, но и отдельные армянские подразделения, мешая формированию частей и стремясь ввергнуть их в состояние постоянного страха и ужаса. Вот, что пишет в докладной от 3 марта 1918 года депутату Закавказского сейма, председателю Чрезвычайного представительства Георгадзе губернский комиссар Еревана Саак Горосян: "Вокруг железнодорожных путей в направлении Ереван-Джульфа началась какая-то вакханалия: 2 января были ограблены сторожки у железнодорожной станции Арарат – служащие были убиты – и у станции Реанлу, 4 - у станции Давалу (ныне Арарат). 4 января у татарского села Веди совершено нападение на русский транспорт, который был ограблен, несколько человек убиты. Я лично видел полные страха и ужаса лица русских, ограбленных в Камарлу (ныне Арташат). 7 января грабежу подвергся еще один транспорт у татарского села Садарак. В то же самое время у села Каралар подвергся нападению некий русский полковник, у которого забрали провиант, одежду, оружие, машину, и он, раненный и ограбленный, едва спасся, дойдя до Камарлу. 14 января на полустанке

¹ В декабре-январе Тифлисский Армянский Национальный совет неоднократно обращался в Закавказский комиссариат с просьбой поспешить с объявлением об армейском призыве, однако последний под различными предлогами все откладывал объявление призыва вплоть до февраля. 17 марта правительство во время заседания вновь подняло этот вопрос и 26 марта официально было объявлено первым днем призыва (призыву подлежали призывники 1889-1899гг. рождения). См. "Оризон", 29 марта 1918 г.

Ширазлу у татарского села Ширазлу похищены 2 армянина из Реанлу, которые сошли здесь с поезда. В тот же день у села Реанлу был убит один и искалечен второй армянин. 15-16 января был убит один армянин, ранены двадцать. 7 человек пропали без вести."¹

В докладной приводятся и другие факты нападения мусульман на армян, но дело тут, конечно, не в количестве случаев. Перечисленные уже сами по себе достаточно убедительны и свидетельствуют о том, что в населенных мусульманами районах Армении разбойничьи банды курдов и татар, подстрекаемые турецко-мусаватистскими агентами и пользуясь слабостью властей, начали массовое избиение армян не только ради овладения имуществом своих соседей, но и с целью их полного истребления. Губернский комиссар с горечью подчеркивает, что "мусульмане в массе своей очень темны, и эту темную массу стали использовать в своих целях некоторые полунинтеллигенты." Остается добавить, что так называемые "полунинтеллигенты" и есть те самые агенты, которые настраивали эту "темную массу" против армян. Еще летом 1917 года, в Ереванской губернии курдские движения постепенно становились угрожающей силой, и командование русской армии Кавказского фронта направило туда особую делегацию для того, чтобы разобрались на месте. Представитель делегации Ткаченко на вопрос корреспондента газеты "Оризон" о том, к какому заключению пришла делегация в деле о курдских нападениях, ответил, что *"изнанкой всех этих разбоев и грабежей является безысходное экономическое положение курдов и второе: это движение связано с турецким войском."*² В дальнейшем мы постараемся показать, что *"безысходное экономическое положение"* являлось лишь поводом, а не реальной причиной разбоев и что турецкая агитация (читай – подстрекательство) иг-

¹ НАА, ф.276, оп.1, д.4, л.17-18.

² "Оризон", 6 августа, 1917 г.

рала более важную роль в разворачивании разбойных нападений. Но прежде надо сказать, что как Тифлисский и Ереванский армянские национальные советы, так и Ереванские губернские власти, крайне озабоченные постепенным ростом межнациональных столкновений, конечно же, предпринимали попытки усмирения, но безуспешно. В частности, судя по одному сообщению “Мшака”, по инициативе Тифлисского армянского национального совета 4 января 1918 года в Тифлисе было созвано совещание представителей армянских и мусульманских национальных советов с целью достичь путем уступок взаимопонимания, уладить возникшие недоразумения, содействовать ослаблению напряженности между двумя народами и восстановлению добрососедских отношений. Совещание также решило создать постоянно действующее бюро из 8 членов (по 4 от каждой стороны), которое призвано было не только разрабатывать меры по улучшению ситуации, но и следить за их исполнением.”¹

14 января уже в Ереване представители местных армянских и мусульманских национальных советов на совместном собрании приняли решение немедленно телеграфировать во все провинции, призывая соблюдать спокойствие. Также было решено созвать в скорейшем времени межнациональный съезд.²

Телеграммы дошли до пунктов назначения, однако положение не изменилось даже в Ереванской губернии. А 16 января ситуация крайне обострилась, особенно в районе Давалу (ныне Арарат). О событиях в Давалу и прилегающих районах с 16 по 19 января информирует своих читателей газета “Оризон” в номере за 13 февраля 1918 года: “Давалу. 20 янв. – Уже несколько месяцев, как даралагязские села изолированы от внешнего мира. Местные жители собираются в определенном мес-

те, вооружаются и только большими группами могут передвигаться и сообщаться друг с другом. Одна такая группа 16-ого января по дороге из Давалу подверглась нападению. Завязалась драка, в результате которой армяне потеряли убитыми и ранеными 21 человек, которых односельчане смогли перевезти в Давалу только по истечении двух дней; многие из раненых погибли по пути.

Следующий день. По дороге в Араздаян в версте от Давалу по окраине садов курды нападают на Манука Дрмояна, наносят ему тяжелые ранения и убивают Патвакана Гарибяна, жителя села Хутр. 18-ого ночью пришла весть о том, что курды из Джалала и Брука осадили армянское село Хутр, угрожают вырезать жителей, ограбить и разорить село. 20 человек из Давалу поспешили на помощь, однако пришли к тому времени, когда курды уже ворвались в село: убивают жителей, разоряют и грабят имущество, поджигают дома. Объединившись с жителями села и отвлекая курдов, им насилу удалось помочь некоторым в панике бежать в Давалу. По пути те сталкиваются с другими курдами, окружившими село Агаджан. В жаркой битве, завязавшейся между курдами и объединившимися жителями сел Агаджан, Хутр, Узунлу, а также вместе с подоспевшей на помощь группой из Давалу, удалось отбить часть беженцев и на повозках отправить их в Давалу. Сами же воюющие, сопротивляясь все увеличивающемуся числу курдов, также постепенно отступают в Давалу. Курдов было больше тысячи. За время переселения у армян были жертвы, 13 человек убитыми. 19-ого, в 2 часа пополудни курды приблизились к Давалу. Жители Давалу вместе с беженцами заняли оборонительные позиции, укрепившись у речки Каханов и по окраине садов. Началась сильная перестрелка. Предварительно давалицы сообщили в Ереван и попросили подкрепления, и как раз в это время подоспели первые батальоны партизанского отряда - группа Хосрова, большинство из которых были уроженцами села Давалу. Битва пуще разгорается и продолжается еще 3-4 часа.

¹ “Мшак”, 9 января, 1918 г.

² НАА, ф.222, оп.1, д.24, часть 3-ья, л.507.

Начинает темнеть, и только теперь курды отступают, пересекая Аракс и неся огромные потери. Армянам удается отбить у курдов несколько семей из плена. Курды угоняют трех женщин, одной из которых удастся бежать на следующий день и вернуться в Давалу. Однако и Хосрова группа понесла ощутимые потери. Хосров и его адъютанты были тяжело ранены, убиты Арамаис Казарян и житель села Игдир Артавазд Овсепян, тяжелые ранения получили также Вардан Казарян, Даниел Галстян, Рустам Еардаланян, Геворг Тер-Варданян; семь человек получили легкие ранения. В тот же день от полученных ран скончались Хосров и Вардан. Все армянские села Араздаяна были ограблены и сожжены. К сказанному нужно добавить, что картина была до такой степени потрясающая, трагедия такая ужасающая, повсюду лежало такое огромное количество трупов, что проезжающих на следующий день, 20 января, через Давалу по пути на фронт по линии Шахтакти, воинов одного из подразделений 4 армянского полка невозможно было удержать. Раздираемые жаждой мести, они ворвались в дома местных курдов и совершили несколько убийств. Офицерам с невероятным трудом удалось сдержать своих солдат и спасти остальных курдов. Кстати, небезынтересно будет узнать, что воины не только не тронули давалийских курдов, но и позволили им невредимо перебраться в село Авшар, забрав с собой движимое имущество.¹ Казалось, что подобное великодушие армянских воинов должно было быть по достоинству оценено с их стороны. Но, нет, когда через 3 дня, 23-го, сюда прибыл с партизанским отрядом комиссар армянского корпуса Дро (Драстамат Канаян), у села Каралар на них напали турки из Ведибасара. «Из Давалу Дро сообщает, - говорится в телеграмме, отправленной 25 января из Еревана Армянскому национальному совету в Тифлис в связи с этими событиями, - что, когда они проходили через татарские села, со стороны са-

¹ Там же, ф.276, оп.1, д.4, л.25.

дов по последнему батальону партизанского отряда открыли огонь. Причем командир батальона и трое солдат были убиты, а еще трое пропали без вести сегодня. Для выяснения обстоятельств на месте нами была послана смешанная комиссия из армян и татар во главе с губернским комиссаром.»¹ Однако губернского комиссара, прибывшего на место происшествия 25 января, татары встретили у села Каралар с оружием в руках (в окопах укрывались примерно 1000 человек). Они сообщили, что нападение армян на курдов татары воспринимают как действие против них самих, ибо курды – это те же татары, потому что мусульмане.

Наивно было бы полагать, что только лишь религиозные чувства побудили ведибасарских татар встать на защиту курдов. Причины более глубоки и скорее всего относятся к политической, а не религиозной сфере. Это сразу стало ясно, как только начались переговоры между прибывшей из Еревана делегацией и руководством Ведибасара. Представитель Ведибасарского мусульманского национального комитета предъявил следующие требования:

1. Государственное имущество губернии разделить между армянами, татарами и грузинами;
2. Сформировать татарский корпус;
3. Сформировать в Ереване татарскую военную часть.²

Формирование татарского корпуса и воинской части в Ереване – вот какие далеко идущие требования выдвинули ведибасарские татары! Не лучше ли сразу сказать, что они встали на защиту пантюркистских интересов, а Ереван считают турецким городом. Остается лишь догадываться, на что уповают выдвинувшие подобное требование: на собственные ли силы, которые, естественно, у них ограничены, или на османские войска, которые вот-вот собираются нарушить условия

¹ Там же, ф.222, оп.1, д.24, часть 3, л.441.

² Там же, ф.276, оп.1, д.4, л.24.

перемирия, о чем, видимо, были информированы ведибасарцы. Но даже турки-османы не стали бы выдвигать требования о формировании турецкой военной части в Ереване, как не сделали этого впоследствии. Поведение ведибасарцев переходило всякие границы, о чем и телеграфировал Дро из Давалу. Это выразилось еще и в том, что свои требования они предъявили в ультимативной форме, заявляя, что до тех пор, пока их требования не будут удовлетворены, ни одному воину-армянину не будет позволено пройти ни по магистральной, ни по железной дороге, эшелоны будут задерживаться и разоружаться и т.д. и т.п. И пытаясь материализовать свои угрозы, они все чаще устраивали погромы на дорогах. В телеграмме, отправленной 29 января из Еревана в Тифлис, говорится: “Из Давалу сообщают, что в последние дни вооруженные курды и турки заметно усилились и занимают районы южнее Давалу. Командированная 23 января армяно-мусульманская миротворческая делегация приступить к делу так и не смогла, потому что делегаты-мусульмане перешли на сторону турок. Положение день ото дня ухудшается, потому что турки и курды как и раньше ведут себя очень вызывающе. Стреляют по поездам, нападают на транспорт и прохожих. Сейчас они пытаются осадить село Реанлу, вокруг которого роют окопы. В столкновениях между войском и бандой уже убиты 2 офицера и 11 солдат, ранены 7 человек, без вести пропали трое. Из мирных жителей убиты 34, ранены 10 человек. 400-фургонный транспорт по дороге из Шахтахи подвергся нападению у села Ханлухлар, есть убитые и раненые. Курды и турки, по всей видимости, решили остановить работу железной дороги. Накануне они предприняли попытку поджечь мост у станции Арарат. Ситуация со временем осложняется. Нужна немедленная помощь.”¹

Газета “Оризон”, в номере от 6 февраля печатает ряд новых сообщений, полученных из Еревана. Вот они:

¹ “Оризон”, 1 февраля 1918 г.

“Улуханлу. 1 февраля. Война между армянами и турками обострилась. Улуханлу с окрестностями окружено значительным количеством турок, которые угрожают уничтожить армян. Армяне обвиняют железнодорожных служащих в том, что те оказывают содействие туркам.

Улуханлу. 4 февраля. Война между армянами и турками продолжается ожесточенным образом. Военные действия приближаются непосредственно к станции. Турки намереваются превратить станцию в место большого кровопролития. Телеграфируя обо всем этом в Закавказский комиссариат, начальник станции просит распоряжения насчет секретной документации, инвентаря и служащих.

Вчера жители окрестных сел ограбили имущество и грузы станции Улуханлу.”

Эти сообщения скорее всего напоминают сводки с фронта и свидетельствуют о том, что мусульмане Ереванской губернии начали ожесточенную войну против армян, войну на уничтожение. Именно в это время они заставили отправить следующую радиogramму начальникам станций Улуханлу, Шахтахи и Нахичевань: “3 февраля. 20 часов 50 минут. Начальникам станций Улуханлу, Шахтахи и Нахичевань. Мусульмане требуют от меня предупредить вас, чтобы вы отмечали эшелоны с русским и грузинским войском отличительным знаком: днем – белым флагом, а ночью вообще поездов не пропускать. Начальник станции Попавенко.”¹

Поскольку блокада дорог Шахтахи лишила бы армян возможности переправлять войска на фронт, уже с середины января Ереванский армянский национальный совет предпринял ряд мер по обеспечению безопасности на железной и магистральных дорогах. В телеграмме, отправленной 21 января Армянским национальным советом в Тифлис, говорится: “Сегодня из Камарлу в Давалу отправился один батальон второго

¹ НАА, ф.276, оп.1., д.4, л.21-22.

армянского полка с пулеметами. Батальон пробудет в Давалу один день. Вчера из Еревана отправились в направлении Шахтахи две роты 6-ого полка. Сегодня в Давалу из Еревана выехало 50 всадников из охранной группы дивизионного штаба. Завтра в Давалу отправится одна рота партизанского полка.”¹ 24-ого телеграфируют: Партизанский полк целиком отправляется на линию Давалу-Камарлу. Этот полк будет заниматься исключительно организацией самообороны местных жителей. Учтите, что содержание полка обойдется в 150.000 (сто пятьдесят тысяч) рублей.”²

Конечно, присутствие указанного полка нельзя считать достаточным для сдерживания татаро-курдских разбойничьих банд, но у Армянского национального совета не было под рукой другого резерва. В январе 1918 года ввиду отхода русских войск с позиций первостепенной задачей армян стало попытаться собственными силами удержать оголившуюся линию фронта. Вот почему наскоро сформированные части армянского военного корпуса, в первую очередь, отправлялись на фронт, а не оставались в тылу. Переправка войск осуществлялась в двух направлениях:

1. Александрополь – Карс – Сарыкамыш, и затем в направлении Эрзерума и Ерзнка;
2. Ереван – Шахтахи – Баязет (за годы войны русские провели железнодорожную линию из Шахтахи в Баязет) и отсюда по направлению к Вану и к другим участкам фронта.

В таких условиях сохранение мира и спокойствия в тылу становилось архиважным, и Ереванские губернские власти совместно с Армянским национальным советом предпринимали определенные шаги и в этом направлении. 5 февраля в зале заседаний Городской думы открылся Губернский межнацио-

нальный армяно-исламский съезд (были приглашены представители не только местных турок, русских, но и курдов), который в общей сложности провел 7 заседаний. 11 февраля в телеграмме, отправленной Ереванским губернским комиссаром С. Торосяном комиссару внутренних дел Закавказского комиссариата Чхенкели, говорится: “Ереванский губернский межнациональный съезд завершил свою работу 8 февраля. Решения были приняты единогласно. Армяне и турки во всех важных вопросах сохраняли единодушие и пришли к соглашению. Был избран межнациональный совет, который должен сформировать армяно-татарскую воинскую часть, призванную бороться с анархией. Чтобы успокоить курдов было решено комиссара назначить из них. 9 февраля я назначил комиссаром известного курда Гасана-агу Шамшадинова. Прошу назначить ему жалование и выделить определенную сумму на дипломатические расходы. Межнациональный совет 9 февраля провел свое первое заседание и избрал из военных специалистов особую комиссию для формирования армяно-татарской воинской части. Эта часть должна быть в полном подчинении губернских властей”¹. 12 февраля в Ереван прибыла делегация Закавказского комиссариата (Джафаров, Карчикян, Месхиев) и приняла участие в нескольких заседаниях Межнационального совета. Съезд принял несколько положений примирительного характера, обратив особое внимание на проблему обеспечения курдов продовольствием (мусульмане опять в обход истинных причин обострения отношений раздули актуальность продовольственного вопроса). В связи с этим председателю продовольственного комитета Ереванской губернии Зилобеку Хан-Макинскому были даны соответствующие распоряжения. Однако курдский комиссар неожиданно покинул Ереван и больше туда не возвращался. Стало ясно, что курды не собираются мирно сосуществовать с армянами и что продовольственный

¹ Там же, ф.222, оп.1, д. 24,3-я часть, л.520.

² Там же, л.521.

¹ “Оризон”, 13 февраля 1918 г.

кризис всего лишь ширма для прикрытия их истинных намерений. Намерения мирно жить с армянами не было и в турко-населенных районах губернии. И если учесть, что именно в это время османская армия по всей линии фронта перешла в наступление и уже 31 января заняла Ерзнка, а во второй половине февраля вплотную приблизилась к Эрзеруму, то станет понятным их поведение. Вездесущим турецким эмиссарам удалось открыть в тылу армян внутренний фронт: все мусульманские районы Ереванской губернии восстали, чтобы обеспечить продвижение османской армии. В феврале восстал также находящийся в нескольких километрах от Еревана Зангибасар (ныне Масисский район).

4 февраля в Улуханлу прибыл пассажирский поезд, а чуть позднее также один эшелон с русскими солдатами. Часть пассажиров (в основном армяне), сойдя с поезда, обратились к коменданту станции с просьбой выделить им вагоны в эшелоне. Комендант поначалу медлил с ответом, пока русский эшелон не отошел от станции, потом отказал. Возмущенные пассажиры собираются в кабинете коменданта. Неожиданно появившиеся вооруженные татары окружают собравшихся и требуют, чтобы грузины отошли в сторону. После чего татары учиняют такой зверский погром, что в живых остаются лишь несколько человек, выдавших себя за грузин.¹ В тот же день (4 февраля) в провинции Сурмалу турко-курдские разбойничьи банды нападают и разоряют армянское село Аликизил, жителям которого однако удается перейти Аракс и спастись. В отместку аликизилцы разоряют две турецкие деревни.²

Как видим, армяне не выступали в роли жертвы, хотя и основная боеспособная их часть была призвана в армию и отправлена на фронт. Тем не менее сформированные Дро самооборонительные отряды время от времени давали врагу до-

стойный отпор. Так, в отместку за убийство у Камарлу двух воинов-армян, армяне осаждают Камарлу¹, также нападают и разоряют Улуханлу и ряд окрестных деревень.

В связи с этими событиями между Тифлисом (Арзуманян) и Ереваном (губернский комиссар Торосян) состоялся следующий диалог:

Арзуманян: Сообщите все, что знаете о событиях в Улуханлу и Камарлу.

С.Торосян: Официально мне сообщили следующее: 16 февраля курды вместе с джалалцами Сурмалинской провинции и местными турками напали на Камарлу, где дислоцированы армянские воинские части. Столкновение произошло утром 17 февраля. Я организовал делегацию из влиятельных представителей турок, которые отправились в Камарлу. Но уже ночью комиссар этой провинции доложил, что между турками и армянами имела место перестрелка. С обеих сторон имеются немалые жертвы. Той же ночью из Давалу телеграфировали об осаде села Ревазлу турками. Других официальных сведений нет. По частным свидетельствам, дошедшим до меня, делегация до места не дошла, потому что у села Ага-Амзалу дорогу преградили вооруженные турки и не дали им пройти. Здесь же находились военные части, которые подчинялись приказам из штаба. Вчера в направлении из Еревана в Камарлу были отправлены воинские части. Недалеко от магистральной дороги у Ага-Амзалу их остановили окопавшиеся здесь турки. Завязалась перестрелка. Из Улуханлу туркам подоспела помощь. Однако военным удалось обратить их в бегство. Воинская часть эта была направлена вовсе не для того, чтобы воевать с населением. Некоторые подразделения этой части стояли в Камар-

¹ НАА, ф.276, оп.1, д.4, л.22.

² Там же.

¹ О стычках в Камарлу, имевших место с 17 по 19 февраля, в результате которых была полностью разорена турецкая часть города, рассказывает Тапарик в статье "Столкновения в Камарлу", напечатанной в номере газеты "Ашхатанк" от 10 марта 1918 г.

лу и Давалу, к ним и должны были примкнуть прибывшие из Еревана части с тем, чтобы потом отправиться на фронт. Но они были вынуждены дать отпор напавшим на них туркам, которые оказали сильное сопротивление, получив еще и подкрепление из Улуханлу. Военные части теперь развернули действия по направлению к Улуханлу.¹

В тот же день и примерно того же содержания телефонный разговор состоялся между Арамом и комиссаром финансов Карчикяном. Арам также сообщил, что мусульмане «предъявили ультиматум начальнику станции Эчмиадзин, чтобы тот покинул свой пост, потому что с отходом последнего русского эшелона они намерены атаковать станцию и завладеть ею, как завладели уже станцией Улуханлу. Об этом нам сообщил сам начальник станции, который ушел со станции вместе со своими сотрудниками: «Попросите Мелик-Асланова (комиссар путей сообщения, азербайджанец), чтобы он распорядился насчет надежной охраны, чтобы служащие не покидали свои посты. Те же улуханлийцы захватили аэроплан вместе с летчиком, прилетевшим из Джульфы. Затем, подчеркивая, что турки Араратской равнины стремятся отрезать Ереван от других армянских районов, что сильно беспокоит и злит местное армянское население и армию, Арам Манукян добавляет: «Позавчера в Ереване организовали многочисленный митинг, несколько тысяч человек собрались у Национального совета, заполнив все смежные дороги, требуя ни в коем случае не выдавать оружия туркам, даже в случае формирования смешанной воинской части.

На митинге они гневно клеймили наших представителей предателями и продавшимися. Отказывались верить нам и грозились захватить склады боеприпасов.

В тот же день представитель от мусульман, инженер Халил-бек сообщил нам, что в городе собралось большое количе-

ство мусульман из ближайших сел с целью пополнения оружия. Он также добавил, что мусульманам оружие давать не следует, потому что, получив ружья, они разойдутся по своим домам и селам, и невозможно будет формировать смешанный полк. Посоветовавшись с местными мусульманами, мы решили, что в сложившейся ситуации не стоит выдавать оружие, хотя предварительные работы по формированию смешанного полка уже велись. Мы не сомневаемся, что нам удастся восстановить порядок в губернии.»¹

Арам, конечно, был настроен оптимистически: он всегда был оптимистом и деятельным человеком. И в февральские тяжелые, слишком напряженные дни он, не жалея сил и энергии, делал все от него зависящее, чтобы не допустить межнациональных столкновений и восстановить порядок и спокойствие в губернии. Однако действительность оказалась слишком жестокой, мусульманское население – слишком грубым и неуступчивым. Казалось бы, то, как были наказаны турки в 18-20 турецких селах Улуханлийского района, должно было бы отрезвить и турок Еревана, заставив их жить в мире и согласии с армянами. Но, нет. Уже 20 февраля, то есть на следующий день после приведенного выше оптимистического разговора Арама с Карчикяном, пожар межнациональной войны достиг и Еревана. В полдень в городе началась перестрелка, которая, хотя и скоро утихла, но выявила очевидность той огромной опасности, которая нависла над всеми армянами не только в провинции, но и в самом Ереване. Кажется невероятным, но так и не удалось выяснить, с чего именно началась война в Ереване. Вот, например, телеграмма, посланная Ереванским губернским комиссаром С.Торосяном в Закавказский комиссариат: «Сегодня в 3 часа пополудни в городе началась перестрелка, истинные причины которой трудно выявить. Есть несколько версий. По первой версии, в турецкой части города

¹ «Оризон», 21 февраля 1921 г.

¹ «Оризон», 22 февраля 1918 г.

между двумя турками произошла потасовка, в результате один убил другого, что и послужило поводом для общей вспышки. По другой версии, перестрелка началась на железнодорожной станции между собирающейся выехать группой вооруженных турок и патрулирующим на станции армянским отрядом. Отсюда она и распространилась по городу. И по последней версии, все началось на рынке со стычки между продавцом-турком и покупателем армянином, которая переросла в вооруженное столкновение и в перестрелку по всему городу.

Перестрелка длилась до 7 часов вечера. Поначалу армянский отряд со своим командиром, проезжая по городу, призывал всех к порядку. Причем пытались восстановить порядок представители и турок, и армян. Есть убитые и раненые. Но немного. Были предприняты меры по обеспечению безопасности турок, проживающих в армянских районах. В настоящее время нет возможности созывать какое-либо заседание. Для прекращения бесчинств конкретные шаги будут предприняты завтра.”¹

Не удалось ничего выяснить и впоследствии. Никто так и не был наказан за нагнетание напряженности между армянами и турками в Ереване, что стало причиной многих невинных жертв.

Кстати сказать, эта перестрелка началась именно в тот момент, когда в Ереване шло армяно-турецкое совещание, принимали решения, телеграфировали в Тифлис и т.д.² Это означает, что межнациональные собрания и совещания не только были безрезультативными, но, наоборот, возбуждали настроения нетерпимости, враждебности. Почему? – Да потому что, как известно, в мире ислама миролюбивые инициативы всегда воспринимались как проявление слабости. У них в чести – сила. Сила, с которой считаются.

¹ Там же.

² НАА, ф.276, оп.1, д.4, л.19.

А от армян, чтобы противостоять этой силе, требовалось невероятное напряжение. Потому что силы их были разделены надвое. С начала 1918 года они воевали на двух фронтах (внутреннем и внешнем), и чтобы достичь успеха на обоих, им нужно было прилагать огромные усилия. А пока что приверженцам ислама в феврале удалось закрыть железнодорожные пути и магистрали в провинциях Ереван и Сурмалу. Мусульманская армия удерживала контроль над всеми дорогами военного назначения. Турки валили телеграфные столбы, срезали провода, взорвали мост стратегического назначения у Каракалы. “Руки у врага очень длинны, - писал в своих мемуарах, изданных под названием "Арам" член Особого комитета при Ереванском национальном совете А.Аствацатурян. – Через своих агентов он буквально переполюшил жизнь в Закавказье. Имея в лице мусульман Кавказа мощную опору, враг использовал их в качестве орудия в своей захватнической политике.

Турецкие агенты приложили особые усилия в Ереванской губернии, в частности, в Араратской долине. Они поднимали на ноги, будоражили местное мусульманское население, настраивая его против властей, везде сеяли смуту, портили средства связи, разрывали линии военных радиопередач, всеми средствами затрудняли и делали невозможным всякое передвижение воинских частей.

Опытные командиры турецкой армии подобными методами стремились создать неразбериху для недавно утвердившейся армянской власти и тем самым закрепить свои успехи. И им удавалось делать свое черное дело, ибо симпатии местного мусульманского населения были всецело на их стороне, а число мусульман в Ереванской губернии составляло значительное количество.”¹ Между тем Ереванский армянский национальный совет и возглавляемый Арамом Особый комитет вплоть до конца февраля проводили подчеркнуто миролюбивую по-

¹ А.Аствацатурян. Арам, Ер., 1991, с. 94 (на арм.яз.).

литику, пытаясь восстановить порядок в тылу и предотвратить межнациональные столкновения. Примером может служить спокойное и примиряющее отношение к туркам во время описанных выше событий в Ереване 20 февраля. “Для Арама было нетрудно, пресечь это движение в корне, жестоко наказав Ереванских турок, - пишет А.Аствацатурян, - однако он этого не сделал. Арам был одержим лишь одной идеей: любой ценой восстановить в городе мир и порядок. И с этой целью он вместе с другими вышел на улицы в самое пекло и, рискуя жизнью, сумел благодаря своей твердой воле отвести от города опасность.”¹ Именно по совету Арама на утро следующего дня, когда все еще были слышны единичные выстрелы, командир губернских войск полковник Пирумян созвал совещание, в котором приняли участие представители губернского исполнительного комитета, городского самоуправления, армянского, русского и мусульманского национальных советов, а также представители духовенства, Дро и другие деятели. На совещании единогласно решили объявить в Ереване военное положение и создать военно-революционный суд для военных и гражданских лиц по отдельности. Военно-революционные суды для горожан должны были состоять из 7 членов, трое из которых армяне, трое - мусульмане и один русский. Представители Мусульманского национального совета также попросили содействия армянских воинских частей, так как в некоторых районах губернии они не в силах совладать с турецкими разбойничьими бандами. Было решено, что во время передвижений войск отряды будут сопровождать представители мусульман, которые должны будут убедить турецких бандитов открыть дороги и разойтись и только в случае отказа - открывать огонь.²

В тот же день, 21 февраля, полковник Пирумян телеграфи-

¹ Там же, с.101.

² “Оризон”, 23 февраля 1918 г.

рует комиссару внутренних дел Закавказского правительства о создавшемся в губернии положении: “Несмотря на принимаемые нами меры, не прекращаются регулярные нападения мусульман на военные, пассажирские, товарные и санитарные поезда. Разбойные нападения совершаются в основном на железных и магистральных дорогах: телеграфные столбы свалены, станции разорены, мосты разрушены, в результате чего мы оторваны от всего мира. Особенно напуганы русские, которые, бросая все, покидают Кавказ. Турки напали на Камарлу, туда была послана делегация, которая, подвергшись нападению, вынуждена была вернуться. Турки сосредоточены на станциях Улуханлу и Агамзалу, где они и разоружают эшелоны. Ереванский губернский комиссариат вынужден был применить силу, чтобы наладить связь со станцией Давалу, где находилась часть гарнизона. Если требование не будет исполнено - придется послать туда военных. За несколько дней боевых действий мы потеряли 2 офицеров и 9 солдат убитыми и 2 офицеров и 37 солдат ранеными.”¹

А что же предпринимало Закавказское правительство или же что оно могло предпринять, кроме как принимать безвольные и бесплодные решения. Прибывшая в феврале в Ереван для выяснения ситуации на месте делегация Закавказского сейма, вернувшись в Тифлис, доложила на заседании сейма 2 марта: “Сейм должен положить конец тому, что известно под названием “армяно-турецкие столкновения”, о которых даже камни вопиют. Разрушено, разорено все, что представляет государственную ценность: железные дороги, мосты, телеграфные линии и т.д.” Руководитель делегации Георгадзе сказал, конечно, о блокаде дорог, но, во-первых, он назвал это делом “известных провокаторов” и потом, обращаясь к конкретным фактам, упоминал лишь турецкие разоренные села.

Как видим, Георгадзе ставит знак равенства между сторо-

¹ Там же.

нами и умалчивает о бесчисленных нападениях на армянские села, о массовых убийствах мирных жителей-армян на железнодорожных станциях и обо всем том, что в конце концов заставило армян все-таки прибегнуть к ответным мерам. Именно пафос этого и других подобных выступлений воодушевил мусаватистских делегатов, и они один за другим стали обвинять партию “Дашнакцутюн” в национализме и разжигании межнациональных страстей. “Если дашнаки являются сторонниками мира, то что они сделали, чтобы предотвратить эти события, ”- спрашивает Кочарлинский. А Рустамбеков пытается в проект постановления внести следующие изменения, которые, однако, не были приняты. “1. Распустить татаро-армянские подразделения и 2. Отстранить от дел Дро и Пирумова ”. На этом агрессивном мусаватистском фоне довольно вяло прозвучало выступление дашнака Хачатряна о том, что “к несчастью, не удалось без предвзятости обсудить события. Сожжено около 18-ти сел (более или менее), и мы не имеем абсолютно никаких сведений из Шарур-Даралагяза и Нахичевана. Фактически весь государственный механизм уничтожен. Необходимо прежде всего детально обсудить все события (что нам за три дня не удастся), и выявить истинные причины безусловно печальных событий”. И трудно сказать, удалось бы отклонить предложение Рустамбекова, если бы Жордания, осуждая, с одной стороны, участие регулярной армии в разорении сел, с другой – не счел бы предательством блокаду и разрушение дорог и не призвал бы отнестись ко всем тем, кто мешает делу мира, как к предателям. А принятое Сеймом постановление было следующим:

1. “Эшелоны должны беспрепятственно отправляться на фронт;
2. Посылать на фронт смешанные подразделения;
3. Содействовать возвращению турок в свои села и оказывать им всяческую помощь;
4. Воевать против иранских курдов;

5. Воинские части должны подчиняться закавказским властям;

6. Назначить следственную комиссию.”¹

Комментируя пункты постановления, “Оризон” в номере от 10 марта в передовой пишет, что решения, принятые Сеймом, “соответствуют действительности и могут восстановить порядок в пределах губернии, если, конечно, не останутся благими пожеланиями, а решительным образом будут претворяться в жизнь.” Далее отмечая, что формирование смешанных эскадронов и их дислокация на путях сообщения, конечно, призваны содействовать безопасному движению, он добавляет: “Однако решения о смешанных подразделениях были приняты и ранее, к примеру, линия Тифлис-Садахло должна была контролироваться подобной смешанной воинской частью. Но, как известно, до сих пор такой части не существует. Решения, весьма похожие на эти, принимал и Комиссариат, но, к сожалению, они так и остались на бумаге. И если воинские части в различных районах подчиняются местным, а не центральным властям, причина этого как раз в том, что до сих пор решения центральных властей в большей своей части были платоническими пожеланиями” (выделено нами – Э.З.).

Вряд ли кто-либо, в том числе и председатель правительства Гегечкори, мог бы оспорить эти доводы “Оризона”. На самом деле Закавказский комиссариат был бессильным органом, и на этот раз слово не обернулось делом. Ереванский национальный совет должен был самостоятельно решать стоящие перед ним задачи. И Арам, уже убедившись в том, что только лишь призывами к миру врага не образумить, прибегает к карательным мерам. Об этом пишет А.Аствацатрян: “И потому, что все методы уже были испробованы, Арам, посоветовавшись с полководцами Силикяном и Дро и обсудив их умонастроения в Особом комитете, решил все-таки прибегнуть

¹ “Оризон” 10 марта 1918 г.

к решительным действиям. Первым делом он решил наказать большое турецкое село Улуханлу, причем так наказать, чтобы было это в назидание другим туркам. В конце февраля 1918 года Дро со своим войском осадил Улуханлу. До начала военных действий, по совету Арама, Дро предложил туркам сложить оружие и подчиниться властям. Напрасно. Тогда, переходя к делу, Дро сломил сопротивление турок, потопив их в крови, а село предал огню.¹ Однако С.Врацян иначе передает события в Улуханлу: «Утром 22 февраля 6-ой батальон и по одному батальону из партизанских полков со стороны пушечной батареи Клича двинулись к Улуханлу и заняли позиции у села. По предложению Арама, прежде чем приступить к боевым действиям, в село была направлена делегация в лице адвоката Г.Енгибаряна и известного торговца Гаджи Риза для того, чтобы еще раз попробовать убедить улуханлийцев по-мирному открыть дорогу. Однако они не приняли делегацию: множество вооруженных турок с флагами на боевых позициях распевали национальные песни.

И тогда Дро приказал наступать. Загремели пушки. Завязалась горячая битва. В это же время бои шли в Сурмалу, Камарлу, в районе Ювы.

До 5 часов вечера турки отчаянно сопротивлялись. В 5 часов армянские батальоны приступили ко всеобщей атаке. Противник был сломлен, бежал с поля боя врассыпную. Село было предано огню. Улуханлийцы приняли подданство и до конца оставались преданными Армении и впоследствии не подвергались никаким лишениям.² О потерях с армянской стороны в этих битвах мы узнаем из телеграммы, посланной Дро в Тифлис: 9 убитых, 32 раненых, среди которых двое – офицеры.

Подобным образом характеризует дальнейшее поведение улуханлийцев и А.Аствацатурян: «Будучи наказаны весьма

строго, они образумились, повинились и уже до конца оставались верными властям. Так было восстановлено железнодорожное сообщение с Александрополем и Камарлу.

Затем были наказаны турки Кохба, Сурмалу и Нор-Баязета, и их наступление было приостановлено. Однако враждебность турок Веди, Шарура, Нахичевани была на руку турецким военным планам.¹ (выделено нами – Э.З.).

Насчет улуханлийцев автор прав, но что касается других мусульманонаселенных районов Еревана и Сурмалу, то здесь антиармянские выступления так и не прекратились ни в конце февраля, ни впоследствии, вплоть до 1919-1920 гг. А какова была ситуация в Ереванской губернии в конце февраля 1918 года? Об этом четко и ясно говорится в следующем сообщении, направленном в Тифлис 27 февраля: «Положение в Ереване тревожно. 70 солдат из Давалу направились в Камарлу и по дороге попали в перестрелку, учиненную турками: десятеро из них вернулись ранеными, остальные 60 исчезли неизвестно куда. Предполагается, что их убили. Наши части в Камарлу сильно обеспокоены и требуют незамедлительно очистить дорогу от Давалу к Камарлу. Сегодня туда была послана делегация из представителей армян и турок, однако у села Овшар турки их остановили, разоружили конвой и, не пустив их в Камарлу, отправили обратно. Давалу и Реганлу окружены турками. Там непрерывно ведется перестрелка. Этим утром к нам прибыла тифлисская делегация и именно во время заседания с представителями делегации и было получено приведенное выше сообщение. Завтра делегация отправится в Давалу и Камарлу на бронированном поезде, а сегодня туда отправился комиссар Дро, чтобы успокоить солдат, потому что те предъявили ультиматум: если их отряду не будет предоставлена свобода действий, то солдаты совершат самосуд над капитаном Тарвердяном. В общем, положение довольно-таки серьезное.

¹ А.Аствацатурян, ук.соч., с.102-103.

² С.Врацян, ук.соч., с.133.

¹ А.Аствацатурян, ук.соч., с.103.

Все это о губернии. В городе ситуация спокойная. Взаимоотношения налаживаются и жизнь возвращается в нормальное русло.”¹

Как видим, военное положение в провинции не только не было отменено, но и со временем еще более углубилось. О причинах и мотивах враждебного отношения мусульман к армянам много уже сказано, и, следовательно, нет надобности снова останавливаться на них. А если мы постараемся подытожить и вкратце представить также и те причины, вследствие которых было невозможно с самого начала подавить, искоренить это зло, то должны отметить следующее:

1. Слабость и неорганизованность центральных и местных административных властей как следствие непоследовательной политики ОЗАКОМ-а и Закавказского комиссариата.
2. Недостаточную численность и слабость провинциальной милиции как следствие призыва в армию части армян-милиционеров и предательства турок-милиционеров (с оружием в руках они дезертировали и расходились по домам, а зачастую присоединялись к своим соплеменникам и возглавляли атаки на армянские села).
3. Невозможность использования воинских частей; во-первых, было невозможно везде держать войска из-за их малочисленности, и притом войска нужны были на фронте; во-вторых, использование армянского регулярного войска против мусульманского движения вызывало шумиху среди кавказских турок и недовольство Закавказского комиссариата.

¹ “Оризон”, 1 марта 1918 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТУРЕЦКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ (февраль-апрель 1918 г.)

Вторжение османской армии в Восточную Армению. Падение Сарыкамыша. Арам – диктатор. Антиармянские движения в Шаруре. Уничтожение железнодорожных линий, снесение эшелонов с рельсов. Грабежи и убийства. Бои за железнодорожную станцию Шахтахи. Разорение армянских сел. Самооборона Ханлухлара. Подразделение полковника Долухаяна в Шаруре. Созыв армяно-мусульманского собрания. Принятие решения о восстановлении мира.

Положение в провинции Нахичеван в начале 1918 года. Предупредительные меры джюльфинских армян. Формирование вооруженного отряда поручика Харазяна. Антиармянские происки мусульманского национального совета. Провозглашение Нахичеванского независимого ханства (22 февраля) и предложение о разоружении, обращенное к армянам. Межнациональные бои в Нахичеване и курды Маку. Межнациональные бои в провинции. Делегация Макинского сардара в Нахичеване. Позиция армян. Неудачная попытка сардарцев захватить Нахичеван.

Поход отряда Харазяна в провинцию. Разгром мусульманских банд и освобождение армянских сел. Вступление в Нахичеван. Подписание мирного договора (14 апреля).

После падения Эрзерума (27 февраля 1918 г.) действующие на этом отрезке фронта воинские подразделения патриотических сил неорганизованно и в панике отступали вплоть до Сарыкамыша. До Сарыкамыша дошли также и те несколько тысяч беженцев, которые, сопровождая войско, а иногда опережая его, шли по пути скитаний. Некоторая часть беженцев остановилась здесь, остальные дошли до Карса и продолжали идти дальше. В начале марта сюда прибыли и наступающие

османские войска. Казалось: они не переступят государственную границу, установленную в 1914 году, во-первых, потому, что нарушение перемирия, заключенного в Ерзнка, и вступление в Восточную Армению они объясняли желанием положить конец притеснениям турецкого населения со стороны армянских “четинцев”, а также потому, что 1 марта начались турецко-закавказские переговоры в Трапезунде вокруг разногласий сторон в территориальных вопросах.¹ Однако все было не так. Турки, как показали дальнейшие события, были приверженцами политики закрепления результатов дипломатических переговоров военными успехами. Поэтому они не только не остановились перед границей 1914 года, но и, сосредоточив там значительные силы, попытались атаковать и захватить Сарыкамыш. Именно здесь, на подступах к Сарыкамышу, воинские подразделения недавно сформированного армянского корпуса впервые вступили в бой с регулярными войсками турецкой армии. Велико было значение этого сражения, ибо успех непременно бы окрылил только что оперившиеся армянские вооруженные силы, а также подтолкнул бы к новым успехам, тем самым приостановив дальнейшее продвижение османских войск. Это возымело бы положительное влияние и на переговоры в Трапезунде и могло бы умерить аппетиты турок. Между тем неудача не только открывала дорогу на Карс и Александрополь, но и нанесла бы тяжелый морально-психологический удар по наспех (за 1-2 месяца) сформированному и еще не закаленному в боях нашему корпусу.

Безусловно, с точки зрения военной и тактической подготовленности противник имел преимущества, поскольку у армянской армии не только не было времени на это, но и на то,

¹ Закавказский комиссариат, информированный телеграммой Левона Карахана от 17 февраля об уступке Турции областей Карса и Батума, опротестовал это и заявил о своем непризнании Брестского договора, заключенного без его участия. Дальнейшие события показали, что ведение сепаратных переговоров с Турцией было фатальной ошибкой.

чтобы познакомиться, должным образом узнать друг друга: командиры – солдат, солдаты – командиров и друг друга. И если тем не менее армянам удалось в течение десяти дней удерживать продвижение неприятеля к Сарыкамышу, то и это в создавшихся тяжелых для армян условиях нужно считать немалой лептой. Возможно, они смогли бы сделать и больше, если бы не предательское дезертирство в последние дни боев за Сарыкамыш (особенно в партизанских отрядах). Но разве и это не является следствием неудовлетворительной подготовки воинов, когда только-только сформированные части направляются на передовую линию фронта. Как бы то ни было, анализ Сарыкамышского сражения выходит за рамки наших задач. Отметим лишь, что до сих пор нашими историками не выявлены и не исследованы истинные причины наших поражений. Более того, они предъявляют неуместные обвинения в адрес командования армянского корпуса и солдат, забывая о том, в каких тяжелых условиях были сформированы эти воинские части, и то, что воевали они против опытной в боях регулярной османской армии, которую обучали немецкие военные специалисты. В частности, невозможно согласиться с мнением А.Арутюняна насчет падения Сарыкамыша¹. “Если суммировать количество армянских воинских частей, рассеянных почти по всему Закавказью, - пишет А.Арутюнян, - от Сарыкамыш до Баку и учесть их дислокацию, нетрудно заметить следующие три особенности:

1. В исключительно короткие сроки, а именно: с декабря 1917 г. - по январь 1918 г. - армянский народ, несмотря на лишения и многочисленные жертвы, понесенные им с 1914 по 1917 г., тем не менее в деле формирования ар-

¹ Мы ссылаемся на мнение А.Арутюняна, так как он один достаточно подробно и глубоко изучил турецкую интервенцию в Закавказье в 1918 г. См.: А.Арутюнян. Турецкая интервенция в Закавказье 1918 г. и оборонительные бои. Ер., 1984 (на арм.яз.).

мянского корпуса проявил удивительную жизнеспособность и усердие, организационный талант и сноровку.

2. Невзирая на эти положительные стороны, командование корпуса, к сожалению, не смогло оперативно сориентироваться в вопросах основной направленности ожидаемой опасности, чтобы соответственно и своевременно дислоцировать войска. Армянские войска были рассеяны по всему краю и в тогдашних возможностях транспортировки было трудно совершать перегруппировки войск для усиления более опасного направления.
3. Не было предпринято никаких конкретных мер по согласованию действий между левым крылом грузинских и правым крылом армянских войск вплоть до активного продвижения турок и после него. Последствия всего этого не замедлили сказаться во время турецкого наступления, хотя неудачи объяснять только лишь этим — было бы неправильно. Были и другие причины.”¹

О других причинах автор так ничего и не сказал, и думается, что он обвиняет командование корпуса в том, что выходило за рамки компетентности последнего. Как дислокацией войск, так и согласованием действий между армянскими и грузинскими войсками ведало Общее командование закавказскими войсками², и никак не командование корпуса. Следовательно, вектор осуждения нужно было адресовать Закавказскому командованию. Другое дело, если бы речь шла о тактических ошибках, или о слабой военной подготовленности солдат, или

¹ А.Арутюнян, ук. соч., с. 141.

² Иногда в нашей историографии, а чаще в мемуарах война 1918 года называется армяно-турецкой войной. Это неверно. Войну следует называть турецко-закавказской, поскольку воюющей стороной считалась Закавказская республика, хотя и основная тяжесть пала на армянские силы (участие грузин было незначительным, а мусульманская дивизия не участвовала вовсе).

о слабой дисциплине. Кроме того, вряд ли можно согласиться с автором в вопросе выбора направления ожидаемой опасности. Однако, как уже было отмечено выше, подробное освещение хода сражения и причины неудач наших войск не являются задачей настоящего исследования. Хотя не последнюю роль в деле поражения наших войск сыграло и то, что одновременно с нападением турецких войск в Карсской области активизировались турецко-курдские бандитские группировки, непосредственно в тылу армянских войск совершая погромы, нападения на армянские села и отдельные воинские части, взрывая дороги и мосты. Мы поговорим о межнациональных войнах в Шарур-Нахичеване, развернувшихся в эти же месяцы, о войнах, которые, хотя и имели место в достаточно отдаленных от фронта районах, но тем не менее отнимали у руководства Армянского национального совета и командования армянских войск немало сил и внимания. Но, чтобы уверить читателя в том, насколько велико было значение Сарыкамышского сражения для западных армян, какие чаяния они связывали с ним, и как на них повлияло поражение наших войск, мы вкратце расскажем о событиях этих дней в Ереване. Речь пойдет о народных волнениях, шествиях и митингах, в результате которых Арам был провозглашен диктатором Ереванской губернии. Член Особого Комитета Аршалуйс Аствацатрян в телеграмме, отправленной в Тифлис 26 марта, представляет события следующим образом: “С самого утра 24 числа по городу молниеносно распространилась весть о падении Сарыкамыша, которая взволновала и потрясла всех армян. В тот же день, в 5 часов пополудни, в здании летнего клуба состоялся многочисленный митинг с участием рабочих, солдат, интеллигенции.

На митинге выступили многие, и все говорили о тяжелом положении, о грозящей опасности, которая нависла над многострадальным армянским народом, и о пущей необходимости мобилизовать все силы армянства для защиты отечества. Солдаты потребовали установить в рядах армии строжайшую дис-

циплину, предать всех дезертиров беспощадному суду и избрать для Еревана и губернии единого диктатора. По воле митингующих диктатором был избран Арам-паша.

А вчера, в 7 часов перед зданием Армянского национального совета в присутствии многотысячного народа под звуки военного оркестра состоялся парад войск. Арам-паша тепло приветствовал войска, затем с пламенной речью обратился ко всем, говоря о серьезности создавшегося положения, призвал самоотверженно встать на защиту отечества от внешних врагов до последнего дыхания, под конец поприветствовал с пожеланиями здравствования командира корпуса генерала Назарбеяна, командира Ереванского гарнизона, генерала Силикова, полковника Пирумяна, Армянский центральный и Ереванский национальный советы, весь армянский народ. И все с криками “Ура!” вторили ему. Настроение у армии, у всех было приподнятое. На днях из Еревана на фронт отправится большая группа интеллигентов, среди которых армянские врачи, учителя, юристы и др.”¹

К теме всенародного движения в Ереване и провозглашения Арама диктатором более обстоятельно А.Аствацатурян обращается также в своих мемуарах.² Отмечая, что диктатором Арам был провозглашен “не по собственной воле и желанию”, а по воле народа и что это ни в коей мере не было направлено против Национального Совета или Комитета³, он пишет: “Вы-

¹ “Оризон”, 30 марта 1918 г.

² Здесь автор по ошибке местом рождения Арама называет город Шуши, между тем его родиной было село Зейва (ныне – Давид-бек) Кафанского района, а в Шуши он переехал в юности с целью продолжения учебы в местной епархиальной школе.

³ Провозглашение Арама диктатором далеко не во всех общественно-политических кругах было воспринято с одобрением. В частности, Армянская народная партия и ее печатный орган “Мшак” назвали это стремление партии Дашнакцутюн к полновластию и шагом, направленным против Национального собрания.

бор был сделан внезапно, неожиданно даже для самих выдвигающих его.

Во время многочисленного общественного собрания при участии представителей всех слоев общества, где обсуждается чрезвычайно тяжелое положение, создавшееся в Ереване, в Арартской долине и смежных провинциях, выступают с речью военные и невоенные, и чувства и мысли всех собравшихся напряжены до предела. Ситуация кажется такой безнадежной, что для присутствующих остается один спасительный выход: сосредоточить всю власть в руках одного человека, наделив его чрезвычайными полномочиями, и полностью подчиниться ему.

И этим человеком в Ереване, конечно же, был Арам.”¹

Однако Арам так и не стал диктатором, его мягкий уступчивый характер, готовность советоваться с друзьями и совместно принимать решения по всем вопросам были не совместимы с образом диктатора с характерной для него железной волей. В тот же вечер провозглашения его диктатором на чрезвычайном заседании Национального Совета Арам, объясняя все случившееся упадком духа крайне отчаявшихся людей, заявил, что “хотя и для постороннего глаза он останется диктатором”, однако на самом деле не собирается вводить какие-либо изменения в действующее положение дел, все пойдет в том же русле, что и прежде, а хозяином в стране останется Национальный Совет.”²

* * *

В феврале 1918 г. в водоворот межнациональных войн попал и Шарур. Эта часть провинции (равнинная часть Шарур-Даралагяза) почти полностью была заселена мусульманами. Было всего семь армянских селений с численностью населения

¹ А.Аствацатурян, ук.соч., с.110.

² Там же, с. 111.

в 5000 человек. Кроме того, в этих селах обжились примерно тысяча беженцев из Западной Армении. И эти вот 6000 армян, окруженные тьмой мусульман, в феврале-марте 1918 г. бились насмерть против в несколько раз превышающих их силы числом и вооружением своих недавних соседей, ставших врагами. Местные мусульмане, хотя и давно поглядывали на соседей-христиан недобрый взглядом (в Шаруре было еще и одно ассирийское село), но вплоть до начала февраля это не оборачивалось бедой. 2 февраля у Баш-Норашена турки, прервав железнодорожную линию, повалили эшелон с оружием и боеприпасами, идущий из Еревана в Нахичеван, и ограбили его. Ежедневная газета "Оризон" об этом происшествии так информировала своих читателей: "Вчера, в 8.30, когда почтовый поезд со станции Норашен отправлялся в Шахтахи, турки остановили поезд: находившиеся в вагоне 11 вооруженных армянских солдат, вышли оттуда и, прыгнув на локомотив, заставили машиниста, оставив вагоны на станции Норашен, держать путь на Шахтахи. Между ними и турками завязалась перестрелка, во время которой пули во многих местах прострелили вагоны. Следующий военный поезд, под номером 25, идущий из Камарлу, не зная, что произошло на станции Норашен, двигался по маршруту и, по всей вероятности, не готовый к бою, был повержен в полтора верстах от Норашена. Турки разобрали рельсы. Локомотив и 6 вагонов сошли с рельсов и разбились. Погиб машинист, тяжело ранен его помощник, общее число жертв неизвестно. Немногие из уцелевших армян были ограблены, другим удалось бежать, остальных турки забрали в плен. Пассажиры 24-ого поезда (почти все – грузины и русские) турки, правда, оставили в живых, но всех ограбили. Количество армян, убитых и взятых в плен турками, достигает 5-6 сотен. Из поверженного поезда турки унесли около 1000 ружей и большое количество патронов. Путь на Норашен – закрыт."¹ Однако бо-

¹ "Оризон", 7 февраля 1918 г.

лее подробно события представлены в ряде статей сотника военного эшелона Папаши, напечатанных под рубрикой "По направлению к Шериф-хане", в нескольких последующих номерах "Оризона" от 11, 14 и 15 марта. Из его рассказа становится известно, что военный эшелон из 6 вагонов с сотней солдат шел в Шериф-хану для того, чтобы оттуда переправить в Ереван или Тифлис оружие и боеприпасы, оставленные русскими. В статьях подробно показывается, каких поистине сверхчеловеческих усилий стоило солдатам сотни с боем прорваться через плотное кольцо турецкого окружения, дойти до армянского села Улиа-Норашен и оттуда до Ханлухлара. Причем потери в этих боях со стороны сотни были: убитыми 9 человек, ранеными – 7, с турецкой стороны убитых – 17.

События у Баш-Норашена как бы послужили сигналом к тому, чтобы по всей провинции развернулись вражеские действия против армян. Однако турецкие предводители Шарура решили прежде покончить с армянским подразделением (1-ый батальон 6-ого полка), размещенным на станции Шахтахи для защиты станционного имущества. Естественно, что не только ограбление станционного имущества стоимостью в миллион привлекло сюда курдо-турецкий сброд. Как уже было отмечено, географическое положение Шахтахи было весьма важным со стратегической точки зрения. Одна из железнодорожных веток проходила отсюда на Баязет, обеспечивая снабжение Ван-Васпураканского фронта. Поэтому стремление турок захватить этот железнодорожный узел не могло быть случайным и не могло быть объяснено присущей им страстью к разбою.

4 февраля турки разобрали значительную часть железнодорожных путей, оборвали телеграфную связь, лишив тем самым армянское подразделение телеграфной связи с Ереваном. А 5-ого числа, вызвав командира батальона в Шахтахи, предъявили ему следующий ультиматум: "Армянский батальон в течение трех часов должен дать положительный ответ представителям турецкой интеллигенции на то, чтобы сдать

все учреждения станции Шахтахи туркам без высокого на то разрешения Ереванских властей с тем, чтобы на следующий день во главе с турецкими миротворцами им отправиться из Шахтахи в Ереван...¹

Возвратившись на станцию, командир батальона созывает собрание офицеров и ротных комитетов для обсуждения предъявленного турками ультиматума. Стремясь не обострять еще больше ситуацию, собрание принимает следующее решение: «Общее собрание офицеров 1-ого батальона и ротных комитетов от 5 февраля, обсудив ультиматум турецких представителей села Шахтахи о сдаче туркам и немедленном оставлении станции Шахтахи, единогласно решило: во избежание армяно-турецких столкновений сдать туркам станцию Шахтахи целиком при условии, что по одному представителю с армянской и турецкой сторон немедленно отправятся в Ереван для получения нужного распоряжения.»²

Обращение батальонного командования к Ереванским властям для получения согласия в вопросе сдачи станции Шахтахи объясняется не только требованиями военной дисциплины, что было бы естественно и понятно, но и той огромной заинтересованностью, опять-таки связанной со стратегически важным значением станции Шахтахи, которую проявлял Ереванский губернский армянский национальный совет. В телеграмме, посланной из Еревана в Тифлис еще в январе, по этому поводу сказано: «Категорически заявляем, что в отношении Шахтахи и смежных с ним линий с нашей стороны уступки недопустимы. Всю эту линию заняли мы и будем ее удерживать до конца. *Этого требуют наши жизненно-важные интересы.* Учтите это в вашей политике (выделено нами – Э.З.).

Однако утром следующего дня, не ожидая ответа от батальонного командования, турки со всех сторон открыли огонь

по станции. Бой продолжался около шести часов, потери батальона составили 4 человека убитыми (один офицер) и 22 – ранеными. Заслуживает внимания факт, лишний раз свидетельствующий о высоком моральном облике и человечности армянина: на время начала боя на станции находились около 300 безоружных турок (торговцы, пассажиры и др.), которых солдаты запросто могли бы уничтожить или же взять в плен на случай использования их во время переговоров с турками. Однако командир не только запретил стрелять по безоружным людям, но и разрешил им беспрепятственно удалиться в с. Шахтахи.¹ Слов нет, этот поступок командира, конечно же, свидетельствует о его миролюбии, но, как уже было отмечено, со стороны турок это воспринимается как признак слабости. Правда, при возобновлении переговоров они поблагодарили армян за великодушие, но все-таки стояли на своем, будто «батальон был обязан самым надежным образом обеспечить безопасную переправку утром 7 февраля 10-ти известных лиц из Шахтахи и 10-ти представителей 2-х тысяч курдов с правого берега р.Аракс в армянское село Ханлухлар и оттуда – в Ереван.»²

Но, как и следовало ожидать, и на этот раз турки слухавили: в полночь курды с правого берега Аракса попытались перейти реку (один из мостов контролировали армяне, другой – две сотни казаков), но были отброшены пулеметным огнем. Между тем, турки из Шахтахи ночью тайком пробрались до станции (примерно за 200 шагов до нее) и утром неожиданно атаковали армянские позиции. Ожесточенная битва продолжалась весь день, и в результате с армянской стороны было 5 легкораненых бойцов, турки же потеряли убитыми несколько десятков человек. Все разрешилось вечером, когда из Нахичевана подоспел батальон 66-ой дивизии и окружил село. Турки,

¹ «Ашхатанк», 21 февраля 1918 г.

² Там же.

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, ч.3-ья, л.523.

² «Ашхатанк», 21 февраля 1918 г.

оказавшись в затруднительном положении, подняли белый флаг. Между прочим, по рассказу одного армянина из русского батальона, выясняется, что появление этого батальона у Шахтахи было вовсе не случайным. «Наш эшелон, состоящий из солдат и офицеров разных воинских частей, выехал из Тебриза 1 февраля и с трудом доехал 6 февраля до Нахичевана. Здесь нам сказали, что макинские турки напали на армянскую дружину, находящуюся в Шахтахи, и что бой еще продолжается. Услышав об этом, солдаты нашего эшелона, примерно человек 700, немедленно сошли с поезда, сформировали на месте батальон из 4-х рот, избрали подполковника, ротных командиров, сотников, десятников и т. д.; попросили руководство железнодорожной станции отправить их в Шахтахи. Нашу просьбу удовлетворили, и мы отправились. Но до Шахтахи мы не доехали, потому что наш поезд с другого берега из засады обстреляли курды. Поезд остановился, все мы сошли, заняли позиции и открыли ответный огонь по курдам, которые вскоре отступили, скрывшись в скалах. Уже здесь мы услышали стрельбу из Шахтахи. Оставшийся путь мы прошли пешком. Приблизившись к станции, мы заметили, что находящееся в версте отсюда турецкое село также участвует в бою, стреляя с тыла и препятствуя свободным действиям дружины. Через нашего посланника мы потребовали у турок прекратить стрельбу, угрожая в противном случае разорить село. Жители села не только прекратили стрелять, но и приютили у себя на ночь около 30 человек из наших. Пока мы переговаривались с турками, стемнело и бой прекратился.»¹

8 февраля из Еревана в Шахтахи прибыл поезд с развевающимся белым флагом с миротворческой делегацией из 12 человек.² В тот же день на станции Шахтахи состоялось со-

¹ «Оризон», 1 марта 1918 г.

² В составе делегации были Нахичеванский хан, армянский епископ и 10 человек русских и турок.

брание с участием членов делегации и представителей как армянского, русского батальонов и казаков, так и представителей местных турок. Собрание продолжалось около 6-ти часов, в течение которых обсуждалось создавшееся положение. Действия армянского батальона были оценены по достоинству с точки зрения подчинения воинской дисциплине. Но как раз во время собрания поступило известие о том, что турецкие и курдские бандитские группировки напали на другой эшелон с казаками, шедший из Нахичевана в Шахтахи. Это сильно возмутило присутствующих на собрании русских и казаков, которые стали упрекать турок, что, мол, «по Нахичеванской дороге не было же армянского батальона или укреплений, почему тогда турки и курды напали на поезд?» Именно по их требованию собрание решило на территории от Джульфы до Улуханлу объявить военное положение. В первую очередь, отсюда отправятся 3 эшелона с казаками, и если из какого-либо турецкого села откроют по ним огонь – село будет разорено.¹

Казаки сдержали свое слово: по пути следования эшелона они разорили и подожгли 6 турецких сел, из которых по ним открывали огонь. Именно по этой причине они доехали до Улуханлу за 5 дней вместо 3-х часов по расписанию. Этим эшелонам были переправлены также 27 раненых армянских солдат.

Нелишне будет отметить, что возвращающимся из Ирана русским войскам, о чем пишет тогдашняя пресса, исключительно силой оружия удалось открыть линию Джульфа-Улуханлу. И хотя изучение этих обстоятельств не является нашей прямой задачей, но чтобы читатель убедился, насколько трудно было преодолеть этот отрезок пути, приведем свидетельство из газеты «Оризон» от 24 февраля. «Эшелон следовал по военному маршруту только в дневное время, проходя по 25-30 верст за день. Упреждая эшелон, впереди ехали мастера-железнодорожники, которые ремонтировали разобранные

¹ «Ашхатанк», 24 февраля 1918 г.

рельсы. В некоторых местах были отвинчены винты, крепления мостов ослаблены. Мастера тщательным образом осматривали дорогу и ремонтировали разрушенные участки. У местечка Волчи Ворота мы столкнулись с хорошо вооруженными курдами и засевшими в засаде турками. Они открыли огонь. И так как ружейными выстрелами было невозможно выдворить их из окопов, войско заняло позиции на высоте и открыло по ним пулеметный огонь. Турки, оставив окопы, бежали, оставив за собой 300 трупов. С нашей стороны было пятеро раненых и убитый один солдат. Далее до Улуханлу мы проехали без происшествий. В Улуханлу мы снова столкнулись с вооруженными турками. Началась перестрелка. Потерь у нас не было. Турки убежали, оставив убитыми 50 человек.

Уставшие и изнеможенные тринадцатидневным путешествием, 20 февраля мы доехали-таки до Тифлиса.”

После ухода казачьих частей положение оставшегося в Шахтахи армянского батальона день ото дня ухудшалось: отрезанный от внешнего мира, лишенный возможности снабжения боеприпасами и продовольствием¹, батальон не продержался бы долго. Поэтому командование приняло решение оставить Шахтахи и отступить к Ханлухлару. Так и сделали: в середине февраля прибывший в Шахтахи другой русский эшелон забрал с собой армянский батальон и примерно 10-12 дней оставался в Ханлухларе. Затем, оставив в деревне роту (150 солдат с двумя пулеметами), батальон отправился в Ереван.

Однако после отправки армянского батальона положение армянского населения района становилось все хуже и хуже, турецкие и курдские объединенные бандитские группировки открыто готовились к выступлению против армян. “Утром 27

¹ Прибывшие 8 февраля в Шахтахи казаки и русские солдаты, узнав о том, что два дня назад турки разграбили склад взрывчатых веществ, стали грабить остальные склады, оправдываясь тем, что, мол, все равно, турки или курды сделают это. (“Оризон”, 1 марта 1918 г.)

февраля турки из соседнего района совместно с иранскими курдами и турками атаковали села района, начиная с села Вармазиар, - читаем в письме-прошении жителей сел Вармазиар, Алаклу и Кштах, представленном командиром 6-ого полка полковником Долуханяном. – Армянское население сел Вармазиар, Алаклу и Кштах, не сумев противостоять врагу из-за неблагоприятных условий, отошло в Ханлухлар, чтобы не быть поглощенным огнем, которым были охвачены их села.”¹

Разоряя и опустошая оставшиеся без защиты села, бандиты атаковали также и Ханлухлар, однако встретили здесь ожесточенное сопротивление роты солдат и присоединившихся к ним около 800 сельчан. За время продолжавшихся всю неделю боев защитники села из заранее вырытых окопов открывали прицельный огонь и отразили несколько атак противника, нанося ощутимые потери живой силе и заставив прекратить осаду села и отступить. Однако нависшая над селом опасность после этого не перестала грозить ему. Было ясно, что турки собравшись с силами, попробуют снова атаковать и захватить село. Кроме того, было время полевых работ, между тем беженцы, остановившиеся в Ханлухларе, вернуться в свои села не могли.

Нужна была срочная помощь и ханлухларцы обратились за нею в Ереван. В номере ежедневной газеты “Занг” от 13 марта читаем: “Вчера прибывшие в Ереван посланники Армянского национального совета рассказали следующее: Дашарх, Вармазиар, Алаклу, Тазаканд и ассирийское село Сиагут сожжены и уничтожены. Спасшиеся жители этих сел собрались в Ханлухларе, который осажден турками и курдами. С 28-ого февраля здесь идут жестокие бои под предводительством Машади Аласкиар Гамзаева из Ернджа. Бои и сейчас продолжаются. Однако, скорее всего армянам Шарура придется сдаться осаждающим, так как воду им закрыли. Они ждут вашего распоряжения и просят о помощи.”

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, часть 2, л.283.

В другой статье этого же номера газеты говорится о том, что “Ереванский армянский национальный совет обсудил также шарурские события. Полковник Пирумов сообщил, что в тот день к нему явились шарурцы и рассказали о том, что несколько сел Шарура, в частности, Ханлухлар и Норашен, окружены, и что они просят о помощи, однако, сам Пирумов ничем помочь не может, потому что командир дивизии находился в это время вне города. Национальный совет решил отправить одного из членов совета к генералу для выяснения ситуации и с просьбой о необходимой помощи.”

Но поначалу Армянский национальный совет вознамерился мирно разрешить дело, для чего и послал в Шарур делегацию, которая, однако, до места не дошла. В связи с этим глава делегации Гарегин Енгибарян телеграфирует в Армянский национальный совет из Камарлу (14 марта), что дошедшие пешком железнодорожные мастера рассказывают, что у села Ерджа, которое находится недалеко от Баш-Норашена, турки ограбили иранских делегатов, следовавших из Тифлиса в Джульфу, и предали мечу армян, находившихся в поезде. Без сильного военного сопровождения невозможно наше дальнейшее продвижение¹ (выделено нами – Э.З.).

Думается, делегация приняла правильное решение, потому что ее, несомненно, ожидала та же участь вырезанных турками армян. Верно было одно: выслать на помощь войско. И по распоряжению генерала Силикяна дислоцированный в Вагаршапате 6-ой полк под командованием полковника Долуханяна отправился в Шарур и дошел до места 22 марта, так как по пути пришлось усмирять волнения в нескольких беспокойных селах. Однако выяснилось, что шарурцы не хотят здесь больше оставаться. Они потребовали, чтобы Долуханян препроводил их в какой-нибудь армянский район.

23 марта в Ханлухларе Шарурское провинциальное отде-

ление Армянского национального совета провело заседание, на котором было принято следующее решение: “Национальный совет Шарурского района, в частности, все предводители армянских деревень района, 23 марта, на совместном заседании, обсудив настоящее критическое положение дел, приняли решение о переселении из Шарура, для чего обратились к полковнику Долуханяну, командиру 6-ого армянского полка с просьбой о содействии в переселении во имя спасения жизни и чести наших детей и жен.”¹

А на следующий день, 24-ого, в представленном Долуханяну прошении они написали: “Хорошо зная наших соседей-турок, мы не верим ни одному их обещанию.” Далее, отмечая, что собираются покинуть эти места вместе с полком, они добавляют: “Пусть лучше наши дети умрут от голода в каком-либо армянском районе, чем погибнут от меча турка.”²

Потерпев неудачу в Ханлухларе, естественно, турецкие бандиты не посмели бы напасть на Улиа-Норашен, который был самым крупным армянским селом в районе (около 1500 жителей), и кроме того село находилось в более выгодном положении с точки зрения естественной защищенности, нежели Ханлухлар. Тем не менее, судя по прошению, представленному улиа-норашенцами полковнику Долуханяну, они, опасаясь внезапного нападения, в эти дни оставили село и заняли позиции на ближайшей высоте, которая была недоступна В прошении сказано: “Честь имеем обратиться к Вам, господин полковник, и смиренно просить о нижеследующем:

1. если вы намерены переселить армянские села района, то переселите и нас вместе с ними;
2. если же переселение невозможно, то Улиа-Норашену необходимы с полроты солдат с ротным командиром, который возьмет руководство также и над местными

¹ “Занг”, 16 марта 1918 г.

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, часть 2-ая, л.285.

² Там же, л.283.

вооруженными воинами, тем самым станет такой силой, которая сумеет организовать самооборону и с легкостью наладит связь с Ханлухларом и Даралагязом.

Вы сами видели, господин полковник, что все наши семьи до сегодняшнего дня находились в невыносимых условиях, без каких-либо удобств на самой вершине неприступной горы, но как бы то ни было дальнейшее пребывание их здесь становится невозможным, так как с потеплением в природе пробуждаются змеи и скорпионы, которые для нас представляют не меньшую опасность, нежели турки. Дней через 10-15 наши семьи должны будут спуститься вниз и жить в домах, для чего и нам необходимы те полроты солдат с одним офицером. Настоятельно просим не отказывать нам в просьбе.”¹

Конечно, полковник Долуханян не мог бы организовать переселение армян Шарура (да и куда, собственно?) и не имел полномочий для этого. Единственное распоряжение, полученное от Ереванских губернских властей, было относительно примирения местных армян и мусульман. Поэтому 25 марта в селе Сиагун он проводит собрание с участием представителей всех армянских и мусульманских сел Шарур-Даралагязской провинции, на котором принимается следующее решение.

1. Обсудив создавшееся положение, (решили – Э.З.) забыть вражду между собой и искренне, с чистым сердцем помириться.
 - поскольку ношение оружия не может способствовать этой цели, все единогласно решили не выходить из дома с оружием в руках.
2. Необходимым условием, призванным объединить наши две нации, было принято следующее: избрать комиссию из 4-х мусульман и 4-х армян и непременно с нейтральным председателем, которую уполномочить претворять в жизнь принятые на сегодняшнем собрании решения

¹ Там же, л.286.

(собрание разработало следующие мероприятия):

- при возникновении какого-либо недоразумения комиссия вправе требовать сдачи виновного и, по своему усмотрению, либо сама наказывает его, вплоть до применения смертной казни, либо препровождает его в Межнациональный совет.

Реальной силой должны стать предусмотренные по штату 120 милиционеров, в обязательном порядке по 60 человек с армянской и турецкой сторон. В связи с этим просьба к председателю комиссариата назначить вышеуказанных милиционеров из другой провинции как нейтральных лиц.¹

В последнем пункте этого же документа сказано, что, по просьбе прибывшего из Нахичевана Рубена Давидянца, было решено послать в Нахичеван комиссию из 10 человек (по 5 армян и турок), чтобы они возвестили о восстановлении мира в Шаруре и успокоили бы местное население.

Не переоценивая роли созданного генералом Долуханяном собрания в деле установления мира в провинции, тем не менее надо отметить, что после него страсти в некоторой мере улеглись и вплоть до июня, то есть до появления османских войск в Шаруре, крупных межнациональных столкновений не было. Но не было конца нападениям на поезда и пассажиров-армян. Вот, к примеру, что сказано в телеграмме от 5 мая 1918 года члена Ереванского армянского национального совета Мусиняна Закавказскому комиссариату: “8-ого апреля в Нахичеван нами была направлена делегация под предводительством Панах-хана и Гаджи Мирза Казимова. В составе этой делегации армяне категорически отказались принять участие, поскольку считали, что нет гарантии сохранения им жизни. Возвратившись, члены делегации оповестили, что отношения между армянами и турками стабильны и что теперь можно свободно следовать поездом до Нахичевана. Поверив этим заявлениям,

¹ Там же, л.279.

армяне согласились войти в состав второй делегации под руководством инженера Маркова.” Далее отмечается, что миссией делегации являлось восстановление регулярного железнодорожного сообщения, укрепление добрососедских отношений между армянами и турками, а также организация вывоза из Джульфы оставшихся там русских.¹ Однако Мусинян далее продолжает, что “согласно сообщениям помощника комиссара губернии Аллахира Султанова, эшелон с делегацией 2 мая около Шахтахи подвергся нападению, и все, без исключения, 16 находящихся в нем армян были вырезаны, и в их числе представитель Национального совета Левон Мушегян. Всех турецких представителей делегации: Боивк-хана Ереванского, Мухаммада Абаса Рагимова и инженера Мухаммад-бека Мухамбекова, как и служащий персонал поезда – они и пальцем не тронули. Бездействие членов турецкой делегации и их безразличие просто поразило Армянский национальный совет: они ничего не сделали для спасения жизней делегатов-армян. Ни разу еще во время следования совместных делегаций по армянской части турецкие представители не были даже ранены, иначе и быть не могло, потому что нападающим пришлось бы тогда перешагнуть через трупы делегатов-армян.” В конце подчеркивая, что в ответ на то, что Армянский национальный совет, не жалея сил, мобилизует все свои ресурсы для установления мира в губернии, улучшения взаимоотношений между армянами и турками, противоположная сторона осуществляет подобную кровавую резню, он добавляет: “Армянский национальный совет возмущен подобным варварским отношением и с категорическим требованием обращается в Закавказское правительство с тем, чтобы им немедленно выделили бронированные поезда для обеспечения безопасного железнодорожного сообщения между Ереваном и Джульфой, также для пере-

¹ Около 800 железнодорожных и других служащих, в основном русских и грузин, скопилось в Джульфе по пути из Ирана.

возки из Джульфы оставшихся там русских. Совет требует также наказать бесчинствующие бандитские группировки.”¹

Конечно, возмущение Мусиняна понятно, но, как известно, читать наставления волку - дело пустое. Почему, спрашивается, Национальный совет посылает этих армян в логово зверя? Ведь можно же было обойтись без армян, включив в состав делегации русских, грузин и др.; или же, скажем, взять в заложники нескольких турок из Еревана и близлежащих районов и пригрозить убийством в случае, если с армянскими делегатами что-либо случится. Можно было найти и другие способы обеспечения безопасности делегатов. Но ничего сделано не было. Следовательно, толика вины за смерть этих невинных людей лежит и на совести Армянского национального совета. Кстати, в сходной ситуации Ереванский мусульманский национальный совет при малейшем сомнении отказывался предоставлять делегатов. Так было и на этот раз. 10 мая Ереванский губернский межнациональный совет обратился к мусульманскому национальному совету, предлагая отправить двух делегатов для сопровождения воинской части, следовавшей в Джульфу на церемонию открытия железнодорожного направления Ереван-Джульфа, а также в связи с расследованием убийства Мушегяна и его товарищей. На следующий день, 11 мая, мусульманский совет ответил, что, якобы “предназначенные для этой миссии лица” опасаются в связи со случившимся с Мушегяном и его товарищами и отказываются выполнять возложенную на них обязанность, “из-за чего и мусульманский совет решает, если Армянскому национальному совету нужно, то пусть он срочно посылает телеграмму в Баш-Норашен для того, чтобы из Баш-Норашена отправили мусульманскую делегацию для содействия и сопровождения поезда из “Гайли Друнка” до Шахтахи, так как до деревни Давалу никаких

¹ “Оризон” от 10 мая 1918 г.

препятствий быть не может.”¹ С уверенностью можно сказать, что мусульманский совет никого и не предусмотрел для этой миссии, а сам проявил осторожность.

Полковник Долуханян недолго оставался в Шаруре. Сменив Ханлухларскую роту на другую, более усиленную, в конце марта вместе со своим полком Долуханян возвращается в Вагаршапат с намерением отправиться оттуда на Карсский фронт. В эти дни положение на Карском фронте резко ухудшилось: бои за Сарыкамыш завершились под конец победой турок, и теперь настала очередь обороны Карса, но об этом чуть ниже, а пока вернемся к событиям за это же время в Нахичеванской губернии.

В интересующий нас период времени Нахичеванская губерния представляла собой район, заселенный преимущественно армянами и азербайджанцами, причем с некоторым численным превосходством последних. Согласно Кавказскому календарю 1916 года национальный состав населения губернии представлял следующую картину.²

	Армяне	Азербайджанцы	Курды	Греки, русские, ассирийцы и др.
Нахичеванская губерния	51365	69716	517	610
г.Нахичеван	2665	6026	-	243
Всего	54030	75742	517	853

Конечно, если во время армяно-татарских столкновений 1905-1906 гг. армяне не были бы столь неподготовлены и за-

стигнуты врасплох, не понесли бы так много потерь, то в 1916-ом армян в губернии насчиталось бы больше. Тем не менее после этих событий здесь, как и в других провинциях Ереванской губернии, между народами установился мир и в общей сложности вплоть до начала 1918 года он не нарушался. Правда, нападения на эшелоны по территории губернии в это время уже стали привычными, но на армянские села нападений пока еще не было, не считая, конечно, угонов скота, что для мусульманского мира дело естественное и обычное. Однако то, что горький опыт 1905-1906 гг. возымел для нахичеванских армян серьезные последствия, стало очевидным в марте 1918 года, когда они сумели не только успешно сопротивляться врагу, но и побеждать. Да, на этот раз нахичеванские армяне не были застигнуты врасплох действиями вероломного соседа. Предчувствуя приближающуюся напасть, армяне стали организовываться и приобретать оружие. В связи с этим весьма характерна деятельность джюльфинских армян, которые не только сами готовились, но и всячески препятствовали тому, чтобы оружие, оставленное русскими, перешло туркам. 2 января 1918 года армяне Джюльфы организуют подкомитет Национального совета под предводительством Юзбашяна, врача по профессии. В телеграмме, посланной в связи с этим Армянскому национальному совету в Тифлис, сказано: “Мы, джюльфийские армяне, будучи немymi свидетелями присвоения народного имущества и богатства Российской республики, обсудив на общем собрании создавшееся на фронте положение, избрали подкомитет национального совета. Приветствуя Армянский национальный совет, мы просим утвердить состав подкомитета и выслать директивы. Население выражает свою готовность ко всеобщей мобилизации.”¹

Подкомитет в Джюльфе приступил также к формированию вооруженных сил, и вскоре под руководством поручика Хара-

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, часть 2, л.316

² Кавказский календарь, 1916, с.215-216.

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, л.67.

зяна был собран довольно боеспособный отряд, который впоследствии сыграл значительную роль в развернувшихся в губернии в марте – апреле 1918 года сражениях.

В телеграмме от 24 января, отправленной из Джульфы в Тифлис, сказано, что 22-ого числа местные турки с целью грабежа напали на артиллерийский склад боеприпасов, “однако Харазяну удалось отстоять восемь пушек и вернуть часть награбленного имущества.”¹

В феврале положение в губернии еще больше обостряется. “Настроения в Нахичеване весьма натянуты, - рассказывает учитель Кравец, выехавший 8 февраля из Нахичевана вместе с 4-ой дивизией. - С минуты на минуту ожидаются столкновения между армянами и турками. Турецкое население ведет себя угрожающе по отношению к армянам. В атмосфере пахнет кровью. Армяне, живущие в турецких кварталах, во избежание погромов и избиений переселяются в армянские кварталы, турки же, в свою очередь, - переселяются в турецкие районы. Армянская церковь в турецкой части закрыта, церковная утварь перенесена в другую церковь. В городе закрыты школы, также закрыты многие учреждения.”²

Обострению межнациональных отношений в губернии во многом способствовал мусульманский национальный совет, который прибегал к явной провокации и открыто вел к разрыву. Так, он предложил Нахичеванскому Армянскому национальному совету отправить совместную делегацию в Тегеран с просьбой к персидскому шаху включить Нахичеван в состав его государства. Когда же армяне отклоняют это предложение, на многолюдном собрании 22 февраля мусульманский совет провозглашает Нахичеван независимым ханством, отлично сознавая, что и это не может быть принято местным армянским населением, что, в свою очередь, возбудит злость и вра-

ждебное отношение мусульман. После провозглашения независимости Нахичеванский хан еще раз обращается к армянам, предлагая им разоружиться и подчиниться ему, но получает отрицательный ответ.¹

Так день ото дня накалялась атмосфера в губернии вплоть до взрыва в марте; и началось на этот раз именно с г.Нахичевана. Как всегда зачинщиками были турки: 2 марта по дороге в ближайшее от Нахичевана армянское село Караханбеклу они напали на людей, сопровождающих повозку, на которой перевозили труп (турки подумали, что в повозке перевозят оружие). Стычка вспыхнула и охватила весь город. Нахичеванский армянский национальный совет ранее позаботился о формировании боевых отрядов, но турки в несколько раз превосходили армян числом и вооружением. Поэтому в течение первой недели боев они имели некоторое преимущество. “В первые дни турки напирали, с их стороны были три пушки; они разрушили церковь Св.Геворга и большие здания, - рассказывает уполномоченный по Нахичеванской губернии Ереванского армянского национального совета Г.Кочарян в своем докладе на Совете. - Они потребовали от армян разоружиться, но мы перешли в наступление и разорили село Сарванлар, насчитывающее 5-6 сотен домов.”² Хотя в докладе не было отмечено, но наступление это стало возможным лишь после того, как подоспела помощь из Джульфы (около 250-300 солдат, 2 пушки и 2 пулемета). Джульфа, которая целиком была армянской, в эти весенние тревожные дни стала центром, к которому обращались с просьбой о помощи как села, так и город Нахичеван. Поручик Харазян вынужден был формировать из имеющегося у него ограниченного резерва (около 1000 солдат) боевые отряды и посылать то в одно, то в другое наиболее подвергавшееся опасности место. Ему удалось усмирить несколь-

¹ Там же, л.521.

² “Оризон”, 24 февраля 1918 г.

¹ “Занг”, 3 марта 1918 г.

² “Оризон”, 1 мая 1918 г.

ко беспокойных турецких сел и заставить прекратить нападения на соседей армян. Он смог также открыть дорогу на Гохтан и обеспечить деятельность железнодорожного направления Джульфа – Нахичеван. И вообще, надо отметить, что деятельность поручика Харазяна за этот период была выше всякой похвалы, но как и в ряде других случаев, имя его, к сожалению, осталось в тени, несмотря на ту огромную роль, которую он сыграл в судьбе нахичеванских армян в ту жестокую весну 1918 года.

Но вернемся к боям, развернувшимся в Нахичеване. Падение квартала Сарванлар очень сильно повлияло на боеспособность турок, и те предложили заключить мир. “Турки предложили заключить мир, - пишет Г.Кочарян, – но мы им не поверили (ибо сколько раз они нас обманывали!) и предприняли новое наступление на турецкий квартал Хошуллу, после чего потребовали от них сдать пулеметы. Турки обещали сдать их и опять обманули, все откладывали “на завтра”, говорили - сдадим, но без предохранителей, и потом – не сдали-таки до тех пор, пока не подспели курды, тогда они снова атаковали, но были отброшены назад. Наше требование так и осталось требованием. Под конец их ответом явилось то, что со стороны Сардара прибыли делегаты – 2 армянина и 2 турка, которые предложили помириться с условием, что не станут требовать друг у друга оружия. Мы посчитали излишним переговариваться с ними. После отправки делегации новых предложений не было: с двух сторон напряженные боевые действия продолжаются.”¹

Подобная картина развернувшихся в Нахичеване боев предстает и в рассказах двух всадников, которые 1 апреля отправились из Нахичевана через Зангезур и Нор-Баязет в Ереван. Однако здесь интересен не столько сам ход военных действий, сколько политика Макинского сардара: бои продолжа-

¹ Там же.

ются непрерывно в течение месяца, и сардар не торопится с предложениями о мире. Более того, он посылает своих курдов на помощь нахичеванским туркам. И лишь когда армяне разгромили и их, он становится в позу миротворца, посылая в Нахичеван двух делегатов-армян с письмом “ко всем почтенным армянам города”. Полный текст этого письма под заголовком “Письмо Макинского сардара (хана) армянам Старого Нахичевана” опубликовал “Оризон” в номере от 5 мая 1918 года. Особенно достойны внимания те строки письма, в которых автор делает замечания и пытается поучать: “Если вражда между вами и местными турками носит территориальный характер, то она безосновательна, потому что это проблемы государственные, а не частные. Сейчас в России царит анархия, которая может продолжаться долго. Но тем не менее не следует пользоваться этим. Ни вы, ни местные турки не могут распоряжаться судьбой этих мест. Подумайте хорошенько, и вы придете к заключению, что эта вражда не имеет под собой почву и не может иметь положительных последствий.

Если вражда между вами имеет религиозную почву, имейте в виду, что ни армянская и ни турецкая духовная знать священной войны не объявляла.

А если эта вражда безосновательна, то зачем проливать невинную кровь, оставляя сирот и вдов, разрушать и предавать огню благоустроенные дома и жилища?

Как *сосед и человек* считаю своим нравственным долгом обратиться к обеим сторонам со своим добрым советом и с этой целью направляю к вам своих двух представителей.”

Во-первых, сардар не забывает напомнить нахичеванским армянам, что они “в Персии к своим братьям-армянам” относятся “доброжелательно и мирно” и советуют, чтобы и нахичеванские армяне также относились к местным туркам, часть из которых персидскоподданные, а другая часть – родственные им и многие даже “приходятся им родней”. “Вот почему я снова прошу не доводить до того, чтобы я вынужден был вме-

шаться в это недостойное и грязное дело и силой оружия обеспечить их защиту, что – не приведи Господь – может породить вражду между нами, которая может длиться вечно,” – так высокомерно поучает сардар, своим моральным долгом считая “предупредить о тех результатах, которые могут быть следствием стечения обстоятельств” и так далее, и так далее. И в конце он добавляет: “Туркам я также уже приказал успокоиться и заключить с вами добровольный мир, если вы пожелаете. Если наперекор моему желанию турки не захотят мириться, я могу их заставить подчиниться моей воле. А если обе стороны пожелают все закончить миром, я беру на себя миссию *выслать вам ответственного человека, который останется среди вас (армян и турок) в качестве посредника до тех пор, пока не прояснится общая обстановка, и в России не установится закон и порядок*”¹ (выделено нами – Э.З.).

Нетрудно догадаться, что именно в последних строках послания и зарыта собака (как принято говорить о скрытых намерениях). Сардара беспокоит не “безвинно пролитая кровь”, которая уже месяц, как проливается, а желание стать хозяином Нахичевана: посылаемый им посредник призван стать его представителем, исполняющим его волю, осуществляющим его власть в краю. Тем более что он уверен: “в России анархия может продлиться еще долго”, поэтому надо воспользоваться этим, охватив край в сферу своего влияния или, может быть, возродить ханства. Однако эта дипломатическая “гибкость” Макинского сардара не имела успеха: “бессовестные” армяне догадались о его намерениях и ответили сардару отказом в еще более гибкой форме. Ответное письмо нахичеванских армян от 26 марта на самом деле представляет собой блестящий образец тончайшей дипломатии как по форме, так и по содержанию. Оно совершенно до такой степени, что с трудом понимаешь, что авторы-то – простые люди, более чем далекие от диплома-

тии. Намекая на то, что сардар предлагает выкурить трубку мира с опозданием на три месяца, они пишут: “Нахичеванский армянский национальный совет с большим воодушевлением принял ваших делегатов и с огромным вниманием выслушал текст Вашего послания.

Совет был очень возмущен тем, что представители мусульман не смогли или не захотели перед Вашим Сиятельством раскрыть всю мелочность и всю абсурдность намерений своих чрезмерно увлеченных соплеменников, которые в течение продолжающихся более чем три месяца актов вандализма в губернии и 23-х дневных жестоких боев в городе, опьяненные своим фанатизмом, делают все без разбору, не останавливаясь ни перед кем.”¹

В создавшемся в губернии положении Национальный совет также опосредованно обвиняет сардара. Все, что имело здесь место: разрушение железнодорожных путей, рытье окопов у развилок дорог для устраивания засад, перестрелки, сколачивание банд с целью совершения грабежей и убийств, подстрекание лояльно настроенных армян и мусульман друг против друга, провокация – одним словом, весь этот действительный ад эти наивные агенты, новоявленные Дон-Кихоты наших дней без утайки и явно приписывают подданным Вашего Сиятельства, тем самым оказывая медвежью услугу своему хозяину.

Таким образом, если верить этим людям, получается, что вы и являетесь инициатором вакханалии, на которую Вы соизволили намекнуть в Вашем письме. Поскольку ведь это непозволительно, чтобы подданные Вашего Сиятельства столько времени и в таких масштабах совершали бы подвиги, а все их деяния оставались бы неведомы Вашему Сиятельству.

Если на самом деле среди этих свирепых людей есть и Ваши подданные, как утверждают наши мусульмане, то мы,

¹ “Оризон”, 5 мая 1918 года.

¹ “Оризон”, 10 мая 1918 г.

армяне, уверены, что Вы никогда не согласились бы, чтобы они продолжали оставаться рядом с нашими мусульманами и сеяли бы смуту среди нас.¹

Как видим, Нахичеванский армянский национальный совет без сомнения возлагает всю ответственность за разжигание межнациональных войн на Макинского сардара. Это, конечно же, завышенная оценка деяний сардара, поскольку здесь не учтен османский фактор. Между тем, из телеграммы представителя Закавказского Сейма в Нахичеванской губернии, отправленной 10 апреля в Тифлис, следует, что *“нахичеванские ханы открыто объявили, что они действуют согласно директивам Макинского хана и турок, что они не знают никакого Закавказского сейма и России”*² (выделено нами – Э.З.). Мы, естественно, не придерживаемся мнения, что нахичеванские армяне не были осведомлены о деятельности османских эмиссаров в губернии. А по поводу того, что за все случившееся в губернии обвиняется лишь один сардар, так это повод, чтобы он почувствовал всю степень ответственности и прекратил бы домогаться губернии. Кстати сказать, в продолжении письма делается подобное предупреждение. *“Искренне говорим Вам, что нас ужасает даже мысль о том, чтобы просто пролить кровь тех, кто послужил бессознательным орудием в руках людей, ни перед чем не останавливающихся ради власти. Подумаем же о завтрашнем дне. Ведь русские окончательно не вымерли и кавказские народы не должны омрачать свой ум безнадежностью. Что же ответят тогда авторы этого безумия? Ведь не могут же они избежать ответственности за безвинно пролитую кровь, не оплатит миллионный имущественный ущерб”*³ (выделено нами – Э.З.).

¹ Там же.

² Г.Мадатов, Победа советской власти в Нахичеване и образовании Нахичеванской АССР, Баку, 1968, с.46.

³ “Оризон”, 10 мая 1918 года.

Как видим, здесь даже есть угроза по поводу будущей ответственности, что не могло не иметь воздействия. Что же касается установления мира в губернии, то Национальный совет от имени армян Нахичевана заявляет о своей готовности “претать забвению все случившееся и протянуть братскую руку нашим мусульманам в знак примирения”, но чтобы развеять иллюзии сардара насчет губернии и заставить его отозвать своих агентов из Нахичевана в конце добавлено: “А о положении в губернии доложено Кавказскому комиссариату, который принял меры и уже выслал из нескольких мест усиленные карательные отряды вместе с делегатами, о чем считаем своим долгом уведомить Ваше Сиятельство.”¹

Такова была позиция Нахичеванского армянского национального совета по отношению к посредничеству Макинского сардара и данный ему ответ. Насчет карательных отрядов, якобы посланных Кавказским комиссариатом, и принятых мер, конечно, неправда, но, видимо, подобная ложь была необходима для отрезвления сардара. Остается добавить, что Национальный совет не преминул выразить искренние чувства дружественному персидскому народу: “По отношению к нам, армянам, - говорится в письме, - дружеское расположение славного персидского руководства хорошо известно, и мы искренне желаем навсегда сохранить эти отношения. *И пусть Вам будет известно и то, что в мире нет другого такого народа, который бы любил Персию более армян, и любовь эта родилась не сегодня, а корни ее уходят далеко вглубь общей истории. Мы – дети одной матери”*² (выделено нами – Э.З.).

Мы не собираемся искать в анналах истории подтверждения сказанному о “детях одной матери”, пусть это остается тайной Нахичеванского армянского национального совета, но

¹ Там же.

² Там же.

мы не можем еще раз не выразить своего восхищения авторам этого послания.

Однако бои в губернии, несмотря на продолжающиеся переговоры между Макинским сардаром и Нахичеванским армянским национальным советом, все еще шли.

В докладной от 1 апреля Ереванскому национальному совету представитель Нахичевана Г.Кочарян пишет о ситуации в губернии: "Уже ровно месяц, как в Нахичеванской губернии начались столкновения между армянами и турками, охватившие город и селения. Несмотря на наши успехи район тем не менее находится в опасном положении: если все это продолжится еще дней десять-двадцать, можете считать этот район потерянным. Весь народ, оставив свои полевые и другие хозяйственные дела, взяв в руки оружие(мечи), воюет, и ради чего – неизвестно. С каждым днем все больше жаждем мира, но, к сожалению, жестокая резня все жарче разгорается. Голод неминуем, нужно немедленно принять меры для усмирения озверевшей толпы и с этой, и с другой стороны. Ближайшее от Нахичевана село Загри сожжено, местные армяне переселились оттуда в с.Дамирзндан и каждый день отражают нападения турок. Армянское село Адживар также разорено турками, армяне отсюда бежали в Ярмнджа, здесь и защищаются. Пушки турок в Нахичеване ежедневно мечут огонь на ближайшие армянские села. Страх и ужас сковали село Караханбеклу, через которое постоянно проходят курды по дороге из Маку, нападая то на село, то на город"

¹ Г.Кочарян далее перечисляет все те армянские и турецкие села, которые были за время войны разорены и разграблены. А о положении в районе Гохтан заявляет следующее: "Точных сведений из Гохтана у меня нет, ходят слухи, что агулисцы пока еще вне опасности, но беда вот-вот грянет. Жители сел Аза (Верхнее и Нижнее – Э.З.) 17 дней находились в осадном положении до тех пор, пока не подоспела помощь из Джульфы. Ту-

рецкие силы сосредоточились в селе Загри, куда переселились и турки, бежавшие из Даралагязских деревень. Гаджин, Неграм и Нахичеван ожидают помощи курдов из Макинского ханства, и если они поспеют, то турецкие силы увеличатся на 5-7 тысяч. Мы слышали, что сардар не собирается посылать помощь туркам и что если все-таки пошлет – то намного меньше числом, и то потому, что находится в родстве и в очень близких отношениях с местными ханами."¹

В апреле тем не менее в губернии установился мир, и это благодаря усилиям поручика Харазяна. Он со своим отрядом сумел подавить и заставить сложить оружие многие непримиримые турецкие села, затем подоспел со своей помощью и в город. Притесненные турки вновь предложили заключить мир, на что Харазян согласился. 14 апреля, наконец, был подписан договор о мире, согласно которому губерния будет управляться двумя комиссарами – армянином и турком (Харазяном и Рагим-ханом), закон и порядок призвана была защищать милиция (смешанным составом), вооруженные силы, прибывшие из Маку, следует немедленно отослать обратно и т.д. Таким образом, благодаря Харазяну и его части установился мир в Нахичеванской губернии, который, к сожалению, продлился всего лишь несколько месяцев, до лета 1918 года, то есть до вступления османской армии в Нахичеван.

¹ Там же.

¹ "Оризон", 1 мая 1918 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ШАРУР-НАХИЧЕВАН В ПЛАНАХ ПАНТЮРКИЗМА. ПОЛИТИКА УНИЧТОЖЕНИЯ И ДЕПОРТАЦИИ АРМЯН.

Провозглашение независимости Закавказья, сдача Карса туркам и позиция Тифлисского армянского национального совета. Батумская конференция. Требования турок относительно Ахалкалаки, Нахичевана, Сурмалу. Турецко-азербайджанские и грузино-немецкие отдельные переговоры. Изолированность армянских делегатов. Турецкий ультиматум от 26 мая, новые территориальные притязания. Ростпуск Сейма. Провозглашение независимости Грузии. Заседание Тифлисского армянского национального совета 28 мая и принятие ультиматума турок. Батумский договор и Ереванский армянский национальный совет. Шарур-Нахичеван в пантюкистских планах. Армяне покидают Шарур. Насильственное переселение из Ханлухлара и Улиа-Норашена. Андраник в Нахичеване. Неудачная попытка разоружения местных мусульман. Батальон Харазяна, оборона Нахичевана. Бесчинства турок и азербайджанцев. Армяне покидают Нахичеванскую провинцию. События в Гохтане. Самооборона Верхней Азы. Покорение Южного Гохтана Турцией. Неудачная попытка Халила-бея покорить горные селения Северного Гохтана.

23 марта (по старому стилю)¹ части армянского корпуса покинули Сарыкамьш и отступили к рубежам Бегли-Ахмеда и Нового Селима, где бои в конце марта разгорелись с новым размахом. Османская армия, имея на вооружении все виды оружия, стремилась во что бы то ни стало заставить армянские

¹ К вопросу о введении нового календаря Закавказское правительство обращалось не раз и, наконец, приняло решение о его введении: следующую среду, в ночь с 17-ого на 18-ое апреля с 12-ти часов полуночи, принять за 1-ое мая. В нашем повествовании события, имевшие место после 18 апреля, будут представлены по новому стилю.

войска покинуть занятые позиции и приблизиться к Карсу, но натолкнулась на стену упорного сопротивления наших частей. И трудно сказать, как закончились бы бои за Карс, если бы не распоряжение от 10 апреля о сдаче Карса туркам без боя, полученное в разгар военных действий от нового председателя Закавказского правительства Чхенкели¹ и исполняющего обязанности военного министра генерала Одишелидзе. Дело в том, что в начале апреля, потерпев сокрушительное поражение² в схватке с турками, потеряв не только Батумскую область, но и некоторую часть Кутаисской губернии, грузинские меньшевики, занимавшие ключевые позиции в Закавказском Сейме, сговорившись со своими мусаватистскими приспешниками, решили удовлетворить требования турок, представленные на Трапезундской конференции, и начать новые переговоры для заключения мирного договора. Но для этого надо было, во-первых, провозгласить независимость Закавказья и, во-вторых, сдать Карсскую область. И заседание Сейма от 9(22) апреля провозгласило независимость Закавказья, а Карс был сдан 12-ого. Нужно сказать, обходя подробности сдачи Карса, которые сами по себе весьма интересны, но выходят за рамки наших задач, что это была третья по счету ошибка³ Закавказского правительства в его отношениях с Турцией. Провозглашение независимости Закавказья не только освобождало Турцию от “брестских” оков, но и предоставляло возможности для новых завоеваний. К сожалению, этого не поняли тогдашние грузинские руководители Сейма. Что касается армянских де-

¹ 9 апреля, непосредственно после провозглашения Сеймом независимости Закавказья, председатель правительства Гегечкори подал в отставку.

² Отрезок фронта, охватывающий территорию к северу от Олти до Батума, защищали грузинские войска, линия фронта к югу от Олти (до иранской границы) была вверена армянскому корпусу.

³ Первая ошибка была в непризнании Брестского договора и вовлечении в переговорный процесс с Турцией, вторая – в срыве Трапезундских переговоров (30 марта).

легатов Сейма, то им вовсе нетрудно было понять, какие тяжелые последствия будет иметь провозглашение независимости Закавказья особенно для армянского народа, но противостоять воле грузино-азербайджанского блока они не могли, потому что оказались бы в совершенно изолированном положении. Именно по этой причине, несмотря на внутреннее недовольство, дашнакская фракция вынуждена была голосовать за независимость. Для большей убедительности приведем свидетельство очевидца. «Вчера белый зал дворца выглядел необычно. То, казалось, повсюду зажжены факелы ликования, то, очнувшись, чувствуешь, что это невозможно, и кажется, что вокруг тебя как-то необычно мигают свечи.

До меня доходили высокопарные речи ораторов. Как ловко они нападают друг на друга, острят, шутят – все смеются, и на минуту в воздухе повисает странный шум. Потом снова – спокойно звучат слова, которые, однако, на этот раз тяжелы как удары молота: раз - и ты чувствуешь боль и струйку крови, еще раз – и сердце щемит от скатывающейся слезы.

Что здесь происходит?

Трудно следить за высказанными фразами. Мысли путаются, особенно когда до меня внезапно доходят взаимоисключающие выражения:

- Похороны, хоронят...
- Родовые схватки...
- Именины...
- Демократия роет себе яму...
- Если нас силой оторвать от России, то из кровоточащей раны вытечет вся кровь...

И неожиданно снова - хохот, шум, аплодисменты. И опять высокопарные речи, споры...

Я задумался и вдруг заметил, как с первых рядов молча поднялась одна седая голова. Это был Каджазнуни. Молча, с опущенной головой, но твердо он подошел к трибуне. Мне казалось, что он несет тяжелую ношу.

- Почему он шел с поникшей головой, сгорбленный?

Дашнакская фракция Сейма, глубоко осознавая ту огромную ответственность, которую она берет на себя в эти исторические минуты, объявляет о своем принятии независимости Закавказья.

И больше ничего.

Замолчал и сошел с трибуны.

И вдруг – громогласные и продолжительные аплодисменты. Зачем? Кому аплодируют? Оратору? Партии? Армянскому народу? Я не мог понять. Ведь “оратор” не произнес речи, партия безмолствовала, а армянский народ... Он был слишком далеко от белого зала и всего, что здесь происходит, и звуки речей не доходили до его ушей. Его израненное сердце и смятенная душа не могут сегодня вместить ничего, кроме неумолимого горя.

Но почему представитель партии Дашнакцутюн не произнес речь? Почему он смолчал? Говорят, иногда молчание красноречивее слов. Но кажется, что здесь молчание было не ради красноречия. Нет. Это, думаю, было молчание боли, подавленности, безысходности.¹

Как видим, дашнакская фракция не приветствовала независимость Закавказья, не высказала ликования по этому поводу, а просто “приняла” как факт. Дашнаки пошли на это, потому что иначе не могли поступить, что равнозначно принуждению. Следовательно, утверждения наших историков о том, что партия Дашнакцутюн совместно с грузинскими меньшевиками и мусаватистами подготовила отторжение Закавказья от России, безосновательны. А когда 11 апреля члены правительства (Ал.Хатисян, Г.Каджазнуни, Ав.Саакян), узнав о распоряжении Чхенкели о сдаче Карса туркам, заявили о том, что они “не могут более оставаться в составе правительства, потому что во время правительственного совещания выяснилось, что А.Чхен-

¹ “Оризон”, 24 (11) апреля 1918 г.

кели без ведома членов правительства отдал распоряжение, имеющее особое значение и касающееся военных действий"¹, то вечером того же дня дашнакская фракция Сейма единодушно одобрила их действия.² Что касается Тифлисского армянского национального совета, то он не только не приветствовал провозглашение независимости, но и заявил о своем несогласии в решении (от 12 апреля), в котором говорится, что Сейм попрал права народа и что для подобных актов необходимо проводить референдум.

Оставив Карс, армянские войска оставили также и Карскую область и остановились на восточном берегу реки Арпачай. Закавказское правительство и командование фронтом полагало, что получив все, что было предусмотрено Брест-Литовским договором, турки также остановятся, тем самым обе стороны положат конец войне. К сожалению, командование армянским корпусом также придерживалось этого мнения, потому что уже стало известно о договоренности между сторонами о возобновлении переговоров на этот раз в Батуми. Однако первое же заседание (11 мая) настолько разочаровало закавказских делегатов, что все их надежды и чаяния улетучились в миг. Они поняли, что обмануты, но было уже слишком поздно.

Если на Трапезундской конференции³ для подписания до-

¹ "Мшак", 13 апреля 1918 г.

² Хотя состав правительства Сеймом был утвержден формально 13-го, но с 10-го они уже работали. Что касается первого кризиса правительства, возникшего в связи с уходом армянских представителей, то он разрешился компромиссом: армяне возвращаются в правительство при условии, что генерала Одишелидзе отстраняют от должности, а М.Арутюнян назначается помощником министра иностранных дел (Чхенкели возглавлял правительство и был министром иностранных дел), без ведома которого не будет дано ни одно распоряжение.

³ Закавказская делегация (председатель А.Чхенкели) была составлена по национальному признаку. Из армян в ней принимали участие Г.Каджазунни и Ал.Хатисян. Турецкую делегацию возглавлял Реуф-бей.

говора турки выдвинули 2 основных требования, а именно: 1. признать Брест-Литовский договор (т.е. сдать Батум и Карскую область) и 2. провозгласить независимость Закавказья, - то здесь, в Батуми, в ответ на удовлетворение этих требований (о чем в своем выступлении сказал Чхенкели) председатель турецкой делегации Халил-бей от имени Османского правительства заявил, что турецкая сторона отказывается вести переговоры исходя из прежней позиции, то есть основываясь на условиях Брест-Литовского договора, и выдвигает новые требования. "Ведь после Трапезунда, - объясняет Халил-бей свое поведение, - продолжалась война, пролилось много крови, и следовательно изменилось соотношение сил". Он представил Закавказской делегации заранее подготовленный проект договора "О мире и дружбе", согласно которому турки требуют уже не только Карс и Батумскую область, но и Ахалкалаки, Сурмалу и Нахичеванскую провинцию.

После первого заседания, 11 мая, более не созывалось ни одного официального заседания, зато велись неофициальные, закулисные встречи и переговоры азербайджанцев с турками, грузин с азербайджанцами и немцами. А армянские делегаты (Каджазунни, Хатисян) оставались в стороне, один лишь раз им удалось встретиться с представителями турецкой делегации и то безрезультатно. В своих требованиях турки были не только слишком категоричны, но и угрожали ультиматумом. Вмешательство немецкого делегата фон Лоссова, который попытался было умерить аппетиты турок и призывал не нарушать Брест-Литовские договоренности, также не помогло делу. Опьяненные легкой победой, турки вели себя до того бесцеремонно, что уже не считались с Германией, особенно в вопросах, касающихся Закавказья. Фон Лоссов хотел убедить турок, чтобы часть войск, расположенных в Закавказье, те перебросили бы в Месопотамию для сдерживания продвижения английских войск. Между тем Талаат-Энверовский блок был нацелен на Баку.

15 мая, когда переговоры в Батуми только начались, турецкие войска внезапно перешли Арпачай и напали на Александрополь. После нескольких часов упорного сопротивления наши войска вынуждены были отступить: одна часть – в Джаджур, а другая – по направлению железной дороги в Арагатскую равнину.

И, наконец, 26 мая в разгар боев за Сардарпат, Баш-Апаран, Каракилису турецкая делегация предъявила Закавказской стороне ультиматум сроком в 3 дня, по истечении которых нужно было дать ответ. К ультиматуму прилагалось письмо, где были представлены новые территориальные притязания турок, на этот раз касающиеся Александропольской, большей части Ереванской и Эчмиадзинской провинций и города Эчмиадзина. Иными словами, Турция намеревалась распространить свое господство над Ширакской и Арагатской равнинами, желая лишить армянский народ самых жизненно важных территорий, лишить его самой возможности существования. От Грузии к Турции должны были отойти районы Ахалкалаки и Ахалциха.

Турецкий ультиматум стал для Закавказской республики роковым. Грузинские меньшевики, вступив в тайный сговор с немецкими делегатами, в тот же день (26 мая) на созванном в Тифлисе заседании Сейма объявили о своем выходе из состава Закавказской демократической республики и о создании независимой Грузинской республики. Грузины ликовали: немцы обещали защитить Грузию от турецкого посягательства. Распуск Закавказской республики с воодушевлением восприняли также кавказские турки, которые давно стремились к этому, поскольку только в этом случае они могли своих соплеменников из Турции позвать в Азербайджан. В страшно тяжелом и опасном положении оказались армяне, которые теперь оставались один на один против Османской Турции, покинутые всеми, не имея ни друзей, ни союзников. В условиях существования Закавказской республики грузины были хоть и ненадежные, но

все же союзники. Однако их поведение при роспуске Сейма и расформировании республики было неприкрытым предательством по отношению к союзникам-армянам. Между тем даже в этом случае, когда армянский народ в одиночку боролся против Османской Турции и истекал кровью в неравной борьбе, тем самым защищая не только себя, но и Грузию, грузинские руководящие деятели не постеснялись на заседании Сейма представить дело так, что, якобы, это они остались одни и что армяне покинули их. Известный меньшевик Церетели на заседании Сейма в этот день без зазрения совести заявил: *“Пока еще остается одна сила, которая в силах сопротивляться вторжению неприятеля в Тифлисскую и Кутаисскую губернию. И эта сила – грузинский народ. Он остался в одиночестве: от него отстранились и армяне, и добровольно – турки. Фиктивная независимость Закавказской республики препятствовала ему свободно действовать и использовать вверенные ему силы для защиты своей независимости...”*¹ (выделено нами – Э.З.).

Почему армяне должны были защищать Тифлисскую и Кутаисскую губернии – что, кстати, и делали они ценою больших усилий, – а не Ереванскую – это остается тайной Церетели, но обвинять армян в том, что они отвернулись от грузин, оставив их одних – просто кощунство. Потому что, если после распоряжения именно грузинского руководства о сдаче Карса установившееся перемирие на грузинско-турецкой границе не было нарушено, то на армяно-турецком отрезке фронта, как уже об этом было сказано выше, 15 мая оно нарушилось, причем военные действия продолжались до конца мая, и от грузин никакой помощи получено не было. Так, кто же кого оставил: армяне – грузин или грузины – армян? Об этом более справедливо судит другой лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания, который прибыл в Батуми 25 мая с целью обсудить с Чхенкели некоторые вопросы, касающиеся провозглашения независимости Гру-

¹ “Оризон”, 28 мая 1918 г.

зии. Здесь состоялась также его встреча с Хатисяном. “Жордания рассказал, - пишет Хатисян, - о господствующих в Тифлисе умонастроениях, о том, что армяне продолжают воевать с турками, о том, как турки продолжают неистово наступать, и что при таких обстоятельствах грузинам не остается ничего более, как провозгласить независимость Грузии.

- Как же так? – воскликнул я. - Ведь мы вместе находимся в состоянии войны, общей войны, против общего врага! Как вы можете отвернуться от нас, когда мы пока еще проливаем кровь. Неужели это честно?

- Честно то, что в интересах народа, – ответил Жордания.

- Да, - согласился я, - но как же мы?

- Мы не можем захлебнуться вместе с вами, - сказал Жордания. – Наш народ хочет спасти то, что может спасти. А вы обязаны найти общий язык с турками. Другого выхода у вас нет.”¹

Думается, что беседа Хатисяна с Жорданией не оставляет никакого сомнения в том, кто кого покинул. Но хочется также подчеркнуть, что провозглашение независимости Грузии вовсе не было громом среди ясного неба, как часто представляют не только в грузинской, но и в армянской историографии. Нет, в течение примерно десяти предшествующих этому событию дней, начиная с падения Александрополя до провозглашения независимости Грузии, грузинская периодическая печать весьма последовательно подготавливала общественное мнение. Подобные статьи можно найти на страницах как социал-демократической (газета “Эртоба”), так и национал-демократической (“Сакартвело”), и федеративно-социалистической печати (“Сахалко-Сакме”). Вот, к примеру, что напечатала “Сакартвело” после падения Александрополя: “Когда турки заняли город Александрополь и захватили железнодорожную ветку

¹ А.Хатисян, Образование и развитие Армянского государства, Афины, 1930, с. 65 (на арм.яз.).

Джюльфы, стало очевидным, что Грузия может остаться одна. Понятно, что вся тяжесть последствий этого ложится на армян, однако и Грузия понесет потери, если немедленно не приступит к созданию своих государственных границ. Эти границы будут иметь значение демаркационной линии в случае военных действий между армянами и турками. Не может быть никакого сомнения в том, что армяне без войны не отступят от своих интересов. Закавказская республика уже воевала с турками. В этой войне Грузия проиграла. Если армяно-турецкая война неизбежна, то Грузия снова потерпит поражение, если не провозгласит независимость; потому что в противном случае ей пришлось бы снова вступить в войну. Независимость Грузии полностью освободит нас от этой напасти. Такова на сегодня политическая ситуация и такова логика предстоящих событий”.¹ Роспуск Закавказского правительства, хотя и был неожиданным для турецкой делегации, однако не застал их врасплох. Халил-бей заявил, что из-за этого вопрос не может считаться закрытым (грузины, однако, надеялись, что после роспуска Сейма они начнут отдельные переговоры с турками) и что теперь он намерен предъявить ультиматум по отдельности всем трем народам, входящим в состав бывшей Закавказской республики. “То обстоятельство, что де-юре ультиматум невозможно предъявить теперь, так как нет юридического лица, которому следует его вручить, естественно, не беспокоит Халил-бея, - читаем в номере от 30 мая газеты “Оризон”. - Он сказал, чтобы ему дали знать, на какие части распалось Закавказское правительство, и мы переадресуем ультиматум национальным советам этих народов или их правительствам. Оказавшись притесненными, армянские делегаты, по примеру грузин, попробовали заручиться поддержкой немцев, но напрасно. Фон-Лоссов посоветовал не перечить туркам, принять ультиматум и потом пожаловаться Германии по поводу нарушения

¹ “Оризон”, 21 мая 1918 г.

Турцией условий Брестского договора.

Оставалось возвратиться в Тифлис (предварительно отсрочив еще на два дня срок ультиматума) и совместно с Национальным советом принять решение".¹

Из всех заседаний, когда-либо проведенных Тифлиским армянским национальным советом, заседание от 28 мая 1918 года, несомненно, было самым тяжелым и самым ответственным. На повестке дня стоял один вопрос: принять или отвергнуть турецкий ультиматум. Небезынтересен сам ход обсуждения: если в начале утреннего заседания ультиматум отвергался почти всеми, то к концу – принятие окончательного решения было отложено на вечернее заседание, и на этот раз все выступающие делегаты высказались в пользу принятия ультиматума. Но от чьего имени должен быть принят ультиматум? – От имени Национального совета или же, по примеру грузин или азербайджанцев, нужно сформировать правительство (хотя бы временное)? После долгих обсуждений, продлившихся до 12.30-ти пополудни, было решено для принятия турецкого ультиматума и подписания мирного договора отправить в Батум новую делегацию (А.Хатисян, М.Пападжанян, Г.Каджазнуни). Однако вопрос, кого будет представлять делегация – правительство или Национальный совет – было решено оставить назавтра. И только через два дня, 30 мая, было отредактировано то заявление, которое и было опубликовано в печати 31-го. В нем говорилось: “В создавшейся новой ситуации, ввиду упразднения политического единства Закавказья и провозглашения независимости Грузии и Азербайджана, *Армянский национальный совет объявляет себя высшим и единственным органом власти в армянских провинциях. Имея на то веские*

¹ Позднее, после образования Закавказского Сейма, дашнакская фракция Сейма взяла в свои руки бразды правления армянской общественно-политической жизнью и зачастую даже не советовалась с Национальным советом (как это было, например, в случае провозглашения независимости Закавказья).

*основания, Армянский национальный совет откладывает формирование армянского национального правительства на ближайшие дни и временно берет на себя все функции правительства по осуществлению политических, управленческих и других ролей”*¹ (выделено нами – Э.З.).

Как видим, в тексте Заявления отсутствуют слова “Армения” и “независимость”. Это, конечно же, неслучайно. Нельзя было называть Арменией тот ничтожный кусок земли, который оставили армянам. Что касается независимости, то в эти дни мало кто о ней задумывался. Во всяком случае на вышеупомянутом заседании 28 мая из 12-13 выступающих только двое – Ал.Хатисян и М.Пападжанян – высказались за провозглашение независимости. Кстати, и впоследствии о независимости Армении никакого официального заявления сделано не было. Между тем, отправившаяся в Батум армянская делегация и в частности ее руководитель А.Хатисян выступал от имени армянского государства и отправлял в Тифлис телеграммы Армянскому национальному совету, увещевая провозгласить независимость, так как “нельзя же выступать от имени неких армянских уездов, будто мы представляем какой-то бесформенный кусок земли без руководителя и без имени”.² Но Совет не торопился сделать это, хотя в письме, отправленном Араму Манукяну 3 июня в Ереван, сказано, что в ближайшие дни будет провозглашена независимость Армянской республики. А когда 4 июня в Батуми подписали “Договор о мире и дружбе между Османской империей и Армянской республикой”, в преамбуле договора было написано, что последняя провозгласила свою независимость, это стало уже неактуальным, и никто больше не заговаривал об этом. Здесь, однако, представляет интерес не столько то, почему тем не менее Тифлиссский армянский национальный совет не сделал официаль-

¹ “Оризон”, 31 мая 1918 г.

² Г.Аветисян, ук. соч., с.251.

ного заявления о провозглашении независимости Армянской республики, сколько то, почему турецкая сторона на этот раз, в отличие от Трапезунда, где упорно требовала провозгласить независимость Закавказья и представить форму правления, проявила “беспринципность”, забыв об общеизвестных нормах международного права, не предъявив подобных требований делегации Хатисяна. Хотя и нетрудно предположить, что на этот раз, когда они достигли своей основной цели - требованием провозглашения независимости Закавказья отторгли Закавказье от России и оккупировали территории, намного превосходящие по величине те, которые они получили по Брестскому договору, – им важно было поскорей закрепить то, что приобрели. Тем более, что поражения в Сардарапате и Баш-Апаране, кровопролитное сражение в Караглисе, где беспримерное мужество, самоотверженность и героизм армянских воинов были настолько впечатляющими, что даже турецкие паши были вынуждены признать, что и не надеялись на скорое окончание войны. Между тем в данный момент туркам надо было не застревать в армянских горах, а спешно идти до Баку, чтобы насладиться “ароматом нефти”. Поэтому хочешь-не хочешь, а придется покамест потерпеть существование маленькой Армении – Армении, съжившейся вокруг Еревана и Севана на территории размером с ладонь (примерно 12 тыс. кв. км), до краев переполненной беженцами, приговоренными к голодной смерти. Симон Врацян, современник этих событий и последний премьер первой республики, описывая рождение республики, пишет: “Итак, пройдя через огонь и меч, Армения воспряла для независимой жизни. Рождение ее не было воспринято с шумным ликованием и аплодисментами. Наоборот, для многих это были преждевременные роды. Подобно матери, родившей больного дитя, армянский народ бил себя по скорбной голове, приговаривая “радость ты моя, горе ты мое”.¹

¹ С.Врацян, ук. соч., с.184.

Действительно, рождение республики не было воспринято армянским народом с должным ликованием и радостью: слишком дорога была цена, которую ему пришлось заплатить за это. Веками лелеял он мечту о Великой Армении, а вместо этого родил больного дитя - Армению, которая, по меткому выражению Лео, может стать не столько независимой отчизной, сколько могилой для армян. Армянский народ не мог не скорбеть и не страдать, поскольку свежи были раны, полученные им в 1915-ом и последующих годах. От турецкого ятагана погибли 1,5 миллиона армян, треть нации. Западная Армения была опустошена полностью, а Восточная – растоптана и на краю гибели. Вековой враг находится в 7-ми километрах от Еревана и Эчмиадзина, готовый каждую минуту напасть и уничтожить последние остатки армян. Об этом свидетельствовали те угрожающие передислокации османских войск, которые осуществлялись под боком Еревана и Эчмиадзина (особенно в июне - августе), и те лживые ноты протеста якобы о нападениях армян на турок, и та карта Закавказья, которую в сентябре, через 6 дней после занятия Баку, опубликовала стамбульская иттиадская газета “Ени гюн”(Новый день) и на которой не было Армении, армянские провинции были включены в состав Азербайджана и Грузии.¹ О подобной опасности неоднократно предупреждал посол Германии в Стамбуле во время бесед с представителями делегации А.Агароняна, советуя застраховаться от этого и пригласить в республику австрийские войска. А о том, что турки терпимо относились к существованию Армянской республики, ибо воспринимали ее как нечто временное, пока они заняты Бакинским вопросом, ясно и определенно высказался Энвер 10 июня в телеграмме, адресованной Немецкому верховному военному командованию: “Относительно Гюрджистана (Грузии) у нас больших претензий нет. Однако между нами и мусульманскими массами, находящи-

¹ “Оризон”, 30 октября, 1918 г.

мися на востоке, вклинились армяне. Это состояние побуждает нас не оставаться в роли наблюдателя. И поэтому я настоятельно прошу генерала Людендорфа заблаговременно и достоверно сообщить о своей позиции. В Гяндже и Дагестане, где находятся мусульмане, мой брат, Нури-паша, принял меры. Благодаря им и мероприятиям, проведенным 3-ей армией, мы добились успеха. По этой причине я считаю неуместной отправку немецких подразделений из Грузии на восток и юг...»¹ (выделено нами – Э.З.).

Нам кажется, что вряд ли нужно искать какое-либо иное свидетельство, подтверждающее замыслы Иттихада о переделе Закавказья. И если этого не случилось летом 1918 года, то «виновниками» являются состоящие в основном из армян героические защитники Баку, которые отлично осознавали, что, защищая Баку, они отодвигают опасность от Еревана, а в сентябре, после падения Баку, уже дашнакские войска, прорвав в Македонии турецкий фронт, буквально создали угрозу для Стамбула. Между тем турецкие деятели как в Стамбуле, так и в Батуми не переставали направо-налево заявлять, что, мол, благодаря их доброй воле и во имя восстановления добрососедских отношений, они «создали и признали» Армянскую республику. И находились люди, даже среди армянских политических деятелей, которые верили этому. Поверил этому также Ал.Хатисян, который был участником всех переговоров, проводимых с Турцией. Он пишет: «Впоследствии я узнал, что когда мы вели переговоры в Батуми, в Константинополе в Комитете младотурок возникли ожесточенные споры о том, насколько целесообразно сохранение на Кавказе армянского государства. Об этом мне в Константинополе осенью 1918 года известный везир Талаат-паша сказал буквально следующее: Энвер-паша находит, что так как армяне были и всегда будут нашими врагами и не будет от

¹ Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919), Ер., 1995, с.535-536.

них покоя в наших Анатолийских губерниях, будет лучше, если основательно от них избавимся и на Кавказе, как сделали с ними в Турции. А маленькая Армения на Кавказе будет стремиться расширить свои границы и станет вечной угрозой для Турции. Я же, - продолжил Талаат,- ответил, что эта программа невозможна хотя бы по той причине, что так или иначе есть примерно 2 миллиона оставшихся в живых армян, и невозможно их всех уничтожить, поэтому лучше удовлетворить их, ибо если даже в мире останутся хоть 100.000 армян, они нам не дадут покоя никогда. И наконец, образованием маленькой Армении мы решим Армянский вопрос, что и представим на Международной мирной конференции».¹

Приводя это высказывание Талаата, Ал.Хатисян добавляет: «Позиция Талаата-паши была принята, и турки создали маленькую Армению. После этого Энвер-паша однажды, возгордясь, сказал мне: «Я решил очень трудный вопрос, создал Армению, удовлетворив национальные потребности армян, но сделал это так, что не уступил им ни пяди турецкой земли.»² Согласно А.Хатисяну, подобный разговор состоялся также в Батуми с Вехиб-пашой, во время которого Хатисян, выразив недовольство по поводу границ Армении, сказал, что «Армянский вопрос - это вопрос международного права и не может таким вот образом просто исчезнуть», на что Вехиб-паша ответил: «Говорите, Армянский вопрос – международный и он должен быть принят во внимание на мирной международной конференции. Мы это хорошо знаем, и именно поэтому мы первые обязуемся решить его, признав свободное существование Армении.»³

Говоря о подписании Тифлисским армянским национальным советом турецкого ультиматума и мирного договора,

¹ А.Хатисян, ук. соч., с.72.

² Там же.

³ Там же, с.70.

нельзя не коснуться, хотя бы вкратце, еще одного вопроса. Речь идет о том, могли ли армяне избежать этого, верно ли поступил Тифлисский армянский национальный совет, подписав Батумский договор. К этому вопросу много раз обращались армянские историки, особенно в советский период. И всегда Тифлисский армянский национальный совет обвиняли в том, что он, якобы, не зная истинного положения дел на фронте, не зная о победах в Сардарапате и Баш-Апаране, не учел создавшегося нового расклада сил, поспешив подписать представленный турками слишком тяжелый мирный договор. Не учел он и того, что после Сардарапата наши войска были в боевой готовности и собирались освободить также Александрополь, Карс и т.д., и т.д.

Прежде надо сказать, что было бы несправедливо безоговорочно утверждать, что Тифлисский национальный совет абсолютно ничего не знал о майских победоносных сражениях. Правда, вести о боях при Баш-Апаране и Караклисе дошли до Тифлиса чуть позднее, но о Сардарапатской битве уже 26 мая в газете "Мшак" была помещена заметка, в которой, со ссылкой на Силикяна, сообщалось, что армянские войска, перейдя в контрнаступление, отбили у противника село Сардарапат и железнодорожную станцию. Еще одно сообщение было напечатано в номере от 28 мая, где говорилось, что в Ереване царит всеобщее ликование, что весь народ печет хлеб для армии и т.д. А 30-го уже сообщалось не только о Сардарапате, но и о боях при Каракилисе. Разве возможно, чтобы представители Тифлиского армянского национального совета были бы не осведомлены об этих сообщениях? Конечно же, нет. Следовательно, об их неосведомленности можно говорить с некоторой оговоркой. Что касается продолжения войны и доведения ее до благоприятного конца, то, учитывая создавшееся положение после неудачи в Каракилисе, а также отсутствие необходимого

запаса оружия,¹ боеприпасов и провизии, вряд ли стоит серьезно об этом говорить. Архивные и другие материалы свидетельствуют о том, что в те дни не только Тифлисский армянский национальный совет, но и инициатор и организатор побед при Сардарабаде и Баш-Апаране Ереванский армянский национальный совет, а также командование Армянским корпусом заплатили бы любую цену за подписание мирного договора. Это отобразилось и в решениях Ереванского армянского национального совета, принятых на заседаниях 30-31 мая, на которых обсуждались создавшееся положение и задачи Совета в связи с этим. В частности, на заседании 31-ого мая, выслушав выступления главнокомандующего Назарбекияна, командующего Араратским войском Силикяна и командующего тылом Бежан-бека, вынесли следующее решение: "1. Вести оборонительные бои, чтобы выиграть время; 2. Продолжать войну мы не в состоянии из-за нехватки боеприпасов; 3. Вести переговоры с турками и заключить мир ради физического выживания народа."² Было решено также начать отдельные переговоры с османским командованием, если в течение семи дней не будет известий от делегатов Тифлиского армянского национального совета, выехавших в Батуми. С этой целью даже создали особую делегацию, в составе которой были генерал Назарбекиян (председатель), Арам Манукян, епископ Хорен и др.³ Кроме того, чтобы облегчить переговоры с турками, в тот же день, 31 мая, генерал Назарбекиян издает приказ N 311 по корпусу, в котором распоряжается создать смешанную комиссию из представителей Ереванского армянского и мусульманского национального советов (по 2 с каждой стороны) под руководством ген.Бежан-бека для урегулирования межнациональных

¹ После упразднения Закавказской республики львиная доля сосредоточенного в Тифлисе оружия и боеприпасов отошла к Грузии.

² Г.Аветисян, ук.соч., с.247.

³ Там же.

отношений на границах и рассмотрения вопросов беженцев с той и другой стороны. Согласно тому же приказу, для претворения в жизнь решений комиссии нужно было немедленно сформировать особый отряд опять-таки со смешанным составом (решение о его численности оставлено за комиссией).¹ О том, какое значение придавалось этому вопросу, свидетельствует и тот факт, что в тот же день (31 мая) Ереванский армянский национальный совет поручает своим членам – Г.Меликяну и М.Мусиняну – присоединиться к комиссии Бежан-бека для участия в ее работе.

Какие еще нужны факты, чтобы убедиться в том, что и для Ереванского армянского национального совета, и для верховного военного командования единственным выходом из создавшегося положения для спасения последних остатков армянского народа был мирный договор, мир, какой бы он ни был тяжелый. И следовательно, не нужно перекладывать всю вину на Тифлисский армянский национальный совет или на партию Дашнакцутюн, как это делают некоторые авторы, заявляя, будто армия и народ готовы были продолжать войну, а они (национальный совет и дашнаки) поспешили подписать кабальный договор. Причем, в качестве доказательства приводятся высказывания отдельных военных и акции протеста против заключения мира, имевшие место в Ереване в начале июня. Конечно же, против тяжелых условий Батумского договора должны были быть выступления, и было бы странно, если бы их не было вообще. Но говорить, что имели место массовые демонстрации протеста, означает идти против истины, так как в печати и мемуарах тогдашних политических деятелей упоминаются буквально один-два факта. Об одном из них сообщает газета “Оризон” от 23 августа 1918 года: “6 июня..., когда стало известно о тяжелых условиях Батумского мира, взволнованная толпа собирается на митинг перед Домом Пра-

¹ НАА, ф.222, оп.1, д.24, часть 2, л.331.

вительства, на котором выступил поручик Вардан Аракелян с призывом не повиноваться властям и продолжать воевать. Митинг был силой разогнан, а поручика Аракеляна на следующий день военно-революционный трибунал приговорил к трем годам заключения с лишением звания.”¹ Из других источников узнаем, что число митингующих было небольшим и значительную их часть составляли беженцы, что естественно и понятно.

Батумский договор вызвал особое недовольство в Камарлу, поскольку этот район также отходил к Турции. Небезынтересно узнать и то, что во время Сардарпатского сражения камарлийцы не проявили особой активности, чтобы помочь фронту, но когда выяснилось, что, согласно договору, Камарлу также отходит к Турции и, следовательно, население вынуждено будет покинуть село, оно сразу же стало протестовать и потребовало от Ереванского национального совета не принимать условия договора, обещая отправить на фронт подкрепление. 9 июня в Ереван прибыл батальон добровольцев из Камарлу. По свидетельству С.Врацяна, в эти дни отовсюду получали многочисленные телеграммы, также и с фронта, в которых требовали аннулировать договор и продолжить войну.² Однако все эти требования и демонстрации скорее всего были эмоциональной вспышкой и отнюдь не опирались на реальное соотношение сил. В создавшихся условиях Ереванский армянский национальный совет не имел альтернативы, он был вынужден принять тяжелые условия этого беспрецедентного грабительского договора. 5 июня при участии представителей партий, обществ, учреждений, объединений и др. на всеобщем собрании, созванном Национальным советом в здании городского самоуправления, было вынесено соответствующее решение.

¹ Далее в статье говорится, что 10 августа Армянский Совет (парламент) амнистировал поручика Аракеляна.

² С.Врацян, ук. соч., с. 149.

В принятой резолюции сказано: “Собрание представителей ереванских общественных организаций, учреждений, выслушав доклад Армянского национального совета о войне и условиях мира и обсудив вопросы, вытекающие из доклада, считает, что *мирный договор явился следствием тех военных и политических условий, в которых оказался армянский народ, поэтому и принимает его и отдает распоряжение Ереванскому армянскому национальному совету предпринять дальнейшие действия соответственно заключениям Мирного договора*”¹ (выделено нами – Э.З.).

Как видим, это собрание представителей общественных организаций по существу взяло на себя функции органа представительской власти, так как в принятом решении оно не советует, а распоряжается “предпринять дальнейшие действия соответственно заключениям Мирного договора”. Значит, осуждающие Национальный совет и Арама критики в вопросе заключения мира должны бы адресовать свои претензии собранию, хотя это отнюдь не означает, что Арам и Национальный совет были просто исполнителями воли собрания или же что они были против собрания. Нет, именно выступление Арама и предопределило ход собрания.

Оставив оценку деятельности Национального совета суду беспристрастного историка, он заострил внимание присутствующих на создавшейся ситуации, подчеркнув, что исчерпаны запасы оружия и боеприпасов, запасы хлеба; что после сражения при Караклисе противник передислоцировал свои войска с целью нападения на Дилижан и Баш-Апаран. В заключение Арам сказал: “разве это возможно: моля о хлебе насущном - кормить армию, воевать без патрона? Мир нужно заключить любой ценой.” Добавим, что сведение об исчерпании запасов оружия есть также в мемуарах коменданта Еревана А.Шахатуни, посвященных Араму. Он пишет, что в дни, когда шла Сар-

¹ “Ашхатанк”, 8 июня 1918 г.

дарапатская битва, в городе оставалось всего лишь 200 тысяч патронов, и у Арама – 100 тысяч.¹ В другом месте, где говорится о последней встрече Халил-паши и Арама (октябрь 1918 г.) автор цитирует последнего: “Халил, для нас важнее всего патроны, которых не хватает. Если бы вы в Сардарапатской битве потерпели бы еще 5-6 часов, мы бы проиграли, потому что абсолютно не оставалось патронов.”²

Думается, что это признание Арама достаточно убедительно: вопрос нехватки боеприпасов стоял весьма остро. Но нелишне будет привести здесь еще и заявление Ереванского национального совета от 7 июня, поскольку оно касается не только нехватки боеприпасов и хлеба, но и грозящей Дилижану опасности. Вот оно: “Всем вам известны положения Мирного договора. Но эти положения еще должны пересмотреть и ратифицировать в Константинополе. И мы должны постараться, достичь любым способом того, чтобы часть нашей родины, отошедшую по договору Турции, спасти от врагов наших.

Мы не закончили свое дело, и залогом наших грядущих успехов будут боевая сила армянского народа и его военная подготовка.

Мы должны крепко стоять на страже наших границ и быть готовыми к любым неожиданностям. *И больше всего в укреплении нуждается Дилижанский фронт.*

Все те, кто способен носить оружие и желает до последних сил противостоять врагу, пусть уже сегодня придут к нам в контору Красной Гвардии (улица Астафяна, Дом партии Дашнакцутюн) со своими ружьями, патронами, запасом одежды и еды на 5-10 дней для записи и немедленной отправки на Дилижанский фронт. Запись производится сегодня, 7 июня, в 12 часов дня”³ (выделено нами – Э.З.).

¹ А.Аствацатурян, ук.соч., с.513-514.

² Там же, с.506.

³ “Ашхатанк”, 8 июня 1918 г.

Нетрудно заметить, что первые строки этого заявления, где говорится о ратификации договора в Константинополе, адресованы беженцам и некоторым другим слоям общества, чтобы утихомирить и без того уже воспаленные их страсти. А это означает, что, хотя и удалось легко разогнать демонстрацию 6 июня (все разошлись после нескольких выстрелов конвоя в воздух), тем не менее она не прошла бесследно. А Константинопольская конференция так и не была созвана, хотя уже в июне Закавказские делегации прибыли в Константинополь и оставались там аж до начала ноября, то есть до выхода Турции из войны.

* * *

Согласно 13-ой статье Батумского договора, в которой говорится, что “после подписания договора все армянские вооруженные силы должны быть незамедлительно эвакуированы за границы, определенные настоящим договором”, армянские войска с 13 июня стали отступать и занимать новые позиции всего в 7 километрах от Еревана и Эчмиадзина. Фактически вся Араратская долина оставалась во вражеских руках и без армян, поскольку вместе с армянским войском покидало эти места и население. Отступили войска, дислоцированные по направлению Улуханлу-Камарлу, и народ вместе с ними покинул эти места. Имея под рукой всю железнодорожную сеть Армении, турки теперь могли беспрепятственно и быстро передвигаться, проникая в Шарур, Нахичеван и дальше.

В авантюристических пантюркистских планах младотурок Шарур-Нахичевану отводилось особое место, ибо, находясь по пути следования из Анатолии в Азербайджан и имея удобную сеть шоссейных и железных дорог, он мог сыграть важную роль в претворении этих планов в жизнь. Ал.Хатисян свидетельствует о том, что в дни, когда проходила Батумская конференция, Вахиб-паша, рассказывая о целях, преследуемых Турцией в войне, и указывая на карту, говорил: “Вы увидите,

что судьба поведет Турцию с запада на восток. Мы оставили Балканы и отступим и от Африки, но мы должны распространиться на восток – там наше солнце, наша религия и язык. И это притяжение для нас стихийно, наши братья – это Баку, Дагестан, Туркменистан и Азербайджан. У нас должна быть дорога к ним, и вы, армяне, стоите на этой нашей дороге. Требуя Ван, вы закрываете нам путь в Иран. Требуя Нахичеван и Зангезур, вы становитесь помехой на пути к Курской долине и Баку. Карс и Ахалкалак закрывают нам путь в Казах и Гандзак. Вы должны посторониться и дать нам дорогу. Вот о чем наш основной спор. Нам нужны две широкие дороги, которые позволят нашим армиям продвигаться вперед и обороняться. Одна дорога – это Карс-Ахалкалак-Борчалу-Казах, которая поведет нас в Гандзак, другая ведет через Шарур-Нахичеван-Зангезур до Курской долины. Вы можете оставаться посреди всего этого, то есть вокруг Нор-Баязета и Эчмиадзина”¹ (выделено нами – Э.З.).

Как видим, Вахиб-паша с прямотой, свойственной военному, сказал то, что политические деятели, как правило, не высказывают, скрывают: армяне стоят на пути шествия пантюркизма, они мешают претворению в жизнь этих планов. Следовательно, они должны либо исчезнуть, либо отойти. Поняли ли это в свое время армянские деятели, сейчас это трудно сказать. Между тем, османские правители это хорошо усвоили и начиная с конца 19 века использовали каждый удобный случай или повод для устранения этой преграды. А в 20 веке, после Большой Резни (Геноцида), 1918 год стал новым этапом в их деятельности и увенчал его Батумский договор, явившийся конкретным выражением пантюркистской идеологии. Сжав Армению в кольцо вокруг Севана и Эчмиадзина, где последние остатки армянского народа получили возможность временного существования, турецкие власти спешно приступили

¹ Ал.Хатисян, ук.соч., с.70.

к очистке магистралей, ведущих в Азербайджан, и среди них самым важным было направление Шарур-Нахичеван. Вот почему, завладев железнодорожным путем Александрополь-Джульфа, они в спешном порядке стали отправлять войска в сторону Шарур-Нахичевана. Правда, часть этих войск направлялась в Атрпатакан, Тебриз и его окрестности, якобы для сдерживания наступления английских войск, но другая часть осталась-таки в пределах Шарур-Нахичевана и принялась за уничтожение последних остатков армян или в лучшем случае депортации их.

Знакомясь с событиями весны 1918 года, мы видели, как население армянских сел Шарура (кроме с.Улиа-Норашен) от притеснений местных турок оставили свои дома и переехали в Ханлухлар. В Ханлухларе находилась тогда одна рота армянской армии, около 150 солдат. Такова была ситуация, она продолжалась до начала лета, до июня, когда Шарура достигли действующие части османской армии и расположили свой штаб в Шахтаhti. И хотя вначале они не упускали возможности уверять армян в дружбе, однако какому армянину не ясно, что это всего лишь слова, притупляющие бдительность. В особо угрожающем положении оказались воины армянской роты, дислоцированной в Ханлухларе: их могли не только разоружить, но и погнать в качестве военнопленных. Поэтому командование роты приняло совершенно правильное решение: оставить Ханлухлар, который, находясь в равнине, с легкостью мог бы быть окружен, и перейти в Улиа-Норашен, где было больше возможностей для обороны и, кроме того, оттуда в Даралагыз было легче отступить.

К июлю турецкое командование решило разоружить Ханлухлар и Улиа-Норашен и депортировать население. Получив 15-го числа приказ от Шевки-паши, два подразделения действующей турецкой армии направились в Ханлухлар и Улиа-Норашен. Ханлухларцы приняли предложение о разоружении и повиновении и часть оружия сдали туркам. Одна турецкая

рота без сопротивления вошла в Ханлухлар. Что касается Улиа-Норашена, то население здесь отказалось разоружаться и оказало упорное сопротивление наступающему врагу. Бой, длившийся весь день, не принес туркам удачи, и турецкое командование снова принялось за переговоры, на этот раз отправив двух армян-ханлухларцев. Командир роты Тер-Маргарян, видя, что большая часть сельчан склонна принять предложение турок, решает оставить позиции и направиться с ротой в Даралагыз. К нему присоединились примерно 100 молодых улиа-норашенцев. Однако повиновение не спасло улиа-норашенцев: после разоружения начались насилие, грабеж и разбой, в котором принимали участие также турки из соседних сел. Было множество убитых. Потом разбитых и ограбленных улиа-норашенцев погнали в сторону Даралагыза, по пути расстреляв выборочно еще 100 человек из молодых. В августе та же участь постигла ханлухларцев и приютившихся у них беженцев из окрестных армянских сел. Их также погнали в сторону Даралагызских голых скал, где не было никакой возможности для проживания.

Так турки очистили Шарур от армян. Правда, впоследствии, после ухода турецких войск часть выживших шарурцев вернулась в родные места, но и это было кратковременным. В наших архивах, как и в печати того времени, сохранились лишь обрывочные сведения о тяготах и мучениях, перенесенных шарурцами зимой и осенью 1918 г., и об их дальнейшей судьбе (скорее всего причина здесь кроется в отсутствии связи с Ереваном). Ежедневник "Занг" в номере от 10 октября 1918 г. напечатал следующее сообщение: "Население Улиа-Норашен, насчитывающее 1500 душ, 26 июля¹ (по новому стилю) в течение целого дня сопротивлялось турецкой 11-ой дивизии и, потеряв более четырехсот человек убитыми, вынуждено было

¹ По другим источникам нападение турок на Улиа-Норашен совершено 15 июля (28 июля по новому стилю).

сдаться под пушечным и пулеметным огнем. Нескольким маленьким группам удалось прорвать турецкое кольцо и за два дня перебираясь тайком, голодными и истощенными, кое-как добраться до Даралагяза.

После двухмесячных скитаний по Даралагязским селам они остановились в одной турецкой деревушке, где им удалось наскрести припасов на три месяца. За время полевых работ вся одежда их изнасилась в клочья, ночью они спали нагишом на сырой земле, отчего и заболели. Не хватало хлеба, не было лекарств от болезней, ни врачебной помощи больным, три месяца – без горячего обеда.

Отсюда становится ясно, каково было положение беженцев Улиа-Норашена. *Об этом во второй раз было заявлено в правительство Армении, однако все заявления остаются пока что без ответа.*

Представитель беженцев Улиа-Норашана С.Шагинян¹ (выделено нами – Э.З.).

А что могло сделать правительство Армении, если в то же самое время ежедневно с улиц Еревана и Эчмиадзина приходилось убирать по несколько десятков трупов, и отчаявшиеся от голода люди стали поедать собак, кошек, мышей. Положение Армянской республики было настолько тяжелым, что когда в конце августа Халил-паша прибыл в Ереван, Арам вынужден был, поборов свою природную гордость, рассказать о тяжелом положении и попросить его продать Армении несколько тысяч пудов зерновых. Халил-паша обещал, но обещание свое выполнил лишь к октябрю, во время своего второго визита, когда поражение Турции в Первой мировой войне являлось уже вопросом одного-двух дней. По его распоряжению из военных амбаров Камарлу было продано Армении 12000 пудов зерновых.² Это была часть того урожая зерновых,

который был убран с полей оккупированных районов Араратской долины.

Опустошив Шарур, два полка 11-ой османской дивизии в спешном порядке направились к Нахичевану. Причиной для подобной спешки были полученные из Нахичевана вести о намерении Андраника разоружить население. Дело в том, что после неудачного хойского похода вернувшись в Нахичеван, Андраник решил остановиться здесь, укрепить этот район, чтобы в дальнейшем продолжить борьбу с наступающими силами турок. 13 июля в селе Апракунис Андраник созывает совещание с участием приехавших из Нахичевана представителей Национального совета и Военного органа при Совете, где принимается к выполнению следующая программа действий (опубликовано 14 июля в виде объявления на армянском и русском языках):

- “а) С нынешнего года Андраник со своим войском подчиняется центральному Российскому правительству и является его частью;
- б) Согласно Брест-Литовскому договору Нахичеванский район объявляется неотъемлемой частью России;
- в) Разоружение населения района безотносительно к национальной принадлежности;
- г) В районе объявляется военное положение, и вся власть передается полководцу Андранику до установления связи с Российским правительством.”¹

В день опубликования этого объявления, 14 июля, врач Бонапартян выехал в село Кзнут, откуда телеграфировал в Баку, чрезвычайному комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну. В телеграмме говорилось: “Безоговорочно подчиняюсь условиям Брест-Литовского договора, я объявил Нахичеванскую провинцию, где в настоящее время нахожусь со своим отрядом, неотъемлемой частью Российской республики.

¹ “Вестник архивов Армении, 1993, N1-2, с.49-50. Далее: ВАА.

² “Оризон”, 15 октября 1918 г.

¹ ВАА, 1993, N 1-2, с.42-43.

Прошу сообщить кому следует, что я со своим отрядом нахожусь в ведении центрального Российского правительства и подчиняюсь ему. Постараюсь не допустить вторжения турецкого войска в Нахичеванскую провинцию. Жду ответа и распоряжения. Генерал-майор Андраник.”¹

Мы не разделяем принятого в нашей историографии мнения о том, что предпринятые Андраником шаги продиктованы его преданностью и теплыми чувствами к Советской России. Нет, это скорее всего была отчаянная, но неудачная попытка найти выход из создавшегося положения. Иначе как объяснить его предшествующие действия и особенно буквально за несколько дней до этого предпринятый им поход в Хой с целью соединения с находящимися в Междуречье английскими войсками? Потерпев поражение у Хоя и отступив в Нахичеван, Андраник очутился в крайне тяжелом положении. Своими силами остановить наступление турецких войск он не мог, больших возможностей маневрировать у него тоже не было: ни на юг, ни на север и даже на запад он идти не мог. Единственным направлением, в котором в случае необходимости он мог двигаться, был путь от Нахичевана в Зангезур, Карабах и Баку. Было еще одно обстоятельство: авторитет России среди местного населения был пока еще высок и, кроме того, в телеграмме неслучайно говорится о безоговорочном подчинении Брест-Литовскому договору. Это была слабая надежда на спасение. Но, к сожалению, эти действия Андраника не только не возымели положительного результата, но, наоборот, ускорили наступление турецких войск на Нахичеван и взбудоражили местное турецкое население, настроив их снова против армян. Нахичеванский мусульманский национальный совет сразу же попросил помощи у находящегося в Шахтахи османского командования, одновременно призвав мусульман не подчиняться приказу Андраника о разоружении, Андранику же ответил, что

¹ Там же, с.41.

якобы народ ему не подчиняется. В подобных условиях Андранику ничего не оставалось делать, кроме как попробовать насильно разоружить местных турок и обеспечить надежный тыл в случае столкновения с османскими войсками. Дело в том, что в районе Нахичевана только в двух точках находились армянские вооруженные силы: по одному батальону в самом Нахичеване и в Джульфе. Причем они сохранились благодаря упорству поручика Харазяна, так как после подписания Батумского договора генерал Силикян, имея в виду уступку Нахичевана туркам, распорядился имеющееся там оружие и боеприпасы передать в Даралагыз. По свидетельству одного архивного документа, с этой целью к Харазяну из Даралагяза прибыли люди, однако Харазян отказался сдать оружие.¹

Нам, конечно, понятна обеспокоенность Силикяна в вопросе вывода военного снаряжения из районов, перешедших Турции. Но должна быть понятна и позиция Харазяна - ведь именно его батальоны сдерживали агрессию местных турок по отношению к армянам еще до появления здесь османских войск.

15 июля было получено известие из Джульфы о том, что на противоположном берегу, со стороны иранской Джульфы появились османские войска. Андраник приказал оборонять мост и не позволить османским войскам перейти на этот берег. Одновременно был дан приказ об ускорении разоружения населения, во исполнение которого разработали подробный план: 1-ый батальон, передвигаясь по горной части провинции, должен был разоружить турецкие села и вступить в Нахичеван с их стороны; тогда как основное подразделение станет осуществлять разоружение в равнинных селах и опять-таки вступит в город Нахичеван. Очевидец этих событий вспоминает: “Трудный процесс разоружения начали 16 июля. Главными и укрепленными селами района были Ялчин, Неграм и Джагрин,

¹ НАА, ф.201, оп.1, д.170, л.11.

в которых действовали турецкие инструкторы, имелась пушка и большое количество вооруженных воинов из местного населения. Ялчин уже сдался, очередь была за Неграмом и после него оставался Джагрин. Подразделение остановилось в Кзнуте, в пяти верстах от Неграма. На предложение о разоружении Неграм ответил окопным огнем. Чуть позже пушки стали метать огонь по нашим. Наши окружили село и начался настоящий бой. Хотя позиции турок были укреплены, но армянам все же удалось занять половину села. Неприятель безнадежно отступал, взрывая склад боеприпасов и отчаянно сопротивляясь.”¹

Однако Андраннику так и не удалось занять Неграм. Получив известие о начавшихся боях в Нахичеване, он поспешил на помощь, но не вступив в город, остановился в садах между Нахичеваном и селом Ярымчай, и отсюда обстреливал турецкие кварталы. С наступлением ночи, однако, Андраник отходит в Кзнут и оттуда направляется в Зангезур.

Сейчас уже трудно сказать, почему Андраник со своим войском, насчитывавшим несколько тысяч воинов, не попытался вступить в Нахичеван и сразиться с турками или же почему он не попытался “помешать” дальнейшему наступлению турок вглубь провинции, как обещал это С.Шаумяну в телеграмме. Непонятно также и то, почему все те исследователи, которые посвятили жизни и деятельности Андраника целые тома, избегают хоть как-то объяснить это и лишь сообщают, что под натиском превосходящих сил противника Андраник из Нахичевана двинулся в Зангезур. Между тем, находящийся в Нахичеване батальон в 400 воинов под командованием поручика Харазяна довольно упорно сопротивлялся тому же самому врагу и оставил город только после того, как из-за попадания снаряда возгорелся склад боеприпасов. Ежедневная газета “Оризон” в статье под заголовком “Беда в старом Нахичева-

не”, ссылаясь на рассказ очевидца об ультиматуме Андраника по поводу разоружения и о последовавших после этого враждебных действиях турок по отношению к армянам, писала: “Армяне обратились к Андраннику, прося его о помощи и защите, но ни в обещанное им время, ни через день после этого помощь не подоспела. Андраник в то время находился в селе Кзнут, откуда он послал письмо, в котором обещает, что Смбат со стороны Айлабадийских гор с двумя тысячами воинов подоспеет на помощь.

19 июля в Старом Нахичеване солдаты, заняв свои позиции, замечают издали приближающееся многочисленное войско и принимают их за подоспевших к ним на помощь армян. Но чем ближе они подходят к городу, тем более становится очевидно, что это турки с пушками и пулеметами. И когда последние приближаются к складам боеприпасов, вспыхивает бой между ними и армянами. Бой длится с 10 часов утра до двенадцати, и только после этого туркам удается занять казармы. Армяне отступают в город, где бой принимает более ожесточенный характер, причем с турецкой стороны были задействованы 9 пушек и 16 пулеметов против всего лишь одной пушки и одного пулемета у армян. Под конец и армянская пушка, и отнятые у турок пушки и пулеметы, перешли к врагу, а вечером турки заняли город. Местное армянское население переселилось в Караханбекли, и примерно 150 человек остались в Старом Нахичеване под покровительством архимандрита Сиона.”¹ Другой очевидец событий, в прошлом военное должностное лицо русской армии, юрист А.Татузов, который после ухода русских войск по просьбе Нахичеванского армянского национального совета остался в Нахичеване и занимал пост председателя суда, следующим образом представляет занятие города турецкими войсками: “В начале июля (по старому стилю) в Нахичеване вечером турки открыли огонь по ар-

¹ ВАА, 1993, N 1-2, с.43-44.

¹ “Оризон”, 17 августа 1918 г.

мянской части, на который, однако, армяне не ответили ответным огнем, приняв это за выходку небольшой группы турок. Но потом со стороны Шахтаhti стали появляться большие группы вооруженных людей, артиллерия и др. Эти группы двигались в сторону казарм, которые находились на окраине города. Завязался бой между армянском батальоном и прибывшим войском, которое, как выяснилось, являлось частью действительной турецкой армии, пополненной местными татарами. Армянский батальон, насчитывающий всего 400 человек, с 6-ью пушками и одним горным пулеметом храбро бился с противником, в составе которого было не менее двух полков с восемью-девятью пушками, несколькими пулеметами. Бой продолжался два дня, армяне дважды или трижды переходили в атаку и отбрасывали врага из города. Но все имеет свой предел. После того, как от турецких снарядов возгорелось здание казармы, где были складированы снаряды, армяне были вынуждены отступить в город, и потом, когда снаряды закончились, ушли и из города, а ночью отступили в село. Большая часть населения, оставив все свое движимое и недвижимое имущество на произвол судьбы, ища защиты у батальона или скорее у части батальона, бежала вместе с ним.”¹

События почти так же представляют и другие очевидцы. Вот, к примеру, о чем поведала жительница Нахичевана Анна Сергеевна, русская по национальности: “3 или 4 июля (по старому стилю) местные турки стали перестреливаться с нахичеванскими армянами. А 5-го, ночью, к городу подошли турецкие войска и присоединились к ним. В четверг, 5 июня, завязался жестокий бой между ними и армянами, которые и не подозревали о том, что воюют с регулярной турецкой армией: им казалось, что на них напали местные татарские банды. И только 6 июля, в пятницу, когда турки заняли казармы, армяне поняли, что их атаковала турецкая армия. Армяне оборонялись

¹ НАА, ф.276, оп.1, д.3, л.6.

до 3-х часов пополудни. После этого бой стих.”¹

Несмотря на некоторую разницу в свидетельствах, одно тем не менее очевидно: батальон в 400 воинов оказал достаточно упорное сопротивление в несколько раз превосходящим его по вооруженности и численности силам противника, нанеся ему ощутимые потери. Понятно и то, что если Андраник вовремя подоспел бы со своей помощью защитникам города, то, может быть, было возможно отстоять город, или же хотя бы попытаться придать организованный характер паническому бегству армян из города. Но этого не случилось, и армяне, оставив все, в смятении бежали из города в сторону Астапата. А вошедшие в город турки жестоко расправились с оставшимися там армянами. Обратимся еще раз к свидетельствам очевидцев. “Турки вошли в город, жители которого (армяне – Э.З.) покинули его, - рассказывает жительница Нахичевана Васенко Анаит. – Оставшихся они забрали в плен и заперли в разных местах. Нас, всего 13 человек, отвезли в казармы, что в 2-х верстах от города. Мужа моего, русского по национальности, расстреляли у меня на глазах. Я была очевидцем ужасного отношения к армянским женщинам, которых в ближайшем от казарм саду прямо перед нами насиловали, измывались над ними, не жалея даже семилетних девчушек. ...Местные татары платили аскярам (турецким воинам – Э.З.) по 60-70 рублей за голову, чтобы те сдавали им пленных. Турки с удовольствием передавали им пленных, которых тут же на месте и расстреливали. В конце концов в городе не осталось ни одного армянина, а сам город – полностью разграблен.”² Юрист А.Татузов, на которого мы ссылались выше, следующим образом представляет турецко-татарский разгул в Нахичеване: “Рано утром (на следующий день после вступления турок в город – Э.З.) город наводнили громадные толпы местных и других татар.

¹ Там же, л.36.

² Там же, л.37.

Подобно саранче они, устремившись на армянскую часть, выгоняли их из домов и обирали до последней нитки. Выискивая армян, они пришли и к нам: они грабили всех, в том числе и русских. А армян обирали до конца, то есть забирали все, а самих их уводили к казармам и непосредственно в поле расстреливали. Так поступали татары. А аскяры придерживались некоторой видимости: не убивали на месте, а уводили в казармы и расстреливали либо по дороге, либо через несколько часов ожидания в казармах. Женщин насиловали на месте или же опять-таки уводили в казармы, а оттуда мало кто возвратился. ... Как потом выяснилось, турецкие власти в качестве награды дали татарам карт-бланш: поступать с армянами как им заблагорассудится в течение одного дня. Так же они вели себя в селах, еще более цинично, более нагло. Так что пальма первенства в вопросе жестокости по справедливости принадлежит татарам: подобное зверство и жестокость трудно представить даже при богатой фантазии. И все это с попустительством и при участии турок.”¹ В конце Татузов добавляет, что в них не осталось ничего человеческого и что сам он не в состоянии описать все те зверства, очевидцем которых был (кстати, он спасся из этого ада, потому что его приняли за грузина).

Падение Нахичевана и поспешное отступление Андраника вызвали такое смятение в провинции, что армяне всех армянских сел, оставив свои дома и все свое имущество, устремились прочь по пути скитаний. Собравшиеся поначалу в селе Астапат, жители 13 армянских сел после ухода Андраника (20 июля) также стали покидать Астапат и направились в сторону гор в надежде переправиться через горы в Зангезур. Покидали села и молодые, так что когда в Астапат явилась делегация турецкого военного командования с предложением о повинности, то встретила она здесь в основном стариков, женщин и детей: всего в селе оставалось 2500 человек. Астапатцы реши-

ли принять предложение турок и сдали оружие. Однако это не спасло их от зверств местных турок и османцев. Войдя в село, они сперва забрали якобы для работ около 200 молодых людей, которые, однако, больше не вернулись. Потом начались грабежи, насилия и убийства. Для краткости приведем лишь одно свидетельство, причем не армянина, а русской женщины, на которую мы ранее уже ссылались. Речь идет об Анне Сергеевне, которая в день вступления турок в Нахичеван бежала со своим мужем в Астапат и оставалась там в течение 20 дней. “Через 15 дней после того, как мы пришли в Тазакенд (Астапат), турки собрали группу мужчин из 120 человек, якобы для работ, и увели в Ямхану, все жители которой покинули село. Среди них был и мой муж – Геворг Степанович Адамов, - рассказывает Анна Сергеевна. – Спустя некоторое время мы услышали около 30-ти залпов. Прибежал один армянин и сообщил, что в Ямхане всех собравшихся расстреливают. Никто из той группы не вернулся. И этого раненого также схватили в Тазакенде и убили... В деревне оставались только старики, женщины и дети. Каждую ночь местные татары и турки без стеснения забирали молодых женщин, насиловали, а тех, кто пытался защитить их, расстреливали на месте. Как только вечерами в деревне зажигали свет, на всю деревню слышались раздирающие душу крики: “уводят, уводят” ... вся деревня стонала и плакала. В последнюю ночь увели 30 женщин. Дело дошло до того, что женщины уже несколько раз собирались пойти к паше и попросить его, чтобы их лучше уж сразу убили, чем так подвергать насилиям. Но старики их уговорили, обнадеживая тем, что, мол, придут скоро немецкие войска...”¹

Вот уж действительно: нужно обладать крепкими нервами при работе с документами, свидетельствующими о злодеяниях татар и турок. И поскольку еще не раз придется апеллировать к подобным документам, в частности касающимся событий в

¹ Там же, л.7.

¹ Там же, л.36.

Гохтане, то нам кажется, что можно ограничиться приведенным выше свидетельством о событиях в Астапате (дабы пощадить нервы читателя). Но прежде чем перейти к Гохтану, нужно отметить, что в июле-августе 1918 года армяне полностью покинули Нахичеванскую провинцию (за исключением нескольких маленьких горных сел). В результате, “этот благословенный край, эта цветущая Нахичеванская провинция, жители которой – армянские крестьяне - всегда меня удивляли и радовали своим богатством и изобилием, - пишет А.Татузов,- этот уголок разорен и ограблен с таким вандализмом, подобный которому не встречался даже в древнем мире и средних веках.”¹

И беженцы, беженцы... Число их вместе с западными армянами, - пишет газета “Занг” в номере от 21 августа 1918 года, - составило около 80 тысяч. Думается, что это большое преувеличение или же здесь просто опечатка. Потому что, если число западных армян, ушедших с Андраником не превышает 20 тысяч (а в некоторых источниках называется цифра и поменьше), значит оставшиеся 60 тысяч, должно быть, и есть нахичеванцы. Между тем в Нахичеванской провинции, как известно, не проживало столько армян. Более достоверными надо считать сведения, опубликованные в начале 1919 года в Бюллетене Министерства Общественного призрения, составленном на основе данных, предоставленных председателем Нахичеванского армянского национального совета, и сведений из провинций, где остановились депортированные армяне. Там ясно сказано, что перед турецким вторжением число армян, проживающих в провинции, составляло около 38500 человек. Примерно 4 тысячи из них нашли пристанище в высокогорных селах Гохтана, остальные 34500 продолжили свои скитания в сторону Зангезура, Даралагяза, Нор-Баязеда, Еревана, Тифлиса и дальше. В документах имеются конкретные сведения о коли-

¹ Там же, л.7.

честве беженцев-нахичеванцев в каждом отдельном районе и городе.¹ Так что, сведения, представленные в этих документах ближе к истине, хотя, конечно, иметь более точные данные в создавшихся условиях было невозможно. К примеру, в документе ничего не говорится об убитых, между тем из печати известно, что число убитых в Нахичеванской провинции доходило до 2 тысяч.

* * *

Османская армия во главе с Халил-беем вместе с местными мусульманскими бандитскими группировками, ограбив и разорив Нахичеван и ближайшие армянские села, стала готовиться к наступлению на Гохтан. Провинция Гохтан исторической Армении века напролет была яблоком раздора между нахарарскими домами Васпуракан и Сюни, о чем достаточно сведений в трудах наших историографов. Но в них Гохтан представлен как колыбель древней армянской культуры, колыбель песенной музыки и народного творчества. Во времена Хоренаци певцы и музыканты из Гохтана славились по всей стране. Понятно, что в те времена Гохтан был мононациональной провинцией, населенной одними армянами. Но начиная со средних веков (в период арабского, затем турко-сельджукского и персидского владычества) национальная однородность провинции постепенно нарушалась. Из Атрпатакана и других частей Ирана мусульмане влились в Гохтан. Наряду с этим имела место и эмиграция армян, причиной которой послужило не только тяжелое иго правящих мусульман и религиозная нетерпимость, но и то, что как в других частях Армении, так и здесь, у армян отбирали плодородные земли, вытесняя их к горным склонам и каменистым местам. Лишение армян земли и возможности работать на ней вынуждало многих к занятию торговлей, в результате чего в конечном счете армяне оставляли

¹ НАА, ф.200, оп.1, д.212, л.88-89.

свои родные места и переселялись в европейские и русские города. Вследствие всего этого численность армянского населения Гохтана настолько уменьшилась, что в начале 20 века там оставалось всего семь-восемь армянских сел.¹ Некоторое количество армян проживало также в центре района Ордубаде. Но в некогда купеческом Агулисе, хотя и потерявшем теперь былую привлекательность, тем не менее сохранилось армянское большинство и довольно зажиточная жизнь. Однако освещение исторического прошлого Гохтана выходит за рамки наших задач, поэтому вернемся к интересующей нас проблеме. В частности, что произошло в Гохтане после отступления Андраника и занятия турками Нахичевана.

Прежде всего надо сказать, что у Андраника не было намерения оставаться в Гохтане. Отступая из Нахичевана он просто через Гохтан должен был перейти в Зангезур. Сначала он попытался пройти берегом Аракса, где было несколько турецких сел и город Ордубад. Среди этих сел самым крупным и укрепленным было село Яйджи, которое, однако, Андранику удалось занять благодаря внезапной и стремительной атаке. Затем он готовился захватить город Ордубад, после чего путь на Мегри ему был бы открыт. Но вскоре ему пришлось отказаться от этого намерения, так как по просьбе ордубадцев к нему пришли представители агулиссских армян и попросили не атаковать Ордубад и пройти в Зангезур по горной дороге. Это была труднопроходимая дорога, но Андраник, хотя и с трудом, все-таки согласился. Выполняя эту просьбу агулисцев, он категорически отказал им в другой просьбе: оставить 1500 солдат для обороны армянских сел Гохтана.²

Через несколько дней после ухода Андраника в Гохтан вошли османские войска. Вот как представляет газета "Арач" в одной своей корреспонденции их вступление в Гохтан: "И до-

¹ Г. Ахназарян, Провинция Гохтан, Тегеран, 1991, с.29 (на арм.яз.).

² Там же, с.319.

велось теперешнему герою и предводителю Нахичеван-Шарура Халил-бею во главе многочисленного турецкого войска и бесчисленных татарских банд с пушками и пулеметами устремиться в Гохтан, чтобы завоевать его земли.

Однако, увы, с первой же попытки он убедился, что сделать это ему с легкостью не удастся. Первым армянским селом на его пути было село Верин Аза. Это был бесстрашный страж у врат Гохтана. Еще со времен армяно-татарских столкновений и в течение нынешней войны село это не раз сдерживало порыв кровожадных татарских полчищ и снискало себе славу во всей округе.

Халил-бей захотел именно здесь осуществить свою первую попытку. Через своих парламентаров он потребовал у села подчинения. Однако село отвергло турецко-азербайджанское ярмо, предпочитая с безрассудством кинуться с оружием в руках на защиту своей свободы.

Противник слишком уж превосходил его числом, организованностью и совершенством военного искусства. И село, героически защищаясь в неравном бою в течение полутора дней, вынуждено было отступить, неся огромные и тяжелые потери.

Теперь уже перед Халил-беем и турецкими бандами был открыт путь на Гохтан, потому что единственное армянское село, находящееся по дороге, ведущей из Джульфы через Агулис в Ордубад, было село Верин Аза, которое уже было уничтожено. И Халил-бей беспрепятственно дошел до Ордубада и утвердил свое господство в нем."¹

Турки – жители Ордубада - организовали ему торжественный прием. "Первым делом Халил-бей потребовал у армянских сел Гохтана подчинения, - читаем в ранее упомянутой корреспонденции газеты "Арач".- ... В начале августа 1918 года Халил-бей обнародовал приказ-воззвание к армянам Гохтана, где он призывает их подчиниться ему, обещая сохранить жизнь,

¹ "Арач", 24 января, 1920 г.

имущество и честь всем признавшим его власть и предать мечу всех непокорных. Два Агулиса, Цхна и несколько сел, расположенных недалеко, в южной и наиболее равнинной части Гохтана, известные своей миролюбивой и характерной невоенной настроенностью, приняли предложение Халил-бея и признали в его лице турецко-азербайджанскую власть. Однако северные горные села: Бист, Алаги, Морванис, Парака и Рамис - представляющие по своему характеру прямую противоположность Южному Гохтану - отвергли предложение Халил-бея, готовые ценой жизни защитить свою независимость. Итак, в Гохтане установилась двойная власть: на юге турецко-азербайджанская, на севере – независимая советская.¹ *И Халил-бею так до конца и не удалось сломить дух горного Гохтана и вступить на эту землю*² (выделено нами – Э.З.). Однако очевидица этих событий, учительница С.Киракосян, свидетельствует о том, что вначале и Агулис был настроен сопротивляться Халил-бею, но потом отказался от этого намерения и подчинился. После того, как турки заняли село Аза, они направились в Агулис и потребовали у народа разоружиться. Начальник гарнизона А.Мелик-Шахназаров отвергает требование “победителя” и просит три дня на размышление. Но священник Агулиса, видя, что народ пытается сопротивляться, облачается в шинель и ночью тайком пробирается в Ордубад, к Халил-бею, сообщает ему о настроении в народе и сам сдается ему.

А.Мелик-Шахназаров, учитывая создавшееся положение, вынужден был подчиниться требованиям турецкой власти. Не прошло и недели, как турки стали бесчинствовать и в Агулисе: совершать разбой и насилия. Мне удалось, выдавая себя за грузинку, освободиться от турецкого плена и приехать в Тифлис, предварительно оставаясь в джувльийской тюрьме 15

¹ Используя термин “советская”, автор имеет в виду власть местного национального совета.

² “Арач”, 24 января 1920 года

дней, далее 15 дней – в Нахичеване, 14 дней – на железнодорожных поездках.¹

Согласно Г.Ахназаряну, в деле достижения соглашения с Халил-беем насчет “мирного и благоразумного пути” велика была роль Ашота Мелик-Мусяна, которого Халил-бей и “назначил главным в Агулисе и в армянских селах провинции и потребовал от него организовать разоружение армян.

Посоветовавшись с национальными органами, Ашот Мелик-Мусян сдал Халил-бею около 40-50 штук старого оружия и некоторое количество патронов только лишь для того, чтобы формально исполнить его приказ, а новейшее оружие укрепили в надежном месте. Наряду с этим для смягчения напряженности во взаимоотношениях Национальный совет Агулиса организовал званый обед, пригласив Халил-бея, десять-двенадцать офицеров и несколько влиятельных турок из Агулиса и Ордубада.”²

Однако версия Ахназаряна о сдаче старого оружия не подтверждается другими свидетельствами. Так, в письме представителя национального совета Зангезура Г.Тер-Минасяна, адресованном генералу Андранику, говорится: “Агулис разоружен: туркам было сдано 100 ружей, 10 000 патронов и 10 маузеров. Халил-бей назначил Ашота Мелик-Мусяна приставом.”³

Как видим, сданное оружие вовсе не старое.

Вообще Г.Ахназарян с симпатией относится как к миролюбиво агулисцев, так и к Халил-бею, говоря, что во время его нахождения в Ордубаде (до октября) “прекратились частые убийства и разбой на дорогах, армяне даже получили возможность покупать мясо и продукты в турецких селах, что достаточно облегчило создавшееся тяжелое экономическое положение.”⁴

¹ “Оризон”, 8 сентября 1918 г.

² Г.Ахназарян, ук. соч., с.321.

³ ВАА, 1993, N 1-2, с.46.

⁴ Г.Ахназарян, ук. соч., с.321.

Что ж, может быть, и прав Ахназарян, но сказанное им, несомненно, относится не ко всему Гохтану, а только к Агулису и тем армянским селам, которые подчинились и разоружились. Кроме того, можно говорить об относительной защищенности, так как с 8 августа (то есть со дня вступления Халил-бея в Ордубад) до 23 сентября в Агулисе и окрестных селах было убито 9 армян и угнано более 600 голов скота.¹ Что же касается армянских сел горных районов, то вплоть до начала ноября, то есть до ухода турок из Гохтана, им пришлось с оружием в руках защищать свою честь, семьи, родную землю. Положение горных сел Гохтана ухудшилось особенно во второй половине октября, когда Халил-бей вознамерился подчинить себе и эти села. 18 октября в письме, направленном из Параки Национальному совету Кафана сообщается: “Из письма господина Мелик-Мусянцу и со слов товарища Василя достоверно узнаете, что положение в Гохтане чрезвычайно серьезно. Горстка армян Гохтана готовится к роковой битве. Мы покажем, что Гохтан может воевать, однако победный исход в этом неравном бою зависит от вашей скорой помощи. Гохтан протягивает вам свою братскую руку. Армяне Кафана! Гохтан всегда будет вам признателен, и история Вас никогда не забудет.”² Спустя несколько дней, 22 октября, гоxtанцы снова обращаются к кафанским армянам. “Положение в Гохтане критическое: 400 вражеских аскеров находятся в версте от села Цхна, недалеко от Параки в разных направлениях также скопилось значительное количество вражеских войск. Нам предложили разоружиться. Сегодня к вечеру была легкая перестрелка. Назавтра ожидается крупное наступление. Мы решили не разоружаться, а стоять до последнего издыхания. Если вы поспеете с помощью, победа будет за нами, а если нет, то, как мы уже сказали, будем, надеясь на бога, биться до послед-

¹ “Занг”, 14 ноября 1918 г.

² ВАА, 1993, N1-2, с.50.

него. Нет смысла писать долгие письма и умолять. Если в ваших жилах течет армянская кровь, вы не допустите потери Гохтана.”¹ В конце октября все-таки гоxtанцы снова обратились к кафанцам с письмом-заявлением, в котором, в частности, говорится: “К вашему сведению посылаем вам два послания Халил-бея, в одном из которых, обращаясь к жителям Параки, Рамиса, Насрвана и Биста, он, Халил-бей, объявляет им войну, другое адресовано Мелик-Мусянцу с предложением покинуть Параку и приехать в Агулис. Мы решили воевать, а Мелик-Мусянц – не покидать Параку. Значит, войны не избежать. В последний раз обращаемся к вам за помощью. Мы выполним свой долг перед нацией. Если в это тяжелое время вы нам не поможете, то ответственность перед богом, народом и человечеством ляжет на вас. Больше нам писать не о чем.”²

Однако осенью 1918 года Кафан также находился в тяжелом положении. Внешний враг угрожал ему со стороны Зангелана. Непокойно вели себя и местные турки, особенно из турецких сел Гехвадзора. И, несмотря на это, Кафан протянул руку помощи. Об этом говорится в письме, направленном Андранику в Сисиан председателем Кафанского национального совета Смбатом Мелик-Степаняном. Он сообщает, что отправил в Гохтан отряд в 75 солдат и что намерен вскоре послать еще сотню.³ В ответ Андраник приказывает ему немедленно выслать туда еще 150 солдат.⁴

Горный Гохтан отстояли. Халил-бей не отважился атаковать эти села, дерзостная готовность горстки отважных защитников бороться до последнего не могла не иметь последствий. Хотя, надо сказать, что в это время в распоряжении Халил-бея в Гохтане и не было особых сил после того, как части действи-

¹ Там же, с.50-51.

² Там же, с.51-52.

³ Там же, с.352.

⁴ Там же, с.52.

тельной османской армии двинулись в Тебриз. У него оставались 20-25 офицеров османской армии и состоящая из местных турок воинская часть в 1000 солдат. Правда, они были хорошо вооружены (12 пушек, 20-23 пулемета), но плохо обучены военному мастерству. На руку сыграло и время: в начале ноября в Ордубаде было получено известие о том, что Османская империя потерпела поражение и вышла из войны.

Вскоре со своей семьей и несколькими офицерами Гохтан покинул и Халил-бей. Однако большая часть офицеров во главе с Эдиф-беем осталась в Ордубаде, и в декабре 1919 года, пользуясь благоприятным для них стечением обстоятельств, осуществила резню армян Гохтана, завершив "черное" дело, которое не успел сделать майор Османской армии Халил-бей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАХИЧЕВАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В 1919 ГОДУ.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГЕНОЦИДА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАХИЧЕВАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ МЕСЯЦЫ. ОСНОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Союзники в Закавказье, политика, осуществляемая ими в спорных территориальных вопросах. Декабрьское продвижение армянских войск к Шаруру и Персия. Персидская делегация в Ереване, предложение не брать силовым путем Шарур-Нахичеван. Территориальные претензии Персии к Закавказью, отклонение представленного Парижской конференции меморандума. Позиции США и Англии. Тайная деятельность персов в Нахичеване, протест правительства Армении.

“Аракская республика”, оказанное ею сопротивление возвращению беженцев и армянскому войску. Вмешательство британского командования, миссия капитана Лаутона в Нахичеване, разработанные им условия перемирия. Идея создания нейтральной зоны, недовольство и протест правительства Армении.

Антиармянское восстание мусульман Давалу и Ведибасара и британское командование. Решение британского командования об основании в Шарур-Нахичеване английского генерал-губернаторства, подписанное им 4 февраля соглашение с армянским правительством. Создание демилитаризованной зоны в давалуйском и ведибасарском районах.

Поражение Османской империи в Первой мировой, уход из Закавказья турецких войск и приход союзников в лице британских оккупационных войск, союзников, для обеспечения победы которых в войне малочисленный армянский народ понес большие потери¹, в Ереване встретили с ликованием. Казалось,

¹ На разных фронтах Первой мировой в боевых действиях в составе русских армий участвовали около 250 тыс., в войсках Англии, Франции, США более 50 тысяч армянских солдат. В группы добровольцев были вовлечены около 6 тыс. бойцов. Число жертв геноцида достигло около 1,5 миллиона.

наконец в регионе установится долгожданный мир, прекратятся межнациональные конфликты и появится возможность для справедливого решения спорных территориальных вопросов.

Правда, Мудросское перемирие несколько отрезвило армянских политических и государственных деятелей, но была большая вера в “союзников”, о чем свидетельствует письмо, направленное 7 декабря 1918 года в Стамбул дипломатическим представителем Республики Армения в Грузии Аршаком Джамаляном. По указанию правительства 5 декабря прибыв в Батуми для встречи миссии союзников, Джамалян пишет оттуда посланнику Армении в Стамбуле Тахтаджяну.

“Чтобы Вы смогли решить Ваши непосредственные задачи и посею сделать необходимые шаги, считаю необходимым по пунктам изложить Вам участь нашего народа и вытекающие из этого потребности.

1. Армянский народ разочарован тем, что союзники, заключив мир с Турцией, не только не выдвинули какого-то серьезного требования к Турции, но и проигнорировали вопрос об эвакуации Карсского района.
2. Турки, которые согласно Вам известного заявления, должны были начиная с 24 октября в течение шести недель покинуть нашу страну до границ Бреста, из-за своей медлительной (яваш-яваш) политики еще остаются во многих районах нашей страны.
3. Турки, покидая некоторые районы нашей страны, оставляют за собой полное запустение. Они вывезли буквально все, будь то государственное, общественное или частное. Они вывезли весь хлеб, скотину, топливо, товары из складов и магазинов, домашнюю утварь, ставни окон, печи, семафоры железной дороги, фонари, провода, во многих местах даже телеграфные столбы, одним словом, вывезли все, что представляло хоть какую-то ценность для нашего народа или государства.
4. Положение беженцев просто отчаянное. Одна их часть

не может вернуться в страну, потому что турки еще там и их страх велик: эти беженцы турецкие армяне, народ из Карса и Эчмиадзина, Сурмалу, Шарура, Нахичевана и некоторых районов Ахалкалака. Другая часть беженцев, которая смогла вернуться и вернулась на свое местожительство, обречена умирать от голода и холода, ибо, как я уже упоминал, турки вывезли все запасы еды и топлива и разорили их жилища.

5. Трудности передвижения в пределах Закавказья достигли невиданных размеров. Поездка в Баку считается подвигом, в Гандзак поехать тоже не можем без риска для жизни. Больше года нет связи с Карабахом, в Тбилиси поехать и приехать оттуда можно при условии выполнения 5-6 формальностей, однако поезд Тбилиси-Ереван действует раз в 3-4 недели. Эти трудности передвижения ставят нас в безвыходное положение не только с точки зрения экономической деятельности, но и с той позиции, что беженцы и наши военнопленные не могут днем раньше добраться до своих жилищ.
6. Положение со снабжением Армении продовольствием ужасное. Хлеб не можем получить из Грузии, тем более из Азербайджана, где есть гигантские запасы хлеба, потому что грузины и азербайджанцы не разрешают делать закупки и экспортировать. Не можем хлеб получить и с Северного Кавказа или Украины, где есть возможность закупок, ибо передвижение очень затруднено, во-вторых, очень трудно достаем русские деньги, а наши закавказские боны там не в ходу, и в-третьих, грузины чинят большие препятствия с транзитом. Недавно они после долгих проволочек разрешили нам транзитом перевезти в Армению около 100000 пудов зерна, но это капля в море наших нужд.
7. Политическое настроение армянского народа определяется, кстати, и тем, как растерзана Армения. Не

хватит того, что вопрос Турецкой Армении висит пока в воздухе, не хватит того, что оказавшаяся за пределами Брестской границы наша страна еще оставлена под властью турок, но и грузины продолжают захват Ахалкалаки и некоторых частей Лори, а азербайджанцы – Карабаха и армянских уездов Гандзакской провинции.

Это в настоящее время главные моменты, определяющие наше состояние”¹.

Эта краткая и точная характеристика, данная А. Джамалюном экономическому и политическому положению Армении, безупречна. В самом деле, сложилась такая ситуация, когда сконцентрированные в стесненных границах Республики Армения последние осколки армянского народа могли погибнуть от холода и эпидемий. Уже в эти дни с улиц Еревана ежедневно убирали несколько десятков трупов. Только решительные меры и срочная внешняя помощь могли выправить положение. Но если кто и мог помочь, то только “союзники”. И Джамалюн поручает Тахтаджяну, “исходя из этой ситуации, необходимо учитывая обстоятельства места и времени, поставить перед союзниками следующие конкретные требования:

1. Не ожидая, чтобы в Турецкой Армении начались волнения, занять эти места² союзническими войсками, чтобы западноармянские беженцы, проблемы которых возложены на нас, вернулись бы на свои места.
2. Очистить от турецких войск границы Российской империи в пределах 1914 года и разрешить армянским войскам занять эту территорию.
3. Надавить на Турцию, чтобы она:
 - а. прекратила грабеж и разорение нашей страны (в этом плане наихудшую роль играет дислоцируемый в

¹ ЦАА, ф. 200, оп. 1, д. 145, л. 16.

² Имеется в виду 24-я статья Мудросского перемирия, где сказано: “В случае, если в каком-либо армянском вилайете начнутся беспорядки, союзники оставляют за собой право занять часть из них”.

Карсе турецкий командующий Шевки -паша,

- б. вернула нам награбленные запасы и другие товары,
4. Для осуществления последнего пункта, если нет возможности сразу очистить нашу страну от турков, необходимо, чтобы союзники установили контрольные пункты в Батуми, Олти, Сарыкамыше, Кахзване, Игдире и на других турецких дорогах, чтобы они вернули награбленное законным хозяевам.
5. Хлебом, одеждой и деньгами помочь нашим беженцам, при посредстве соответствующих органов вернуть их на родину и возродить ее.
6. Восстановить средства передвижения и преодолеть трудности транзита как в разных частях Закавказья, так и между Закавказьем и Россией.
7. Послать солидную миссию союзников в Ереван, чтобы она ознакомилась с положением нашего народа и приняла необходимые меры для удовлетворения нужд нашего народа”¹.

В последней части письма А. Джамалюн специально предупреждает, что “невыполнение этих требований или их задержка грозит массовой гибелью нашего народа и полной анархией. Уже сегодня наши ежедневные потери исчисляются сотнями, а некоторое время назад отчаянная толпа провоцировала эксцессы даже в Ереване, дабы найти средства спасения. Надо иметь в виду, что если союзники вовремя не пошлют нам зерно, то наши страдания продолжатся и в следующем году, ибо наш, не беженец-крестьянин сегодня ест свое семенное зерно” и добавляет просьбу: “копию моего письма отправьте в Париж Нубару-паше и г-ну Микаелу Варандяну, в Лозанну – доктору Оганджяну и в Америку – г-ну Г. Бастрмачяну”².

Думаем, не требует доказательств то, что большинство выдвинутых Джамалюном требований были нереальны (немед-

¹ ЦАА, ф. 200, оп. 1, д. 145, л. 16-17.

² Там же, лист 17.

ленный захват Турецкой Армении, немедленное удовлетворение всех злободневных нужд народа) и вряд ли он сам верил в их исполнение, но все же требовал, выполняя, видимо, инструкции правительства. А правительство, похоже, было оптимистично настроено, тем более что первые шаги англичан в Закавказье были многообещающими. Одним из первых шагов главнокомандующего прибывших из Энзели в Баку английских войск генерала Томсона явилось распоряжение выпустить из тюрем армян, арестованных во время резни армян, организованной после захвата Баку османскими войсками (15-17-го сентября 1919 г.), арестовать организаторов резни, а также выяснить размер материального ущерба армян с целью достойной компенсации. Уже до этого на страницах кавказской печати (грузинской, азербайджанской) появились статьи, в которых с неприкрытой завистью говорилось, что победа союзников – это победа армян, что для армян открывается новая эра, что на Кавказе приоритетными станут армянские интересы и т.д. А первые шаги Томсона, которые мы отметили, еще более укрепили эту веру. Но эйфория быстро улетучилась, очень скоро для всех стало ясно, что на самом деле “у Англии нет вечных врагов и вечных друзей, но есть вечные интересы”, как когда-то сказал лорд Пальмерстон.

Военный министр генерал Ахвердян с горечью вспоминал, что “Томсон не спешил с прибытием в Ереван, между тем правительство Армении особенно ждало его, как представителя стран Согласия, справедливо полагая, что армянский народ, до конца боровшийся с врагом и оставшийся верным союзникам, казался, имел больше прав на особое внимание союзников. В Совете министров на первой же встрече с генералом Томсоном Каджазнуни откровенно высказал все это. Томсон довольно резко возразил, что у них есть более важные дела, чем просто выражение симпатии. Но потом, услышав от Каджазнуни о ближайших планах правительства, Томсон сменил гнев на милость и заявил, что он приятно удивлен трезвыми взглядами

правительства¹. Безусловно, речь идет об умеренных взглядах Каджазнуни в территориальных вопросах, что фиксирует и Ахвердян. “Надо сказать, – говорится далее, – что такие трезвые взгляды относились к первому периоду существования Армении, времени премьерства Каджазнуни. В дальнейшем, при кажущихся успехах внешней политики Армении и с уходом Каджазнуни, взгляды и мышление правительства, руководимого партийными горячими головами, стали более агрессивными”².

К слову, ошибался генерал, считая политику последующих правительств агрессивной, тем более это не было присуще премьерскому периоду Ал. Хатисяна, внешняя политика которого отличалась умеренностью и осмотрительностью. Внешняя политика Армении приобрела жесткий (жесткий, но не агрессивный) характер только во время третьего периода существования Армении, во времена “бюро – правительства”.

Возвращаясь к корыстной политике Англии, надо отметить, что ее первым доказательством стало образование Лорийской нейтральной зоны после армяно-грузинской войны, когда заселенный полностью армянами Лори, вопреки воле его жителей, был объявлен нейтральной зоной под управлением английского губернатора. Поведение британского командования было более возмутительным в вопросе провозглашенных спорными территориями между Арменией и Азербайджаном Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевана. Неприкрыто приняв сторону Азербайджана, оно всеми средствами старалось Нагорный Карабах и Зангезур подчинить Азербайджану, руководствуясь исключительно британскими интересами (нефть и желание создать барьер против большевистской России)³. Это делалось так откровенно, что иногда вызывало даже недовольство союзников. Дипломатический представитель Азербайджана в Армении Хан-Текинский

¹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 32, л. 3.

² Там же, л. 3-4.

³ Подробнее см. Э. Зограбян, Турецко-армянская война 1920 г. и державы, Ер., 1997г., с. 79-84 (на арм. яз.).

в телеграмме отправленной своему правительству 20 мая, в связи с этим пишет: “На обеде у меня представитель Франции в Армении высказал свое недовольство политикой англичан, которая направлена исключительно на благо Азербайджана, и в основном политикой Томсона, который ловкими докладными довел Карабах до сдачи Азербайджану, что, по мнению французов, явная несправедливость. Затем сказал, что по прибытии других союзников политика должна быть изменена. Он откровенно выказал симпатию французов к армянам, назвав их своими”¹. Но, вероятно, это была минута откровения, ибо позиция и политика Франции и других держав (США, Италии) в Закавказье особенно не отличалась от политики Англии в спорных территориальных вопросах. Значит, можем констатировать, что по завершении Первой мировой и вывода турецких войск из Закавказья, для осуществления армянской мечты не создалось особо благоприятных условий. Правда, очерченные Батумским договором стесненные границы были несколько расширены и вобрали в себя также остальные части Араратской долины, Сурмалинский, Александропольский уезды, Карсскую область (не полностью), доведя территорию республики от 12.000 кв. км до 45.000 кв. км, но так и не удалось создать территорию, охватывающую всю Восточную Армению (не удалось присоединить Джавахетию, Лорийскую нейтральную зону, Нагорный Карабах и Шарур-Нахичеван). И это в условиях правления в Закавказье “союзников”. Если наши “союзники” не отдавали нам армянонаселенные Джавахетию, Лори, Нагорный Карабах и Зангезур, то что можно было ожидать от них в вопросах территорий со смешанным населением? Заняться о создании великого и мощного Азербайджана, который якобы должен был остановить продвижение русских в Закавказье, они удивительным образом ничего не делали для создания стабильной и сильной Армении. И это при том, что они хорошо знали, что на Кавказе только армянский народ мог быть верным

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 25.

союзником, как это было во все годы Первой мировой. Более того, британские власти даже не пытались пригрозить тем мусульманским мятежным районам, которые своими разбойными действиями расшатывали внутреннюю жизнь республики, держали правительство в вечном напряжении, причиняли людской и материальный большой урон. Армянский народ вновь остался один перед мусульманской волной, снова был вынужден напрячь свои слабые силы, чтобы не быть поглощенным этим валом.

30 ноября 1918 года министр внутренних дел Республики Армения подписал распоряжение о назначении комиссаров и помощников комиссаров в освобожденных территориях, в том числе в Нахичеванском уезде. В распоряжении было сказано: “Имея в виду, что вскоре Турция должна освободить некоторые территории, захваченные во время войны, и то, что эти земли должны быть присоединены к Республике Армения, для их административного управления назначаются...”

5. В Нахичеванском уезде поручик Гарегин Тер-Арутюнян – уездным комиссаром, капитан Ваган Галстян – его помощником, Геворг Акоп-Шагинян – комиссаром первой волости, подпоручик Варфоломей Тошян – комиссаром второй волости, подпоручик Васил Кахян – комиссаром третьей волости”¹. А 6 декабря, согласно принятому Армянским советом закону о реформировании и открытии новых мировых отделений и следственных отделов, мировые отделения и следственные отделы учреждались также в Шарур-Нахичеване. При этом в Шарурском уезде учреждалось одно мировое отделение и один следственный отдел в Баш-Норашене, а в Нахичеванском уезде два следственных отдела соответственно в городах Нахичеван и Ордубад².

¹ Вестник архивов Армении, 1993 г., N 1-2, с. 58 (далее ВАА – прим. переводчика).

² Там же, с. 59.

Но вскоре (уже в декабре) события в регионе получили такое развитие, что все эти назначения остались на бумаге. И все это не столько из-за сопротивления местных турок, сколько из-за проводимой британскими властями политики. Но сперва ознакомимся с политикой, проводимой Персией в отношении Нахичевана.

Поздней осенью 1918 года, параллельно с уходом турецких войск из Закавказья, восточноармянские беженцы начали возвращаться в родные места. Это совершалось так поспешно, так торопливо, что часто население шло впереди армянских войск. Так обстояли дела в Араратской долине, Сурмалу, Шираке. Начали возвращаться также Шарур-Нахичеванские беженцы. Понятно, что это порой порождало конфликты, так как турки, которые уже завладели землями и имуществом армян, всеми средствами старались препятствовать их возвращению, дабы не лишиться добытого добра. В ноябре к Шаруру двинулись также некоторые армянские воинские части для восстановления и урегулирования работы железной дороги Шарур-Нахичеван-Джульфа с целью восстановления транспортного сообщения с Персией. Но продвижение армянских войск вызвало такой ужас среди местных мусульман, что часть их в панике перешла Аракс и направилась в Маку и Тавриз. И хотя этот ужас был ни к чему, потому что армянские войска не применяли насилия и не могли применить, ибо они не успели углубиться в район, мусульманская интеллигенция, верная своему характеру, начала телеграфировать во все концы и подняла такой шум об осуществляемой армянами резне, что вызвала волнение не только в Тавризе, Тегеране и Баку, но и у британского командования на Кавказе. “В конце ноября 1918 года, – пишет известный дашнакский деятель, очевидец событий Самсон в статье “Случаи на армяно-персидской границе”, – по приглашению тавризского представителя министерства иностранных дел (Персии – Э.З.) была организована встреча Местоблюстителя армянской церкви

в Атропатене¹ Нерсеса архимандрита Мелик-Тангяна с губернатором Мукарам Уль-Мульком, во время которой губернатор сообщил, что из *Нахичевана и Шарура более чем шестьдесят тысяч мусульман, гонимые армянскими войсками, в ужасе убегают в Персию* и в связи с этим наследник престола по телеграфу советовался с Шахом. Губернатор по дружески сообщил также, что англичане посоветовали *турецкому населению Шарур-Нахичевана не обезоруживаться и не уступать армянам, а ждать решения Конференции. Губернатор добавил, что престолонаследник и тегеранское правительство согласны с этим*”² (подчеркнуто нами – Э.З.).

К позиции англичан в вопросе Нахичевана мы еще вернемся. Здесь мы хотим заострить внимание на фантастических и раздутых цифрах, использованных губернатором относительно переправленных в Персию мусульман. На самом деле их число не достигало нескольких десятков. Святейший, ясно, пытался убедить губернатора, что реальность совершенно иная, что Армения стремится установить дружественные отношения с Ираном и т.д. “Затем Святейший вместе с губернатором встретился с престолонаследником, который заявил, что он решил послать делегацию в Армению для изъявления дружественных чувств Персии к правительству Армении и решения политических и гражданских тернистых вопросов между двумя странами. Престолонаследник предложил присоединиться к делегации также представителю местоблюстителю”³.

Делегация выехала из Тавриза в начале декабря в двух каретах и в сопровождении 100 вооруженных всадников. А 6 декабря Мелик-Тангян в письме, адресованном “Всем людям армянской республики, находящимся на линии Ереван – Джуль-

¹ По армянски: Атрпатакан, так называется северозападный район Ирана с центром в Тавризе (по арабски и персидски – Адребадаган, Азербайджан).

² „Вем., 1935, N 4, стр. 2-3.

³ Там же, с. 3.

фа, и армянской республике”, пишет: “Пять дней продолжают идти телеграммы из Джульфы, Нахичевана, Ордубада, Шахтахты, Шарура в Тавриз, персидскому престолонаследнику Азрату, с просьбой о помощи, посредничестве, чтобы их спасли от ужасной резни со стороны армян. Престолонаследник, уважаемый человек, который всегда защищал армян, желает обязательно прекратить столкновения и установить мир и порядок между армянами и турками: в связи с этим отправляет делегацию, состоящую из двух высокопоставленных персидских чиновников, один из которых губернатор пограничной Маранд-Джульфы, а другой - племянник сардара Маку и двух армян - викария, иерея Карапета и Григора Агаджаняна, которые должны просить сохранить дружественные, братские отношения, не воевать, не истреблять друг друга, быть взаимно уступчивыми, сохраняя вековое добрососедство”¹.

Баку пошло дальше – уже в октябре, когда война еще не закончилась, были созданы “чрезвычайные следственные комиссии”, которые стали собирать материалы о “насилиях со стороны армян по отношению к мусульманам” в Елизаветпольской и Бакинской провинциях. Собранные материалы должны были быть направлены мирной конференции, созываемой после войны. Понятно, чтобы отвести внимание мировой общественности от собственных преступлений и представить палача в роли жертвы. Примечателен и тот факт, что для придания видимости объективности, комиссии были укомплектованы в основном инородцами - главным образом русскими².

У правительства Армении даже в мыслях не было предпринять что-нибудь подобное. И только при известии о шагах Азербайджана, Армения тоже предприняла кое какие действия для сбора материалов о насилиях по отношению к армянам со стороны османских и кавказских турок. Но эти работы не получили должного размаха из за финансовых затруднений. Вер-

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 5.

² Там же, ф. 276, оп. 1, д. 78, л. 30-31.

немся к делегации персидского наследника и ее деятельности.

В вышеизложенном письме от 6 декабря архиепископа Мелик-Тангына говорится: “Престолонаследник просил не воевать, дожидаться окончательного решения мирной конференции относительно пограничных вопросов между двумя республиками.

Комиссии примирения поручается осведомить на местах о причинах столкновений, одна из коих, о которой мы узнали, это то, что армяне возвращаются в свои исконные села, а местные турки препятствуют этому.

С надеждой, что Армянская республика и должностные лица пойдут навстречу примирительным шагам престолонаследника-армянофила и предложениям делегации, я этим письмом прошу любезно принять их, дать достойный ответ наследнику, объяснив причину столкновений, принять его делегацию и отправить обратно, удовлетворив ее пожелания”¹.

В первых числах декабря персидская делегация прибыла в Нахичеван, где ее ожидал сюрприз: местные ханы, наводнившие Тавриз прошениями о помощи, вдруг объявили, что “благодаря сопротивлению их храбрых солдат, армянские войска отступили, и они уже спокойны и не нуждаются во вмешательстве”².

Трудно сказать, знали ли в Нахичеване, что причиной отступления армянских войск было не сопротивление “храбрых солдат”, а перевод их на армяно-грузинскую границу, где с каждым днем атмосфера накалялась и пахло войной. Но они не могли не понимать, что это временное явление, что армянские войска вновь вернутся. Следовательно, почему они уклонялись от персидского посредничества? Можно предположить, что они надеялись на более мощного посредника. А это могло быть только английское командование - ведь именно англичане, как уже отмечалось, советовали нахичеванцам “не разоружаться и не пасовать перед армянами, а ждать решений мирной конференции”. Последующие события показали, что англича-

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 5.

² “Вем”, 1935, N 4, с. 4.

не на самом деле в начальном периоде не намеревались передавать Нахичеван Армении, а хотели создать нейтральную зону под собственным правлением.

Персидская делегация оставив сопровождавший отряд в Садараке, в сопровождении 4-х безоружных солдат, под белым флагом достигла Давалу (ныне – Арарат), где войсковая часть полковника Долуханяна устроила им торжественный прием. Правительство Армении послало специальный поезд для переезда делегации в Ереван¹. На вокзале делегацию встретили комендант города Арм. Шахатуни, персидский консул и препроводили их в гостиницу “Ориант”. Переговоры вел министр иностранных дел С. Тигранян, а через два дня делегацию принял также премьер О. Каджазнуни. Вот записка, которую руководитель делегации Высух-уль-Мамалик представил премьеру Каджазнуни: “Несколько дней назад жители Нахичевана, Шарура и уездов письменными и телеграфными жалобами обратились к Его высочеству престолонаследнику Персии, прося его защиты, а на днях были получены сообщения от начальников персидской границы о том, что в Даралагызском и Гарнибасарском районах и в Нахичеване женщины и дети, молодые и старые, пешком, в страхе перед армянским войском, непрерывным потоком переходят персидскую границу. Возможно, их число возрастет, поэтому мы – Хаджи Самсам-уль-Мюльк Макунский, губернатор Маранда Высух-уль-Мамалик, Тер-Карпет Манукян и Григор Агаджанян, по приказу Его Превосходительства Валиакты и председателя совета министров приехали сюда, дабы проверить сообщения и жалобы населения, затем свидеться с Вами и другими начальниками, чтобы положить конец этим беспорядкам и привнести в жизнь

¹ Согласно газете “Занг”, персидская делегация прибыла в Давалу только 27 декабря (“Занг”, 29.12.1918 г.). Самсон же пишет, что делегация прибыла в Ереван 9 декабря. Даже приняв во внимание фактор старого и нового календарей, все равно есть некоторое несоответствие.

обеих сторон доверие и спокойствие”¹.

Как видим, в этой записке на простом бланке нет ни слова о приостановлении армянских войск. Но во время встречи, кроме общих заявлений об армяно-персидских дружественных отношениях, персидские посланники Высух Мамалик и Хаджи хан больше говорили о незанятии армянскими войсками Нахичевана и необходимости ожидания решений Парижской конференции. Одновременно они уверяли “что это посредничество персидского правительства только дружественный шаг и не имеет официального статуса”, и при этом “выражали надежду, что правительство Армении не откажет в их просьбе”². Но, как уже было отмечено, Нахичеван уже отказывался от персидского посредничества. Следовательно, упрямо продвигая идею о не захвате вооруженным путем края, персы, несомненно, исходили из собственных интересов, то есть требования от конференции присоединения Шарур-Нахичевана к Персии. К этому вопросу мы еще вернемся, но сначала ознакомимся с позицией правительства Армении по отношению к предложению персов.

Во-первых отметим, что персидская делегация находилась в Армении во время армяно-грузинской войны. Поэтому, хотя во время первой встречи премьер Каджазнуни объявил, что Нахичеван является неотъемлемой частью Армении, просьбу же персидского правительства он обязательно поставит на рассмотрение Совета министров и даст окончательный ответ посланцам, но, будучи полностью поглощен военными заботами, обсуждение вопроса он отложил до 30 декабря, до заключения соглашения с Грузией о перемирии. А до этого произошла третья встреча персидской делегации с мининдел С. Тиграняном, во время которой вместе с Шарур-Нахичеванским вопросом обсуждался также вопрос о налаживании экономических связей. Причем, если Армению интересовал вопрос закупки продовольствия в Макуинском ханстве и Тавризской губернии, то персы

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 9.

² “Вем”, 1935, N4, с. 5-6.

интересовались возможностью импорта нефти через Армению в Тавриз. Объявив о готовности Армении содействовать персам, С. Тигранян особо отметил местоположение Шарур-Нахичевана с точки зрения налаживания транспортной связи, а также сообщил, что правительство Армении намерено послать представительство в Тегеран, которое будет полномочно вести переговоры с правительством Ирана по всем вопросам, представляющим взаимный интерес. Наконец 30 декабря, на заседании правительства, премьер Каджазунни, сообщив об установлении при англофранцузском посредничестве перемирия с Грузией, которое должно было войти в силу в 24 часа 31 декабря, затем доложил о переговорах с персидской делегацией и предложил обсудить. В результате принимается следующее решение: “2. Во время переговоров с прибывшими из Тавриза представителями персидского престолонаследника об уездах Шарур-Нахичевана, поручить премьеру следовать следующим положениям:

- а. что правительство считает эти уезды частью территории Армении;
- б. армянские войска дойдут до “Волчьих ворот”;
- в. армянское правительство мирным путем установит порядок и власть в этих уездах и равноправно будет относиться ко всем нациям. Порядок и власть необходимы также для того, чтобы после возвращения армянских беженцев в свои села в Нахичеване была бы возможность возобновления и сохранения дружественных отношений с турецким населением;
- г. обратиться к представителям персидского правительства, чтобы, принимая во внимание наши миролюбивые устремления, они также со своей стороны уговорили бы турков Шарура и Нахичевана подчиниться армянскому правительству до окончательного решения проблемы границ на мирной конференции;
- д. предложить правительству Персии назначить консулов в этих уездах, одновременно сообщив им, что мы

обратимся к англичанам с просьбой назначить посты английских войск по ходу железной дороги;

- е. стремясь к тесным торговым отношениям с Персией, признать, что для этого необходимо, чтобы в находящемся вокруг железной дороги этих двух уездах сохранились спокойствие и порядок, желдорога была бы безопасной, к чему стремится наше правительство”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

К слову, если бы правительство Армении было бы осведомлено о притязаниях Ирана к Восточному Закавказью и особенно к Нахичевану и о секретной дипломатической деятельности в этих краях, то вряд ли предложило бы назначить консулов в Нахичеване.

Посланцы Персии, получив решение правительства Каджазунни от 30 декабря а также приняв участие в торжествах устроенных Советом Армении по случаю Нового года, в начале января двинулись обратно. Из хранящегося в НАА документа узнаем, что 7 января 1919 года на заседании правительства рассматривался вопрос о “Направлении делегации в Персию” и было принято следующее решение: “3. а) Послать в Персию делегацию из 2-х человек;

б) посланцами назначить Г. Тер-Гукасяна и полковника Шахбазяна;

в) делегацию в качестве драгомана будет сопровождать турок Мир-Багиров;

г) поручить министру иностранных дел дать делегации соответствующие аккредитации и инструкции согласно решениям совета министров от 30 декабря. *Вместо решения о вооруженном захвате “Волчьих ворот” поручить делегации вместе с турецким населением прийти к мирному соглашению по этому вопросу”*² (подчеркнуто нами – Э.З.).

Как видим, в начале января 1919 года “Волчьи ворота” еще

¹ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 11, л. 41.

² Там же, д. 43, л. 4.

не были захвачены, то есть армянские войска еще не вошли в Шарур, в то время как правительство Азербайджана рассылало жалобы и во время того же заседания правительства Армении была рассмотрена также телеграмма “министра иностранных дел Азербайджана, которой он выражал протест относительно насильственных действий против турецкого населения Шарура и Нахичевана” и решено “принять телеграмму к сведению и поручить министру иностранных дел дать ответ”¹.

1 января в Ереван прибыл также уполномоченный ведибасарцев Али Айвазов и вручил персидской делегации записку, в которой просил ходатайствовать перед правительством Армении положить конец насилиям совершаемым в горных селах Ведибасара группами Мушега и Мартироса. И судя по телеграмме полковника Долуханяна от 3 января, персы это заявление не оставили без последствий. “Сегодня был нарочный от Япона, который сегодня же возвращается. Япон в Хачике и сообщает, что вследствие письма персидской делегации приостановил военные действия против татар... Сасунцы находятся в селах Шахаблу, Кадылу, Караян, Синдазаслу и Биралу.

Осталось около двухсот человек, остальные, взяв награбленное, возвратились в свои семьи. Я приказал сасунцам и Япону оставаться на местах и ждать приказа о нападении на Шарур...”².

Так армянская сторона пошла навстречу персам, стараясь мирно решить вопрос. При этом в те же дни персы составляли планы захвата обширных территорий Средней Азии, Закавказья и Междуречья. 4 февраля прибывшая в Париж персидская делегация публично заявила о предъявлении конференции своих требований и вскоре представила меморандум, состоящий из трех частей. В первой части были представлены политические, правовые и экономические основы независимости Персии, во второй – территориальные претензии, а в третьей –

право компенсации за военный урон. К первой и третьей частям мы не обратимся. Что касается второй части – о территориальных притязаниях, то там прямо сказано:

“Персия- географическая единица с природными границами, она простирается между рекой Аму-Дарья, Кавказскими горами, реками Евфрат и Тигрис и Персидским заливом. В этническом плане она всегда была заселена иранскими народами. Основанные на этой территории империи всегда имели иранский характер. Этими землями всегда владели персы. Только с 19 века ослабевшая от внутренних гражданских войн Персия была вынуждена отступить на севере перед Россией и на западе перед Турцией”¹. Затем, представив краткую историю этих войн, Персия в меморандуме требовала во имя “права и справедливости возвратить захваченные насилием и несправедливостью земли. Она требует, чтобы ее границы были определены согласно праву и законам природы, так чтобы она была защищена от набегов соседей”².

А каковы были конкретные требования Персии? Оставив в стороне притязания к Средней Азии и Курдистану, дословно процитируем сказанное по отношению к Закавказью;

Б) Вследствие русских войн отняты у Персии города и губернии на севере. Вспомним Баку, Ширван, Дербент, Шаки, Шамахи, Гянджу (Елизаветполь), Карабах, Нахичеван, Ереван.

Эти районы должны быть возвращены Персии, так как они и раньше составляли часть страны. Подавляющее большинство их населения мусульмане и их большая часть по происхождению персы. Наконец, по всем параметрам-историческим, географическим, экономическим, торговым, религиозным, культурным – они связаны с Персией. В конце концов, недавно большая часть жителей этих районов обратилась к правительству в Тегеран с просьбой о покровительстве и лелея надежду

¹ Там же.

² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 12.

¹ “Вем”, 1934, N 5, с. 109-110.

² Там же, с. 110.

вернуться в лоно Персии”¹. К меморандуму прилагалась карта, на которой красным были отмечены требуемые персами территории а синим – все те районы, присоединение которых к Персии считалось желательным. К первым относились;

“а) Весь Закаспий – начиная с северозападного угла Аральского моря, равниной Аму-Дарьи до места соединения Бухары и Афганистана, на юге-почти у Герата, на севере – прямой линией от северозападного угла Арала до Каспийского моря.

б) На Кавказе весь Азербайджан, начиная от Дербента, через Закаталу к Лори и Шираку, по восточной части Карса к границам 1914 года, вбирая в себя все земли от востока Кавказа, то есть всю Восточную Армению.

в) район Сулеймание.

Во вторую часть земель входили большая часть Западной Армении и почти полностью Курдистан. Граница начиналась с севера Муша до северной части Харберда, затем по Евфрату спускалась к югу и, выше Самары пересекая Тигр, соединялась с персидской границей в районе Серипули”².

Вызывает удивление то, что люди с таким аппетитом забили Тифлис и Восточную Грузию. Но это их проблема.

Мы здесь не будем рассматривать выдвинутые в меморандуме исторические, торговые, культурные и другие аргументы, коими персидское правительство старалось обосновать свое право на обширные территории Закавказья. Они попросту не заслуживают внимания. Например, как можно говорить, что большая часть народов, населяющих Кавказ “по происхождению персы”, или религиозно и культурно связаны с Персией? Как будто в Европе не знали, какое происхождение у кавказских народов или какую религию они исповедуют, или были в неведении, что на протяжении веков Персия свое владычество над отмеченными районами устанавливала с помощью оружия, как и Россия в XIX веке. Но самое удивительное это последние строки,

¹ Там же, с. 110-111.

² Там же, с. 112.

где сказано, что большая часть жителей этих районов обратилась к правительству Тегерана с просьбой о покровительстве и лелея надежду вернуться в лоно Персии. Мы уже отмечали, что даже маленький Нахичеван, который в ужасе от продвижения армянских войск вначале обратился к Персии с просьбой о посредничестве (посредничестве, но не покровительстве), затем отказался от этого, как только армянские войска остановились.

Какую тайную дипломатическую деятельность развели персы в Лондоне, Вашингтоне и Париже по реализации своих “смелых”, по определению “Вема”, требований, к сожалению, невозможно полностью восстановить из-за недоступности персидских архивов. Но находящиеся под рукой материалы достаточны для полного представления деятельности делегации министра иностранных дел Ирана Носрета Эд-Доулея. Выясняется, что, выдвигая такие большие требования, персидское правительство надеялось не столько на британское правительство (требования меморандума главным образом затрагивали британские интересы)¹, а на дипломатическую поддержку Соединенных Штатов, которые в ту пору делали определенные шаги по укреплению своего влияния в Иране. Еще осенью 1918 года персидское правительство с этой целью начало переговоры с американским послом в Тегеране Колдуэллом, который уже 15 ноября в телеграмме направленной своему правительству предлагал посодействовать просьбе руководящих кругов Ирана и взять на себя инициативу по решению вопроса персидских притязаний. Полномочный представитель Ирана в США Али Гули Хан 21 ноября с такой же запиской обратился к госсекретарю США с просьбой о содействии на парижской конференции в вопросе защиты прав Ирана².

Президент США Вудро Вильсон обещал посодействовать

¹ В меморандуме были такие требования, как отмена англо-русского договора 1907 года, концессий, капитуляционного режима и т.д.

² См. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. The Paris Peace Conference, Washington, 1942, vol. 1, p. 256-257.

и действительно сделал некоторые шаги в этом направлении, но результатов не добился, ибо Ллойд Джордж имел совершенно иную позицию. Выражая настроение правящих кругов Англии, "Таймс" с иронией писала в эти дни, что "перед стремлением установить опеку над периферийными районами, Персия должна доказать, что она в состоянии защитить собственные земли"¹.

Подобная позиция Англии предопределила отклонение персидских требований. Конференция даже не соизволила отдельно рассмотреть меморандум Носрета Эд-Доулея, посчитав его несерьезным. Не помогла также попытка розыгрыша антисоветской карты со стороны правящих кругов Ирана. Высух Эд-Доулей и его окружение старались привить Западу и особенно Англии мысль о том, что только великий и могучий Иран будет в состоянии остановить экспансию большевизма на Восток. Вот почему в первые месяцы 1919 года в Иране усиливаются антисоветские настроения – летом в Тегеране убивают дипломатического представителя Советской России И.О. Коломийцева, а в РСФСР закрывается иранское дипломатическое представительство.

Но все усилия правительства Высуха Эд-Доулея были напрасны. Несомненно, Англия применяла все средства для пресечения распространения большевизма на Восток, но не за счет усиления Ирана и не выпуская этот лакомый кусок из рук. Вот этого не поняли правящие круги Ирана. Потерпев неудачу на парижской конференции, правящие круги Персии были вынуждены впредь не выступать с обширными требованиями, действовать осторожно и замаскированно и удовлетвориться просьбой о признании прав на Нахичеван. Летом 1919-го года с одной стороны ведя в Париже большую работу хотя бы по признанию своих прав на Нахичеван, с другой-они при помощи своих агентов вели в Нахичеване тайную деятельность по

¹ И.А. Юсупов. "Установление и развитие советско-иранских отношений, (1917 – 1927)", Ташкент, 1969, с. 55.

привлечению местного населения на свою сторону. А когда летом 1919 года в Нахичеване началось восстание против Армении, правительство Персии решилось воспользоваться этим моментом, на особом заседании рассмотрело вопрос присоединения Нахичевана к Ирану и поручило своей делегации в Париже провести соответствующую работу в этом направлении. В Ереване об этом стало известно довольно поздно – в начале 1920 года и дипломатическому представителю Республики Армения в Тегеране Иосифу Аргутяну было дано поручение выяснить истину. Тот сразу встретился с мининдел Ирана и потребовал объяснений. "Вчера встретился с министром иностранных дел Персии, – сообщал И. Аргутян в телеграмме от 20 февраля 1920 года, – он меня официально заверил, что персидское правительство не имеет таких намерений"¹.

Аргутян далее пишет, что он обратился также к предводителю Атрпатаканской епархии Мелик-Тангяну, но получил неопределенный ответ. "Сведения из достоверных источников также отрицательны и доказывают, что Персия таких шагов не предпринимала, – говорится в продолжении письма. Шарурский и Нахичеванский районы в панике и в ужасе от ожидаемого нападения Армении. Турки Нахичевана обратились к своим сторонникам из Тавриза и получили ответ. Как видно, вопрос не серьезен, продолжается проверка. Вследствие моей жалобы консул в Нахичеване Хаут-бей, злобная личность, был уволен и на его место назначен новый"².

Но дальнейшие "проверки" показали, что Персия не только "предприняла такой шаг", но и лелеет надежды, связанные с парижской конференцией. Во время дальнейших встреч с Аргутяном, под давлением фактов, персидский мининдел постепенно уступил и признал наличие такого намерения. В телеграмме от 17 марта Аргутян уже говорит, что "министр иностранных дел сказал мне, что решение этих проблем остается

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 440, л. 10.

² Там же.

за конференцией, а английский посол более откровенно сказал, что союзники не допустят, чтобы Персия перешла Аракс”¹. Отсюда видно, что обеспокоенный Аргутян обратился также к английскому послу в Тегеране. Ответ последнего мог в какой то мере успокоить и Аргутяна, и правительство Армении, но не Персию. Поэтому в ход пускаются также другие средства, в частности возможность уговорить нахичеванцев и переманить их на сторону Персии. 4 марта 1920 года в письме направленном из Тавриза в Ереван премьеру Хатисяну, архиепископ Нерсес Мелик-Тангян пишет: “Вопрос присоединения Нахичевана к Тавризу отпал, сейчас стараются подойти к вопросу по-персидски – предлагают помирить Нахичеван с Арменией без борьбы и крови. Мы ответили, что как подданные Персии не имели права вмешиваться в дела Армении, мы, будучи сторонниками перемирия, можем быть выразителями вашего желания, чтобы Нахичеван подчинился Армении, не спорил, Армения со своей стороны может их уважать, назначать должностных лиц из их числа в Нахичеван, в Ордубаде, в Шаруре”. *Из них двое назначены для ведения дела присоединения Маку и Нахичевана к Тавризу, но это еще вольтынется, когда мы спросили об этом, они отреклись, сразу же переменили тон, посмотрим*”² (подчеркнуто нами – Э.З.).

Такова была персидская политика в вопросе Нахичевана. Ее можно охарактеризовать только как двуличную. Претендуя на Нахичеван, персидское правительство, политические и государственные деятели одновременно не отваживались выступать явно, предпочитали ложь и тайную деятельность. В чем была причина? Может, страх перед полноправными хозяевами в Иране англичанами или нежелание портить отношения с Арменией? Трудно ответить на этот вопрос.

¹ Там же, д. 543, л. 20.

² Там же, д. 499, л. 62.

* * *

Потерпев поражение в Первой мировой войне и согласно Мудросскому перемирию (30 октября 1918-го года) будучи вынужденны оставить оккупированные территории Закавказья, в числе коих также Шарур-Нахичеван, Османская Турция не забыла “проявить заботу” о будущем края и наспех организовала так называемые Араздаинскую и Нахичеванскую республики, которые затем объединились в Аракскую республику¹. В ее составе считались не только Шарур-Нахичеван, но и Ведибасар, Зангибасар, даже весь Сурмалинский уезд. Цель была ясна – создав пелену суверенитета для этого образования, препятствовать объединению этих, с точки зрения пантюркизма имеющих очень важное значение территорий с Арменией и сохранить возможность для вторичного овладения ими в будущем или в худшем случае – для присоединения их к Азербайджану. Хорошо понимая также необходимость военной обороны этих новообразований, турки оставили в регионе большое количество оружия, боеприпасов, группу офицеров под руководством Халил-бея, более чем 300 испытанных, опытных солдат, которые продолжали муштровать августовских призывников, организовали новый призыв и т.д. С целью придания видимости нормального государства были созданы мажилис, правительство, полиция и казначейство.

Как уже было отмечено, параллельно с отходом османских войск из Араратской долины и Шарур-Нахичевана, армянские войска, а вместе с ними также беженцы двинулись к Шарур-Нахичевану. И несмотря на сопротивление турок Ведибасара и Араздаяна, уже в начале декабря армянские войсковые соединения дошли до “Волчьих ворот”, отделявших Шарур от Араратской долины. “Наши войска почти без помех двигаются к Шаруру, – читаем в сообщении газеты “Занг”. - В Камарлу уже

¹ То же было создано в Карсской области и названо Юго-Западной республикой.

образована местная власть и постепенно восстанавливается порядок. На станции Арарат турки оставили два больших паровоза и несколько вагонов. Ремонтируется телеграф и железная дорога. Крупные курдские банды находятся на берегу Аракса и рядом с Давалу. Они оказали сопротивление нашему войску. Началась артиллерийская канонада. У нас было трое раненых. Баюкведийские турки сначала отказались разоружаться и пытались сопротивляться, но затем сдали свое оружие. Садарак в наших руках. Из Шарура доходят вести, что турки готовятся к серьезному сопротивлению, турецкие эмиссары и беи натравливают народ против армян¹. А в телеграмме направленном генералу Силикяну и министру внутренних дел Араму Манукяну командир войсковой части Даралагяза Япон пишет: “13 декабря, после упорного сопротивления турок, заняли село Амагу. Завтра двинемся к Яйджи и Шаруру²”.

29 декабря “Занг” вновь обращается к военным действиям в Шарур-Нахичеванском районе и сообщает, что “20 декабря батальон второго полка разоружил жителей села Яйджи. До 22 декабря сдались жители Шарура и добровольно сдали свое оружие. Жители Нахичевана и Шахтагты, недовольные разоружением, решили напасть на третий полк, но встреченные огнем, разбрелись по горам. В 2 часа, посланная на разведку рота заметила группу татар, которые собирались напасть на Баш-Норашен. На помощь был послан батальон с двумя ротами. Татары подняли белый флаг, но когда рота вошла в село, татары открыли огонь. Убиты командир роты и много солдат”.

В том же номере “Занга” напечатана и следующая телеграмма Япона: “Прибывшие из Д. полка и Шарура турки заняли горы Улиа-Норашена и Яйджи, и я вынужден остановить продвижение. Турки решили оказать серьезное сопротивление.

¹ См. ВАА, 1993, N 1-2, стр. 75.

² Там же.

Весть о продвижении Андраника из Сисиана в Нахичеван не уточняется”¹.

На деле, если бы Андраник со своим войском двинулся из Сисиана в Нахичеван, возможность чего он имел после возвращения из Забукского ущелья, то этим не только бы способствовал установлению в крае власти Армении, но и помог бы сконцентрированным в Мегри беженцам вернуться домой. Но он непонятно почему не двинулся с места и нахичеванские турки, не видя опасности со стороны Зангезура, поспешили на помощь своим шарурским соратникам. Однако не столько сопротивление турок, сколько возникшие во время армяно-грузинской войны (13-31 декабря 1918 года) трудности заставили армянское командование спешно перевести часть войск в северные районы Армении. Оставшиеся на месте малочисленные армянские силы во избежание случайностей отошли к Давалу. Это поставило беженцев в довольно сложное положение. Беженцы из Еревана и его окрестностей (более 5000 человек) были вынуждены остановиться в Камарлу, нашедшие пристанище в Каралагязе тоже не смогли перейти в Нахичеван, то же было в Зангезуре и в других местах.

27 декабря 1918 года полномочные представители Мегринского района пишут в прошении генералу Андранику: “Беженцы из Гохтана и Нахичевана концентрируются в Мегринском районе, чтобы по берегу Аракса, единственно удобной и кратчайшей дорогой вернуться на родину. Армянское население Гохтана – 6-7 тысяч человек, страдают от голода, смертельные случаи учащаются.

Тюркское население Гохтана, в руках которого находится продовольствие, не снабжает армян хлебом. Армянское население Капана и Мегри не может помочь своим голодающим соплеменникам, ибо турки Ордубада закрыли и продолжают держать закрытыми дороги Мегри-Ордубад и Ордубад-

¹ Там же, с. 77.

Нахичеван. Сообщив об этом, *просим Вашего посредничества для немедленного открытия дорог*. Национальному совету Зангезура представлена копия протокола и заявления, как доказательство нашего письма”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.). Остается гадать, Андраник где и перед кем должен был посредничать, чтобы открылись Ордубад-Нахичеванские дороги? Или мегринцы этим своим предложением хотели косвенно дать понять Андранику, что необходимо двигаться к Нахичевану и собственными силами открыть эту дорогу и этим спасти беженцев от голодной смерти? Мы склонны именно так прокомментировать суть документа, ибо если стоял вопрос посредничества (скажем, перед дашнаками), то мегринцы обратились бы к правительству Армении, а не к Андранику.

Газета “Занг” 5-го декабря 1918-го года пишет: “Живущие в районе Сурмалу, Шарура и Нахичевана турки создали “Аракскую республику” и объявили себя независимыми. Они заявили правительству Армении, что разрешат вернуться армянским беженцам, но при условии, чтобы те были безоружны и жили там, где им укажут. Беженцам из Западной Армении и войскам Армении они не разрешат пересечь границы “Аракской республики”. Газета также информирует, что “по отношению к возвращающимся армянским беженцам применяется насилие, были случаи похищения и изнасилования армянских девушек” и делает вывод, что “непременно правительство Армении не допустит в своих границах такого мятежа и примет крутые меры для установления в этих уездах порядка”. Но для принятия крутых мер нужна была военная сила, а войска, между тем, как уже было отмечено, были переведены на грузинский фронт. И в зимних условиях состояние беженцев ухудшилось, голод и инфекции делали свое черное дело. Вот, например, что говорится в первые дни января 1919 года в сообщениях из Камарлу о положении сконцентрированных там

¹ ВАА, 1993г., N 1-2, с. 76.

нахичеванских беженцев: “пунктов питания мало, надо увеличить”, смертность растет, ежедневно достигает до 70 человек... помощь хотя бы для погребения мертвых, которых очень много, а похоронщиков нет и все они нахичеванцы”. В этих же документах говорится также о том, что местные турки, которые после переселения армян завладели их имуществом, полями и покосами, отказывались что-либо продавать армянам, даже когда армяне предлагают более высокую цену, с целью уморить их голодом. Говорится также, что “они вместе с курдами еще совершают набеги на беженцев” и что “турки в резком тоне передали английской миссии, что не разрешат армянам вернуться в свои села” и т.д.¹

Министерство призрения, представив правительству составленную на основе всех этих сообщений докладную, одновременно предлагает следующее: “Единственное средство спасения, чтобы правительство предприняло крутые меры для улучшения тяжелой ситуации, а основные средства, это, *во-первых, осуществить наше законное требование, то есть отправить беженцев на свою родину и этим создать устойчивую жизнь, вместо жизни как перекасти- поле, во-вторых, любой ценой, из обильного запаса хлеба у соседей, в основном выращенного нашим народом, хотя бы купить немного для обеспечения нескольких месяцев существования, и в-третьих – окончательно прекратить спровоцированную османским правительством татарскую анархию в нашей стране*. После этого необходимо поверить, что татарский народ, как наш народ, вовлечется в мирную работу и начнет жить честным трудом”² (подчеркнуто нами – Э.З.).

Понятно, что для реализации этих предложений требовалась военная сила в нужном количестве и правительство Армении сразу после окончания армяно-грузинской войны дало

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 90.

² Там же, с. 91.

указание командованию сконцентрировать войска в Давалу. Но руководство Аракской республики прибегло к дипломатической хитрости. Начав переговоры, их представители заявили о своем подчинении и уговорили правительство Армении не продвигать войска, дать им 8-10 дней для того, чтобы уговорить свой народ не оказывать сопротивление и с миром принять армянское правление. 13 января полковник Долуханян телеграфирует из Давалу, что "от подполковника Шахбахова получил письмо следующего содержания: "Прошу вас сообщить правительству, что переговоры по зачистке Садарака и Волчьих ворот проходят успешно. Нахичеванцы и шарурцы согласны тотчас послать для Армении хлеб, рис и имеющуюся в этих районах мануфактуру. Подробности сообщит специальный курьер из Нахичевана, которого ожидают 14-15 января"¹.

Подобные сообщения вселили веру в правительство Армении по отношению к турецким представителям и войскам был дан приказ не выдвигаться из Давалу и ждать нового распоряжения². Правительство настолько уверовало в достигнутое соглашение, что на заседании 14 января был рассмотрен вопрос о назначении генерал-губернатора в Нахичеван и решено "назначить генерал-майора Григория Арутюновича Шелковника на генерал-губернатором Нахичевана с 14 января 1919 года"³. В то время, когда армянское правительство спокойно ожидало приглашения шарур-нахичеванцев, те, с одной стороны, укрепляли свою оборону и вместе с тем вели секретные переговоры с британским командованием Кавказа, прося их не разрешать вступления армян в край. 8 января полковник Долуханян телеграфирует командиру дивизии в Ереван, что "Япон сообщает, что по разведанным татары из Персии, Ордубада, Нахичевана скапливаются в Шаруре. Кроме этих сил, в Шаруре

¹ Там же, д. 212, л. 14.

² Там же, д. 193, 1-я ч., л. 63.

³ ВАА, 1993, N 1-2, с. 61.

находятся семьсот турецких аскяров под командованием Халил-бея и Юсуф-бека"¹. Что касается британского командования, то оно не хотело и не могло признать Аракскую республику, ибо это бы означало откровенное проявление тюркофильства, но создать такую же нейтральную зону, как Лорийскую, здесь, где они были бы полновластными хозяевами, хотели и не могли упустить этот повод. Вскоре в регион прибыла английская военная делегация, как бы для ознакомления с ситуацией на месте, но по прибытии стало ясно, что ее основной целью было приостановление армян.

6 марта 1919 года в одном из писем, направленном в Париж Аветису Агароняну С. Тигранян так представляет эти события: "Наши войска продвигались к Шаруру, Нахичевану, Джульфе для занятия районов оставленных османскими войсками. Турки сопротивлялись. С Волчьих ворот (граница Ереванского и Шарурского уездов) наши войска вернулись в Давалу (во время армяно-грузинской войны), затем подготовились к продвижению. Прибыли представители турок Шарура и Нахичевана, провели переговоры с нашим правительством, согласились, что в течении 8-10 дней наши войска не выдвинутся из Давалу до того, как они подготовят мирный тюркский народ к пониманию того, что армянское войско не причинит им вреда и чтобы они вышли навстречу армянскому войску и мирно, спокойно приняли армянскую администрацию. Но приехал английский капитан Лотен, проехал в Нахичеван узнать в чем дело... и в результате своего доклада был назначен Британским военным губернатором Нахичевани и подполковником, затем прибыл в Ереван с требованием, чтобы мы ответили наши войска даже к северу от Давалу..."² (подчеркнуто нами - Э.З.).

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 13.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 193, 1 ч., л. 63. См. также С. Врацян, Республика Армения, стр. 258.

А вот как представляет ситуацию в Закавказье общий командующий британскими войсками в Закавказье Форестье Уокер в письме премьеру Республики Армения от 29 января:

1. Недатированная телеграмма министра иностранных дел была получена 21 (этого месяца), коим сообщалось, что ввиду того, что Нахичеван был незанят, Ваше правительство не может быть ответственным за события в этом районе.
2. Исходя из этого, я приказал капитану Лаутону в сопровождении британских войск (escorte) пройти туда и проинформировать меня о ситуации.

Его информатор пришел к тому же выводу, о чем говорится в вышеназванной телеграмме. Он сообщает, что когда он доехал, сражение продолжалось и он распорядился о перемирии между двумя сторонами.

3. Копия перемирия прилагается для Вашего сведения. Это перемирие в общих чертах обозначает границу между войсками двух сторон.
4. Имея в виду этот факт и опираясь на те полномочия, которые даны мне как представителю союзных государств от имени Британского главного командования для сохранения порядка в Закавказье, я официально информирую правительство Республики Армения о том, что намерен взять власть в том крае, который расположен к югу от названной линии и к северу от турецкой границы, пока мирная конференция не решит ее будущее.
5. Данным уездом под моим контролем будет руководить капитан Лаутон в звании полковника-лейтенанта, которому будет помогать отобранная им администрация.
6. Точные границы военной губернии (governership) должны быть решены полковником-лейтенантом Лаутоном, в основном имея в виду те уезды, где мусульманское и неармянское население составляет большинство. Эти

границы не обязывающие, а временные, согласно перемирию, описанному в 3-м параграфе. Подробности границы полковник-лейтенант Лаутон должен сообщить армянскому правительству и передав мне те возражения, которые может сделать Ваше правительство, подчиниться моему решению.

7. Скоро пошлю британского военного управляющего Нахичеванского уезда, один батальон из британских военных частей и, думаю, что этого будет достаточно для охраны порядка.
8. Этот шаг, необходимость коего, я уверен, разделяет со мной армянское правительство, как я уже сказал, просто временная мера и не может сделать недействительным то требование (claim), которое армянское правительство выдвинуло или может выдвинуть мирной конференции для удержания в границах республики данного уезда.
9. Я знаю, что могу быть уверенным, что армянское правительство всеми доступными ему средствами поможет мне сохранить порядок в границах этой временной военной губернии¹ (подчеркнуто мною – Э.З.).

Нет основания не верить добрым пожеланиям британского военного командования о прекращении межнациональных столкновений. Во всяком случае письмо свидетельствует об этом.

Но в жизни часто случается, что посредничество с добрыми намерениями превращается в свою противоположность и вместо того, чтобы утихомирить страсти, еще более их разогревает. Так случилось и на этот раз, ибо прибывшая в Нахичеван английская миссия не призывала к покорному признанию власти Армении и установлению мира, а обещала создать отдельное генерал-губернаторство под английским контролем,

¹ Там же, д. 209, л. 24-25.

что еще более подогрело сепаратные настроения. В этом причина, что после прибытия в регион английской миссии последователи ислама приняли более вызывающую и разнузданную позу, снова начали бряцать оружием и нападать на армянские села и военные части. Одновременно, стремясь обеспечить более обширные границы для создаваемой губернии, 27 января начали восстание в контролируемых армянскими войсками Ведибасарском и Давалуйском районах. Но до рассказа об этом скажем, что возглавляемая капитаном Лаутоном миссия 19 января, двинувшись к Нахичевану и встретившись в Ереване с правительством Армении, в дальнейшем не поддерживала с ним связи и не сотрудничала для обеспечения общего дела. В его поведении в какой-то мере выражалось презрение к правительству Армении, и это обстоятельство поощряло мусульман. Такова отличительная черта колонизаторов: принуждают условия перемирия, отделяются целые районы, чертят границы, не считаясь с мнением правительства Армении.

Британские власти оставляли за собой право отделять от Армении все те "уезды, где мусульмане и неармяне составляют большинство" и только "официально проинформировать правительство Республики Армения" об этом. Но они так не обращались ни с Грузией, ни тем более с Азербайджаном. Полностью армянонаселенный Ахалкалаки в январе оставили под господством Грузии, не посчитавшись с волей народа, а Лори не был отдан Армении. От Грузии не были отделены также другие территории с негрузинским населением. Что касается Азербайджана, то ему еще более угождали не только в вопросе Шарур-Нахичевана, но и Нагорного Карабаха и Зангезура, армянскому населению которого в эти же дни приказали подчиниться Азербайджану, а кровавого Хосров-бек Султанова назначили губернатором. Получается, что над армянами можно было назначить мусульманина-губернатора, а над мусульманами, армянина-губернатора - нет. Так были настроены и так действовали британские власти.

Протест со стороны правительства Армении был бы естественен, и это выразилось в письме министра иностранных дел С.Тиграняна, направленном 23 января командующему британскими войсками в Закавказье. В связи с поднятыми Тиграняном проблемами о нейтрализации Армении в вопросе Нахичевана, о разработке в одностороннем порядке условий перемирия и некоторыми другими, Форестье Уокер отвечает 29 января в свойственной военным манере – по пунктам:

“1. Получил Вашу записку N103 от 23 января. Частично на это письмо я ответил 27/1 (должно быть 26/1 – Э. З.) запиской N127/3, направленной премьеру Республики Армении.

2. Но как видно, случилось какое-то недоразумение в связи с делами капитана Лаутона в Нахичеване:

Передаю подробности моих приказов капитану Лаутону для помощи в освещении этого дела.

3. Целью отправления капитана Лаутона в Нахичеван было то, чтобы он там выяснил обстановку, по возможности скорее вернулся в Тифлис и доложил бы мне. Ему, однако, была дана инструкция использовать мой авторитет, действовать, не советуясь со мной. Действуя согласно инструкциям, капитан Лаутон не мог проинформировать 19 января правительство Армении в Ереване о том деле (*action*), каковое он должен был сделать по прибытии в Нахичеван, потому что ему самому было неизвестно то дело, решение которого он почитал бы необходимым.

4. Прибыв в Нахичеван, капитан Лаутон удостоверился, что на самом деле между Арменией и мусульманами Нахичевана было военное противостояние. Действуя в рамках мною данных полномочий, он немедленно предпринял необходимые меры и представил те условия перемирия, копии которых были посланы Вашему превосходительству. Ясно, что, представляя условия переми-

рия, капитан Лаутон не посоветовался с правительством Армении по той причине, что он действовал согласно моему приказу – собственным влиянием сразу пресечь войну, которая могла начаться.

Ваше превосходительство должно понимать, что условия перемирия отличаются от мирного соглашения и могут, что часто случается, подписываться низшими командирами с двух сторон.

5. Жаль, что Лаутон Фарриль не смог лично проинформировать правительство Армении о положении в Нахичеване. Такой приказ ему не был дан, безусловно, по той причине, что через господина Саркисяна Вам должен был быть передан подробной доклад.

6. Заканчивая, хочу заверить Ваше превосходительство, что капитан Лаутон действовал в Нахичеване с моего полного согласия. Я сожалею, что все это было сделано без согласования с правительством Армении, Но Ваше превосходительство должно понять те трудности, которые сделали этот поступок неотложным”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Видно, что командующий британскими войсками в Закавказье всецело оправдывает действия Лаутона и заверяет правительство Армении, что это было необходимо. Действия Лаутона настолько поощрили мусульманских сепаратистов, что те решили изгнать армян также из Давалуйского и Верибасарского районов и 27 января начали общее восстание в вышеназванных районах. В этот день, в 7 часов вечера, подполковник Каракешешев телеграфирует командиру дивизии, что: “Татары из Ширазлу, Овшара, Чатыхрана, Каралара получив помощь из Беюкведи, Шихлара и Шидлу, около 16 часов внезапно напали на находящиеся в этих местах милицию и воинские части. По информации комендантов этих пунктов, ввиду невозможности

¹ Там же, д. 212, л. 51-52.

принять бой в этих селах и с наступлением темноты, наши войска отошли на окраины и укрепились в этих местах. Для восстановления порядка отсюда была выслана помощь, а из Камарлу – батальон 2-го полка.

Поставлена задача к утру восстановить порядок... Исходя из общего состояния, считаю необходимым выслать бронепоезд”¹.

Военный министр Республики Армения генерал Ахвердян в записке от 16 марта направленной министру С. Тиграняну, возвращаясь к восстанию 27 января в Давалуйском районе², пишет: “В последние дни января, татары, которые до этого ограничивались только тем, что не продавали хлеб армянам, начали себя вести вызывающе и весьма подозрительно по отношению к армянским властям, открыто заявляя о своем желании не подчиняться Республике Армения. В их селах появились курды и оставшиеся после отступления турок аскяры. Ночами происходили какие то собрания, при этом мужчины, часто вооруженные, группами появлялись на крышах домов. И как естественное продолжение вышеописанного, настроенность татар закончилась убийством нескольких сасунских всадников и в дальнейшем внезапным одновременным нападением на армянские войска во всех селах Давалуйского района”. Затем отметив, что это была заранее спланированная акция, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что заранее женщины, детей и имущество перевели на правой берег Аракса, и что восстание во всех селах началось в тот же день, в тот же час (27 января в 16 часов), ген. Ахвердян продолжает: “Когда 30 января к вечеру в Нахичеван прибыл представитель союзных войск подполковник Лаутон и военные действия с нашей

¹ Там же, л. 36.

² Для выяснения всех подробностей восстания ген. Ахвердян командировал ген. Бей-Мамиконяна, но турки отказались давать объяснение, и он вынужден был удовлетвориться только свидетельствами армян.

стороны полностью прекратились, татары, даже не подумав сделать то же самое, продолжив выступления и нападения и даже 1 февраля начав нападение со стороны села Енгиджа на наш Камарлинский отряд, попытались обойти его с фланга и зайти с тыла, ввиду чего мы были вынуждены для пресечения возможных сюрпризов принять все необходимые меры”¹.

Когда военный министр говорит о внезапности восстания 27 января, то нам кажется, что это делается для самооправдания по той простой причине, что информацию о ситуации в районе Ереван всегда получал. Вот, например, что сказано в записке, направленной перед восстанием командиром Сасунского полка Карапетом Манукяном в “Ереван, военному министру и министру внутренних дел, генералам Силикову, Пирумову и Дро”: “Снова вынуждены доложить вам о положении вещей. Малая часть наших сил сейчас расположена у сел Зинджирлу, Кадылу, Карахач и Шахаблу, а большая часть находится в Дзхнийском ущелье. Нападения на нас происходят чуть ли не каждый день. Например, 20 января, вечером в 9 часов внушительные силы турецких аскяров, курдов и местных татар напали со стороны Чиманкенда. Мы потеряли убитыми 10 человек и ранеными 12. Нападение была отбито, и мы их гнали до села Чиманкенд, но согласно Вашим приказам, не войдя в село, вернулись обратно. По сообщениям наших разведчиков в селе Садарак собраны большие силы татар. Их разведчики появлялись в Кярки. Наше последнее условие – если с Вашей стороны не будет скорого приказа, то мы будем вынуждены оставить наши позиции в селах Зинджирлу, Кадылу, Карахач и Шахаблу и отступить к Дзхийскому ущелью. В вышеперечисленных четырех селах проживают около 4000 жителей, которые после нашего отступления естественно, не могут там оставаться и кроме этого, надо предположить, что после нашего отступления опасности подвергнется также село Давалу.

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 88-89.

Докладывая об этом, просим скорого распоряжения, в противном случае мы будем вынуждены оставить эти позиции и снять с нас ответственность за возможные последствия”¹.

Такого рода документы не единичны в архиве и свидетельствуют, что накануне восстания ситуация была довольно накалена и армянские войска должны были быть в боевой готовности. К счастью, сохранились две сводки о ходе восстания и боевых действиях, которые мы представляем вниманию читателей. Первая из них касается событий 28 января, в ней говорится: “28 января татары собрались в селе Халиса, заняли позиции и открыли огонь по нашим войскам. Татары отвергли предложение о прекращении боевых действий. Со стороны села Беюк-Веди татарские вооруженные разбойничьи шайки заняли находящиеся к югу от села косогоры и начали перестрелку с нашими войсками. В тот же день из-за угрозы нападения татарских вооруженных банд из сел Ширазлу, Авшар, Чатхран, Каралар, Беюк-Веди, Шимхор и Шидлу, коим создавалась угроза для тыла нашего отряда из Давалу, военный министр приказал начальнику Армянской дивизии очистить упомянутые села от вооруженных банд и занять их нашими частями. Об этом приказе было сообщено министру иностранных дел, чтобы было проинформировано Британское командование Кавказа... Утром 28 января шел бой у села Каралар. Наши потери составляют 5 убитых и 3 раненых. Идти вперед невозможно, ибо татары получили подкрепление. По дополнительным сведениям пришедшего в караларский сторожевой пост подполковника Алексанянца, вошедший в село батальон покинул его. Ранен капитан Иоанисянц. Наши части остановлены у позиций находящихся в версте от села Юва. По дополнительным сведениям командира армянского 3-го полка, наши войска заняли село Халиса. Татары отступают к селу Шидлу и Араксу, сопровождаемые орудийным и ружейным огнем. Очи-

¹ Там же, дело 212, л. 33.

стить район от татарских банд пока невозможно из-за малочисленности наших войск и величины фронта”¹.

Другая краткая сводка касается действий армянских войск 29-30 января. “29 января наши потери составили 4 солдата убитыми и 8 раненых. 29 января около 8 часов село Каралар было захвачено нашими милиционерами, но из-за малочисленности гарнизона они были вынуждены отступить. В 15 часов после прибытия бронепоезда Каралар окончательно перешел в наши руки. По дополнительным сведениям, 28 января татары бежавшие из Халисы и Шидлу перешли на другой берег Аракса и во время перехода подверглись огню прямой наводкой со стороны курдов. Отмечено массовое движение татар к Садараку по правому берегу Аракса.

30 января сражение шло в районе Карабаглара. Напали сасунцы, люди Кафиева вместе с карабахцами и двумя пушками атаковали Енгиджу. Дорога к Давалу открыта. 3-й полк с передовыми частями выдвинут к селу Енгиджа. Наша артиллерия обстреливает Тайтан около Беюк-Веди. Бежавшие из Шихлара и Каралара татары укрепились на кладбище. Большие скопления татар были замечены в районе Беюк-Веди-Енгиджа-Тойтан и на восточном склоне Боз-Буруна. Наш бронепоезд занят ремонтом железной дороги около Каралара, где татары сожгли три моста”².

Как уже было отмечено, вечером 30 января, когда Лаутон прибыл в Давалу, армянские войска получили приказ прекратить военные действия. Из доклада подполковника Шнеура осведомляемся, что утром 31 наши части были расположены следующим образом: справа – в Кючук-Веди находилась милицейская запасная рота, в центре – на трассе, около Ювы - запасная рота с двумя пушками и сотня конников Мартироса, на железной дороге, на двести верст к югу от Ювы, напротив

¹ Там же, л. 42.

² Там же, л. 44.

Енгиджи – подполковник Кафиев с батальоном карабахцев, у Боз-Буруна – подполковник Алексанянц с Камарлинской ротой, в Караларе и Шизнаузе – милиция Нахичевана (поручик Нжде) и вооруженная сотня¹. В той же докладной сказано, что утром 31 января “генерал Пирумов отправился в Давалу для переговоров с Английской миссией. В это время, в 9 утра, татары атаковали Халису. Английская миссия, узнав, что Халиса уже татарская, предложила отвести армянские войска оттуда, но генерал Пирумов объявил, что это невозможно, усилил Халису одной ротой 1-го полка, после чего татары были отброшены. Английская делегация объявила (и показала документы), что союзники поручили англичанам установить мир на Кавказе, для осуществления чего главнокомандующий английскими войсками поручил подполковнику Лаутону *создать генерал-губернаторство в тех районах, которые не охвачены армянским населением, прямо там, где находятся враги армян мусульмане и другие народы*. Подполковник Лаутен предложил отвести войска к северу от Давалу в Юву. На это генерал Пирумов также ответил, что без распоряжения своего правительства не может это сделать, ибо население Давалу будет истреблено татарами. *Тогда подполковник Лаутон предложил переселить армянское население Давалу на север*. На это также генерал Пирумов ответил, что подобные указания, которые приводят к разложению народа и имеют общегосударственное значение, могут выполняться только и только по приказу правительства Армении. Вечером 31-го генерал Пирумов, передав командование отрядом полковнику Каракешишеву, вместе с английской миссией отправился в Ереван”² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Таким образом, британское командование не только создавало генерал-губернаторство во всех неармянских районах, но

¹ Там же, дело 209, л. 33.

² Там же.

и пыталось переселить армянские население из Давалу и этим увеличить границы создаваемого генерал-губернаторства, создать территорию с однородным мусульманским населением. Но потерпев неудачу в переговорах с генералом Пирумовым, делегация спешит в Ереван, надеясь, что легче уговорит правительство. Согласиться с этим правительство не могло, так как это привело бы к созданию предпосылок для фактического отторжения обширного района (от Камарлу до Волчьих ворот). Поэтому правительство после долгих пререканий согласившись на вывод своих войск с этой территории, одновременно потребовало, чтобы англичане, во-первых, обеспечили безопасность армянского населения и чтобы создаваемое в районе политическое управление было армянским. А представленный Лаутоном пакет предложений был таким:

“До окончательного решения армяно-мусульманских отношений и границ проживания этих национальностей, со стороны английской миссии в которую входят капитан Лаутен¹ и поручик Фарен, предлагаются следующие условия:

1. Войска двух сторон, не продвигаясь вперед, должны стоять там, где они находятся сейчас, то есть мусульманские части должны стоять на станции Араздаян и Садарак, а армянские части – на Аракском фронте селе Яйджи. На Даралагязском фронте мусульмане занимают села Данзик, Чива, и даралагязское село Яйджи, а армяне – села Арпа, Амагу и Хачик.
2. Немедленно надо открыть железную дорогу Ереван – Джульфа, при этом соблюдение безопасности движения и дороги ложится на представителей этих двух нацио-

¹ Из письма С. Тиграняна, адресованного А. Агароняну, видно, что с назначением генерал-губернатором Нахичевана, капитан Лаутон получил звание подполковника. В некоторых докладах назван полковником, даже генералом. Фамилия этого военного, шотландца по рождению, тоже в документах звучит неоднозначно – в некоторых докладах он Лаутон, в других Лаутен, даже – Лотон.

нальностей в пределах своей границы.

3. Въезд представителей одной из сторон на территорию другой стороны должен быть свободным, свободна также должна быть торговля между сторонами, при этом все товары, представляющие собой предметы торговли, вывозимые и ввозимые на территории этих двух народов, освобождаются от таможенных пошлин.
4. Телеграф должен быть отремонтирован, при этом линия до Яйджи должна быть отремонтирована за счет армян. Линия Араздаян-Джульфа как русская, так и индоевропейская – за счет английского правительства. Служащие этих пограничных районов – Араздаян и Джульфа – назначаются английским правительством, при этом на службу будут приняты также местные специалисты – мусульмане.
5. Эксплуатация желдороги Араздаян – Джульфа временно переходит к английскому правительству.
6. В тех местах, где появится необходимость назначения часовых из мусульман, среди них должны быть английские солдаты (в районе Араздаян – Джульфа).
7. Десять тысяч пудов пшеницы, которые предназначены для Американской миссии в Ереване, должны быть сданы в ближайшее время – пуд за 50 рублей николаевками на станции Араздаян, для доставки денег и мешков в город Эльдером.
8. Для безотлагательной помощи мусульманам-беженцам в Нахичеван должен быть создан комитет, который должен снабжаться Национальным советом¹.

В конце документа имеется примечание о том, что 5-й пункт аннулирован.

Эти условия не могли не вызвать недовольство Правительства Армении, которое бурно протестовало и потребовало

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 2.

внести в пакет изменения. Но многое изменить не удалось. Вот что по этому поводу сказал премьер-министр Каджазнуни в докладе Совету Армении: “Английский военный губернатор Нахичевани потребовал, чтобы мы отвели наши войска до Ювы. Полковник Лаутен поставил это условие перед военным министром и министром иностранных дел, которые привели несколько оснований, по коим они не могут принять эти условия.

В конце концов они ответили полковнику Лаутону, что это прерогатива правительства.

Этот вопрос был поднят на заседании правительства, где присутствовал также полковник Лаутон. После долгих пререканий, полковник Лаутон отказался от своего предложения и внес новое предложение, которое было приемлемо для правительства и было подписано двумя сторонами. Отсутствие общих взглядов являлось преградой для нормальных переговоров. Английское правительство хотело установить для Нахичевана временное устройство, под командованием полковника Лаутона. *В договоре границы не обозначены – полковнику Лаутону была дана привилегия ввести в границы генерал-губернаторства все мусульманское население, которое не подчиняется армянскому правительству. С этой точки зрения полковник Лаутон весь район Ведибасара считал в своем генерал-губернаторстве, значит и оттуда армянские войска надлежало отвести.*

Правительство Армении не могло мириться с этими условиями, так как в вышеупомянутых районах фактически действует наша администрация и это наша территория.

После долгих споров правительство Армении примирилось с тем, что английское войско может находиться в некоторых районах для установления порядка, одновременно Правительство Армении настояло, чтобы в вышеперечисленных районах находились также армянские войска, в знак того, что они принадлежат Армении. И это должно распространяться до Волчьих

ворот. В этих местах должна быть армянская администрация. Железная дорога до Шарура переходит к нам.

Полковник Лаутон сказал, что он поспособствует возвращению беженцев из Персии через Нахичеван; что касается ввоза пшеницы, он обещал, что вышлет 10.000 пудов хлеба и сообщение будет восстановлено”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Соглашение от 21 января с той же акцентацией было представлено в посланном в Париж 6-го марта письме: “Не без труда пришли к соглашению с молодым подполковником, что до Волчьих ворот останется наша администрация, но наши войска отведем из этого района, оставив маленькую группу (50 человек) в Давалу. Британская часть будет там, чтобы защищать мир и порядок. Значит, Шарур и Нахичеван тоже ушли от нас (пусть временно). Стали британским генерал-губернаторством (по примеру Карса) и мы обязались даже на граничащей с ней нашей территории (Ведибасар) войска не держать”² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Обратим внимание читателей на то, как английское командование заботилось о Шарур-Нахичеване, создавая на его границах довольно просторную демилитаризованную зону. Этим оно не только ослабляло и сводило к нулю влияние Армении на этой территории, но и подчинение Ведибасара Армении делало формальным, так как без военной силы невозможно было подчинить мусульманское население, что и показали последующие события. Правительство Армении не могло безразлично пройти мимо этого вопроса и 30 января на специальном заседании рассмотрело создавшееся положение и постановило:

“2. Рассмотрели: Доклад военного министра о турецких вооруженных нападениях в Камарлинском и Давалуйском районах и доклад министра внутренних дел об общем турец-

¹ НАА, ф. 198, оп. 1, д. 15, л. 105.

² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 193, I г., л. 63.

ком движении, которое заметно не только на границах нашей республики, но и Грузии.

2. Постановили :

- а) Поручить министру иностранных дел, чтобы он проинформировал Английское главнокомандование в Закавказье о передвижениях турок на наших границах и об их нападениях на наши войска, и просить прислать английского офицера в наше военное министерство как представителя английского военного командования.
- б) Принять все возможные меры для охраны наших границ, в первую очередь провести мобилизацию 25-и летних в Эчмиадзинском, Ереванском и Казахском уездах, для чего поручить Военному министру срочно составить законопроект для представления Совету Армении.
- в) В Сурмалинском уезде и Давалуйском районе отряды поприветствовать, пока не потребуются послать войска в эти края¹.

Эти меры были недостаточны для усмирения турок Давалу и Ведибасара и признания ими верховенства Армении, которая не имела права держать войска в этих районах. Это должно было сделать британское командование, которое по согласованию с правительством Армении обратилась к жителям Ведибасара и Давалу со следующим заявлением: "Сим информирую, что долина реки Аракс временно взята под управление британского правительства для наведения законности и порядка.

Правительство Еревана под протекторатом британского верховного руководства управляет районом от Ювы до южной границы Ереванского уезда.

От этой границы до Джульфы будет организована мусульманская администрация под британским контролем.

Правительство Армении немедленно отведет свои войска

¹ Вестник Архивов Армении, 1993, N 1-2, стр. 62.

(за исключением маленькой пехотной группы в Давалу).

Один отряд британских войск будет в Давалу.

Каждое село выбирает старосту, который будет ответствен за поведение жителей соответствующего села.

Все жители – мусульмане и армяне – обязаны, в соответствии с вышесказанным, сохранять мир и жить во взаимных дружеских отношениях.

Все недоразумения будут решаться британским правительством и все обязаны беспрекословно следовать его решениям.

Всякое неповиновение и любое нарушение порядка будет наистрожайше наказано¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

На заседании 3 февраля правительство Армении вновь обратилось к вопросу о переговорах с Лаутоном, рассмотрело доклад премьер-министра о соглашении и одобрило его. За этим последовало подписание 4 февраля соглашения между министром Республики Армения С. Тиграняном и военным комендантом Нахичеванского района Ф. Лаутоном. Вот его содержание: "Армянское правительство будет править районами от р. Увачай (должно быть Ювачай – Э. З.) до старой южной границы Эриванского уезда под британским надзором с условием, что каждое село избирает себе старосту и британские, а не армянские войска будут поддерживать закон и порядок. С этой целью отряд британских войск разместится в Давалу, и армяне отведут все свои войска к северу от Увачая, за исключением маленького отряда (не превышающего 50 человек), который останется в Давалу и не пойдет в настоящее время в села, населенные мусульманами без распоряжения британского уполномоченного.

Ереванское правительство восстановит линию для поддержания телеграфной связи между границей и городом Ереван².

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 59.

² ВАА, 1993, N 1-2, с. 80.

Как видим, это соглашение не классического типа – в нем нет преамбулы, нет статей. Просто беспорядочно представлены обязательства сторон, и то в довольно неудачных формулировках. Например, ничего не сказано про то, когда армянские войска должны уйти из этих районов – сразу же после подписания соглашения или спустя какое-то время. В результате стороны начали своеобразно толковать этот вопрос – англичане начали настаивать, чтобы армяне немедленно отвели свои войска, а армянская сторона требовала сперва обеспечить безопасность оставшихся на местах армян. 8 февраля подполковник Шнеур телеграфирует полковнику Зинкевичу: “англичане настаивают на выполнении условия от 4 февраля об отводе войск. Это условие они оставляют. Сейчас английский офицер с татарскими представителями обходит села. Сегодня татары возвращаются в свои деревни. Вчера телеграммой было указано, что отвод 3-го полка надо отложить до сих пор – до 8 февраля, о дальнейшем (ничего) не сказано. Желательно получить конкретные указания о дальнейших днях, чтобы специально указать это англичанам”¹. В тот же день Зинкевич получил тождественную телеграмму от полковника Каракешишева: “Командир английской роты снова объявил нам о сроке нашего отхода и сказал, что прибывший (в Давалу) генерал отправился в Нахичеван. Генерал подтвердил, что никаких изменений не будет и вечером 8 февраля мы должны оставить группу из 50 человек...”².

Но отход армянских войск и возвращение убежавших татар создавало очень опасное положение для Давалу и других армянских сел. 8 февраля генерал Ахвердян в секретной записке на имя министра иностранных дел сообщает, что из Нахичевана в Давалу прибыл подполковник Лаутон и твердит о скорейшем исполнении заключенного с правительством со-

глашения, требует, чтобы наши войска отвели до Камарлу. Но, “так как срок исполнения соглашения не был решен, – говорится в ней, – то перед уходом подполковника Лаутона у меня был с ним разговор, причем я заявил, что наши войска мы отведем тогда, когда подполковник Лаутон признает, что принятыми им мерами обеспечен порядок и безопасность армянского народа давалуйского района. Между тем получены сведения, что население, справедливо боясь насилия со стороны татар, покидает район и переселяется на север. Такая ситуация сведется к тому, что к югу от Камарлу весь район будет очищен от армян и фактически станет исключительно татарским, то есть сбудется то, к чему стремилось правление Нахичевана”. Затем высказав мнение, что для пресечения подобной нежелательной ситуации, английское командование должно усилить английский отряд в Давалу и расставить его во всех армянонаселенных местах, генерал Ахвердян предлагает министру переговорить с представителем британского командования в Ереване, чтобы “прояснить этот вопрос и утвердить условия, при которых мы смогли бы отвести наши войска из Давалу”¹.

В результате всего этого 9 февраля командир английского отряда письменно информирует подполковника Каракешишева, что защиту армянского населения он возьмет на себя, разместит английский сторожевой отряд в Реханлу, а после отвода армянского полка сторожевой отряд разместит также в Давалу. В тот же день вечером телеграфируя об этом командиру дивизии генералу Силикяну, подполковник Каракешишев также сообщает, что полк отходит на рассвете 10 февраля, оставляя в Давалу роту под командованием штабс-капитана Тер-Иоанисяна².

После ухода армянского полка убежавшие турки начали

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 47.

² Там же, л. 48.

¹ Там же, л. 41.

² Там же, л. 51.

возвращаться в свои села и, перейдя на еще более наглое и дерзкое поведение, не только дезорганизовывали работу армянской гражданской администрации, но и открыто заявляли, что они никогда не примирятся с армянами и вскоре вместе с Азербайджаном, Маку и Нахичеваном начнут войну против Армении. 18 февраля комиссар уезда Л. Амирханов сообщает министру внутренних дел, что турки мешают созданию армянской администрации и в этом вопросе англичане тоже им ничем не помогают. 25 февраля комиссар Амирханов снова докладывает министру внутренних дел, что “татары отказываются признавать Правительство Армении”, что он с этим вопросом обратился к представителю английского правительства, но не получил ответа. Безразличие английских властей ко всему этому было настолько очевидно, что 21 февраля правительство Армении вынужденно возвращается к этому вопросу и принимает решение “обратиться к английским генералам Лаутону и Ассеру относительно того, что по согласованию с британским командованием армянские части выведены из тех районов, где турецкое население не пожелало подчиниться правительству Армении с тем условием, что британское командование, заняв эти районы, повлияет на турок с тем, чтобы они приняли нашу администрацию и просить британское командование употребить все возможное влияние на турок, дабы они признали нашу власть в районах Давалу, Садарака и Беюк-Веди”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Как английские командование относилось к просьбам правительства Армении и как их исполняло, свидетельствует хотя бы тот факт, что всего через 7 дней после принятия вышеозначенного решения, 28 февраля, правительство Армении вынужденно еще раз рассматривает вопрос о признании турками Давалу власти Армении, об убийстве там трех армян, решает “обратиться к Лаутону и Чарльзу для принятия мер по восста-

новлению порядка” и на этот раз обратиться к генералу Уокеру¹.

Чем объяснить подобное поведение английского командования, почему они так терпимо относились к антиармянским выходкам мусульман? И еще – понимали ли армянские политические и государственные деятели мотивы поведения британской политики в Закавказье?

Все факты (особенно архивные) свидетельствуют, что очень хорошо даже понимали, но не имея другой опоры, других средств противодействия, снова приноравливались к коварным и хитрым британским властям, старались с их помощью решить возникшие перед ними сложнейшие задачи. Чтобы удостовериться в этом, еще раз обратимся к письму отправленному 6 марта 1919 года в Париж главе делегации Республики Армения А. Агароняну: “Турки Закавказья при британском военном командовании находятся в более благоприятных условиях, чем при немецко-османской оккупации. Это факты и обстоятельства, которые заставляют серьезно задуматься и дают повод для тяжелых мучительных размышлений...

Безусловно, *главная причина в слабости английских вооруженных сил*. Как Германия летом и осенью уступала требованиям и прихотям турецкого командования, так и сейчас английские генералы уступают перед захватническими программами и действиями османских офицеров... ибо зафиксированные факты подлежат преодолению не только со стороны армян, а еще более - Англии. Губернаторство только завеса, тонкая и прозрачная, за которой видна реальная власть и сила турок.

Но кажется, есть еще одна причина. Англичанин не верит армянину, традиционно считая его русофилом, неукоснительным последователем русской ориентации... Характерно, что по требованию Форестье Уокера представитель Доброволь-

¹ ВАА, 1993 г., N 1-2, с. 64.

¹ Там же, стр. 65.

ской армии уехал из Еревана в Екатеринодар, это еще один факт для доказательства отношения Англии к представительству России в Закавказье. *Вот это отношение и склоняет британское военное командование не помогать организации и усилению наших сил против турок в Закавказье, ибо турок в его глазах самый надежный барьер против России здесь.* Оно уступало нам Карс, но как только увидело, что там есть более надежная и довольно значимая антирусская сила в лице тюркизма, сразу же поспешило исправить свою ошибку. Карс был отдан туркам...,¹ и не только Карс (подчеркнуто нами – Э. З.).

Затем отметив, что английское командование организует в Карсе милицию численностью в 1000 человек, состоящую из осетин, русских и других, но без привлечения армян, мотивируя тем, что местные турки настроены против армян, автор продолжает: *“кажется, что Англия не желает опираться на любую армянскую силу, ибо, по ее мнению (и, к сожалению, не только по ее мнению), армянин более русский, чем сам русский, и нельзя опираться на армян, когда что-то затевается против русских”*² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Что ж, сказано хорошо и, главное, сказано верно. Политику Англии в Закавказье можно охарактеризовать только как туркофильскую. Ее позиция в вопросе Карабаха и Зангезура, ее политика по созданию великого Азербайджана яркое тому подтверждение. Надо сказать, что в вопросе Карса и особенно Шарур-Нахичевана ее позиция тоже была не особенно благоприятной для Армении. И если она согласилась, чтобы

¹ Автор письма имеет в виду, что из-за непокорности мусульман Карса, назначенный правительством Армении губернатор со своими служащими был вынужден удалиться из Карса, а английское командование смирилось с этим, обвинив армянского губернатора в трусости и неадекватности (по предварительной договоренности между Каджазунни и Уокером в Карсе должен был быть британский военный губернатор, но гражданская администрация должна была назначаться правительством Армении).

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 193, I ч., л. 64.

эти земли были присоединены к Республике Армения, то это было сделано не для того, чтобы Республика Армения укрепилась и усилилась, а просто обстоятельства заставили сделать этот шаг, о чем скажем позднее. Просто к мотивациям автора письма хотели бы добавить еще одну – нефть Баку, это черное золото, от аромата которого у людей случалось головокружение. Нефть была политикой еще в те давние времена (как и в наши дни) и предопределяла поведение в спорных вопросах. Но вернемся к очень интересному письму и посмотрим, какой рецепт оно предлагает: *“Считаю необходимым, – говорится в конце письма, – чтобы Вы попытались тем, кто считает нашу русскую ориентацию бессменной и неприемлемой (англичанам, французам и другим) объяснить, что эта ориентация армян по своей сути такая же, как была (и есть) у грузин, и если она у нас более подчеркнута, то причина в географическом положении Армении, которая более нуждается в реальном защитнике, чем Грузия, что нам нужен защитник – покровитель против тюрков и мы примкнули к России, потому что посчитали ее в какой-то мере таким защитником и другого покровителя для Армении не видим на горизонте. “Крейсеры Англии не могут вскарабкаться в горы Армении”.* И вот сегодня, когда эти крейсеры в Дарданеллах-Босфоре-Батуме и английское войско, пусть малочисленное, находится в Закавказье, мы это покровительство и защиту не чувствуем и не видим... несмотря на то, что с надеждой ждали и желали также сейчас.

Со всех сторон нас окружает турецкая опасность, грозная и дерзкая, вопреки нашим политическим программам Турция продвигает свои программы в отношении к Армении, среди которых основным пунктом является физическое истребление армянства, и у нас нет уверенности, что английское командование имеет желание спасти нас от этой опасности, которая, повторяю и настаиваю, сегодня не менее реальна и грозна, чем месяцы назад.

Британское командование запретило нам захват некоторых

важных районов в Закавказье, важных и в стратегическом плане, и в плане боеприпасов (склады Карса). Это все осталось в руках турок, наши шаги и действия скованы, нам никто не помогает, туркам помогает и руководит ими Турция со своими офицерами (даже высокопоставленными), боеприпасами и разными военными средствами...

Со стороны правительства обращаю Ваше внимание на эти факты и обстоятельства, прошу, Вас обратиться ко всем с самыми серьезными просьбами, чтобы:

1. Из Закавказья и бывших вилайетов Турции были немедленно отведены турецкие войска и военные, угрожая, что при военных действиях со стороны этих сил, наказание и ответственность падут на Турцию.
2. Хотя бы малочисленные воинские части (английские, французские, американские) были направлены в Трабзон-Эрзерум-Сарыкамыш, Карс-Нахичеван-Джульфу-Шушу. (Английские части в Карсе и других местах подлежат демобилизации и уходят).
3. Содействовали организации наших войск (патроны, ружья, пулеметы).
4. Перевели в Армению армянские части и военных, которые находятся в разных странах, снабдив их военными средствами.

Об этом Вам телеграфируем видя неотложность этой проблемы"¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Странно, но факт: задания, данные А. Агароняну не соответствуют содержанию письма, не вытекают из него. Говорится о туркофильской политике Англии, но просят ее помощи для удаления турецких войск не только из Закавказья, но и Западной Армении. Сообщается о демобилизации и уходе английских войск из Закавказья, но одновременно просят, чтобы они направили войска для размещения на огромных террито-

¹ Там же, листы 64-65.

риях от Трабзона до Шуши, жалуются, что военные склады не были предоставлены им¹, но просят оружие и боеприпасы. Означает ли это, что Агароняну изначально были даны невыполнимые задания, что ему поручили стучать в двери, заранее зная, что те не откроются. Но что могли сделать руководители Республики Армения, к кому обратиться и как вывести страну из безвыходного состояния, в котором она оказалась в первые месяцы 1919 года. Вот в чем проблема – собственные силы были недостаточны, “союзники” беспощадны, жестоки и неуступчивы.

* * *

Резюмируя содержание этой главы, можем констатировать:

1. К концу 1918 года Республика Армения находилась в тяжелейших экономических и политических условиях. Турецкие оккупационные войска, отходя с захваченных территорий, унесли с собой все, что имело хоть какую-то ценность. Республика была отрезана от внешнего мира и возможности импорта. Голод и инфекционные заболевания уносили тысячи жертв. Еще более тяжелым было положение беженцев, часть которых давно погибла, а остальная часть с надеждой ждала открытия границ родины.
2. Поражение Османской империи в Первой мировой войне и уход ее войск с оккупированных территорий хотя отчасти облегчило военно-политическое состояние и дало возможность для территориального расширения, но опасность, исходящая из мусульманских районов,

¹ Мы осведомляемся из множества архивных документов, что англичане не только не отдали военные склады Карса армянам, но и бывшее там вооружение вынесли. Вынесли также большую часть пушек из крепости, хотя правительство Армении неоднократно протестовало и требовало прекратить грабеж.

так и не исчезла. Уйдя из Закавказья, турецкие захватчики не только оставили большое количество военных и военное снаряжение в мусульманских районах, но и в Шарур-Нахичеване создали так называемую "Аракскую Республику" с целью воспрепятствовать присоединению этой очень важного с точки зрения пантюркизма региона к Республике Армения. "Аракская Республика" отнесла к своему составу также Сурмалинский уезд, Ведибасар, даже Зангибасар.

3. Мусульманская власть Шарур-Нахичевана препятствовала возвращению армянских беженцев в родные края, меж тем холод, голод и инфекционные болезни уносили сотни жертв. Первое наступление армянских войск на Шарур в декабре 1918 года с целью открытия пути для беженцев было приостановлено в связи с началом армяно-грузинской войны. В дело вмешалась также дошедшая до Еревана персидская делегация, которая от имени своего правительства предложила правительству Армении отказаться от захвата Шарур-Нахичевана силой оружия и решение вопроса оставить за Парижской конференцией.
4. Территориальные претензии к Закавказью, в частности к Нахичевану предъявил также Иран. Обусловленная уходом из региона России, затем Турции, новая ситуация внушила надежду персидскому правительству, что они смогут получить потерянные в результате русско-персидских войн 19 века территории в Закавказье. В этом духе был представлен меморандум Парижскому конгрессу и велись секретные переговоры и в Лондоне, и в Вашингтоне. Потерпев неудачу в своих обширных требованиях, персы затем сконцентрировались на Нахичеване. При этом, все делалось очень осторожно и секретно, без какого-либо публичного объявления.
5. Воодушевление армянского народа связанное с победой

союзных держав и с приходом их в Закавказье, длилось недолго. Его надежды, связанные с установлением стабильного мира в регионе и возможностью справедливого решения территориальных спорных вопросов, были тщетны. Очень скоро правительство Армении получило повод удостовериться, что западные державы преследуют в Закавказье только собственные интересы. Считая армянский народ неисправимым русофилом, полный хозяин в Закавказье - британское командование - более содействовало антирусским силам в регионе. Конкретные проявления этой политики -- передача Грузии полностью армянонаселенного Ахалкалаки и создание Лорийской нейтральной полосы, попытки подчинения Азербайджану Нагорного Карабаха и Зангезура. А интересы активно участвовавшего в войне и сильно пострадавшего "малого союзника" - армянского народа - были позабыты. Британское командование изначально не имело намерения даже Карсскую губернию и Шарур-Нахичеван передать Армении.

6. После окончания армяно-грузинской войны армянские войска двинулись к Шаруру для открытия дороги для беженцев. Но вмешалось британское командование и решило здесь также создать нейтральную зону под управлением английского генерал-губернатора. Это была вторая зона в Армении.

Полностью армянонаселенный Нагорный Карабах оставляя в подчинении Азербайджана, британское командование не сочло нужным Нахичеван со смешанным населением подчинить Республике Армения. Более того, британское командование позаботилось об английском генерал-губернаторстве Нахичевана и принудило правительство Армении отвести свои войска от Волчьих Ворот до Камарлу - тем самым создав обширную демилитаризованную зону в Ведибасарском и Давалуйском районах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОВАЛ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ШАРУР-НАХИЧЕВАНСКОМ ВОПРОСЕ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРАЯ К АРМЕНИИ.

Симпатии британского командования Нахичевана к проазербайджанской деятельности местных властей. Создание вооруженных групп под руководством османских офицеров, антиармянские волнения в регионе, грабежи и убийства. Неспособность британского командования опеспечить порядок и безопасность, недовольство и ропот солдат. Протест армянского правительства и требование применения решительных мер, указание на опасность союза Азербайджана и Турции через Нахичеван.

Предложение генерала Томсона от 14 апреля о пересмотре соглашения от 4 февраля и передаче Армении управление краем. Записка Томсона от 14 апреля о демаркации границ между республиками.

Требование британского командования о неразоружении мусульманского населения Шарур-Нахичевана и вводе в край ограниченного контингента армянских войск. Решение правительства Армении от 29 апреля о разделении Шарур-Нахичеванского края на новые административные единицы. Попытка британского командования обусловить вопрос Нахичевана с подчинением Карабаха Азербайджану. Переговоры генерала Томсона и Ал. Хатисяна в Тифлисе. Прибытие армянского войска и администрации в регион. Премьер Ал. Хатисян в Нахичеване и Джульфе. Шаги, направленные на установление межнациональной солидарности – открытие пунктов питания, больниц, мельниц. Трудности с устройством беженцев. Деятельность мусульманского совета и ханбекских кругов по дискредитации армянской администрации.

Представитель Республики Армения в Нахичеванском генерал-губернаторстве Б. Бахатрян в докладе от 28 февраля 1919 года, адресованном мининделу РА, касаясь встречи губернатора Лаутона с ханами Нахичевани, пишет: “Губернатор принес карту Армении, показал им и добавил, что по его све-

дениям, наши делегаты в Париже будущее Армении представляют как Араратскую республику с вилайетами Западной Армении, и карандашом очертил границы будущей Армении, из которой выпали Карабах, Зангезур и Нахичеван”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Трудно сказать, откуда у Лаутона была эта искаженная информация о требованиях наших делегатов. Но ошибочно думать, что видеть Шарур-Нахичеван за пределами Армении только субъективное желание Лаутона.

По всей видимости, подобное намерение было также у британского командования Закавказья и, вероятно, даже в правящих кругах. Уже было отмечено, что в вопросе Нагорного Карабаха и Зангезура Англия однозначно была на стороне Азербайджана. Правда, в вопросе Шарур-Нахичевана никакого конкретного заявления не было, но то обстоятельство, что там вместо установления господства Армении основали отдельное генерал-губернаторство, говорит о том, что в самом начале, в первые месяцы 1919 года (январь-март), британские власти даже не думали о том, что край может быть в составе Армении.

Правда, это не говорит и о том, что они намеревались Шарур-Нахичеван сдать Азербайджану. Но так как они не давали отпор проазербайджанским проискам ханбекских кругов, то этим поощряли и содействовали мусаватистским устремлениям. В вышеозначенной докладной записке Бахатряна говорится, что в ответ на предложение Лаутона о примирении с армянами и снабжении их пшеницей, нахичеванские ханы выдвинули следующие условия:

“1. Республика Армения должна отказаться от Нахичеванского района, также от Карабаха и Зангезура, которые составляют неотъемлемую часть Азербайджанской республики...”

¹ См. ВАА, 1993, N 1-2, с. 84.

2. Республика Армения должна обезоружить всех западноармянских беженцев и удалить их со своей территории.
3. В Ереване должен быть установлен порядок, должны наказать Дали Газара и его двадцать товарищей, которые вымогая деньги нагоняют ужас на мусульман.
4. Армяне должны вернуть найденных у гасанцев 300 мусульманок.
5. Армян могут снабдить пшеницей, если взамен получают керосин и сахар”¹.

Вот такие дерзкие предложения, которые напоминают ультиматум. А губернатор даже не удосужился одернуть за первые три условия, касающиеся сферы межгосударственных отношений. И далее читаем, что, хотя “и для Англии и для ее союзников ясно, что татары Кавказа помогали туркам, но теперь Англия великодушно желает забыть все это, желает навести порядок на Кавказе”². Но великодушные в исламском мире, как мы отмечали, не в почете и рассматривается как выражение слабости. Так получилось и на этот раз: “Хотя Нахичеван объявлен английским губернаторством, – говорится в докладной Бахатряна, – но на самом деле управляется местными ханами и беками. Под разными предлогами они игнорируют многие распоряжения генерал-губернатора. Нахичеванский район готовится присоединиться к Азербайджану, избирает депутатов в парламент Азербайджана. Сейчас в Нахичеване находятся прибывшие из Азербайджана одиннадцать офицеров во главе с полковником, которые вместе с оставшимися после турок унтер-офицерами обучают новобранцев”³.

Именно в те же февральские дни командир квартированного в Шаруре мусульманского отряда Бахрам-хан отпра-

¹ Там же.

² Там же, с. 85.

³ Там же, с. 81.

вился в Тифлис-Елизаветполь-Баку с целью провести предварительные переговоры по присоединению Шарур-Нахичевана к Азербайджану: “В Тифлисе Бахрам-хан представился английской миссии как представитель “Юго-западного Азербайджана” и довольно любезно был принят англичанами, говорится в секретном докладе начальника особого отдела от 13 марта 1919 г. По нашим разведанным намерения правительства Нахичевана были нормально восприняты англичанами”¹.

Но самым странным было отношение грузинских правящих кругов. Премьер Грузии и министр иностранных дел не только приняли Бахрам-хана, но и “поздравили его с успехами Нахичеванского правительства в борьбе против Республики Армения и попросили от своего имени поприветствовать храбрые татарские войска”. Это означает, что грузины, равно как и мусульмане Закавказья, отход армянских войск от Шарура рассматривали как поражение Армении.

В том же документе отмечается, что турки Нахичевана недоверчиво относятся к англичанам, хотя внешне очень любезны. О положении в Нахичеване читаем в представленном в военный штаб Армении секретном докладе разведслужбы: “Отношение... к Англии довольно недружелюбное. Население и правительство объявляют, что вмешательство англичан во внутренние дела получит сильный отпор. Сферой влияния Англии признается только железная дорога”² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Подобное отношение нахичеванцев не могло долго оставаться незамеченным, не могло не вызвать недовольство англичан, не могло не вызвать изменений в отношении к ним. Тем более, что в течении февраля-марта англичане имели все возможности удостовериться, что причина зла – мусульмане, что

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 75.

² Там же, л. 61.

ситуация в регионе напряжена в результате их деятельности, а не армян. Запретив возвращение армян-беженцев к своим родным очагам, тем самым они создавали дополнительные хлопоты и трудности для английских властей, продолжая разбойничьи нападения на армян не только в Нахичеванском регионе, но и в районе Давалу, тем самым демонстрируя свое неповиновение английским властям и компрометируя последних в глазах народа.

В докладе уездного комиссара Еревана от 25 февраля 1919 года, направленном министру внутренних дел говорится, что "Лаутон решил... ликвидировать татарские вооруженные силы, которые в основном расположены в селах Беюк-Веди и Садарак и препятствуют установлению добрососедских отношений между армянами и татарами"¹. Но Лаутон не смог реализовать свое намерение ввиду нехватки необходимого количества вооруженных сил. А турки Веди, игнорируя присутствие английского малочисленного гарнизона, продолжали вражеские действия против армян. 28 февраля убили возвращающихся из Зинджирлу трех армян, 7 марта у дороги обнаружили 9 трупов, а 7 человек в этот день бесследно исчезли². Но лучше ознакомимся со сводкой, которую подготовил подполковник Каракешешев для военного министра РА, а тот послал ее министру иностранных дел, к сведению:

1. По сообщению командира Давалуйской роты, несмотря на предпринятые англичанами меры, в течение недели постоянно наблюдались вооруженные группы татар в селе Авшар и особенно в селах Ширазлу и Чатхран. В этих селах даже были замечены строевые занятия татар.
2. 4 марта штабс-капитан Тер-Ионисянц (командир 12-й роты) с денщиком, проходя по Авшару, был остановлен несколькими вооруженными татарами, среди которых

¹ Там же, д. 209, л. 130.

² Там же, л. 220.

был турок Баш-Чауш, который потребовал у штабс-капитана пропуск. На это штабс-капитан ответил, что дорога должна быть свободной, здесь должны быть только английские посты, на что Баш-Чауш объявил, что не знает никаких англичан.

3. Телеги, которые везли продукты из Камарлу в Давалу были остановлены вооруженными татарами в селе Ширазлу и, когда татары захотели произвести обыск, старший сопровождающий 12-й роты заявил, что те не имеют права на это.

Тем не менее татары произвели обыск и только после этого разрешили проезд. Об этом было заявлено англичанам и те обещали принять меры, но через день после этого татары снова остановили телеги и произвели обыск.

4. 6 марта из Камарлу в Давалу были отправлены нагруженные продуктами две телеги с быками. При возвращении из Давалу в Авшаре вооруженные татары отняли принадлежащую полку пару быков. Об этом была заявлено англичанам, те обещали вернуть быков, но до сих пор быки не возвращены.
5. В селе Авшар татары поймали юношу из Давалу, пытали его и под страхом смерти потребовали, чтобы тот сообщил, какие силы есть у армян и какие части там расположены. Юношу освободили день спустя.
6. 7 марта на дороге от Давалу до Зинджирлу, в двух верстах оттуда, где неделю назад были убиты трое армян, татары окружили 20 армян (среди них одну женщину) безоружных (эти 20 армян имели одно ружье), и стали их расстреливать, из них четверо спаслись бегством на станцию Арарат и сообщили англичанам. Немедленно на место события отправились участковый комиссар и английский офицер с солдатами. Выяснилось, что убиты 9 человек (в том числе один мальчик и одна женщина), ранен один, остальные спаслись бегством. Англи-

чане это объясняют мстью со стороны татарских разбойников, а татары пытаются доказать, что это курды.

7. Подполковник Лаутон в ночь 7 марта прибыл из Нахичевана на станцию Арарат и немедленно отправился в Ереван. Со дня на день усиливается враждебное настроение татар, они группами почти открыто проводят строевые занятия. Передовая татарская группа под командованием артиллерийского офицера Кербалай-хана Нахичеванского продолжает оставаться в Садараке...¹.

Понятно, что без помощи ханов Нахичевана турки Давалу не могли вести себя столь разнузданно и не создали бы столь напряженную ситуацию. Необходимо было резкое и решительное вмешательство, не то беззащитные и отчаявшиеся армяне покинули бы свои очаги, дабы найти более надежное место жительства. 8 марта и.о. министра внутренних дел копии документов о насилии в Давалуйском районе отправив в мининдел, одновременно просит спешно обратиться в английские представительства в Ереване и Тбилиси с требованием сделать все возможное, чтобы мусульмане этого района прекратили нападения на армян, или разрешить проход армянских войск в регион, дабы обеспечить безопасность армян². 10 марта, по приказу министра внутренних дел, комиссар Л. Амирханов на станции Арарат представляется подполковнику Лаутону и выражает свое недовольство в связи с царящим в районе бездействием, как и тем, что за убийство 12-и армян в течение недели английское командование удовлетворилось только наложением штрафа, который, кстати, турки не спешили выплачивать.

Правда, Лаутон издал приказ, согласно которому запрещалось жителям ходить с оружием, но и это мусульмане игнорировали. Здесь уместно отметить, что по принятому в Рес-

¹ Там же, л. 90.

² См. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 59, л. 23.

публике Армении закону о национализации оружия, население повсюду разоружалось, однако в районе Давалу англичане этого не применяли, хотя район признали частью Республики Армения. Более того, якобы предприняв меры по поводу последних убийств, ограничивали более армян, чем мусульман. Например, запретили свободное передвижение по дороге Давалу-Зинджирлу, от чего больше пострадали армяне, чем турки (в неделю только один раз разрешалось передвигаться в сопровождении английского конвоя, и то в том случае, если соберутся не менее 40 человек), потому что район Даралагяза и шесть сел Карахачской общины поддерживали связь с Ереваном по этой дороге. Лаутон даже ограничил свободное передвижение армянских милиционеров. “14 марта ко мне в Давалу явился командир размещенной на станции Арарат английской роты лейтенант Баутон, – говорится в представленном 17 марта министру внутренних дел докладе комиссара Амирханова, – и объявил от имени генерал-губернатора Лаутона, что в районе Юва-Волчьи Врата англичане установили посты, которые будут обезоруживать всех проходящих, кто бы они ни были, и что это распоряжение касается также находящихся на службе милиционеров¹. А на посты в Давалу и Камарлу одновременно могли отправиться только два вооруженных милиционера. Сообщив об этом, в конце доклада комиссар делает справедливый вывод, что *“впечатление такое, что распоряжение о вооружении сделано не для всего населения, а для притеснения армян и наших властей”*² (подчеркнуто нами – Э.З.).

Создалась чрезвычайно напряженная ситуация, когда правительство Республики Армения должно было “решительно и смело” предъявить требования английским властям о сохранении порядка и законности в регионе или должно было окончательно скомпрометироваться в глазах собственного народа.

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 95.

² Там же.

Поэтому 13 марта 1919 г. мининдел РА С. Тигранян с решительным письмом обращается к британскому военному представителю в Ереване полковнику С. Темперлею, описывая адское положение армян давалуйского района и требуя предпринять решительные меры. «Необходимо, – говорится в письме, – чтобы британское командование приняло резкие и действенные меры и сохраняло бы в этих районах порядок и защищало жизнь и имущество населения, как оно обязывалось, или не должно препятствовать правительству Армении в том, чтобы оно усилило свои войска в этих районах на случай, если будет вынуждено, в рамках закона, обуздать вооруженные разбойничьи элементы. С. Тигранян осмеливается даже тонко обвинить генерал-губернатора Нахичевана за создавшееся положение и объявить его главным ответственным: «Был бы признателен, Ваше превосходительство, – говорится далее, – если бы соизволили сообщить мне о результатах Вашего свидания с подполковником Лаутоном и его точку зрения по этому поводу а также о тех мерах, которые он намеревается предпринять. *Воп истину, генерал Лаутон первый и непосредственный ответственный в этом деле, и он должен действовать по обстоятельствам.* Но так как этот район составляет бесспорную часть Армянской республики и таковым признан британским командованием, и, имея в виду, что Ваше превосходительство назначено военным представителем при правительстве Армении, считаю, что Ваше превосходительство должно участвовать в принятии мер по этому важному вопросу»¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Для восстановления порядка в регионе нужна была сила, военная сила. А британское командование в Закавказье не только не могло посылать новые военные части в регион, поскольку не было необходимого количество солдат (кстати,

¹ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 59, л. 40-41, см. также ВАА, 1993, т. I-II, с. 87-88.

большинство контингента английских войск были индийцы и только офицеры англичане), но и затруднялось в вопросе имеющихся на месте, ибо изо дня в день увеличивались жалобы и ропот из за того, что они годами были отрезаны от родины. В этом смысле примечательна беседа между помощником Лаутона и Бахатряном, о которой тот рассказывает в докладе на имя мининдел РА: «После ухода ханов я заметил помощнику полковника, что они очень бережно обращаются с турками, что распоряжения англичан не выполняются, что обещанные десять тысяч пудов пшеницы до сих пор не переданы ни англичанам, ни американцам. Капитан сказал мне следующее: «Вот уже пятый год мы вдали от родины. *После перемирия мы думали нас отправят на родину, но нас отправили еще дальше и поэтому недовольство есть и среди офицерства, и среди войск. Мы не можем быть более резкими, наше желание, чтобы армяне как-нибудь примирились бы с турками*»¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Примириться, но как? Приняв выдвинутые ханами Нахичевана условия или согласившись, чтобы армянские беженцы возвратились на свои места, но без оружия и это в том случае, когда турки всюду ходили с оружием в руках.

Правительство Армении и без того вело уступчивую политику, которая не могла быть безграничной, тем более что турки не вели себя адекватно, а все более усиливали антиармянские выпады. А правительство Азербайджана даже пыталось во всем этом обвинить правительство Армении, чьи войска будто бы уничтожают мусульманские села, истребляют мирных жителей, насилуют женщин и девушек. Верные принципу «держите вора», при котором воры подняв бучу, стараются отвести от себя подозрения, Азербайджан направо и налево рассылал телеграммы, обвиняя Армению в «зачистке» каких-то территорий.

¹ ВАА, 1993, N1-2, с. 85.

25 марта в Ереване дипломатический представитель Азербайджана в ноте в МИД Армении обвинял Армению не только в истреблении нескольких сел (Карахач, Шахаблу, Кадылу, Верхний Карабахлар, Агасибеклу и др.) и пленении “нескольких сот самых красивых женщин и девушек”, но и требовал немедленно создать “смешанную комиссию из англичан, мусульман и армян”, чтобы выяснить размер нанесенного мусульманам материального урона и удовлетворить “справедливые требования” Азербайджана¹.

Подобная активность Азербайджана заставила правительство Армении предпринять соответствующие шаги, дабы обратить внимание британского командования на все те негативные явления, которые происходили в Шарур-Нахичеване и Ведибасаре, а также на опасную ситуацию, которая могла возникнуть при объединении Азербайджана и Турции. В этой связи премьер Армении имел несколько встреч с британским командованием и лично с генералом Томсоном.

Вышеперечисленные обстоятельства, а также неспособность британского командования навести порядок в регионе, жалобы английских солдат и требования возвращения домой убедили Томсона, что необходимо пересмотреть политику в вопросе Шарур-Нахичевана и передать правление ими Армении. Уже 3 апреля главный советник МИДа А. Тер-Акопов информирует министерство внутренних дел, что “после беседы премьер-министра с генералом Томсоном выяснилось, что английское командование принципиально согласно пересмотреть соглашение, подписанное полковником Лаутоном с правительством Армении о Ведибасарском и Нахичеванском районах”².

Затем сообщив, что в этом направлении уже даны полномочия полковнику Темперлею и сменившему Лаутона полков-

¹ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 40, л. 41.

² См. Вестник архивов Армении, 1993, п 1-2, с. 88.

нику Симисону¹, и что после возвращения полковника Темперлея из села Зод на очереди пересмотр соглашения, просит информировать о тех изменениях, которые министерство внутренних дел хотело бы внести в это соглашение. А 6 апреля, после совещания в Тифлисе, генерал Томсон отправляет специальную записку премьеру РА о возвращении беженцев из Карса и Нахичевана. В записке говорилось: “1. Возвращение народа в села в Карсской и Нахичеванской губерниях является самым важным вопросом. Там, где не будет возможности их вернуть в собственные села, им должны быть представлены места жительства, и дана возможность заняться сельским хозяйством.

При возвращении их вплоть до старой русской границы вся возможная защита будет оказана английским командованием без различия национальности и веры. Но те, которые перейдут через старую границу в Турецкую Армению, сделают это на собственный риск: я не могу предоставить им какую-либо защиту там.

2. После возвращения беженцев, которое, я надеюсь, будет закончено в конце этого месяца, *английские войска будут отозваны из Карса и Нахичевана, но английская миссия останется*. Поэтому до 1 мая администрация должна быть организована в каждом районе, поддержана нужным количеством армянских войск. Предлагается *система правления, установленная с успехом в Шуше*, и я благосклонен к учреждению подобного правления в Карсе и Нахичеване под тем же названием, как в Шуше”² (подчеркнуто нами – Э.З.).

Ясно, что без наличия войск английская миссия никоим образом не могла повлиять на ситуацию. Следовательно, странно, что она спешит вывести войска из Нахичевана и Кар-

¹ В архивном документе (см. НАА, ф. 201, оп. 1, д. 45, Пчасть, л. 623) он назван не Симисон, а Сикстон.

² ВАА, 1993, N 1-2, с. 89.

са, но о выводе войск из Карабаха в эти месяцы вообще ни слова. Странно также, что установленную форму правления в Шуше считают успешной при том, что армяне Карабаха протестовали и не признавали власть кровожадного курда Хосров-бек Султанова, который, особенно в первые месяцы 1919 года, без содействия англичан не смог бы продержаться в Карабахе. Так или иначе, в двух следующих пунктах генерал Томсон, рассуждая о том, что возвращение беженцев должно проходить без насилия и кровопролития, что генерал Деви находится в Карсе и проводит подготовительные работы для обеспечения продвижения армянских войск, одновременно подчеркивает, что в Батумской губернии, как и прежде, будет править Кук Колис, а “Карабах останется под Бакинским командованием и Азербайджанским правительством”¹.

Как видим, этой запиской от 6 апреля генерал Томсон фактически проводит территориальные разграничения между Арменией и Азербайджаном. Правда, там не упомянут Зангезур, но так как в решении правительства о назначении Хосров-бек Султанова было сказано, что тот назначается губернатором Карабаха и Зангезура, то надо предполагать, что, говоря “Карабах”, Томсон подразумевает и Зангезур. Так или иначе, правительство Армении должно было отозваться на предложение англичан, тем более что как впоследствии отмечал губернатор Варшамян: “их предложение было решительным, для ответа было дано очень мало времени. И, одновременно, они четко и ясно заявили, что если правительство Армении не согласится принять это предложение, они будут вынуждены отдать район Азербайджану. Так что перед правительством стала дилемма – или согласиться с английским предложением, или лишиться того политического и экономического преимущества, какое давало это предложение”. Пытаясь обосновать эти преимущества, Варшамян продолжает: “Армения отрезана со всех

сторон, с внешним миром никакой связи. Железная дорога Джульфа-Нахичеван соединяла ее с Персией и давала возможность сохранять с ней тесную торговую связь, через Персию поддерживать отношения с торговой Европой, обеспечивать транзит. Давала возможность 50-60 тысячам беженцев вернуться в родные края и устанавливала непосредственную связь с Зангезуром. Англичане гарантировали, что жители страны не сделают ни одной попытки восстания и обещали держать свои части настолько, насколько потребует армянское правительство. На этих условиях правительство дало свое согласие”¹.

В словах губернатора Варшамяна единственным, что не соответствовало действительности, был вопрос о сохранении английских войск. Как мы уже удостоверились, Томсон объявил Хатисяну, что в конце мая войска будут отведены из Нахичевана и там останется только английская миссия. Предложение Томсона стало предметом особого обсуждения на заседании правительства Армении от 12 апреля с примечательной формулировкой:

1. *Слушали* – Несколько вопросов связанных с предложением Томсона о занятии Карсского, Шарурского и Нахичеванского районов.
2. *Постановили* – Принять предложение Томсона о занятии этих районов войсками и беженцами, выразив желание о продлении пребывания английских войск...”

В постановлении говорится также о предоставлении пяти миллионов рублей военному министерству для необходимых расходов, для создания новых частей, также о разрешении возвращения только тех беженцев, которые являются жителями данного района и т.д.²

В записке от 14 апреля, адресованной председателю правительства Грузии и дипломатическому представителю Армении

¹ Там же, с. 90.

¹ “Арач”, 29 окт., 1919 г.

² НАА, ф. 199, оп. 1, д. 43, л. 65.

в Тифлисе, Томсон объявляет свое решение о разграничении территории между Грузией и Арменией.

“...относительно временного определения границ и назначения администрации в спорной между вами зоне препровождаю Вам мое решение, которому Вы согласились подчиниться, по полномочиям от Ваших правительств.

1. Ахалкалакский уезд будет под управлением Грузии.
2. Часть Ардаганского уезда находящаяся по левую сторону реку Куры, включая и город Ардаган, будет также под управлением Грузии.
3. Часть Борчалуйского уезда к Севкару от водораздела, включая село и железнодорожную станцию Алаверди, будет под управлением Грузии.
4. Часть же Борчалинского уезда, находящаяся к югу от водораздела, включая станцию Санаин, будет под управлением Армении.
5. Области Карса и Кахзвана будут под управлением Армении.
6. Нахичеванский уезд, ограниченный северным и южным водоразделами, вплоть до станции Джульфа, будет под управлением Армении.
7. Ольгинский округ и часть Ардагана, находящаяся на правом берегу реки Куры, будут подчинены британскому военному губернатору в Батуме.
8. Границы обозначены на приложенной карте”¹, затем отметив, что в этих областях правление должно войти в силу 1 мая, Томсон одновременно предупреждает, что оно должно носить только гражданский характер, что в этих местах должно остаться только минимальное количество войск для поддержания порядка и что в этих новых границах финансовые и другие вопросы регулируются решениями мировых посредников от 18 января. В

последнем 12-м пункте Томсон выражает надежду, что скоро получит их согласие о вышеперечисленных условиях.

Нетрудно заметить, что границы РА, начертанные Томсоном, более узки, чем сама Восточная Армения. Из ее состава были выведены Зангезур и Карабах, Алавердский район, Ахалкалаки, часть Ардаганского района и Олгинский уезд. Правда, Томсон это считал временным, до решения Парижской конференции, но если британское командование в Закавказье не хотело видеть эти районы в составе Республики Армения, то какие были гарантии, что Парижская конференция примет другое решение.

Небезынтересен тот факт, что о решении Томсона о передаче Карса и Шарур-Нахичевана Армении в Азербайджане вовремя не узнали. 18 апреля дипломатический представитель Азербайджана в Ереване Хан-Текинский в секретной телеграмме в Баку, своему правительству пишет: “По слухам, англичане Карс передали армянам и им же готовятся передать Шарур и Нахичевань. Прошу проверить и сделать запрос англичанам и если это соответствует истине, то думаю, необходимо протестовать перед мусульманским миром Индии, Туркестана, Афганистана, Малайских островов и Кавказа против желания англичан подчинить несколько миллионов мусульман полмиллиону армян”¹.

Оставив в стороне факт фальсификации этнографических данных со стороны дипломатического представителя Азербайджана, скажем, что на этот раз протесты правительства Азербайджана особенно не повлияли на решение Томсона, хотя он решительно был против программы Дро о введении большого количества армянских войск в Шарур-Нахичеван и подверг-

¹ ВАА, 1993 г., N 1-2, с. 90-91.

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 6.

нуть ее военной оккупации. 24 апреля генерал Деви¹ в письме на имя Премьера Республики Армения пишет, что: "...генерал Томсон не согласен с этим предложением по следующим причинам:

- а. Сила слишком велика, т.е. войск слишком много;
- б. Это может вызвать трения;
- в. Предложение разоружить население неосуществимо и не должно пытаться его провести"².

Эти возражения Томсона показывают, что мы имеем дело с непониманием и невосприятием мусульманского востока. Дро очень хорошо понимал, что без наличия реальной силы невозможно организовать возвращение армянских беженцев и держать регион в покорности, тем более если он вооружен. Протестуя против ввода многочисленных сил и предложения разоружить мусульман, Томсон тем самым, желая того или нет, ставил под вопрос передачу навсегда Нахичевана Армении, создавал предпосылки для восстаний против Армении. Правда, он обещал для начала оставить английские посты в Давалу, Садараке, Яйджи и Джахри, а также маленький отряд в Нахичеване, но это временно, до обустройства беженцев и создания административного аппарата. Поэтому в конце письма просит выбрать и подготовить способных административных работников для этой цели. Правительство Армении, выполняя предложение Томсона, уже 26 апреля обсудило этот вопрос и постановило "Администрацию Нахичеванского и Шарурского уездов организовать по примеру Эчмиадзинского уезда"³. А 27 обсуждает законопроект, представленный министерством призрения и труда, об организации возвращения около 50 тысяч беженцев из Нахичевана и Шарура и оказании им государст-

¹ По вине переводчика (с английского на русский) и имя автора переврано (Девис вместо Деви) и должность получателя: вместо "министр-председатель" или "премьер", использовано слово "президент".

² ВАА, указ. номер, с. 92.

³ Там же, с. 66.

венной помощи и постановляет: "Министру призрения и труда предоставить кредит в размере 18.013.600 рублей для организации возвращения беженцев из Нахичевана и Шарура и содействия им в течении последующих трех месяцев"¹. А 29 правительство рассматривает "Доклад министра внутренних дел о границах, созданных на основе Шарур-Нахичеванского районов новых административных единиц" и решает "создать три уезда:

- а) уезд Гохтан – центр Агулис;
- б) уезд Нахичеван – центр Нахичеван;
- в) уезд Шарур – центр Норашен и признать границы"².

Вот так Армения готовилась установить свою гегемонию в регионе, а Азербайджан в те же дни уже плел заговор против еще не установленной гегемонии. 29 апреля дипломатический представитель Азербайджана в Ереване Текинский посылает две секретные телеграммы своему правительству, в первой из которых сообщает, что 3 мая правительство Армении опубликует заявление о завоевании с согласия союзников Нахичевана³, а во второй спрашивает: "Если Нахичеван окажет сопротивление армянским войскам, то какую помощь окажет правительство и пошлет ли войско хотя бы под именем добровольцев? Сегодня прибудет генерал Мильн, спешно телеграфируйте, жду ответа"⁴.

1 мая две телеграммы снова были посланы из Еревана в Баку. В первой Текинский сообщает о возвращении генералов Мильна и Томсона в Тифлис и просит поговорить с ними о Нахичеване и предпринять меры, потому что его протесты "будут бесполезны и до 3 мая неуместны, потому что пока приказ о Нахичеванском округе, подписанный английским ге-

¹ Там же, с. 96.

² Там же.

³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 8.

⁴ Там же, л. 9.

нералом Деви и командующим Ереванским отрядом Дро еще не опубликован”¹. Во второй сообщает, что 30 апреля в Ереван прибыли ханы Макинский (Ганизаде) и Нахичеванский, но Томсон не разрешил Макинскому пройти в Нахичеван, поэтому тот передал ему суммы предназначенные Нахичевану и сейчас он ждет указаний, что делать с этими деньгами².

Но усилия Текинского оказались тщетны – Азербайджан не мог неприкрыто противодействовать британскому командованию и послать войско в Нахичеван. И 3 мая Текинский получает из Баку следующие инструкции: “На сегодняшний день о посылке военных частей и добровольцев в Нахичеван речи быть не может, этот вопрос энергично рассматривается в правительстве... О результате сообщу, энергично протестуйте против всякого действия в направлении завоевания Нахичеванского района и против унижения суверенных прав Азербайджана”³.

Вот так протестовал Азербайджан, рассылая направо и налево телеграммы и англичанам, правительству Армении, а Хан-Текинский в тот же день 3 мая в ноте МИД Армении даже считает возможным написать: “По поручению моего правительства я протестую против отправки войск Республики Армения в Нахичеванский район, который является неотъемлемой частью Азербайджанской республики. Я хочу верить, что правительство Республики Армения сочтет невозможным вопрос о границе двух соседних республик решать одновременно и силой оружия и при помощи своих представителей на Кавказской конференции⁴, одной из главных задач которой является решение мирным путем всех спорных территориаль-

¹ Там же, л. 10.

² Там же, л. 11.

³ Там же, л. 12.

⁴ Была создана в Тифлисе по инициативе Грузии 25 апреля 1919 г. С перерывами продолжалась до первой половины июня. Закончилась безрезультатно.

ных вопросов... ”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Как будто Азербайджан считался с мнением Армении при назначении генерал-губернатора в полностью армяно-населенном Карабахе и при вводе войск туда, как будто в то время Армения и Азербайджан не были соседями и только Армения обязана считаться с мнением соседей, а соседи – нет. Не этим ли настроением руководствовался дипломатический представитель Азербайджана, когда уже на следующий день, 4 мая, не дождавшись ответа правительства Армении, телеграфирует в Баку “срочно ответьте на мою телеграмму N 72 от 29 апреля. Нахичеванцы меня спрашивают, что делать и придет ли Азербайджан на помощь, если нахичеванцы окажут сопротивление армянам”². В тот же день Текинский направил еще одну спешную телеграмму в Баку – Премьер-министру, где было сказано: “Армянские полки двинулись к Нахичевану. Чтобы оказать давление на Армению, считаю необходимым немедленно сконцентрировать наши полки на границах Армении. Население Нахичеванского района готово оказать сопротивление, но боится активного вмешательства англичан в пользу Армении. 2 мая генерал Деви из Еревана отправился в Нахичеван. В Дилижане стоит только неукомплектованный четвертый полк”³.

Вот так действовал дипломатический представитель Азербайджана М. Хан-Текинский в Ереване⁴: С одной стороны он призывал правительство Армении к миру, с другой-требовал

¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 98.

² Там же, д. 358, л. 14.

³ Там же, л. 13.

⁴ С. Врацян свидетельствует, что правительству Армении был известен шифр дипломатического представительства Азербайджана в Ереване, следовательно, и содержание телеграмм. После советизации Азербайджана они были изданы отдельной книжкой и опубликованы в нескольких номерах “Арача”. Мы использовали архивные источники, ибо есть различия между ними и опубликованными текстами.

от своего правительства начать военные действия против Армении на ее слабо защищенной границе – в районе Дилиджана. Верно сказано, что нельзя ждать морали от дипломата.

* * *

3 мая 1919 года английский генерал Деви и командующий Ереванским районом Дро подписали приказ (на армянском и русском языках), направленный населению Нахичеванского района, о присоединении района к Республике Армения и установлении там законности и порядка. При этом, несмотря на то, что под приказом первой стояла подпись английского генерала, но фактически это обращение Дро к населению Нахичевана, приказ составлен от его имени. “Обращаюсь к вам, жители Нахичеванского района, – говорится в приказе- *Я со своим войском пришел в этот район по приказу моего правительства и союзников* для того, чтобы вернуть домой отрезанных от своих очагов крестьян, как армянских, так и мусульман. Вековые соседи снова должны вернуться к добрососедству”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Стремясь смягчить страсти и гарантировать “доброе соседство” армянского и турецкого народов, приказ особо подчеркивает: “Помните, что *наше государство называется Республика Армения, то есть Республика для всех проживающих в Армении народов*. Главная цель правительства создать свободную жизнь для всех народов республики. *Наши народы равны - как христиане, так и мусульмане*. Кто бы ни нарушил закон, он равнозначно наказывает всех (подчеркнуто нами – Э.З.). Затем обращаясь к самому больному вопросу – возвращению захваченных мусульманами земель - Дро предупреждает, что “против того, кто осмелится противиться немедленно исполнению этого законного требования трудового народа, с моей стороны будут предприняты самые серьезные меры

¹ “Ашхатавор”, 3 мая 1919 года.

вплоть до смертного приговора. Те поселки и села, которые окажут сопротивление, будут объявлены вне закона и преданы огню и мечу”¹.

Однако ни 3 мая и ни на следующий день армянские войска не сдвинулись с места и не вошли в Нахичеванский регион. Причина была в том, что английское командование пыталось использовать Нахичеванский вопрос для подчинения Карабаха Султанову. Еще в Ереване, 1 мая Томсон объявил правительству Армении, что не позволит армянским войскам войти в Нахичеван, пока армянский национальный совет Карабаха не выполнит требования генерала Шательворта – признать гегемонию Азербайджана и разрешить кочевникам двинуться к высокогорным пастбищам. А так как генералы Томсон и Мильн спешно отправились в Тифлис, то туда отправился также и.о. премьера Ал. Хатисян² для внесения ясности в этот вопрос. Из его доклада Совету министров видно, что он прибыл в Тифлис в 11 часов утра третьего мая и уже в 12 с дипломатическим представителем Евангуловым участвовал в созванном Томсоном совещании, где участвовали также генералы Бич, Броф и Деви со своими начальниками штабов. Сперва был прочитан доклад из двенадцати пунктов генерала Шательворта, в котором Армения обвинялась в подстрекательстве карабахцев против Азербайджана, создании вооруженных соединений, закрытии дорог для кочевников и во множестве других грехах, которые якобы являлись результатом деятельности полномочного представителя Армении в Зангезуре капитана Арсена Шахмазяна. После прочтения доклада Томсон объявил, что “из доклада видно, что своим вмешательством в дела Карабаха, Армения как бы объявляет войну Англии, Султанов ведет себя корректно, население живет мирно и возбуж-

¹ Там же.

² По решению Совета и правительства Армении Каджазунни был командирован в США.

дается лишь агентами Армянского правительства, все это дало повод к приостановлению продвижения наших войск на Нахичевань. Продвижение это возможно лишь при исполнении следующих условий:

1. Шахмазян и все другие делегаты-агитаторы должны быть отозваны из Карабаха.
2. Прокламация от имени правительства Армении о Карабахе, где должно быть указано, что всякая оппозиция Азербайджанскому правительству недопустима и что если армяне будут противодействовать, то пострадают беженцы.
3. Кочевники должны быть пропущены (к высокогорным пастбищам – Ш.З.).
4. По исполнении этих условий движение на Нахичеван начнется немедленно”¹.

На эти требования Томсона Хатисян ответил полутора-часовой речью, где он развивал ту мысль, что Армения считает Карабах своей неотъемлемой частью и что правильнее будет до решения Парижской конференции правление краем осуществлять посредством английского генерал-губернатора и армянского и мусульманского национальных советов – первый в армянской части, второй – в мусульманской (в районе к востоку от Аскерана). А агентов отозвать не может, ибо таковых там нет и вообще не может влиять на армян, потому что он не правит Карабахом, но может дать совет в вопросе кочевников, чтобы их сопровождали английские солдаты, а также армянские и мусульманские контролеры. Касаясь вопроса беженцев из Нахичевана, Хатисян объявил, что “связывать их возвращение в район Нахичевана с карабахским вопросом было бы равносильно турецкой политике возлагать ответственность на невинных людей за деяния третьих лиц, в данном случае за предполагаемые действия Правительства Армения”.

¹ ВАА, указ. N, стр. 99, см. также, НАА, ф. 276, оп. 1, д. 42, л. 77.

Он настоял на том, что “войско и беженцев нужно двинуть к Нахичевани по четырем причинам:

- а. невыносимое положение беженцев – из 18.000 человек уже умерло 8000,
- б. настроение татар может измениться,
- в. настроение войска может вызвать эксцессы,
- г. такая обстановка несовместима с исполнением военных планов.

Напечатать же предлагаемое воззвание к карабахцам не можем по 3 причинам:

- а. мы его не разделяем по существу,
- б. население его не разделяет,
- в. наше достоинство и честь не допускают этого, поэтому мы подчинимся распоряжению – не двигаться в Нахичеван, но воззвание не подпишем¹.

Если оценим поведение А. Хатисяна во время совещания, то нужно сказать, что оно безупречно. Проявив дипломатическую гибкость и непреклонность, он своими четкими и очень логичными постановками вопросов поставил английских генералов в тяжелое положение и заставил поменять первоначальную настроенность. Правда, после его выступления Томсон как бы по инерции еще продолжал говорить об отозвании Шахмазяна из Зангезура и необходимости решения вопроса о беженцах, одновременно доводя до сведения протесты Азербайджана в связи со сдачей Нахичевана армянам, так и проармянскими настроениями англичан. Но в его словах уже чувствовались признаки отступления, он уже не говорил о Карабахе. Вот почему, услышав ответ Хатисяна о том, что Шахмазов отозван для доклада, а вопрос кочевников будет урегулирован, если они подчинятся выработанным армянским правительством правилам, Томсон, посоветовавшись со своими генералами, объявил: “Я обдумал все и решил, что Ваши ответы соот-

¹ Там же, с. 100-101.

ветствуют действительности, и свое требование о непродвижении армянских войск и беженцев в Нахичеван беру обратно”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Сразу после совещания, в тот же день была отправлена телеграмма в Ереван, адресованная Дро и английскому представителю Чарльсу о разрешении продвижения войск к Нахичевану. Через два дня, 5 мая, у Камарлу, в селе Юва прошла торжественная церемония провода войск, для участия в которой из Еревана прибыло большое число парламентариев, члены правительства, известные дашнакские деятели (Р. Тер-Минасян, С. Врацян, А. Джамалян) и назначенный губернатором Нахичевана Г. Варшамян. После напутственных слов Дро и других, войска двинулись к Давалу, затем к Волчьим вратам.

8 мая в корреспонденции под названием “К Шарур-Нахичевану” посланной из Баш-Норашена в газету “Ашхатавор” Арам Макарян следующим образом представил это продвижение; “Настроение войска было очень приподнятое и воодушевленное. Поезд подходил к селу Давалу... Большое скопление народа около села, где остановился наш поезд. Село забито беженцами из Шарур-Нахичевана, которые узнав о продвижении наших войск, поспешили спуститься из сел Даралагяза, где они укрывались вот уже год, для возвращения на родину.

Станция Араздаян и окружавшие ее строения разрушены. Телеграфные столбы и линии, железнодорожные рельсы и шпалы нуждаются в ремонте и строительстве. Поезд двигался очень осторожно, давно не использованная железнодорожная линия едва выдерживает громадную тяжесть поезда.

Вот наконец Волчьи врата, которые, словно двери, закрывают всю Шарурскую равнину. Мы проходим беспрепятственно. Вдалеке видны шеренги наших войск, которые на зеленом и расцветшем поле медленно двигаются вперед. Главные силы войск прошли два часа назад. Вдали виднеется Баш-Нора-

¹ Там же, с. 101.

шен... Армянские села – Улиа-Норашен, Ханлухлар и другие разрушены. Через несколько дней добираемся до Нахичевани”¹.

А в те же дни – 8 и 9 мая, дипломатический представитель Азербайджана в Ереване Текинский в телеграмме, посланной своему правительству продолжал требовать военной помощи, уверяя, что нахичеванцы не позволяют армянам перейти границу. 8 мая он пишет: “До 7 мая армянские войска не переходили границу, то есть Волчьи врата, а мусульмане пулеметами защищают Волчьи врата у села Садарак...”². “8 мая армянские войска еще не прошли Волчьи врата, где стоят мусульмане для оказания сопротивления армянам, если англичане перейдут на сторону армян, – говорится в телеграмме от 9 мая. Армяне продолжают концентрировать войска в Давалу. Армяне даже назначили администрацию для Нахичевани, но их авантюра не прошла, благодаря вовремя принятым мером”³.

Вот такими фальшивыми и ложными сообщениями, придавая героическую позу то себе, то нахичеванцам, Текинский старался подстрекнуть свое правительство к активным военным действиям, пока не получил из Баку телеграмму такого содержания: “При нынешних условиях в ближайшем будущем нахичеванцы не могут ждать от нас реальной помощи войска. Если местное население не сможет остановить продвижение армянских войск, то это вызовет сочувствие Азербайджана, тем более что армяне Карабаха решительно препятствуют установлению там господства Азербайджана, несмотря на присутствие там английских представителей, которые отправились в Карабах, чтобы подействовать им”⁴.

12 мая армянские войска в сопровождении малочисленных

¹ “Ашхатавор”, 16 мая 1919 г.

² НАА, ф. 200, оп. 1, дело 358, л. 17.

³ Там же, л. 18.

⁴ Там же, л. 24.

сил из Баш-Норашена продвинулись к Нахичевану. На поезде в Нахичеван отправились также председатель правительства Ал. Хатисян, английский генерал Деви, губернатор Нахичевана Г. Варшамян с членами администрации и другие. Переночевав в Шахтахты, 14 мая поезд Ал. Хатисяна прибыл в Нахичеван. На станции поезд Хатисяна встречали командующий исламскими вооруженными силами Шарур-Нахичевана Кербалай Алихан Нахичеванский, члены мусульманского совета и другие официальные лица. Прием прошел в вагон-салоне Хатисяна, а на следующий день Хатисян и генерал Деви были приглашены на обед к Кербалай Али-хану. В тот же день Хатисян, Деви и сопровождающие их лица отправились в Джульфу¹.

Очевидец свидетельствует, что когда делегация прибыла на стоящую на берегу Аракса станцию Джульфа, генерал Деви обратившись к премьеру Хатисяну, сказал: “Вот Аракс – ваша граница, и согласно приказу я передаю ее Вам”². Отсюда Хатисян отправил телеграмму персидскому шаху, где в частности было сказано: “Став владельцем Нахичеванского и Шарурского уездов и впервые от имени правительства Армении прибыв к границе дружественной Персии, которая в самые трудные времена была другом армян, имею честь удостоверить Ваше Королевское величество что это новое соседство послужит счастьем этих двух вековых дружественных народов”³.

В ту же ночь Хатисян и сопровождающие его лица вернулись в Нахичеван, а на следующий день, после участия в заседании мусульманского национального совета отправились в Ереван.

Оказанный Хатисяну и армянской администрации прием был достойным, приправленным восточной лестью. Возможно,

¹ См. “Ашхатавор”, 22 мая 1919 г.

² “Арач”, 29 октября, 1919 г.

³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 13, л. 20.

на самом деле турецкая рядовая масса, трудящийся слой не питал особой ненависти к армянам, если бы хан-бекские круги не подстрекали народ против Армении. Арам Макарян, который сопровождал Хатисяна во время поездки в Нахичеван, пишет: “Трудящийся народ рад, что наконец было прояснено неопределенное состояние и армяно-турецкие отношения постепенно вернутся в нормальное русло. Другое настроение царит в военных, ханских, бекских и подобных кругах, которые чувствуют себя довольно подавленно.

Вооруженные силы турецкого правительства Шарур-Нахичевани, со своими пушками и вооружением ушли на персидский берег, а одна часть в горы: они, по рассказам местных жителей, должны занять выжидающую позицию и отслеживать политику армянского правительства по отношению к турецкому народу.

Если отношение к туркам будет отрицательным, то тогда нашедшие прибежище в горах вооруженные силы превратившиеся в разбойничьи группы должны напасть...”¹.

Сам командующий нахичеванскими вооруженными силами Кербалай Али-хан, во время приема, обратившись к Хатисяну, сказал: “Турецкое население Нахичевана получило приказ от английского высшего командования признать власть Армении. Склоняясь перед волей союзников, мы просим армянское правительство:

- а. не разоружать народ,
- б. в администрацию наравне с армянами принимать также турок,
- в. никто из турок не должен быть привлечен к ответственности за свою прошлую деятельность,
- г. турецких беженцев числом 60.000 тысяч опекать и за счет правительства вернуть к своему месту жительства (большая часть беженцев были из Зангезурского и Да-

¹ “Ашхатавор”, 22 мая 1919 г.

ралагязского районов, были также из Еревана и Баязета).

Вопрос разоружения был самым проблематичным для премьер-министра. И не только потому, что вооруженный турок сам по себе опасность, а потому, что в республике действовал закон о разоружении. К сожалению, в этом вопросе Деви встал на защиту нахичеванцев, гарантируя, "что население не предпримет ни одного вооруженного выступления против армянского правительства"¹. Все-таки он согласился, чтобы губернатор опубликовал объявление, где сообщалось населению, что для ношения оружия нужно получить специальное разрешение губернатора. Но и это решение не было реализовано, потому что заменивший Деви на посту начальника миссии Плауден занял совершенно другую позицию. Губернатор Варшамян рассказывал, что когда, в соответствии с решением о ношении оружия, полиция в Нахичеване конфисковала несколько ружей и пистолетов, то: "Полковник Плауден немедленно распорядился вернуть захваченное оружие и прекратить конфискацию оружия. Когда ему напомнили, что это делается на основе обязательного решения английской миссии, он ответил, что начальник миссии сейчас он, прежние решения не имеют значения для него, отныне только он может решать и разрешать и администрация обязана руководствоваться его указаниями"². Припоминая этот инцидент, Варшамян также подчеркивает, что это резко отрицательно подействовало и на полицию, и на население и что прибывший в Нахичеван Дро, проведя в связи с этим переговоры с Плауденом, издал приказ, где было сказано: "Во время проведения необходимых обысков, облав, арестов и т.д. неукоснительно руководствоваться устным соглашением с британским командованием, на основе чего *обыски, облавы, аресты и т.д. должны происходить только с согласия*

¹ "Арач", 29 окт. 1919 г.

² "Арач", 21 ноября, 1919 г.

и в присутствии английского военного представителя и представителя мусульман"¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Полагаем, и читателю видно, насколько в таких условиях формальной и бессильной становилась власть и насколько она была скомпрометирована в глазах народа.

Для новоназначенных армянских властей Нахичевана одной из труднейших задач был прием и устройство возвращающихся беженцев. Уже в мае несколько тысяч армяно-беженцев, нашедших убежище в Даралагязе, Зангезуре и других местах, начали возвращаться в свои родные края. В основном это были люди голодные, лишенные имущества, скота, без средств существования, которых необходимо было обеспечить землей, жилищем, а также средствами существования на ближайшие два-три месяца. Общий инспектор Шарур-Нахичеванских районов Арам Макарян в составленной 28 мая справке о деятельности в этих районах министерства призрения, пишет: "Для лучшей организации возвращения беженцев необходимо решение нескольких вопросов и ряд указаний:

1. Одним из главных является продовольственный вопрос. ...Продовольственное дело было выполнено с большими трудностями, средствами министерства призрения.
2. Вторая главная задача – это вопрос семян. Уже две недели как беженцы вернулись в свои села и с нетерпением ждут семян и земледельческих орудий...
3. Очень серьезен также вопрос посевов, то есть тех посевов, которые турки произвели на принадлежащих армянам землях. И сегодня, когда крестьяне-армяне возвращаются, необходимо немедленное решение этого вопроса, потому что это положение может вызвать нежелательные явления в армяно-турецких отношениях.
4. Одним из кардинальных остается вопрос строительства.

¹ Там же.

Имея в виду то обстоятельство, что возвращающиеся беженцы в своих селах встречают руины, нужна непосредственная помощь сейчас, пока дни еще теплые...

5. Необходимо открыть несколько мастерских по изготовлению глиняной утвари. Как известно, возвращающийся народ полностью лишен кувшинов, тазов, карасов и т. д....¹.

Из справки также узнаем, что в течении короткого времени в крае открыта больница, введена в действие мельница, открылись несколько питательных пунктов в Баш-Норашене, Ханлухларе, Нахичеване и т.д. Интересно, что все это не только для армян, но и турок. "15 мая в Нахичеване открыт питательный пункт, – читаем в газете "Ашхатавор" от 14 июня 1919 года, – которым пользуются 150 турок и 150 армян": Там же говорится, что питательным пунктом Ханлухлара пользуются также 176 крестьян из ассирийского села Сиагут. Правда, размеры этой помощи небольшие (на душу ежедневно приходилось 1,5 фунта хлеба и одна рыба), но вопрос не в размере, а в отношении.

Вообще в архивах сохранилось много документов, которые свидетельствуют, что, взяв в свои руки дело правления Нахичеванским краем, Правительство РА сделало все от себя зависящее, чтобы обеспечить равноправие между армянами и турками, и содействовать восстановлению разрушенного хозяйства. Уже было сказано, что в совместном приказе Дро и Деви от 3 мая говорилось о равноправии всех народов, населяющих территорию республики, заявлялось, что: "Испытания народов закончились. Вновь пришла пора мирного соседства, без различия нации и религии, будь он армянин или курд, татарин или русский, грек или езид..."². А премьер Хатисян, будучи в Нахичеване на заседании мусульманского национального совета

¹ "Ашхатавор", 17 июня 1919 г.

² Там же, 3 мая 1919 г.

пообещал оказать также экономическую помощь, особенно в сельскохозяйственной сфере. "Проблема посевов из тех вопросов, – пишет Арам Макарян, – которые очень волнуют турецкое население. По этому поводу они обратились к Хатисяну. премьер-министр ответил, что правительство Армении предпримет все меры для такого решения вопроса, чтобы и турки, и армяне не остались недовольны"¹.

Шаги, направленные на установление армяно-турецких дружеских отношений, и оптимистические настроения захватили также все армянское общество. 10 мая "Ашхатанк" пишет; "Победа справедливости и права начала свой поход. Вчера Карсские, сегодня Нахичеванские, завтра Западноармянские двери, которые закрылись перед нами вследствие османской резни, откроются друг за другом для новой жизни, творческого, созидательного труда, мирного и дружного совместного проживания.

Пусть воодушевится наше правительство и проникнется истинным пониманием взятого на себя столь тяжелого и ответственного дела. Пусть оно имеет политическую мудрость для осознания, что то государственное дело, которым оно занимается, должно заложить все элементы для победы равенства и братства и что мы сможем создать Армянскую родину, где рядом с армянином и турок, и курд будут чувствовать себя счастливыми, посвятив себя мирному созидательному и благословенному труду". И правительство, как бы идя навстречу общественному мнению, решает этой работе придать организованный характер. В докладе на имя премьера Армении, министр ВД, обосновывая острую необходимость работ, проводимых среди неармянского населения новоприсоединенных территорий, пишет: "Предлагаю в составе МВД основать новое направление со следующими функциями или программой;

1. Теоретическое или практическое изучение всех прожи-

¹ Там же, 22 мая, 1919 г.

вающих на территории неармян, их истории, религии, политических настроений, вооруженных сил, взаимоотношений непосредственных соседей, влияние на них иностранных государств, причины конфликтов (если они есть) между ними и армянами, их экономическое положение, интересы, стремления, влияние местных, религиозных организаций, разных вождей и персон.

2. Установить возможные связи с этими племенами через их руководителей или непосредственно, по возможности стараясь при их помощи нейтрализовать опасные идеи отдельных личностей, способствовать процветанию общей экономической жизни страны, облегчая обмен товарами и безопасность дорог.
3. Привить некоторым личностям идеи государственности и постараться с их помощью идею государственности распространить среди народов и в этом смысле вести пропаганду.
4. Постараться ослабить инстинкт кровной мести, если возможно – искоренить его.
5. Примирить воюющие племена, чтобы они свыклись с мыслью быть терпимыми и нейтральными к идеям государственности.
6. Те племена, которые окажутся способны принять идею государственности, поощрить и постараться среди них провести в скором времени государственные, в частности школьные реформы¹.

Затем, ввиду финансовых трудностей, министр предлагает для организации этого дела довольствоваться одной центральной канцелярией (диван) с тремя сотрудниками – начальником и два писаря, а на местах (Нахичеван, Сурмалу, Кахзван, Карс и Зангезур) иметь по одному агенту с одним писарем.

Иначе говоря, для огромной работы с инородцами министр

¹ НАА, ф. 201, оп. 1, д. 621, л. 2-3.

внутренних дел требует всего 13 работников, оставляя за собой общее руководство. Тяжелую ношу брал на себя министр внутренних дел, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что он был вынужден решать также вопросы финансово-экономического характера. Скажем, 27 мая губернатор Варшамян телеграфирует министру ВД: “Сим сообщая, что сегодня явился местный городской голова и приветствовал приход армян в нахичеванскую губернию, заявив глубокое уважение местного населения и городского самоуправления и готовность подчинения армянской власти. Он попросил выяснить положение городского самоуправления. Я предложил продолжить их деятельность до новых выборов, только с тем условием, что вместе с 8 гласными турками назначаются 8 армян гласных. Одновременно он попросил для городского самоуправления 15.000 рублей для возобновления строительства канала в армянском районе.

Примите к сведению, прошу удовлетворить просьбу самоуправления, предоставить вышеназванную сумму, которая будет под моим контролем¹.

К слову, об армянском районе очевидец пишет: “Армянская администрация официально 13 мая вошла в город, который оставляет очень грустное, мертвое впечатление. Армянская часть, где в основном находились дома европейского типа, полностью в развалинах. Турки разобрали и унесли не только деревянные конструкции, но и камни и кирпичи, не пощадили школы, больницы и церкви, которые и в городе и в селах не только разрушены, но и осквернены, на стенах были пятна крови, как будто грабители старались не только разрушить, но и осквернить. В том же положении находилась единственная в городе русская церковь².”

Интересен тот факт, что разрушение армянского района

¹ НАА, ф. 201, оп. 1, д. 621, л. 2-3.

² “Арач”, 29 окт. 1919 г.

было произведено очень организованно после 3 мая, когда в Нахичеване узнали, что край сдан Армении. Это было сделано для затруднения возврата армян. А английские власти Нахичевана, на глазах у которых происходило это варварство, не попытались пресечь его, удовлетворились только запиской, представленной местному мусульманскому совету, где было сказано, что ответственность за содеянное падет на членов совета.

К просьбе губернатора Варшамяна и вообще к некоторым вопросам, касающимся внутренней жизни Нахичевана правительство обратилось на заседании от 6 июня и приняло следующее решение:

- а) разрешить губернатору Нахичевана занять те государственные здания и имущество, которые во времена самоуправления "Шуры" или турецкого правления были переданы другим,
- б) для государственных нужд разрешить временную реквизицию квартир,
- в) разрешить в административном порядке штрафовать преступников на 10.000 р. или заключать в тюрьму до 3-х месяцев,
- г) присоединить Даралагызский район к Нахичеванской губернии,
- д) по закону от 5 июня 1919 г. открыть кредит министерству внутренних дел в размере 15.000 р. для передачи займы Нахичеванскому городскому самоуправлению"¹.

Через несколько дней, 14 июня, правительство вновь обратилось к нахичеванскому вопросу и постановило из Нахичеванского и Шарур-Даралагызского уездов создать одно генерал-губернаторство и на должность генерал-губернатора назначить генерал-майора Г. Шелковникяна. Какими соображениями руководствовались при создании генерал-губернатор-

¹ ВАА, N 1-2, 1993 г., стр. 68.

ства и расширении его границ, об этом в документе нет объяснений. Но о том, что это было наспех принятое решение и не оправдало себя, свидетельствует хотя бы тот факт, что уже через 20 дней – 3 июля правительство снова обратилось к этому вопросу и выслушав доклады военного министра и министра внутренних дел, решило "ликвидировать генерал-губернаторство Нахичевана с 10 июля с.г.". Надо сказать, что столь быстрые изменения не способствовали укреплению административной власти в крае. Тем более, что хан-бекские круги и мусульманский национальный совет не только не помогали, но использовали любой повод для компрометации армянской администрации. Кстати, они с самого начала отказались участвовать в формировании администрации, отклонив предложение губернатора Варшамяна о выдвижении кандидатов. А когда тот все же сумел организовать административный аппарат, предоставив 50-60% должностей представителям турецкой интеллигенции,¹ и работа как будто налаживалась, мусульманский национальный совет, пытаясь помешать этому, предложил губернатору освободить турецких чиновников, мотивирую это тем, что они не пользуются симпатией народа, и пообещал представить свой список кандидатов на должности. Затем выяснилось, что из значившихся в списке большинство были явными или тайными агентами. Цель была ясна – скомпрометировать армянские власти в глазах местного населения, бороться против этой цели было трудно. Командир Ереванского соединения войск Дро 3 июля в специальной записке на имя министра внутренних дел сообщает, что "до сих пор в Шаруре администрация не организована должным образом; комиссар физически не имеет возможности посещать разбросанные на

¹ Полиция была организована по смешанному принципу – из армян и турок. В турецконаселенных районах комиссары были турками, заместители – армяне, в армянонаселенных районах – наоборот. В судебных инстанциях туркам тоже было предоставлено значительное место, прокурор губернии был турок.

большой территории села, так как под его началом служат 10 конных милиционеров и то с хворыми лошадьми.

В Шаруре полное отсутствие судебных властей – прокурора, следователя, судей – естественно приводит к тому, что мусульмане постепенно теряют доверие к нашей способности править занятой страной. *Только спешная организация власти на местах, которая должным образом будет обеспечена как личным составом, так и всем остальным, повысит авторитет нашего правительства в глазах мусульман.*

Это обстоятельство в данный момент я считаю особенно важным”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Несомненно, прав Дро, когда говорит об установлении сильной власти на занятых территориях, к месту также его требование, но- уже запоздалое. Мусульманская масса всюду готовилась к вооруженному выступлению. Остается добавить, что одной из причин слабости администрации была та спешка, которая была проявлена в деле введения административного правления по требованию англичан. Губернатор Варшамян в своих мемуарах по этому поводу пишет: «В первой половине мая наши войска без инцидентов вошли в Шарур. Английское командование не дождавшись усиления и укрепления войска предложило немедленно ввести администрацию. *Генерал Деви заявил, что получил приказ от своего правительства срочно, без промедления лично сдать эти районы для правления и установить администрацию. Его требование было столь поспешным, что не было возможности создать нормальную администрацию.* На все предложения Правительства, чтобы разрешить войску дойти до места, укрепиться и только затем ввести администрацию, он возражал, что *не силой оружия должны править этой страной, а решением конференции и с нашей помощью и гарантией;* думаю, наши войска довольно сильны, чтобы обеспечить вашу администрацию и высоко держать ав-

¹ НАА, ф. 201, оп. 45, Пчасть, л. 719.

торитет вашей власти. Вы установите власть, остальное наше дело”¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Как выполнили свое обещание англичане мы увидим в следующей главе, когда познакомимся с антиармянским восстанием в Шаруре и Нахичеване.

Изучение вопроса показало, что:

1. Власть английского губернатора в Нахичеване носила формальный характер; мусульманская верхушка игнорировала его, приказы и распоряжения не исполнялись, антиармянские выступления, грабежи и разбой не прекращались. Препятствовалось возвращение армянских беженцев. Все это дискредитировало британскую власть в глазах масс. С одной стороны это, с другой – решение Парижской конференции о выводе британских войск из Закавказья заставили британское командование пересмотреть политику в Шарур-Нахичеванском вопросе и правление этим краем передать Армении. В принятии данного решения свою роль сыграли также бурные протесты правительства Армении и опасность объединения Азербайджана и Турции через Нахичеван .

2. Присоединение Шарур-Нахичевана к Армении было проведено наспех, без серьезной подготовительной работы. Отдав дело правления краем Республике Армения, британское командование одновременно не разрешило ввести в регион необходимое количество войск. Не разрешило также осуществить разоружение населения при том, что в Республике Армения действовал закон о разоружении. Мусульманские военные образования продолжали свое полулегальное существование. В этих условиях армянская администрация края не могла быть крепкой и стабильной.

¹ “Арач”, 29 окт. 1919 г.

3. Взяв на себя правление краем, Республика Армения стараясь сгладить межнациональный конфликт и создать условия для мирного труда, равнозначно заботилась и об армянском, и о мусульманском населении. Формируя местные органы власти, обязательно учитывали состав населения, а в полиции и судебных органах преимущество было за мусульманами. Созданными для беженцев питательными пунктами пользовались также беженцы-мусульмане, были выделены средства для организации водоснабжения, разрабатывались образовательные программы и т. д.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УСИЛЕНИЕ ТУРЕЦКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ АНТИАРМЯНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПОВСТАНЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ.

Трудности, возникшие вследствие одновременного расширения республиканских границ, недостаточное количество армянских войск, расположенных в мусульманонаселенных районах.

Ситуация в Нахичеване и Гохтане.

Деятельность Азербайджана по созданию антиисламского движения против Армении. Антиармянские движения в малоазийской Турции, постоянная напряженность в Сурмалу и Карсе. Усиление агитации в Шарур-Нахичеване.

Пренебрежительное отношение британского командования к тревожным сигналам из Армении, вывод военных частей из края.

Распространение ложных слухов и протесты в связи с насильственными действиями армян по отношению к мусульманам. Очевидная подготовка восстания. Создание и подготовка военных частей со стороны османских и азербайджанских офицеров.

Июльские антиармянские движения. События в Бейук-Веди: нападения на армянские села в Нахичеванском уезде. Сражения в городе Нахичеван и позиция английского представительства. Опасность блокады и отступление Нахичеванской военной части в Даралагыз. Самооборона в Гохтане.

Повстанческие движения в Шаруре. Отступление армянских войск из Баш-Норашена и Шахтахты, трагедия Ханлухлара.

Причины неудач армянских войск, меры по укреплению фронтов принятые правительством.

Посредничество "Союзников", провал их переговоров с Халил-беєм.

Голгофа оставшихся в плену армян.

Одновременное расширение границ, присоединение тревожных районов Карса, Сурмалу, Шарур-Нахичевана, постоянная напряженная ситуация на армяно-турецкой и армяно-

азербайджанской границах ухудшили военно-политическую ситуацию республики, потому что бывших в наличии военных сил было недостаточно для решения всех проблем.

14 марта Хатисян в письме дипломатическому представителю Армении в Тифлисе Л. Евангуляну (Евангулову) пишет: “Дорогой Лео. Сейчас, когда ты уже наш официальный представитель, сообщу тебе те данные и указания, которые необходимо, чтобы ты имел в виду:

1. Главные наши потребности – хлеб, обмундирование для войск и поддержка со стороны англичан той идеи, что татары не должны напасть на нас и что они будут наказаны за это.
2. Возвращение беженцев в Карский край и Нахичеванский уезд и признание права западных армян на возвращение в Западную Армению и гарантии их возвращения.
3. Хлеб для население и -
4. Возвращение со стороны грузин имущества армянского корпуса.

Вот наши срочные, жизненные, острые задачи, без них нет спасения”. Затем описывая то тяжелое политическое и экономическое положение, которое возникло в Армении вследствие голода, инфекционных заболеваний и вражеских действий мусульман, Хатисян добавляет: “Состояние армии близко к катастрофе. Голодные, оборванные, четыре месяца некупанные, 50% истощенные от тифа, изнуренные, бегут и падают. Их количество достигает 3.5 тысяч при 900 офицерах¹. Вот наша “армия”. А кругом сытые, вооруженные татары отлично знают наше положение, приговаривают к смерти тех татар, которые нам тайно хлеб продают (уже было 3 случая). Таково положение в армии...”

¹ Несомненно краски сгущены, а состав армии снижен (если это не опечатка).

Генерал Силиков говорит, что он до 1 марта должен иметь 16000 солдат, иначе Армения снова погибнет.

Что ты должен сделать?

1. Попросить англичан, чтобы они свои хотя бы малочисленные отряды расположили бы в Александрополе, Игдире и Кохбе.
2. Попросить их дать нам хлеб, одежду и сапоги из Тифлиса.
3. Попросить грузин немедленно вернуть нам имущество армянского корпуса.
4. Попросить генерала Брафа спешно послать сюда грузы идущие в Армению (зерновые, хлеб, товары из Тифлиса).

Без этого ничего сделать невозможно...”¹.

Как видим, возникшие перед правительством проблемы были сложны и разнообразны. Но мусульманская угроза и расширение границ неизбежно на первый план выдвигали проблему перестройки и увеличения армии. И уже на заседании 12 апреля правительство решает “поручить военному министру организовать 5 батальонов в каждом по 800 человек, приглашая свободных от призыва людей с месячным окладом 300 рублей, давая им довольствие солдата и обмундирование”².

Несомненно не наша задача разбирать вопрос о создании новых частей, но мы не можем не подчеркнуть, что создание воинских частей из неопытных людей было нелегкой задачей, из-за чего стало невозможным распределение необходимого количества войск во вновь присоединенных районах, хотя в вопросе Нахичевана, как уже было сказано, роль сыграл также запрет ген. Томсона. В результате, как свидетельствует ген. Ахвердян, в Нахичеван были отправлены новоорганизованный

¹ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 116, л. 36.

² Там же.

пограничный батальон капитана Худавердяна (375 солдат), комендантская рота штаба дивизии (100 солдат) под командованием поручика Жамгаряна, две сотни пограничного кавалерийского полка под командованием поручика Гавриша и артиллерийский взвод поручика Минасянца¹. Позднее был послан также отдельный батальон подполковника Мамаджанова (около 380 солдат). Генерал Ахвердян подчеркивает, что посылка в Нахичеван комендантской роты штаба дивизии свидетельствует о напряжении, которое возникло после расширения границ.

Как видим, численность расположенных в Шарур-Нахичеване армянских сил едва переваливала за тысячу человек (не считая созданный впоследствии из беженцев отряд из 500 человек, у которых почти не было боевой готовности). Естественно, что этих сил было очень мало для усмирения вражески настроенного мусульманского населения на столь обширных территориях как Шарур-Нахичеван. Это осознавало правительство Армении, но не имея другой возможности, надеялось на присутствие британских вооруженных сил, которые были малочисленны (по ген. Ахвердян, полроты они держали в Баш-Апаране и полроты в Нахичеване), но их присутствие сдерживало местных мусульман. Те, не желая усложнять отношения с англичанами, а также, чтобы не казаться в их глазах мятежниками, внешне вели себя смирно, одновременно тайно готовились к восстанию и ждали удобного момента. А удобное время подошло тогда, когда британское командование решило вывести свои войска из Закавказья, в том числе из Нахичевана.

Губернатор Г. Варшамян в докладе от 29 мая 1919 года на имя министра ВД сообщает следующие сведения о положении в Нахичеване: "Как я уже писал, здесь в обществе есть две группы, одна из них слабая, примирилась с нашей властью, устраивается на службу и старается показать себя другом. Эту

¹ Там же, р. 45, оп. 1, д. 32, л. 15.

группу я стараюсь усилить. Вторая группа мощная и влиятельная, против нашей политики и присоединения Нахичевана к Армении, ведет пропаганду против нашей власти и объявила нам бойкот"¹. Объявив, что руководитель второй группы Джафар-кули хан Нахичеванский, Варшамян также информирует, что тот созвал собрание и уговаривал мусульман объявить экономический бойкот армянам, не иметь никаких отношений и ни по какому вопросу не обращаться к армянским властям, судам и т.д. "Положение Нахичевана неутешительно, - продолжает губернатор Варшамян, - фактически нашей власти там нет. Английские войска ушли из сел, а взамен мы не смогли послать туда наши части. Генерал заявил, что у него нет таких сил, он не может раздробить войска. Милиции нет, местные армяне не хотят служить. Жизнь очень дорога, а зарплаты маленькие. Никто к нам не едет, хотя я писал в Тавриз, Даралагыз, Зангезур и Сисиан, все отказываются из-за маленьких зарплат"².

Получается, что губернатор имел власть только в тех местах, где стояли армянские войска, то есть в Нахичеване, Джульфе и Шахтахты. А вот в большинстве сельских районов армянская администрация или отсутствовала, или была очень слаба. Здесь, по свидетельству Варшамяна, фактически хозяйничал сын Джафара-Кули хан Нахичеванского Кербулай Али хан. "Второй опасный для нас человек его сын Калбала"³ Али хан, - говорится в докладе. - В нескольких селах, где мы хотели избрать местных старост, воспротивились и заявили, что не примут армянское правление, пока от Калбалы хана не будет приказа. В уезде все вооруженные силы находятся под его командованием, и, как видно из сведений беженцев, они все время занимаются военным делом. В уезде мы еще слабы, там

¹ ВАА, 1993 г., 1-2, с. 106.

² Там же, л. 108.

³ Так в тексте.

действуют вооруженные группы – как бы милиционеры, тоже действующие от имени Калбалы хана, который до сего дня считается военным всеобщим командующим”. Губернатор Али хана считал столь опасным, что предлагал министру внутренних дел просить премьера, чтобы тот при помощи англичан убрал бы его из края. Но это не было легкой задачей, ибо англичане, по всей вероятности, покровительствовали Али хану, о чем свидетельствует тот факт, что они не заставляли его разоружить и расформировать вооруженные группы и удалиться из края, а также то, что его сделали придатком своей миссии, часто гостили у него дома, кутили и т.д. Все это Али хан видел и понимал и осмелев, позволял себе проводить антиармянские выступления даже в присутствии англичан. Варшамян свидетельствует, что Али хан в одном из разговоров в присутствии англичан, сказал, что: “В отношении Нахичевана свершилась великая несправедливость. Его должны были присоединить или к Азербайджану или к Персии, вы армяне никогда не сможете править этим краем. Это будет вторая Македония и очень скоро недовольные элементы соберутся в отряды и будут совершать нападения¹ (подч. нами – Э. З.)”.

И так как эти слова были сказаны “в очень жарком споре” то губернатор предполагает “что в этом есть истина и вероятно они к этому обратятся”.

Губернатор Варшамян в своем предположении не ошибся. Но нужно было время, чтобы, во первых англичане ушли и чтобы закончилась подготовка. Вот почему восстание мусульман Нахичевана отсрочилось до середины июля. А англичане, несмотря на обещания, старались днем раньше уйти из этих беспокойных районов².

¹ Там же, с. 107.

² Решение о выводе британских войск из Закавказья было принято еще 9 апреля 1919 года в Париже. Причем, союзники согласились, что они будут заменены итальянскими войсками, но когда английские войска были выведены из региона, Италия отказалась послать войска.

Прошло всего полмесяца после перехода Нахичеванского края под правление Армении, когда английское командование приняло решение о выводе своих войск из региона. 31 мая ген. Кори сообщает премьеру Армении, что “согласно той политике, о которой Вы проинформированы, я должен сообщить Вам, что британские отряды, которые ныне находятся в Нахичеване и вдоль железной дороги, будут выведены в течении нескольких дней. Все, что я видел, убедило меня, что в этом районе мир и безопасность будут продолжены под Вашим правлением”. И видимо стараясь успокоить премьера в связи с возможными последствиями вывода войск, добавляет, что отправляется “в Баку, для разговора с Правительством Азербайджана, чтобы те ограничили сферу своей деятельности в спорных районах и сообщить им, чтобы они ныне воздержались от расширения своей власти в Зангезуре. Таким образом, Вы должны немедленно отозвать Вашего представителя из этого района и я буду рад узнать, что Вы это сделали”¹ (подч. нами – Э.З.).

На отзывании Арсена Шахмазяна из Зангезура англичане настаивали также в дальнейшем, но, например, ничего не сделали, чтобы Гохтан тоже принял правление Армении, хотя и было сделано соответствующее заявление. Этот вопрос достиг особой остроты в начале июня, когда назначенный комиссар Гохтана Ашот Мелик-Мусянц от имени союзного командования предложил мусульманскому национальному совету Гохтана принять правление Армении. 3 июня созванный в Ордубаде мусульманский национальный совет отверг это предложение и решил обратиться с заявлением протеста ко всем европейским державам. Делу не помогает мирное предложение Мелик-Мусянца от 4 июня о том, чтобы направить представителя в Тифлис для решения этого вопроса с союзниками, а до этого выполнять указания правительства Армении и признать его

¹ ЦАА, р. 276, сп. 1, д. 101, л. 36.

как комиссара Гохтана. Мусульманский национальный совет в ответе от 7 июня дипломатично уклоняется от этого предложения, ответив, что во избежание недоразумений надо ожидать возвращения посланного 2 июня в Тифлис своего представителя¹.

Но уже на следующий день – 8 июня через Иран в Ордубад прибывает группа офицеров с 50 всадниками из Баку, которые привезли с собой 20 млн рублей. Руководитель группы Ахмедов провозглашает себя губернатором Ордубада, 11 июня собирает митинг и призывает к восстанию, заявив, что скоро из Азербайджана на помощь придут многочисленные силы².

Надо сказать, что Баку придавал Ордубаду особое значение не только потому, что это был удобный военный плацдарм и постоянная военная угроза для тыла армянского Зангезура, но и потому, что был важным узлом в Нахичеване для соединения Турции и Азербайджана. Дипломатический представитель Армении в Баку Тигран Бекзаян в докладной на имя премьера от 13 июня сообщает о тех работах, которые приняло правительство Азербайджана для проведения железнодороги от Аляты к Джульфе, которая через Мегри должна была пройти до Ордубада и оттуда до Джульфы и Нахичевана. Вот почему в другой докладной Бекзаян советует укрепить Мегри и повысить его обороноспособность. “По нашим сведениям Азербайджан серьезно готовится через Аракскую равнину перейти в Ордубад и Нахичеван. Для мирного осуществления этой программы единственной преградой является Мегри с окрестными селами, который, закрыв это труднопроходимое ущелье, может легко преградить турецкое продвижение. Чтобы легко устранить это препятствие, азербайджанцы начали переговоры с несколькими персидскими разбойничьими ханами, чтобы при нападении те помогли – открыв огонь по Мегри

¹ См. там же, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 107.

² См. “Арач”, 5 ноября 1919 г.

с противоположных персидских высот. Соглашение уже состоялось, и два ханских представителя прибыли в Баку для окончательной разработки программы военных действий в обозначенных районах”¹.

Удивительным образом английское высшее командование верило лживым заверениям азербайджанцев. Еще 8 мая дипломатический представитель Армении телеграфирует из Тифлиса своему правительству, что Томсон говорит, что Фатали Хан-Хойский обещает посодействовать признанию власти правительства Армении со стороны мусульман Нахичевана, Шарур-Даралагяза и Сурмалу и предлагает, чтобы Армения поступила адекватно в Карабахском вопросе². А ведь в том же мае-июне Азербайджан лихорадочно вел работу для поднятия восстания мусульман против Армении и блокады Армении со всех сторон. Уже 13 мая командир Ереванской группировки Дро телеграфирует военному министру, что: “В районе Ювы-Волчьих ворот группа людей под предводительством Шандинбека Махмудбекова и Махарлама Кербалая Орудж оглы Алиева ведут усердную агитацию против признания прав Республики Армения к Нахичеванской области, организуют вооруженные группы и готовятся оказать сопротивление нашим войскам. К ним примыкают назначенный английским генерал-губернатором Лаутеном комиссар Халил-бек и жители села Беюк-Веда Кербалай Исмаил Маарлам-огли, Кербалай Мусабек и Абас Кулибек Шадлинский”³. В конце телеграммы было добавлено, что вышесказанное доводится к сведению и соответствующему распоряжению. Но правительство Армении, стараясь не обострять ситуацию, в эти майские дни воздержалось от карательных действий. А в те же дни делегация под руководством моллы Бекташева из Нахичевана направилась в

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 50, ч. I, л. 13.

² См. ВАА, 1993, ¹ 1-2, с. 105.

³ НАА, ф. 199, сп. 1, д. 50, л. 13.

Тавриз для переговоров с персидским правительством о противодействии Армении и присоединения Нахичевана к Персии. Но как уже было отмечено, персы избегали явных действий и Бекташев обратился также к курду Симко¹, предложив тому со своими всадниками перейти в Нахичеван и возглавить антиармянское движение. Делегация вела также большую пропагандистскую работу среди населения Тавризской губернии, распространяла ложные слухи о притеснениях армянами мусульман, о массовой резне и т.д. И надо признать, что в этой области добились успехов, о чем свидетельствует тот факт, что в июль-августовские дни отсюда многие мусульмане поспешили на помощь своим единоверцам в Нахичеван.

Большую активность проявлял также официальный Баку. Дипломатический представитель Армении в Азербайджане Т. Бекзаян в нескольких докладных записках, отправленных в Ереван, информирует о замыслаемых заговорах против Армении: "Азербайджан неустанно ведет подготовку, чтобы любой ценой распространить свою власть над Зангезуром и Нахичеваном, - говорится в одном из них. Повстанческие вспышки происходящие и в Карабахе, и в Зангезуре, и в районе Нахичевана связаны между собой, и это все делается по заранее отработанной программе. Несомненно, эти действия направлены против армянского правительства, имея целью, усилив мусульманское господство, окружить армян турецким кольцом и лишить возможности заняться государственным строительством. С этой целью турецкие тайные политические организации посредством своих агентов стараются усилить вражеские настроения среди мусульманского населения всех присоединенных к Армении районов, поставляя им финансовые средства, а также оружие и боеприпасы"². Т. Бекзаян указывает также на

¹ Курдский мятежный вождь, который вел длительную войну против власти в северозападных районах Ирана.

² НАА, ф. 200, с. 1, д. 50, ч. I, л. 12.

то, что антиармянские настроения пропагандируются не "только в районах, но и среди мусульманских рабочих заводских кругов", где постоянно созываются митинги и призывают к походу через Карабах, Зангезур к Нахичевану, распространению власти Азербайджана до бывшей российской границы и объединению с Турцией. Стремясь везде провоцировать антиармянские движения, Азербайджан через Грузию отправлял в Ардаганский район агентов и агитаторов, а через Персию в Нахичеван, вербовал османских офицеров и щедро их финансировал. "Как свидетельство усиления общеисламского движения, - пишет Т. Бекзаян, - руководящие круги Азербайджана начали переговоры с турецкими организациями Тавриза, дабы консолидировать свои действия и с этой целью в Баку прибыл председатель Тавризского "Иттихат-исламие" Юсуф Зиа Талиб Заде"¹.

Призывы Баку находят большой отклик также в Малоазийской Турции. Беспорядки на западных границах Армении и систематические нападения на приграничные районы создавали весьма напряженную ситуацию в Карсском крае и Сурмалинском уезде. Не проходило и дня, чтобы не было сообщений о нападениях турецко-курдских разбойничьих групп на то или иное село или на пограничные заставы. Вместе с этим на границах Армении концентрируются регулярные войска. "Отправленные в Западную Армению агенты свидетельствуют о присутствии турецких регулярных войск в направлении Олти и Сарыкамыша и в районе Алашкерта, - пишет С. Вращян, ссылаясь на секретный доклад главного штаба армии от 17 июня. Четко установлено, что турецкая 12-я дивизия находится в Хорасан-Зивине, базируясь в Хорасане"².

Не довольствуясь всем этим, турецкие агенты вели активную пропагандистскую работу на территории самой Рес-

¹ Там же, л. 13.

² С. Вращян, Респ. Армения (на арм. яз.), Е., 1993, с. 314.

публики Армения, особенно в Сурмалу и Шарур-Нахичеване. "Пропаганда в районах Турции и Закавказья усиливается, - говорится в вышеприведенной докладной.- С этой целью большое количество турецких агентов направлены в Армению, в мусульманские села, и везде они обнаруживаются со стороны нашего управления и контрразведки. В частности, сильно влияние турецких агентов в районах Ардаган-Олти и Бардуса, где они организовали вооруженные пулеметами курдские шайки. Та же подготовка ведется на территории Сарыкамыш-Казвана и дальше - от курдонаселенных районов Бартохского хребта до Арарата"¹. А начальник отдела главного штаба подполковник Шнеур 21 июня информирует мининдел РА, что "согласно сообщению французской миссии из Трапезунда, агитаторы Комитета "Союз и прогресс"... направились теперь в район Нахичевана для усиления турецкой пропаганды"².

Понятно, что правительство Армении обо всем этом должно было сообщать союзникам и сообщало. Но те не только не предпринимали никаких мер, но и успокаивали армян, уверяя их, что турки не могут представлять серьезную опасность. Вот, например, что сказано в одном из таких ответов: "Я немедленно доложу Высшему командованию ваши сообщения о возобновлении деятельности турецких агентов, - говорится в адресованном Ал. Хатисяну письме от 19 июня командующего британскими войсками в Закавказье генерала Кори. *Однако я хотел бы напомнить Вам, что некогда великая турецкая нация теперь совершенно разбита, что она не имеет ни армии, ни боевых припасов, и никакой силы, что как бы ни работали ее агенты, за ними нет решительно ничего.* Известно, что некоторые ранее могущественные турецкие государственные люди находятся в бегах и скрываются в Закавказье, где они отчаянными усилиями стараются привлечь сторонников. В

*этом они потерпят неудачу, потому что у них нет ни денег, ни влияния, и хотя они могут вызвать беспорядки в той или другой местности, но они никогда не будут в состоянии вновь поднять на ноги какую бы то ни было часть Турецкой империи"*¹ (подчеркнуто нами - Э. З.).

Трудно сказать, было ли это убеждение британского командования или говорилось для успокоения властей Армении. Но какая бы ни была причина, последствие было одно - британское командование Закавказья продолжало оставаться в роли наблюдателя, а турецко-азербайджанская антиармянская агитация с каждым днем все больше развевалась и принимала угрожающие размеры.

Важным центром по разжиганию и организации антиармянских движений стало дипломатическое представительство Азербайджана в Ереване. Дипломатический представитель Хан-Текинский сумел установить связь с мусульманонаселенными районами Армении и инструктировать их. 4-го июня 1919 года он телеграфирует своему правительству, что армяне рады продвижению добровольческой армии, надеются, что она займет Баку, и делает вывод, что: "При осложнениях с добровольческой армией Армения займет вражескую позицию по отношению к нам, поэтому из Шарур-Нахичеванского района надо нагнетать опасность для Армении"². Для осуществления этой задачи Хан-Текинский требует спешно прислать денег, а также информирует, что благодаря принятым мерам Шарур-Нахичеван и Ордубад объединились в лице мусульманского национального совета, который поддерживает постоянную связь с ним. В тот же день он отправляет вторую телеграмму в Баку, советуя не давать мазут для железных дорог Армении, потому что в Нахичеване ожидаются серьезные со-

¹ Там же.

² ВАА, 1993 г., 1-2, стр. 164-165.

¹ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 120, л. 134.

² Там же, ф. 200, сп. 1, д. 358, л. 26.

бытия и сообщает, что английские войска покидают регион¹. А 11 июня отвечая своему правительству, Хан-Текинский сообщает, что район Шарур-Нахичеван имеет до 6 тысяч вооруженных пушками и пулеметами аскаров, которые своей боевостью не уступают армянам, и что в случае военных действий их число можно довести до 10 тысяч. Также выражает мнение, что пока надо держать 6 тысяч, расположить их на старых местах, а часть сосредоточить на границе с Зангезуром². Текинский не забывает также сообщать сведения о вооруженных силах Армении. 12 июня он телеграфирует своему правительству, что, по сообщению его военного атташе, Армения имеет три пехотные бригады, в каждой по два полка, которые состоят из трех батальонов. Имеет также три конных полка, каждый из 6 эскадронов, формирование которых еще не завершено. Артиллерия состоит из 12 батарей, в каждой по 4 пушки. Кроме этого есть еще Карабахский отряд, состоящий из одного батальона, трех эскадронов и 4-х пушек. А в Карсе есть от 500 до 700 пушек без обслуживающего персонала. В конце добавляет, что Армения имеет три бронепоезда³. Продолжая настраивать свое правительство против Армении, Текинский 20 июня телеграфирует, что «армянские власти, несмотря на обещания английского генерала Деви и Хатисова, начали обыски и конфискуют оружие, мебель, доски и другие вещи»⁴. А 22-го прямо пишет: «У Азербайджана кроме Армении, кажется теперь нет другого врага, поэтому нужно обращать на Армению особенное внимание. Надо курда Симко привлечь на нашу сторону, дать мне полномочия и распространить военного атташе»⁵ (подчеркнуто нами – Э. З.).

В антиармянской пропаганде большую роль играла азер-

¹ Там же, л. 31.

² Там же, л. 27.

³ Там же, л. 29.

⁴ Там же, л. 34.

⁵ Там же, л. 38.

байджанская печать. Не проходило и дня, чтобы в выходящих в Баку газетах не было напечатано что нибудь антиармянское. Особые усилия прилагала газета «Азербайджан», которая настолько увлеклась распространением лживых слухов о насилиях против турок в Армении, что в одном из номеров написала: «В течение одного дня в Нахичеване армянские власти убили 152252 турок»¹, забывая что в этом регионе общее число мусульман не превышает 75000. Но в Баку хорошо знали, что в Нахичеване против мусульман со стороны армянской администрации ни применялось насилия. Сам Хан-Текинский в телеграмме от 22 июня сообщает, что «в Нахичеване убийства мусульман со стороны армян происходят на бытовом уровне, как объясняют армяне. 18 июня бронепоезд обстрелял село рядом с Баш-Норашеном из-за убийства тремя аскарами двух солдат и одного офицера. Думаю, что нахождение (там – Э. З.) турецких аскаров даст армянам основание в обвинении мусульман в связях с турками»².

Подобные факты фальсифицировались со стороны официального Баку и говорилось только об обстрелах мусульманских сел. Но удивительно не столько это, сколько то, что в вопросе публикации выдуманных насилий армян против мусульман от азербайджанской прессы не отставала грузинская пресса. Цель была ясна, насколько обострятся армяно-азербайджанские отношения, настолько Грузия окажется в выигрышном положении и даже в роли диктующего. Видимо, грузины не забыли поражение в декабрьской войне 1918-го года.

Шум вокруг этих насилий настолько возрос, что британское командование решило откомандировать в Нахичеван полковника Плаудена, чтобы тот на месте ознакомился с положением вещей и сделал соответствующие распоряжения. 20

¹ См. «Арач», 5 ноября, 1919 г.

² НАА, ф. 200, сп. 1, д. 358, л. 36.

июня полковник направился в Нахичеван (вместе с Дро) и после обсуждений и разъяснений по данному вопросу вместе с Кербалай -ханом, губернатором Варшамяном и командиром расположенных в Нахичеване армянских войск генералом Шелковниковым представил своему командованию докладную в виде тезисов, состоящую из двух частей – в первой части изложены жалобы Карбалай-хана, во второй – объяснения Варшамяна и Шелковникова. По Кербалай –хану, имели место:

- “1. Реквизиция собственности мусульман;
2. Обыск со стороны армянских солдат домов мусульман;
3. Конфискация оружия;
4. Присвоение частной собственности;
5. Неуважительное отношение войска и милиции к мусульманам”.

Армянская сторона убедительными фактами показала, что присвоение частной собственности не происходило, а реквизировалось только русское госимущество. Что касается обысков, то они носили эпизодический характер, происходил только обыск оружия, обещали больше обысков не проводить, а также принять меры для выправления положения по пункту 5. Варшамян и Шелковников выдвинули следующие условия в связи с оружием:

- “а. все пистолеты должны быть зарегистрированы.
- б. никто, кроме военных, не имеет права носить оружие.
- в. все, кто носит оружие, должны быть арестованы полицией.
- г. оружие арестованных конфискуется”¹.

Примечательно, что в докладной Плауден говорит также о том, что села Енгиджа и Баш-Норашен объявили о своем желании подчиниться правительству Армении и необходимости прекращения турецкой агитации и добавляет, что он приказал удалить турецких аскяров из Нахичевана, а в случае отказа со-

брать женщин и детей и обстрелять село, где убили армянского офицера и солдат¹.

В связи с шумом поднятым в Азербайджане, Нахичеване и вообще в исламском мире об армянском насилии, правительство Армении было вынуждено, при помощи справочного бюро дипломатической миссии в Грузии опубликовать специальное сообщение, где говорится: “В связи с поручением министра иностранных дел Армении считает необходимым сообщить особо проверенные данные.

С первых же дней занятия со стороны армянских войск районов Карса, Шарура и Нахичевана и установления в этих районах армянского правления, правительство Армении немедленно привлекло мусульманское население к делу правления страной и до сих пор во многих местах, как, скажем, в Нахичеване, мусульмане составляют 70-75% административных служащих. В Карсском районе они занимают также должности уездных начальников. В политической и гражданской жизни также мусульманское население пользуется всеми правами, наравне с другими. В частности, перейдя к некоторым предъявленным мусульманами англичанам обвинениям, которые составили основу газетных выступлений, справочное бюро должно сообщить следующее:

1. Всего арестовано 2 человека, в основном из-за нарушения обязательств, на 3-7 дней.
2. У арестованных отнято всего два ружья, которые будут возвращены хозяевам, если те предстанут перед судом. 10-12 пистолетов отняты в связи с обязательным решением генерал-губернатора и английской миссии.
3. Было всего три случая домашнего обыска, кстати, по указанию самих мусульман, которые настаивали, что в этих домах есть арсеналы, в гостиницах обыски не про-

¹ Там же.

¹ Дело касается заговорщически убитых в одном из сел Шарура одного офицера и трех солдат.

исходили, а в чайных происходили несколько раз (как в местах, где собираются криминальные элементы).

4. Ничья лошадь не подвергалась реквизиции.
5. Келбали Хан-Нахичеванский подписавший жалобу об убийстве десяти человек, которых выпороли до смерти, не представил, вопреки предложению губернатора, ни одного доказательства.
6. О якобы убийстве на дороге 40 мусульман не представлено ни единого факта¹.

В заявлении также говорится о насилиях турок против армян, убийствах армян в селах Неграш, Веди и некоторых других местах, “о подготовке из-за границы движения мусульманского населения” и т.д.

Но это правительственное сообщение никоим образом уже не могло повлиять на дальнейшее развитие событий, так как злонамеренно распускаемые ложные слухи о насилиях армян против турок давно уже выполнили свою роль. Мусульманство и в РА и за ее пределами было готово к военному выступлению и оно началось в июле. Началось не как местный, частный случай, непокорность, а как всеобщее, общеисламское движение на восточных, южных и западных границах республики, целью которого было полное окружение Армении и окончательная расправа с ней. Начавшись в Ведибасаре², затем оно распространилось, вобрав в себя Шарур, Нахичеван, Сурмалу, Зангибасар и мусульманонаселенные другие районы, вплоть до Олти.

¹ “Ашхатавор”, 26 июля, 1919 г.

² Так называлась равнина реки Веди и окрестный район, где было несколько туркоязычных сел – Беюк-Веди, Кючук-Веди, Кара-бахлар, Авшар, Халиса, Шухлар, Шидлу др.

* * *

В первые дни июня 1919 года мусаватисты, как бы проверяя решительность британского командования в вопросе подавления антиармянских движений, устроили массовую резню армян близ Шуши. Были разрушены несколько армянских сел (Кайбаликенд, Кркжан, Пахлур и др.), коими Карабах соединялся с Зангезуром. Попытка была успешной – расквартированная в Шуши британская военная часть ограничилась ролью наблюдателя и не сделала даже попытки урезонить банды¹, которые истребляли мирных крестьян.

Британское высшее командование также ограничилось только следственной комиссией и обвинением на словах и даже не отстранило от должности организаторов резни в лице ими же назначенного губернатором Карабаха курдского доктора Султанова. Все протесты правительства Армении, а также действующего в Тифлисе Карабахского земляческого союза остались “гласом вопиющего в пустыне”. Ясно, что этот успех должен был воодушевить и раздраить исламских погромщиков и подвигнуть их на активные действия также в мусульманских районах Республики Армения. Но в июне, пока еще не были готовы к всеобщему восстанию, ограничивались только демонстративными проявлениями непокорности, хотя в некоторых местах произошли нападения на армянских солдат. В архивах сохранились многочисленные документы, удостоверяющие все это. Ознакомимся с некоторыми из них. “В последние дни у мусульман Нахичевана, в районах Шахтахты, Кызыл-Багазы, Яйджы (Джульфы) и Шарура наблюдается раздраженное настроение, - говорится в докладной нач. штаба Ереванских войск полк. Притоманова от 12 июня 1919 года ... По разведанным в городе Нахичеван объявлена запись добро-

¹ Азербайджан создал по примеру отрядов гамидие из курдов Забукского ущелья вооруженные группы, посредством которых осуществлял свою политику зачистки района от армян.

вольцев- мусульман и даже в ближайшие дни намечается мобилизация. Военную организацию мусульман, по всей видимости, возглавляет Кербали хан Нахичеванский". В докладной сообщается также, что у Норашена вооруженные татары напали на трех армянских солдат и одного ранили, 11 июня у Шахтагты напали на полевой конвой, а у сел Султан-бек и Бадамлу взяли в плен вышедших на полевые работы 6 женщин и одного мужчину.

"Татары села Кушчи-Демурчи настолько обнаглели, - продолжает полк. Притоманов, - что начали на улицы выходить вооруженными группами. По достоверным сведениям в селах Дашарх, Енгиджа (у станции Норашен) и окрестных селах *ведется сильная агитация по подготовке восстания*"¹ (подчеркнуто нами - Э. З.). Это происходило настолько явно, что армянское командование было вынуждено послать отряд, окружить село Дамарх и арестовать 6 агитаторов². О повстанческой подготовке мусульман Шарура говорится в сообщении ген. Ахвердяна от 15 июня. В нем говорится, что по разведанным в село Енгиджа около станции Норашен прибыли 3 азербайджанских офицера и председатель мусульманского национального совета Нахичевани Султанбеков, которые после совещания, созванного в доме Гамзаевых, объявили населению, что надо готовиться к нападению на армян. Подобная инструкция была послана также в окрестные села и в Беюк-Веди. Сообщается также, что офицеры остались в селе для подготовки восстания и что "каждый день, на берегу Аракса, в районе Муганлу-Енгиджа собираются до 600 всадников. В Енгидже есть три пулемета. А на правом берегу Аракса есть 2000 пехотинцев и 2 пушки, которые на днях отправят в Енгиджу"³.

12 июня получена информация, что в селе Булхан, на рас-

¹ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 44.

² Там же, л. 40.

³ Там же, л. 46.

стоянии 45-и километров от Нахичевана, в одном из сеновалов хранятся две пушки, один пулемет и снаряды. На следующий день 13 июня начальник контрразведки Котурский с 35 солдатами пошел проверить полученную информацию. Но вооруженные крестьяне не только не разрешили пройти по селу, но и открыли огонь вслед уходящим солдатам¹.

Из другого сообщения ген. Ахвердяна узнаем, что 15 июня состоящая из двухсот курдов банда напала на станцию Араздаян. Во время перестрелки погибли один солдат и 8 беженцев, а четверо были ранены. 18-го июня у села Кештаз турки-аскары окружили помощника комиссара Баш-Норашена. Комиссар был вынужден послать бронепоезд и полроты пехотинцев. Помощника комиссара освободили, а двух мятежников арестовали. Но вслед уходящим солдатам из села неожиданно открыли огонь, вследствие чего погибли два солдата и один офицер. Бронепоезд был вынужден обстрелять и разрушить вероломное село². В другом сообщении ген. Ахвердяна (30 июня) говорится, что когда британский военный представитель Плауден вместе с командиром Ереванских войск Дро направляясь в Нахичеван; пригласил к себе представителей разных мусульманских сел, то "Татары Шахтагтинского района наотрез отказались послать представителей, мотивируя свой отказ тем, что не признают и не хотят признавать правительство Армении"³. Подтверждающие информацию генерала Ахвердяна факты содержатся также в секретной докладной генерала Дро на имя командующего войсками Республики Армения. В ней сказано, что мусульмане Шахтагтинского района, а также сел Кивраг, Харабахлар и Хок, которые отказываются признавать армянскую администрацию, хорошо вооружены, имеют пулеметы, даже пушки. Дро говорит также тех жалобах,

¹ Вестник архивов Армении, 1993, 1-2, с. 177-178.

² НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 50.

³ Там же, л. 63.

которые нахичеванцы представили Плаудену, о якобы незаконных действиях армянской администрации и о арестах, которые без причин проводит контрразведка. Из докладной узнаем, что полк. Плауден попросил Дро вновь посетить Нахичеван на более долгий срок, для ознакомления с ситуацией, посещения нескольких сел и рассмотрения представленных жалоб. Можно предположить, что Плаудену понравилась некоторая уступчивость Дро, освобождение по его распоряжению из-под ареста нескольких арестованных за антиармянскую агитацию¹.

Вот так со дня на день созревало антиармянское восстание, создавая реальную угрозу для армянского правления в регионе. Только слепой мог этого не заметить, и предчувствуя опасность, правительство Армении еще 18 июня при посредстве своего дипломатического представителя обратилось к командующему британскими войсками в Закавказье с просьбой послать один отряд в Нахичеван. 14 июля замещающий диппредставителя М. Туманян вновь обратился к командующему британскими войсками, подчеркивая, что положение в Нахичеване еще более ухудшилось и сообщил, что премьер Армении “поручил ему вновь повторить его просьбу о посылке британского отряда в Нахичеван”, так как правительство Армении уверено, что “присутствие там хотя бы небольшого отряда войск Его Величества сразу внесет успокоение среди провоцируемых пантюркистскими эмиссарами мусульман, рассеяв ложные слухи об уходе союзных сил с Кавказа и предоставлении Турции возможности осуществить свой старый план”².

Обе эти просьбы остались без отклика. А в те же июльские дни уже крупные события развертывались как в Зангезуре, так и в Вединском и Шарурском районах. В Зангезуре турки нападали в направлении рек Базарчай (Воротан) и Охчи (Вохчи). В

¹ Там же, л. 67.

² ВАА, 1993, 1-2, с. 113.

направлении Базарчая атаке подверглось село Ерицатумб. Но особенно крупные силы были сосредоточены в направлении Капана под руководством османского офицера Кязым-паши. При этом атака на Капан развертывалась с двух сторон - через Охчинское ущелье с селами Каджаранц и Шабадин и с юго-восточной стороны по направлению сел Карабаба, Агарак и Егвард. Цель была ясна - захватить Капан и открыть дорогу из Азербайджана в Нахичеван. И надо сказать, что вначале турки благодаря внезапности достигли некоторых успехов - захватили Ерицатумб, Карабабу, Агарак и Егвард. Атака была столь неожиданна, что часть населения не смогла отступить и стала жертвой турецких бандитов. Но скоро положение изменилось, боевые силы Капана перешли в контрнаступление, нанесли сокрушительные удары неприятелю и не только вернули захваченные села, но в свою очередь захватили и разрушили несколько турецких сел. Особенно значительной была битва за Карабабу, где силы под руководством офицера Торосьяна нанесли такой удар врагу, что он в панике убегая, оставил на поле боя больше 100 убитых и большое количество оружия и боеприпасов. “Из сообщения доверенного очевидца видно, что 2-4 июля в Капанском районе Зангезурского уезда во время армяно-турецких столкновений турецкие вооруженные силы понесли большой урон - погибли 150 и ранены 100 человек, которых перевезли и поместили в турецких селах, - говорится в докладной от 18 июля дипломатического представителя Армении в Баку Т. Бекзадяна. Для помощи армии из Агдама направлены на место сражения 600 всадников, которые в боевой готовности в Агдаме ожидали распоряжений”¹. Победа капанцев была настолько впечатляющей, что на этом фоне неприятель долгое время не проявлял активности. К сожалению, события иначе развивались в Шарур-Нахичеване. Здесь, вопреки ожиданиям армянской стороны, неприятель был более подготов-

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 50, л. 13.

лен и организован. Чтобы с тыла отрезать находящиеся в Шаруре и Нахичеване армянские войска, было решено сперва поднять восстание в Ведибасаре, приковать внимание правительства Армении к этим событиям и тем самым получить свободу действия в Шаруре и Нахичеване. Восстание было спланировано и руководилось при посредстве дипломатического представителя Азербайджана в Ереване. Хан-Текинский своими ложными слухами и протестами о насилиях армян подготовил необходимую почву. Восстание планировалось начать в начале июля, о чем свидетельствует секретная телеграмма¹ 247 от 26 июня азербайджанскому премьер-министру: «Жизнь мусульман с каждым днем ухудшается. Пусть Азербайджанское правительство ультимативно, а если возможно, совместно с Грузией потребует немедленного прекращения всех насилий... Пусть Азербайджан громко протестует перед всем миром, а на всякий случай насилия у меня имеются документы. 30 июня вручу Хатисову письмо, в котором укажу на всяческие насилия над мусульманами и на их правовое положение»¹ (подчеркнуто нами – Э. З.)

Вот так, собирая ложные прошения и крича на весь мир, Текинский старался создать общественное мнение. А военную часть восстания подготавливала группа османских офицеров под руководством полковника Халил-бея, по указанию которого в Беюк-Веди было сосредоточено большое количество живой силы, оружия и боеприпасов. 1 июля в Беюк-Веди и в районе Давалу турки убивают 9 армянских солдат и 12 крестьян². Правительство требует сдать виновных, вернуть оружие убитых солдат и заплатить денежный штраф в пользу семей убитых. Не получив сатисфакции, правительство решает послать войска. Но в окрестностях села турки 4 июля открывают неожиданный и одновременный огонь из всех видов оружия, на-

¹ Там же, д. 358, л. 40.

² Там же, д. 209, л. 185.

нося значительный урон (число убитых достигло 30, раненых – больше 70). Армянские части отступают, едва сумев спасти пушки и оставив на поле боя 5 пулеметов. Паника была настолько сильной, что часть убитых и раненых оставили на поле боя. Надо сказать, что в этой неудаче было виновато также командование части под руководством полковника Апресяна, который, поверив комиссару села (тот заявил, что для переговоров посылает представителей), подошел к селу без предупредительных мер. Даже артиллерия, которая должна была занять позицию на определенном расстоянии от села, настолько близко подошла, что попала под ружейный огонь и только благодаря героическим усилиям офицеров стало возможным их спасение¹.

Словом, ошибка была допущена и нужно было ее исправлять, нужно было быстрыми действиями подавить и ликвидировать этот очаг мятежа, дабы пресечь его распространение. Осознавала ли это армянская сторона, трудно сказать. Ясно одно – быстрые и решительные действия не произошли, возможно и потому, что под рукой не оказалось достаточного количества живой силы. 5 июля, через день после этих событий, командующий Сурмалу – Нахичеванской группировкой армянской армии Дро. отправляется в Ереван для доклада о случившемся. А части потерпевшие неудачу в Беюк-Веди «отдыхают и приводят себя в порядок». Правда, через 4 дня – 8 июля, пытаются атакой захватить Веди, но безуспешно. Между тем противник собирал в Веди все новые силы, готовясь к длительной обороне. В оперативной сводке штаба армии от 10 июля говорится, что 9 июля около 300 вооруженных татар из банды Газаева перешли из Шарура в Садарак и потребовали от местного населения, чтобы те присоединились к ним для помощи беюкквединцам. Правда, при приближении направленной в Садарак армянской части эта банда удалась, но этим не

¹ Там же, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 74.

закрылась дорога для спешащих на помощь Веди¹. Дальнейшие события показали, что на самом деле мусульмане Ведибасара давно подготовились к длительной обороне, из окрестных сел Беюк-Веди собрались несколько тысяч воюющих, было накоплено большое количество оружия и боеприпасов. Из документа, датированного 16-м июля узнаем, что при помощи разведки армянской стороне удалось выяснить, что в Беюк-Веди было 5000 воюющих, среди которых 15 турецких аскеров, 2 турецких инструктора, 30 азербайджанских офицеров. Все были вооружены боевыми ружьями русского и турецкого производства, были также 2 пушки (одна русская, другая - турецкая), пулеметы и т.д.². Понятно, что подавить такую силу было не просто. Вот почему посланные армянские силы хотя и стиснули врага со всех сторон, но село продолжало обороняться. Ген. Ахвердян в своих мемуарах главной причиной неудачи считает неправильную тактику Дро. Он пишет: *“Захватить хорошо укрепленную земляными заграждениями Беюк-Веди не удалось. Атаки предпринимались 2-3 раза, но неудачно. Причиной этого было нарушение тактики, то, что Дро хотел окружить Беюк-Веди со всех сторон, из-за чего фронт был очень растянут, а атакующие части – малочисленны. При этом для каждой части не предлагалось особой задачи и между их действиями не было взаимосвязи. Одним словом дилетантизм, или по ереванскому – хмбанетутюн. Военные представители посоветовали весь отряд сосредоточить в районе Ташлу, к северо-западу от Беюк-Веди и после артиллерийской подготовки всеми силами атаковать в одном направлении, то есть едиными силами, но Дро действовал своеобразно – полупартизански. Вмешиваться в его распоряжения и настаивать на своем плане военные представители не считали желательным, так как война была гражданской и чем меньше было бы по-*

¹ Там же, л. 85.

² Там же, л. 99.

терь, тем лучше”¹. (подчеркнуто нами – Э. З.).

Действительно, тактика, выбранная Дро, была неправильной, особенно имея ввиду, что попавшие в окружение сражались с упорством смертников. Но неправ также ген. Ахвердян, когда оправдывает свое бездействие. Ведь Дро был командиром не партизанской группы, а Сурмалу-Нахичеванской группировки армянской армии, следовательно он должен был неукоснительно выполнять все приказы военного министра², главнокомандующего армией и начальника штаба. Неправильно также начатые в Веди события считать гражданской войной и этим оправдывать свое неучастие в планировании военных действий, потому что, как уже было отмечено, тут было одно из главных звеньев общенациональной атаки, спровоцированной Турцией и Азербайджаном против Армении, атаки, целью которой было уничтожение армянской государственности. Не думаем, что военное руководство не осознавало это или не понимало, какие тяжелые последствия могла иметь неудача армянских частей в боях за Ведибасар. А если понимало, но продолжало терпеть *“партизанщину”* Дро, значит оно или не было в состоянии влиять на Дро, или было безразлично к судьбе республики. Если вспомним ту неприязнь, острые противоречия и конфликт, который существовал между фидаинами и профессионалами армянской армии, то первый вариант можем считать более достоверным. Да, эта горькая реальность, существовавшая в составе командования армянской армии сыграла роль в неудачах армянской армии и в эти дни, и особенно во время турецко-армянской войны 1920 года. Если бы восстание в районе Беюк-Веди было быстро подавлено, то, может быть, в Шаруре и Нахичеване события приняли бы другой оборот. Во всяком случае находящиеся в Ведибасаре войска (около 800 человек) могли прийти на помощь на-

¹ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 32, л. 16.

² 27 марта 1919 года ген. Ахвердян подал в отставку и вместо него военным министром был назначен ген. К. Араратян.

шим частям в Шаруре. Но этого не случилось – с одной стороны вмешательство англичан с предложением якобы мирно решить вопрос, с другой – шумиха, поднятая Азербайджаном, и, как уже было отмечено, тактические ошибки не позволили быстро завершить это дело. От этого враг еще более нагнул и мусульманство везде обращалось к оружию, атакуя наши силы. 12 июля Дро сообщает в Ереван, что высоты, окружающие Беюк-Веди, в наших руках, мы постепенно оттесняем врага, но одновременно добавляет, что “неприятель большими и малыми группами непрерывно беспокоит наш тыл – переходя Аракс и нападая на ближайшие села. Вчера в 16 часов татары, перейдя Аракс, подожгли в селе Новрузлу несколько стогов сена и скрылись. Вчера вечером и мы напали на село Али-Мамед и заняли его. С правого берега враг непрерывно обстреливает наши части. Собравшиеся в Халисе татары сегодня утром подошли к селу Овшар. При помощи бронепоезда татары оттесняются”¹.

В этом сообщении Дро говорит только о потерях солдат (около 20) и ничего не говорит о потерях среди мирных жителей. А об этой же атаке в сообщении печати говорится: “Вечером в 4 ч. 11 турецкие крестьяне из Сараджлу и Челиханлу напали на села Новрузлу, Далулар. В Новрузлу кинжалом и ружьем были убиты 2 женщины, 20 мужчин и 5 были ранены, были сожжены зерновые поля. В Далуларе человеческих жертв не было. В Камарлу и окрестных селах началась паника. По рассказам очевидцев в нападении участвовали многие из соседних турецких сел. Контратакой наших местных сил через 2 часа неприятель был выброшен на другой берег Аракса”². А 20 июля Дро сообщает: “В Шаруре спокойно, на левом фланге мы прошли вперед и находимся прямо в Беюк-Веди, установили тесную связь с Зинджирлу”³.

¹ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 92.

² “Ашхатанк”, 15 июля 1919 года.

³ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 108.

Некоторые удачи армян в районе Беюк-Веди сильно обеспокоили Азербайджан и его ереванского представителя. И если 7 июля в телеграмме в Баку он с радостью сообщал, что “Беюк-Веди отбил атаки армянских войск и заставил их отойти к железной дороге”¹, то уже 14-го он вынужден признать, что “положение Беюк-Веди очень серьезное... Мусульман может спасти военное вмешательство Азербайджана. Если армянские силы захватят село, то мусульман зарежут, поэтому мусульмане упорно защищаются”. Затем подчеркнув, что он сообщил мусульманам, что Азербайджан ныне не может послать войска, но все затраты и потери немедленно возместит, добавляет, что “ожидаются большие события в Шарур-Нахичеване, Ордубадском районах и в Карсской области. Не теряя и дня, вышлите крупную сумму денег для военных организаций”² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Как видим, Текинский говорит о всеобщем восстании мусульман в западной и южной частях республики. Но сообщение Текинского не было новостью для Баку: еще 8 июля Текинский получил от своего правительства заверение, где говорилось: “Хвалю вашу программу связанную с Шарур-Нахичеваном и согласен отпустить деньги для военных организаций: сообщите, куда и сколько выслать денег. Сообщите также, как будет осуществлена программа и организация”³.

А 12 июля дипломатическому представителю Армении в Азербайджане Т. Бекзаяну предъявляют ноту протеста в связи с Беюк-Вединскими событиями, где правительство Армении обвиняется в отправке “карательной экспедиции” против безоружного, беззащитного мусульманского населения и подобных грехах и требуют немедленно прекратить действия армянских войск против “мусульман вообще”. И тщетно Бекза-

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 43.

² Там же, л. 50.

³ “Арач”, 8 ноября, 1919 г.

дьян в ответной ноте от 15 июля от имени своего правительства уверял, что Армения не применяла никакого насилия против мусульман, а наоборот, многим из них предлагала должности, что для Республики Армения нет разделения на “голубую кровь” и он осознает, что без установления добрососедских отношений между армянами и мусульманами невозможно укрепление основ государственности и т.д. В ноте представлена также реальная картина событий в Беюк-Веди¹.

Не удовлетворившись этим, правительство Азербайджана поручает своему дипломатическому представителю в Ереване по тому же вопросу встретиться с премьером Хатисяном. 16 июля в телеграмме, отправленной в Баку, своему министру, Текинский сообщает, что имел длительную беседу с премьером Хатисяном, который “свои действия считает правильными” и как оправдание ссылается на то, что со стороны полковника Плаудена и американской миссии их действия признаны правильными². В тот же день Текинский направляет в Баку более пространную телеграмму о беседе с премьером Армении, где сказано: “Хатисов считает, что Беюк-Вединская операция внутреннее дело Армении. Что сам Азербайджан так же ведет себя даже по отношению к мусульманскому населению за убийство аскяров, что Азербайджан никогда не претендовал на Ведибасарский район, что не может быть самоопределения 2-3 сел”. Затем, сообщив, что премьер согласен разрешить беюквединцам переселиться в Азербайджан, в конце добавляет: “Я пообещал спросить Вас и попросил на два-три дня приостановить военные действия. Хатисов ответил, что спросит военного министра и, если это не помешает стратегическим задачам, то возможно приостановить военные действия на два-три дня”³ (п. н. - Э. З.).

Естественно, что ни Текинский, ни его правительство та-

¹ См. НАА, ф. 200 оп. 1, д. 209, л. 185-186.

² Там же, д. 358, л. 51.

³ Там же, л. 52.

кую бомбу под Арменией, как Ведибасар, переселять не намеревались и просьба на 2-3 дня приостановить военные действия имела целью оттянуть время и дать передышку Беюк-Веди. Что касается британского командования Закавказья, то оно все это видело, было хорошо осведомлено о намечаемых действиях Азербайджана и деятельности Текинского, но ни делало попытки одернуть их, никаких карательных мер не предпринимало, а только удивлялось, почему дипломатический представитель Азербайджана в Ереване вмешивается в ее внутренние дела. Более того, под влиянием азербайджанской пропаганды английское командование решает вмешаться и прекратить нападение армян на Беюк-Веди. “Благодаря нашей работе генерал Кори направил офицера для предложения правительству Армении прекратить военные действия против мусульман, - пишет газета “Азербайджан” 21 июля, - он сказал, что его симпатии на стороне мусульман и решать вопрос мусульман военным путем недопустимо”¹.

Действительно, 21 июля британское командование дало указание правительству Армении прекратить военные действия, чем незамедлительно решили воспользоваться турки. Вот что сказано об этом в оперативном сообщении начальника главного штаба армии полковника Зинкевича от 22 июля: “По указанию британского командования наши активные действия против Беюк-Веди были прекращены утром 21 июля. В тот же день вечером татары из Беюк-Веди перешли в наступление и захватили находящуюся к северу от Беюк-Веди 362-ю высоту. Утром 20 июля мы с боями вернули эту высоту.

22 утром татары перешли в наступление по четырем направлениям:

1. У Шидлу перейдя Аракс и двигаясь к Беюк-Веди и Халиса-Авшару. Эта атака пресечена, татары отброшены к селу Шидлу.

¹ “Арач”, 25 ноября 1919 г.

2. Из Беюк-Веди. Эта атака тоже отбита.
3. На Волчьих ворота со стороны Шарура и с высоток находящихся к северу от Волчьих ворот. Вечером 22 северная часть Волчьих ворот осталась у татар, а южная – у нас.
4. На Шахтахты. Находящиеся там роты с боями перешли в Шарур”¹.

В конце докладной Зинкевич также сообщает, что вечером 23-го получена радиограмма от командира Шарурского отряда о том, что он, окруженный со всех сторон, ведет бой с превосходящими силами татар.

Как видим, прекращение военных действий со стороны армян Беюк-Веди пыталось использовать для улучшения своего положения, отмены блокады. Это видно не только из попыток организации контрнаступления, но также из телеграммы Текинского в Баку 22 июля: “У меня сложилось впечатление, что армянские войска не уйдут из Беюк-Веди, а оставаясь на позициях, только прекратят военные действия. Примите меры, чтобы армянские войска отошли, иначе положение мусульман Беюк-Веди ухудшится и даже станет опасным”².

Не думаем, что Текинский не знал, что в те же дни усилиями Азербайджана взялись за оружие Шарур и Нахичеван. Значит, меры уже были приняты, началась необъявленная война против Армении. Текинский хотел неприкрытой войны, о чем он твердил в своих предыдущих телеграммах. Но руководство Азербайджана предпочитало действовать скрытно, завуалированно, дабы не вызывать недовольство британского командования.

14 июля временно исполняющий должность Нахиче-

¹ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 110.

² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 61.

ванского губернатора Межлумов¹ телеграфирует министру ВД РА, что 2-го числа около села Зейнадин, близ Нахичевана ограблены 10 казанчецких армян, похищены лошади, деньги и все имущество, в тот же день в Кизыл-Бохазе в течении дня были ограблены 25 армян². 15 июля в новой телеграмме в Ереван Межлумов сообщает, что “положение неспокойное, вызывающее. С 8-го начались грабежи, убийства. В третьем участке³, между Кзнутом и Нахичеваном напали на комиссара 3-го участка. Там из кзнутских и других сел были пленены 15 человек, в том числе 4 женщины. Представитель английской миссии предъявил ультиматум Мусульманскому национальному совету, чтобы до вечера 16-го пленные были освобождены, но вчера 9 из них нашли убитыми... Сегодня зейнадцы пленили 42 казанченца, но, ограбив, их освободили и 2-х женщин изнасиловали. *Из-за всеобщей тревожной ситуации генерал не отваживается наказывать своими силами, потому что они малочисленны. Об этом сообщено представителю английской миссии...*”⁴ (подчеркнуто нами – Э.З.). У генерала Шелковникова нет достаточных сил для наказания мятежников, поэтому он продолжает сидеть в казармах Нахичевана и довольствуется ролью наблюдателя. А враг становится все смелее, расширяет границы своих действий, набирает силы и подходит к городу. Правильна ли была его позиция. Думаем, нет, ибо инициативу отдав врагу, он этим приговорил армянские части к пассивности, окружению и неизбежному поражению. И неужели мало 700-800 солдат, ведь год назад, весной 1918-го года именно такими силами поручик Харазян, наказав несколько сел и по-

¹ В начале июля отбывший в Ереван губернатор не вернулся по требованию начальника британского представительства, который объяснил это тем, что якобы губернатор игнорирует указания британского представителя, мусульмане им недовольны.

² НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 94.

³ Нахичеванский уезд был разделен на три административные части.

⁴ НАА, ф. 201, оп. 1, д. 171, л. 30.

бедоносно войдя в Нахичеван, заставил неприятеля подписать мир и не активничать. Правда, летом 19-го года враг был лучше вооружен и организован. Но все равно – тактика командования Нахичеванских войск осуждаема, особенно если вспомнить ту истину, что лучшая защита – нападение. Весьма вероятно, что если бы части Шелковникова с самого начала вели активные действия, подавляя мятежи, то события приняли бы другой оборот. Но этого не случилось, военные части Нахичевана остались на месте, а враг постепенно сжимал кольцо вокруг города.

Беспристрастное исследование фактов также показывает, что в подобном развитии событий в Нахичеване свою долю вины имеет британское командование Закавказья. Заменявший на посту общего командующего ген. Томсона ген. Кори и заменивший на посту руководителя Ереванской миссии ген. Деви полковник Плауден в вопросе Нахичевана заняли антиармянскую позицию. Во время инцидентов и в Шаруре, и в Нахичеване, как правило, они становились на сторону мусульман, старались прикрыть даже явные преступления, как бы стараясь их не раздражать. В предыдущей главе мы ознакомились с одним таким инцидентом, связанным с конфискацией некоторого количества оружия, и увидели, чем это завершилось. Считаю нелишним привести еще несколько фактов.

В Нахичеване полиция арестовала известных предводителей антиармянской агитации Бегташева и Рзаева. Было решено провести также обыск в одном из сел на берегу Аракса, где, по сведениям, находился склад оружия. Но в дело вмешался полковник Плауден и приказал отпустить арестованных и не проводить в селе обыск, потому что они обещали мусульманам, что армянская администрация не будет проводить политические аресты, обыски и разоружения. Он даже пригрозил, что если его требование немедленно не выполнят, то он закроет английское представительство в Нахичеване, всю ответст-

венность за последствия возложив на армянскую сторону¹.

Такой же финал имел инцидент в селе Шахтагты (был убит армянский ремесленник, которого турок пригласил для ремонта своей мельницы). Сперва английские и исламские представители на три дня отложили расследование, затем вместе со следователем участвовали в расследовании. Следователь (турок), считая дело доказанным, предложил арестовать преступника, но английские и исламские представители не согласились с этим и убийца остался безнаказанным. Этот инцидент описан в газете “Арач” от 26 ноября 1919 года. Там описывается также случай в Кызыл-Богазе (вооруженные турки напали на армянских беженцев, ограбили их, угнали скот, открыли огонь по прибывшим турецким милиционерам, ранили комиссара). Но руководитель английского представительства капитан Швинд² берет под свое покровительство преступников, не разрешает принять меры, объявляет, что произошедшее сущий пустяк, Кербалай-Хан обещал вернуть награбленное. И снова преступники остались безнаказанными.

Так действовало английское представительство в Нахичеване. По-другому не могло и быть, потому что представительство было расположено в доме Рахим-хана, капитан Швинд участвовал во всех мероприятиях, которые устраивались там (приемы, званые обеды и т.д.) и, естественно попал под влияние хана. Дело дошло до того, что когда армянская сторона предупредила капитана, что в Нахичеване началась тайная мобилизация и что в его присутствии, во дворе Рахим-хана составляются списки молодых людей, то он ответил: “Это все мне известно, вы можете быть спокойны, я предупредил и национальный совет и Кербалай-хана. Я сказал, что если чтонибудь случится, то вся ответственность падет на него. Они меня заверили, и я со своей стороны заверяю, что никаких не-

¹ См. “Арач”, 11 ноября 1919 г.

² В некоторых документах его имя представлено как Швиндор.

доразумений здесь не будет, турки очень боятся англичан и довольно одного его слова, чтобы прекратился любой мятеж и восстание”¹ (подчеркнуто нами - Э. З.).

Он верил и заверял, но действительность была иная. Не прошло и нескольких дней, как началось восстание и дом Рахим-хана преобразовался в военный штаб восстания.

* * *

Судя по свидетельствам чудом уцелевших и перешедших в Даралагыз беженцев, мусульманские банды начали широкомасштабные военные действия в Нахичеване 17 июля. Оставшиеся беззащитными армянские села Мазра, два Дизана, Дидувар, Гюльтапа, Назарабад, Ярмджа, Карабаба и другие были полностью разорены, большая часть жителей убиты, некоторые спаслись бегством в горы. Знабердцы сумели перейти в село Мартирос Даралагяза. Но часть населения армянских сел, застигнутая врасплох, осталась в плену, подверглась лишениям и насилию, понесла большие человеческие потери.

В тот же день, 17 июля, в квартире Рахим-хана было созвано тайное собрание, где, вероятно, был разработан план действий для города. Основанием такого предположения является тот факт, что 19 июля служившим в больницах и приютах иностранцам было предложено покинуть Нахичеван², а на следующий день столкновение началось. Поводом послужил арест бывшего аскяра османской армии, который был руководителем одной из местных банд. Сразу закрылись магазины и банды перешли в наступление сначала на рынке, где они атаковали армян, милиционеров и солдат,³ а затем в других частях города. Нападению подверглись также армянские посты.

¹ “Арач”, 26 ноября 1919 г.

² Там же.

³ Во время этой атаки был тяжело ранен в ногу командир пограничного батальона капитан Худавердян, который в городе обходил посты.

Но пришедшие в себя армянские силы скоро сделались хозяином положения и захватили большую часть города. А получивший контрудар враг решил выиграть время до прихода вспомогательных сил из уезда. Вечером того же дня Кербалайхан послал записку командиру армянской части, предлагая прекратить бои и послать представителей для переговоров о мире¹. Записка хана была заверена английским представителем, данное обстоятельство вселило веру в армян, и бои прекратились.

О начавшихся боях в Нахичеване и об их прекращении узнали в Ереване в тот же самый день – 20 июля, из радиogramмы посланной из Баш-Норашена полк. Каракешивым, где было сказано, что английский лейтенант² сообщил ему о начавшемся восстании и боях в Нахичеване: “о событиях,- говорится в радиogramме, - по запросу в Нахичеван лейтенант получил ответ, что в Нахичеване выстрелы прекратились и мятежники послали делегацию, объявив, что признают и подчиняются властям”³. В конце добавляет, что о подробностях восстания английский лейтенант послал запрос в Нахичеван и по получении ответа он об этом сообщит.

Встреча командира армянской части с Кербалайханом происходила в квартире английского представителя. Было решено для восстановления порядка создать милицию со смешанным составом. Но на следующий день ни от Кербалайхана, ни от капитана Швинда вестей не поступило. Армянская сторона, зря прождав целый день, обратилась к Кербалайхану, предложив открыть магазины, начать мирную жизнь в городе, при обещании, что с его стороны никаких препятствий или опасности не будет. Хан пообещал, но уже на рассвете 22-

¹ Заболевшего тифом ген. Шелковникова временно замещал подполковник Мамаджанов.

² Речь идет о руководителе находящегося в Шаруре английского представительства лейтенанте Чарльзе.

³ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 108.

го, во главе мусульманских банд со стороны городского квартала Сарванлар напал на армянские позиции. Возобновленные бои вновь не принесли успеха хану, армянским силам удалось не только отбить бешеные атаки, но и занять Сарванлар.

После этих событий вновь появляется английский капитан и предлагает армянам отвести свои вооруженные силы с позиций, после чего отойдут также мусульмане и мир восстановится. А почему армяне должны были отойти первыми? Потому что, как объяснил англичанин, “у армян регулярная армия, легко уговорить, а у турок сброд, их трудно уговорить и отвести”¹.

На сей раз командир не согласился, мотивируя тем, что турки всегда обманывали, и со своей стороны предложил: если турки сложат оружие, покончат с враждой и начнут мирную жизнь, то со стороны армян вражды не будет и не будут применены карательные меры. Именно в этот день, 22 июля командир послал первое сообщение из Нахичевана, где было сказано, что “уже третий день в городе и окрестностях Нахичевана идут бои, крестьяне очень пострадали, в городе наше положение стабильное”².

Но уже на следующий день положение армянской части ухудшилось – банды, из окрестностей города пришедшие на помощь своим соплеменникам, создали опасность окружения города. В таких условиях, когда не было надежды на помощь извне, а боеприпасы с каждым днем таяли, 24 июля командование решило оставить город и вместе с армянами отойти к Даралагязу. Именно в этот день войско начало отступать и с боями двинулось к Знаберду. Надо сказать, что отступление было организованным, по всем военным законам и со сравнительно малыми потерями. В опубликованной по этому поводу сводке говорится: “Отступая из Нахичевана мы понесли поте-

ри – 3 убитых офицера, 2 раненых, 1 пропал без вести. Из солдат погибли 32, ранены 24, без вести пропало 37”¹. Сколько было потерь в боях в городе, об этом в сводках ничего не сказано. А Ахвердян в своих мемуарах, касаясь этого вопроса, пишет, что в это время был убит 1 офицер – поручик Жамгарян и 5 солдат, был ранен 1 офицер-капитан Худавердян и 12 солдат².

Что до потерь мусульман, то их было неизмеримо больше. По Халил-бею, “во время нахичеванских боев убито и ранено около 1000 татар, в числе которых главарь Кербалай Али-хан, который трижды ранен”³.

25 июля войско уже было в Знаберде, откуда сообщается в Ереван, что с 20 по 24 июля войско вело тяжелые бои в Нахичеване и окрестностях с наступающим со всех сторон неприятелем и что утром 24-го враг после многочисленных атак захватил Шахмахмуд⁴. Из других источников узнаем, что до Джахри войско отступало без потерь. А вышеприведенные потери были во время боев в Джахри.

В Знаберде также войско удачно защищалось, нанося большой урон нападавшим бандитам. Но из-за нехватки боеприпасов и изнуренности армии невозможно было долго там оставаться. Поэтому, по распоряжению Дро, войско оставляет также Знаберд, с боями прорывается в Даралагяз, в сопровождении остатков нахичеванского армянства (около 7000 человек). Здесь Шелковников должен был принять командование Даралагязом, при помощи полковника Мелик-Гюрджиева и капитана Галстяна организовать местные силы, любой ценой сохранить связь с Зангезуром и Нор-Баязетом. А что происходило в Нахичеване после отхода армянских войск, узнаем из

¹ “Арач”, 26 ноября 1919 г.

² НАА, ф. 200, опись 212, л. 117.

¹ “Айастани ашхатавор”, 5 августа, 1919 г.

² НАА, ф. 45, оп. 1, д. 32, л. 17.

³ “Ашхатанк”, 7 августа 1919 г.

⁴ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 116.

публикации корреспондента “Арач”, где в частности сказано: “Дома и магазины построенные армянами на последние копейки, снова разграблены, разрушены, улицы вновь грязные, магазины закрыты. Только через 12 часов после отступления армянского войска турки зашли в город и истребили оставшихся женщин и детей. А тех, которые спрятались в садах, Рехим -хан отправил в Персию, около 76 человек.

Татары зашли в американскую больницу и убили 18 больных и раненых, среди которых 15 мужчин и 3 женщин, убили также одного турка, который носил армянскую шапку.

После напали также на приют, больницу и заводы и все товары разграбили, оставался только склад, но и его разворовали.

Когда англичане прибыли туда, они увидели окровавленные комнаты и, взяв американский флаг, удалились.

Ближайшие к Нахичевану села благодаря Керпла Мухтару и нескольким личностям освобождены. Это села Таза-гюх, Емхан и несколько человек в Джахри. А об остальных селах достоверных сведений еще нет”¹.

Такая горькая участь выпала на долю нахичеванских армян, которые после года тяжелой беженской жизни вернулись на родину.

Тяжелой была ситуация также для пограничной группы Джульфы и местных армян. Предчувствуя опасность, еще 21 июля командир пограничной группы поручик Григор Ованисян через Тавризскую епархию обратился к персидским ханствам, попросив разрешения при опасности перейти на персидскую сторону. С просьбой о помощи он обратился также в Нахичеван - к генералу Шелковникову и в Ереван – военному министру, но ответа не получил.

24 июля, заметив в Араксе тела армянских детей и женщин, Г. Ованисян решил для выяснения ситуации пойти в раз-

ведку в Астапат. Дойдя до Кармир Ванка и убедившись, что селу грозит опасность, он вместе с двумя солдатами сопроводил сельчан без потерь в Джульфу. Но уже утром 25 около 200 вооруженных мусульман перешли в наступление в направлении таможи. Имея всего 18 солдат, поручик Г. Ованисян смело пошел в атаку, заставив отступить врага, захватил мост на Араксе и в полдень переправил население на персидский берег. Понесла потери Джульфинская пограничная застава, которая подверглась внезапному нападению. Были убиты прапорщик Овсепян и 4 солдата. Из оставшихся 5 солдат заставы 3 попали в плен, один был ранен, один убежал. Что касается перешедших в Персию, то из выходившей в Тавризе газеты “Занг” узнаем, что персидские власти очень дружелюбно отнеслись к беженцам, даже приказали железнодорожному управлению довести их до Тавриза без платы¹. В другом документе от 19 сентября говорится, что перешедшие из Джульфы в Персию все 780 беженцев “находятся в Тавризе под покровительством Американского комитета, получая в неделю 12 хран пособия, что по нынешнему курсу равно приблизительно 150 рублям, получили также одеяла и белье”².

Падение Нахичевана воодушевило также мусульман Гохтана, с 25 июля там тоже начались бои.

При армянской власти в Нахичеване Гохтан получил статус уезда. Уездным комиссаром был назначен агулисец Ашот Мелик-Мусян, а начальником милиции – Мовсес Гюльназарян. Уездным центром стал не Ордубад а Агулис. В уезде был установлен мир, жизнь вошла в нормальное русло, и между армянами и турками враждебные настроения кажутся отступили, когда дошли вести о боях начавшихся в Нахичеване. Не имея достоверных сведений о событиях в Нахичеване, 3 августа Мелик-Мусян и Гюльназарян в письме адресованном парла-

¹ “Арач”, 24 сентября 1919 г.

¹ См. “Ашхатавор”, 12 октября 1919 г.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 138, л. 1.

менту, правительству РА, руководству Гориса, Капана и Генваза, пишут: "По всей вероятности Нахичеван пал. Большая часть армян убиты. В Араксе замечены трупы в большом количестве... С 25 июля в Гохтане происходят сильные бои. В верхних селах (Парака, Бист) удача пока на нашей стороне, там уничтожены турецкие села Бейрут и Билав, а турки из сел Бисти, Парака, Теви и Сепу бежали. Танака 8 дней в осаде, здесь постоянно идут позиционные бои. Осажденными можно считать также Агулис и Дашт (Нижний Агулис)"¹.

Также узнаем, что население сел Аза и Дер смогли без потерь переселиться в горное село Цхна. С малыми потерями, после боев в горную часть Гохтана перебрались жители Гяхи, Порадашта и Шурута. А вот из жителей Казанчи (ущелье Ернджака) спаслись только 500 человек. Из документа, датированного 18 августа, узнаем, что после десятидневных упорных боев пал также Танакерт². Все это создало очень тяжелое положение для Верхнего и Нижнего Агулисов, которые решили принять власть Нахичевана в надежде, что этим спасутся от резни. Можно сказать, у них не было другой возможности. Очевидец и участник осенних событий в Гохтане О. Ахназарян, обращаясь к этому шагу агулисцев, пишет: "Внезапное падение Танакерта создало трагическое положение для Верхнего и Нижнего Агулисов. В наполовину заселенных турками, со всех сторон окруженных вражескими силами Агулисах не оставалось ничего иного, кроме как благоразумно подчиниться судьбе, потому что имеющимися несколькими десятками молодых людей было невозможно оказать серьезное сопротивление"³. По Ахназаряну, первый удар варваров был нанесен по находящемуся между турецкими селами Обованис и Трунис маленькому армянонаселенному селу Кахакик, у которого не

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 138, л. 1.

² Там же, ф. 199, оп. 1, д. 95, л. 5.

³ О. Ахназарян. "Гохтан гавар", Тегеран, 1991 г., с. 334 (на арм. языке).

было необходимых сил для защиты. Только части молодежи удалось подняться в горы, остальное население было истреблено самым жестоким образом, кроме 40-50 молодых девушек, которых взяли в плен. Описывая увиденное в Кахакике, Ахназарян пишет: "В жизни не видел подобного чудовищного зрелища. Как бессердечны и какие варвары турки. Невозможно найти объяснение этой чудовищной ненависти и вражды по отношению к армянам, народу, который всегда помогал туркам и никогда не воевал с ними"¹.

25 августа в селе Рамис созывается 5-й съезд армян Гохтана, в котором участвовали 40 представителей из Биста, Парака, Алаи, Месропавана, Рамиса, Танакерта, Кахакика, Шурута, Порадашта, Гяха, Казанчи, Аза и Дера. Обсуждались вопросы связанные с созданным положением и приняты были решения. Составили также протокол из 9 пунктов, в первых трех говорится об очень важном географическом положении Гохтана, о том, что "Ордубад и Джаук являются опорой тюркизма", о нападениях на села Шурут, Порадашт и Гях для соединения с турецкими селами Охчи и Гехвадзор и об их героической защите и т.д. Начиная с 4-го пункта становится ясно, что гохтанцы не удовлетворились только самообороной, но и попытались перейти в контрнаступление и перехватить инициативу у турок. Первую попытку сделали в конце июля, напав на турецкие села Бейрут и Билав, о чем уже говорилось. Вторую попытку предприняли в начале августа, призвав на помощь мегринцев, гохтанцы попытались занять находящиеся по дороге в Агулис турецкие села и тем самым связаться с Генвазом, но неудачно. Падение Танакерта дало возможность туркам сосредоточить силы и предотвратить атаку мегринцев. Несмотря на неудачу, Гохтанский съезд положительно оценил атаку на Агулис, считая, что этот акт принудил турок навремя прекратить нападения на армянские села.

¹ Там же, с. 331-332.

В 5-м пункте говорится о том, что Гохтан “еще нельзя считать полностью побежденным”, правда, для атакующих действий он не имеет достаточных сил и возможностей, но для “самообороны он еще устойчив”. Особый интерес представляют пункты 6, 7, 8, 9-й протокола, поэтому мы их приведем полностью. Вот они:

“6. Положение Гохтана ныне таково –

а/. Два Агулиса в прямом смысле отрезаны от остальных армянских сел Гохтана. Они (Агулисы) заявили Азербайджану письменное повиновение, создали себе что-то вроде рабства. Их физическому существованию большая опасность не грозит.

б/. Село Танакерт полностью разрушено. Было убито 82 человека и сейчас остальные, почти голые, нашли убежище в Рамисе. Села Аза и Дер без боя перебрались в село Цхна и находятся в страшной нужде.

в/. Села Гях, Шурут, Порадашт и спасшиеся от резни в Казанчи около 500 человек в крайней нужде находятся в Бисте и Порака.

г/. Села Алал и Насрваз из-за того, что во время последних боев несколько раз переходили из рук в руки, экономически полностью разорены. Они бедны, как беженцы.

д/. Считающиеся сохраненными 4 села Гохтана – Рамис, Цхна, Парака и Бист с урожая этого года получили 2000 пудов зерна, 2000 пудов овса и 3000 пудов проса. То есть для беженцев и местного населения запасов на 2 месяца – из расчета 1 фунт на человека.

е/. Народ из-за недостатка еды истощается и день ото дня обессиливается.

ж/. Гохтан в прямом смысле отрезан от внешнего мира – дороги на Генваз и Ордубад захвачены турками, а о Нахичеване и говорить нечего.

7. *Всю ответственность за нынешнюю критическую ситуацию Гохтана съезд Гохтана возлагает на правительство Армении.*

а). *По отношению к Гохтану оно оказалось крайне недальновидным.*

б). Хотя правительству вовремя было доложено о всех ожидающих Гохтан несчастьях и возможных путях их предотвращения, но *правительство удивительным образом ничего не предприняло.*

в). Правительство было не только недальновидным по отношению к Гохтану, но и не смогло оценить истинное положение Гохтана, его военный потенциал и количество продовольствия и военного оборудования и в то же время, когда Гохтан надо было снабдить всем этим, оно потребовало от нас 100000 патронов и пыталось пушки и пулеметы перевезти в столь ненадежное место, как Агулис.

г). В то время как для полного подчинения Ордубада и соединения с Генвазом было необходимо силами из 200-300 человек занять пост Сеару, правительство приказывает “ни в коем случае в Ордубад силы не посылать”.

д). Ровно два месяца как правительство Армении прервало все связи с Гохтаном.

е). После событий в Нахичеване, то есть больше чем за месяц, даже частные лица сумели наладить связь между Ереваном и Гохтаном, а правительство с его преступным безразличием не смогло даже довести сведения до Гохтана. Оно не желало сообщить нам об общем состоянии, и о том, какую позицию должен выбрать Гохтан, чем обрекло Гохтан на полную заброшенность и отчаяние.

8. Съезд Гохтана, столь обстоятельно разобрав положение вещей, пришел к выводу, что Гохтан не может сделать ни одного предусмотренного, запрограммированного и ответственного шага, пока не прояснит –

а/. Отношение армянского правительства к Гохтану,

б/. Возможные средства для обеспечения Гохтана внешней силой, хлебом и деньгами,

б/. Так как с начала октября все горные дороги, ведущие в

Капуджух и вообще в Зангезур, становятся непроходимыми, все запасы находящиеся в Гохтане, использовать до октября, а с октября всю ответственность за предстоящие действия возложить на правительство Армении, переселить весь Гохтан в Генваз.

9. а/. Переселение может быть раньше, если до октября Гохтан не сумеет оказать сопротивление атакам врага.

б/. Собранное зерно и мясо для нужд беженцев оценивать местными ценами и обеспечить владельцев товаров расписками от уездного комиссара, считая их как суммы, полученные от правительства Армении.

в/. Установить тесную связь с Генвазом, Капаном и Горисом и просить правительство Гориса покровительствовать и править Гохтаном.

г/. При помощи Гориса и специальных нарочных "все эти решения донести до правительства Еревана и просить, чтобы оно письменно ответило на все действия по отношению к Гохтану".

д/. Если правительство Армении не намерено немедленно ответить на вопросы, поставленные Гохтаном, то съезд весь этот протокол со всеми подробностями, при посредстве журналистов сделает достоянием широких слоев общественности и свою судьбу отдаст под защиту всех армян"¹ (подчеркнуто нами — Э. З.).

Как видим, если в пункте 6 представлено положение в Гохтане, то в пункте 7 обвиняется правительство Армении, в вопросе Гохтана его поведение считается "недалновидным и небрежным", пункт 8 угрожает переселением в Генваз и пункт 9 сделает все это достоянием общественности .

Гохтанцев можно понять — находясь в отчаянном положении, они искали виновных. Но вряд ли требует доказательств то, насколько необоснованны обвинения и угрозы в

¹ НАА, ф. 199, по. 1, д. 95, л. 2-4.

адрес правительства Армении. Отрезанные от мира, приютившиеся в горах и неосведомленные гохтанцы даже не могли представить себе, что в июле-августе республика, окруженная со всех сторон врагами, задыхалась и сама просила помощи со всего света для сохранения существования.

Как нарочный прибывший в Ереван М. Гюльназарян 8 сентября представляет докладную министру внутренних дел, где кратко передает решения съезда Гохтана и подчеркивает, что "съезд проинструктировал его обязательно привезти письменные указания правительства Армении о действиях Гохтана"¹. На следующий день, 9-го сентября М. Гюльназаряну передают ответное письмо, адресованное президиуму 5-го съезда Гохтана, где, понятно, требуемых указаний не было, кроме того, что "Национальный совет, если нет особой опасности, пусть останется на своем месте, а если есть проблемы, пусть перебирается в Зангезур". В письме также говорится, что причина запоздалого получения сведений и вестей- "трудности сообщения и дальность дорог... Нельзя забывать, что Армения также подвергается нападениям почти на всех своих границах, и несмотря на это тяжелое положение, мы всегда помним о Гохтане и его населении и любым образом желаем оказать содействие отрезанным от нас нашим родным братьям". В письме сообщается, что ведутся переговоры "с главным комиссаром Гаскелем об основании Американской губернии в Нахичеванском и Шарурском уездах"².

Правительство Армении несмотря на тяжелое положение на фронтах, не оставило без внимания вопрос о помощи. Под руководством башгярнийского хмбапета Казара Кочаряна (Качал Казар) был создан отряд, который через Даралагяз и Зангезур дошел до Гохтана 2 октября. Согласно Вращану была по-

¹ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 170, л. 22.

² Там же, ф. 199, оп. 1, д. 95, л. 1.

слана и материальная помощь¹.

12 сентября действующий в Тифлисе Союз спасения Гохтана обращается к Гаскелю с просьбой о вмешательстве с целью прекращения кровопролития². Обратился ли Гаскель к азербайджанскому правительству или нет — неизвестно. Но факт, что до конца ноября положение в уезде было сравнительно спокойным. А что произошло в декабре, об этом в следующей главе.

* * *

Одновременно с Нахичеваном восстание вспыхнуло и в Шаруре. Здесь оно было лучше организовано. Еще в начале лета в Шарур поспели 800 всадников из Азербайджана³. Вскоре из Баязета прибыл Халил-бей со 150 офицерами и аскярами. Он взял на себя обязанность общего командующего повстанческими силами Нахичевана и Шарура и состоял в тесной связи с командиром турецкого войска Старого Баязета Джавид — беем, руководствовался его указаниями. В кратчайшие сроки Халил-бею удалось собрать под свои знамена в Шаруре около 2000 человек, из которых 1000 всадников. После начала восстания их число резко возросло. А общее число находившихся под командованием полковника Каракешешева (Каракешешян) и расположенных в некоторых местах Шарура (Баш-Норашен, Шахтагты, Садарак) армянских сил едва достигало 1000 человек. В Шаруре находился также 1 бронепоезд.

20 июля, когда в Баш-Норашене было получено сообщение о начавшемся восстании в Нахичеване, начальник английской миссии в Шаруре лейтенант Чарльз собрал представителей местного населения и предостерег, что если здесь

¹ С. Врацян, ук. соч. с. 357.

² НАА, ф. 276, оп. 1, д. 183, л. 26.

³ Командиром их был грузин, который в боях в Шахтагты сдался армянам (см. “Жоговурд”, Тифлис 18 ноября 1920 г.).

последуют примеру Нахичевана, то “восставшие села будут сметены с лица земли британскими пушками”¹. Но, как видно, подобные угрозы на мусульман уже не действовали, тем более что в регионе уже не было британских войск, а состоявшая из нескольких людей миссия не могла навести ужас на них. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в тот же день, 20 июля, состоявшая из приблизительно 300 человек банда напала на Ханлухнар, но встретив сопротивление крестьян, удалась.

Широкомасштабные действия начались 22 июля, когда многочисленные исламские силы атаковали Шахтагты, и ночью 23 бои начались в Баш-Норашене и станции Норашен. Очевидец рассказывает, что на станции Норашен наши солдаты и граждане непременно попали бы в окружение, если бы на помощь не прибыл бронепоезд². 24 и Баш-Норашен, и станция Норашен были заняты врагом. В тот же день недалеко от станции был уничтожен также бронепоезд (турки разобрали мост и железную дорогу), но командир и часть состава смогли разорвать цепь врага и уйти. 25 июля в радиограмме, посланной из Ширазлу в Ереван, командующий Ереванской группировкой войск Дро сообщил, что “после двухдневных боев полковник Каракешешев под натиском превосходящих сил неприятеля, потеряв 50% состава, отошел к деревне Чанахчи... Вчера полковник Каракешешев с оставшимися в живых перешел в Зинджирлу”³. Из другой телеграммы Дро (от 26 июля) узнаем, что наши потери в Баш-Норашене составили около 300 человек. В радиограмме от 25 июля Дро также сообщил, что войска, расположенные в Садараке, выполняя распоряжение, пошли в наступление на высоты Дашбуруна, но в связи с отсутствием воды дальнейшее нападение было приостановлено и

¹ НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 108.

² “Арач” 27 сентября 1919 г.

³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 117.

частям было приказано занять удобные позиции в районе Садарака и сопротивляться до прихода новых сил.

Наши дела пошли неудачно также в Шахтахты, откуда наши две роты с боями отошли до Ханлухлара и там окопались. 23 июля эти две роты, общим числом 285 солдат, весь день вели упорные бои против превосходящих сил неприятеля. Но ввиду нехватки боеприпасов, и невозможности отступления (село было окружено), 24 июля складывают оружие и сдаются. По приказу Халил-бея пленных сперва переводят в Енгижду, где из-за плохой еды и бесчеловечных насилий 85 человек умирают, а затем оставшихся в живых переводят в Нахичеван. Значительная часть пленных здесь была истреблена, и только маленькая группа, при посредничестве американского представителя освобождается из плена и переправляется в Ереван.

Таковы были события в Шарур-Нахичеване до 25 июля. Используя благоприятную ситуацию, малочисленность армянских войск и их оторванность от тыла и друг от друга, а также явное численное преимущество, мятежные мусульманские силы вытеснили наши войска из региона. В подобном исходе, вероятно, какую-то роль сыграли промахи нашего командования, но армянские солдаты с честью выполнили свой долг перед родиной. "Наши разрозненные малочисленные части были вынуждены вести неравный бой с превосходящими силами противника, отойти к нашим основным силам, - говорится в официальной сводке Правительства Армении от 6 августа. Большая часть наших войск сумела достичь своей цели и, прорвав вражеское кольцо, присоединиться к основным силам. Только в Ханлухларе две наши роты, исчерпав полностью весь боеприпас, были вынуждены сложить оружие и сдаться. Во всех сражениях и наши солдаты, и особенно командующий состав выполнили свой воинский долг, дав отпор врагу в самых тяжелых и неблагоприятных условиях"¹. Блестящий пример

¹ "Ашхатавор", 7-ое августа, 1919 г.

самопожертвования и патриотизма показал комиссар Арам Мелик-Матевосян, который в Ханлухларе собственноручно убил свою жену и детей, чтобы они не попали в руки врага и с оружием в руках бился до последней пули и пал смертью героя¹.

Нам неизвестно, анализировались ли причины неудач наших войск. В архивах подобных документов нет. А положительное мнение, выраженное в официальной сводке Правительства Армении еще не означает, что ошибок не было. Мы уже отмечали пассивное отношение нахичеванских войск к событиям происходящим в селах. Вызывает недоумение также вывод войск из города. Не было ли спешки с выводом войск из города. Вот, например, что пишет Атрпатаканский архиепископ Мелик-Тангян в письме премьеру от 19 августа 1919 года: "Во многих вещах обвиняют нахичеванский гарнизон (перешедшие в Иран беженцы), они при такой силе и держа связь с джюльфинскими храбрецами, очень многое могли сделать, тем более, что Гохтан и Зангезур были рядом. Я не могу обвинять, ибо фактически ничего не знаю, но могу повторить сказанное турками, что *нахичеванские турки не только не поверили, что гарнизон отступил, но и три дня праздновали это, потому что их патроны кончались и они послали людей в Маку, Табриз за патронами*"² (подчеркнуто нами - Э. З.).

Но как бы там ни было, что бы ни явилось причиной неудач наших войск, одно неоспоримо: вследствие этого республика потеряла громадные территории и оказалась окруженной с востока, юга и запада. Надо было напрячь все силы и, по свидетельству С. Вращяна, "правительство приняло чрезвычайные меры. 23 июля в Ереванском, Эчмиадзинском и Сурмалинском уездах была объявлена мобилизация 26, 27 и 28-летних (18 августа это решение распространилось на всю Ар-

¹ "Арач", 24 сентября 1919 г.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 266, л. 36.

мению). 24 июля была введена смертная казнь за государственную измену и дезертирство. В тот же день было решено принудительными мерами собрать у населения оружие и боеприпасы и учредить обязательную военную пошлину. 25 июля была учреждена должность комиссара военного собрания и Аршак Джамалян был назначен комиссаром. 28 июля под ружье встали все офицеры до 40 лет. 30 июля был учрежден Комитет безопасности из трех человек, куда вошли премьер, военный министр и министр внутренних дел. Комитет безопасности должен был вести дело защиты страны, имея полномочия принимать чрезвычайные меры даже без решения Совета министров”¹.

Ереван напрягал все силы, а Баку торжествовал. Он достиг своей цели, оставалось завоевать также Зангезур, и связь с Турцией была бы обеспечена. “В районе Шарур-Нахичевана происходят крупные события. Военному атташе Алиеву я сообщил о численности армянских войск и их расположении для передачи военному министру, - говорится в телеграмме Хан-Текинского, направленного в Баку 24 июля. Армения продолжает посылать войска в район Шарур- Нахичевана. *Помогите мусульманам, приблизив наши войска к границам Армении*”² (подчеркнуто нами – Э.З.). А через четыре дня, 28-го, советует своему правительству “решительно предложить англичанам передать нам Джульфинскую и Шахтагинскую железные дороги для торговли с Персией по линии Алят-Джульфа”. Затем отметив, что передаваемая им желдорога должна дойти до Давалу, Хан-Текинский добавляет, что “этим мы при посредничестве англичан присоединим огромный мусульманский район. Сделав также предложение англичанам, укажите на неспособность Армении, частые простои поездов, при этом пообещайте восстановить полностью порядок в Шарур-Нахиче-

¹ См. С. Врацян, Республика Армения, Ер. 1993, с. 317.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 63.

ванской области. Я думаю, англичане согласятся”¹.

Попытался ли Азербайджан уговорить англичан в духе телеграммы Текинского, мы не можем сказать. Но Халил-бей попытался уговорить и правительство Армении и англичан. Достигнув успеха в Баш-Норашене, Шахтахты и Ханлухларе, он миролюбиво, сперва 25 июля сделал показательный жест, освободив из плена и поездом отправив в Камарлу (Арташат) 29 раненых армянских солдат, а на следующий день, утром при помощи сдавшегося в плен в Ханлухларе командира одного из батальонов Саргсянца посылает записку командованию армянской армии: “В Нахичеване войну первыми начали армяне, а мы начали в Шахтахты и Шаруре. Мы не хотели проливать кровь. Если армяне живут совместно с мусульманами, всегда бывает кровопролитие. До окончания конференции (в Париже- Э.З.) армяне не должны владеть Шаруром, должны остаться в Давалу и прекратить военные действия в Беюк-Веди. От нас армянам вреда не будет. Когда завершится конференция, если Шарур отдадут армянам, мы подчинимся, так как в это время сюда придут консулы и мусульмане против армян не пойдут. Если наше предложение не примут, мы все умрем, но армян сюда не допустим, потому что мы постоянно конфликтует. Согласны или нет, должны ответить через два часа. От имени населения Шарура и Нахичевана – Халил-бей”².

Получив эту записку³, командир Садаракского фронта полковник Корольков сразу же передал ее в Ширазлу – Дро, а тот приказал Королькову ответить, что записка послана командующему армии, а также распорядился не возобновлять военные действия, если враг не даст повода. Одним из мотивов временного прекращения огня со стороны армян было желание

¹ Там же, л. 66.

² Там же, д. 212, л. 118.

³ Записку продиктовал Халил-бей, а перевел Саргсянц.

предотвратить опасность для оставшихся в плену армянских солдат, которых могли истребить. Об этом Королькову сообщил Саргсянц. Кроме этого, было также вмешательство британского командования для мирного решения вопроса. С. Врацян пишет: "Правительство обратилось и к союзникам с просьбой о военной помощи. 26 июля в Ереван прибыли представители английского и французского командования с несколькими сотнями солдат-индейцев и 2 августа встретились с главой мятежников Халил-беем, который заявил, что случившееся было не мятежом, а защитой национальных прав. Турки Шарур-Нахичевана до окончательного решения Парижской конференции хотят быть управляемы собственным национальным советом, как Карабах управляется армянским национальным советом¹.

Встречу с Халил-беем союзники сперва планировали осуществить 30 июля. В одном из писем полковника Беллоу говорится, что он надеется, "созвать конференцию с татарами 30 июля". Но не сумев перейти из Давалу в Баш-Норашен, они были вынуждены отложить эту встречу. О том, как прошли переговоры 2 августа, сохранилось очень мало сведений. Скажем, газета "Ашхатанк" напечатала такое сообщение: "2 августа английские и французские военные представители в Баш-Норашене встретились с командиром мятежных татар, турецким полковником Халил-беем и от имени союзников потребовали прекратить мятеж и подчиниться правительству Армении. Халил-бей, приняв их в окружении турецких офицеров, ответил, что мятежники считают себя хозяевами Шарур-Нахичевана точно так, как армяне в Карабахе, что союзники были несправедливы при разделе – армянонаселенный Карабах передав Азербайджану, а татаронаселенный Шарур и Нахичеван передав Армении и что эти два уезда со своим Нацио-

¹ С. Врацян, ук. соч., с. 317.

нальным советом независимы от правительства Армении"¹ (подчеркнуто нами – Э.З.).

Несомненно, прав был Халил-бей, говоря о несправедливых разделах со стороны союзников, но неправ, проводя параллели между Карабахом и Шаруром с Нахичеваном. Потому что, если из-за истребления и насильственного переселения национальный состав Шарура и Нахичевана претерпел некоторые изменения во вред армянам (в том числе и с его помощью), то это еще не значило, что Армения потеряла право на свои бесспорные исторические районы.

Халил-бей также попытался заверить англо-французских представителей, что "взяв в свои руки командование мятежниками, он ввел строгую дисциплину и запретил истребление армян", что "часть армян-крестьян из опасения убежала в горы, а другие остались на местах и даже заняты полевыми работами", что "армянских пленников хорошо содержат и им не грозит опасность"². В этих словах Халил-бея, если и была крупица правды, то лишь та, что он, на самом деле применив строгость, старался ввести дисциплину в эти разбойничьи банды. Дошедший из Нахичевана в Тифлис очевидец во время беседы в дипломатическом представительстве Республики Армения сказал, что "Благодаря решительным мерам Халил-бея дисциплина турецких войск Нахичевана очень строгая. Чуть ли не каждый день по его приказу вешают провинившихся ту-рок"³. Может, краски сгущены, но ничего удивительного здесь нет, ведь Халил-бей был профессиональным военным, следовательно - радетелем дисциплины. Что касается прекращения истребления армян, то, число армян, погибших во время июльских событий по турецким же данным достигло 8000 человек⁴,

¹ "Ашхатанк", 7 августа 1919 г.

² Там же.

³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 138, л. 138.

⁴ Там же.

а это свидетельствует о том, что ни сам Халил-бей, ни другие не щадили армян. И потом, после этих событий в регионе осталось так мало армян, что нельзя было серьезно рассматривать вопрос об их истреблении. В Нахичеванском уезде оставалось всего 6580 армян, разбросанных по горам и умирающих от голода, а в Шаруре – 2000, осажденных в Ханлухларе и тоже умирающих от голода¹.

Отметим, что здесь, в Ханлухларе, Халил-бей на самом деле приказал прекратить разбой и насилие, но запоздало, когда мусульманские бандиты уже совершили свои зверства. Он даже демонстративно расстрелял одного курда и отрезал носы шестерым. Но тут было не человеколюбие, а трезвый расчет: эти армяне в положении заложников ему были нужны для переговоров с Республикой Армения. Причем, в ожидании не только политических, но и материальных дивидендов. Посредством систематических ограблений доведя оставшихся в Ханлухларе армян до голодной смерти, Халил-бей одновременно под видом помощи для них вымогал из Армении продовольствие, одежду и т.д. Сбежавший из плена и кое-как добравшийся до Еревана Мисак Оганесян рассказывал, что в это время паша Баш-Норашена потребовал от наших священников точные данные об умирающих за день от голода и холода, чтобы начать переговоры с правительством Армении о посылке продовольствия и одежды, причем заставлял священников увеличивать данные².

Свидетельством подобного намерения можно считать обращение шарурцев к премьеру Армении 9 сентября, где в частности сказано: “Население семи армянских сел Шарура-Ханлухлара, Вармазиара, Алаклу, армянского Дашархи, Парчи, Тазакенда и Клитаза 24 июля без боя сдались правительству Азербайджана. После этого мы, армяне, около 2300 чело-

¹ Там же.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 484, л. 21.

век, живем мирно и свободно, никто из мусульман нас не трогает. У нас большая нужда в хлебе и лекарствах, от голода и инфекционных болезней ежедневно умирает 25-30 человек. Наши жилища разрушены еще с прошлого года, живем в развалинах Ханлухлара. Покорнейше просим прислать зерно и лекарства, иначе погибнем. От имени армян Шарура просим правительство Армении обменять арестованных мусульман на пленных армянских офицеров. Армяне Тазакент-Астапата Нахичеванского уезда также нуждаются в хлебе и лекарствах”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Нет никакого сомнения, что это письмо продиктовано турками, может, лично Халил-беем. Если на самом деле армяне Шарура жили спокойно и мирно, как сказано в письме, то голода не должно было быть. Ведь прежде Правительство Армении их никогда не снабжало хлебом, наоборот, само делало там закупки. Нельзя сказать, что шарурцы сами додумались до обмена арестованных за антиармянскую активную деятельность в Нахичеване и Шаруре мусульман на пленных армянских офицеров, а также просьбу 800 армян села Тазакенд (Астапат) близ Нахичевана выслать им продовольствие и лекарства.

В письме шарурцев истина только в том, что они на самом деле сложили оружие, но не перед Азербайджаном, как сказано в письме, а перед османским офицером Халил-беем, поверив его обещаниям. Очевидец пишет, что после побед в Баш-Норашене и на станции Норашен Халил-бей “отправляет записку армянам Ханлухлара, предложив им разоружиться. Ханлухларцы отправляют в Енгиджу жителя той же деревни Карапета Акопяна и вармазиарца Арутюна Маргаряна, чтобы проверить, действительно ли записку писал Халил бей или турки обманывают. Те, возвратившись заявили, что это был сам Халил-бей, которого они видели в Шахтахты. После этого армяне

¹ Вестник архивов Армении, 1993, 1-2, с. 123-124.

и прибывший из Шахтахты капитан со своими 225 солдатами сдаются, сдав Халил-бею свое оружие и два пулемета”¹.

В обращении от 3 сентября 1919 г. к парламенту Армении от проживающих в Ереване шарурцев прямо сказано: “Под влиянием обещаний Халил-бея, что сдавшимся ничего не угрожает, армянский народ (Шарура) решил без боя и сопротивления сдаться туркам, думая, что так можно будет спасти жизнь своих женщин и детей, но, к сожалению, сегодня картина иная, из дошедших до нас проверенных слухов турки, со своей вековой мстью, тем более не забыв и то, что они получили от армян Шарура во время событий 18-го года, под разными предложениями мучают и терзают безоружных людей, убивают молодых, насилуют женщин и т.д.”².

Авторы обращения просили членов парламента создать комиссию из трех человек, которая бы занялась вопросом освобождения шарурских пленных и переездом их в Ереван. Но, как мы уже отмечали, Халил-бей интересовало не освобождение пленных, а под предлогом облегчения их жизни получение из Армении продовольствия и лекарств. И когда это ему не удалось, он применил старый, испытанный метод – отдал безоружных и беззащитных армян на растерзание мусульманской фанатичной толпе. Уже упомянутый Мисак Оганесян, которому удалось сбежать из плена, все это представляет следующим образом: “Банды озверевших мусульман вторгались в дома, выбирали девушек, женщин, насилуют их и убивали. Некоторых уводили. Нас, мужчин, жестоко били и в результате убивали. Детей бросали в ямы и сжигали. Население стало убегать во все стороны, но нас догоняли и зверски убивали. Все эти зверства происходили по приказу паши³ находящегося

¹ “Жоговурд”, Тифлис, 18 ноября 1920 г.

² “Вестник архивов Армении”, 1993, 1-2, с. 119-120.

³ Халил-бей некоторое время со своим штабом находился в Енгидже.

в Енгидже...”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.). Но картина страданий армян Шарура будет неполной, если мы не процитируем фрагменты из статьи Микаела Тер-Авакяна “Ужасная резня армян Шарура”, напечатанной в газете “Жоговурд” 20 октября 1920 года. Выясняется, что насилия над армянами Шарура начались с первых же дней. 24 июля назначенный Халил-беем приставом Шарура Мирза Алакпар уже 27-го провел обыски в Ханлухларе, нашел три ружья, избил влиятельных армян, после чего “турки начали систематически грабить дома армян, уводить женщин, насилуют их и возвращать. Армяне обращались к аскярам за помощью, но османские аскяры, оставляя их мольбы безответными, даже обвиняли армян в клеветничестве”. С 15 сентября армянам запрещают выходить за пределы села и жестоко наказывают нарушивших приказ. 5 октября назначается новый пристав, который “со дня назначения требовал для себя и своих сослуживцев женщин на ночь и разрешал туркам вывозить фургонами из армянских домов их имущество, регулярно убивая молодых людей”. Не довольствуясь этим, в ноябре приказывают собрать всех армян в селе Парчи, где “турки обнажают армян и их священников и раскаленными шампурами наносят на них кресты. Вырезав ребенка из утробы матери, предлагали отцу съесть мясо ребенка. При мужьях насилуют их жен. Так продолжался весь ноябрь”.

В декабре положение ухудшается, по приказу пристава “всех размещают в трех домах села Парчи, держа их под строгим контролем и неустанно насилуют женщин, запрещают давать армянам хоть какую-то еду. Несчастные армяне начинают питаться трупами людей, собаками, кошками. Убивали спящих людей и съедали. Убивали армян и их мясо продавали армянам”².

Такова была истинная суть Халил-бея. Этот человек, кото-

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 484, л. 21.

² Вестник архивов Армении, 1993, 1-2, с. 312-313.

рый в 1918 г. осуществил резню и выселение нахичеванских армян, продолжал незавершенное дело. Но одновременно прикидывался в глазах союзников "цивилизованным и гуманным". Маска "цивилизованного и гуманного" была также на Хан-Текинском, который не только читал нравоучительные проповеди правительству Армении, но и обвинял его в истреблении 300 мусульманских сел и в убийстве "нескольких десятков тысяч мусульман - мужчин, женщин и детей". Фальсифицируя реальность и рассуждая о том, что якобы в Армении каждый день происходит грабеж и убийство мусульман, в ноте на имя премьера Армении от 31 июля Текинский пишет: "Поэтому мусульмане нескольких закрепленных за Арменией районов в своих жалобах просят присоединить их к любой соседней стране, кроме Армении или до конца конференции установить любую власть, кроме армянской"¹.

Он даже оспаривает право правительства Армении принятые меры по отношению к мятежным районам считать своим внутренним делом, заявляет, что Армения никогда не была властью ни в Беюк-Веди, ни в других мусульманонаселенных районах и что ее нынешние действия - это акт присоединения этих районов к Армении при помощи военной силы². С сожалением отмечаем, что ответная нота правительства Армении, подписанная Ал. Хатисяном, довольно слабая и по содержанию, и по доводам. Так, по вопросу о праве на Беюк-веди говорится, что "данная территория была отдана правительству Армении на основе соглашения с британским командованием, о чем было сообщено населению этого района. Каждый человек, не желавший оставаться гражданином Республики Армения, должен был заранее выехать за границы Армении и переехать в другие страны"³. И не более того, как будто Армения

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 200.

² Там же, л. 201.

³ Там же, л. 196.

не имела других прав на Беюк-Веди. Достояна внимания только та часть ноты, где дается оценка действиям Текинского, который фактически объявлялся *persona pop grata*, но тоже в очень осторожном тоне: "Правительство Армении на основе точных данных считает необходимым с сожалением сообщить, что г-н Текинский своими действиями лично содействовал движениям направленным против Республики Армения и ее нормальной жизни, - говорится в ноте... *От имени своего правительства я объявляю решительный протест против подобных действий г-на Текинского и выражаю надежду, что Ваше правительство, получив эти данные о деятельности Текинского, не оставит их без внимания.*

Правительство Армении подтверждает, что "с этим заявлением согласны представители высшего командования союзников на Кавказе, о чем они сообщили правительству Армении" (подчеркнуто нами - Э. З.). Хатисян добавляет, что деятельность Текинского не только не содействовала укреплению дружеских связей между Арменией и Азербайджаном, а наоборот: в эти тяжелые дни с легкостью можно разрушить те доброжелательные отношения, которые существуют между двумя республиками и укрепление которых было и есть самым большим желанием правительства Армении"¹.

Если иметь в виду, что правительству Армении давно было известно об антиармянской деятельности Текинского, то надо признать, что нота запоздала. Чем это объяснить? По тому, что говорится в ноте о согласии представителей союзных государств с оценкой деятельности Текинского, можно предположить, что этот вопрос невозможно было решить без них. Это подтверждает также С. Вращян: "4-го августа Текинский сообщает Хан-Хойскому сведения о перемещении армянских воинских сил и этим заканчивается его заговорщическая деятельность в Армении: *по требованию правительства англича-*

¹ Там же, л. 197.

не выгнали его из Еревана и за свои заслуги он был назначен помощником министра иностранных дел Азербайджана. Вместо него в Ереван прибыл "национальный поэт" Азербайджана Ахвердов, который неукоснительно продолжил деятельность своего предшественника"¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Весьма вероятно, что правительство Армении долгое время терпело Текинского именно потому, что могло расшифровывать его телеграммы. Кстати, 1 и 3 августа Текинский послал еще две секретные телеграммы правительству, где требовал незамедлительно объявить войну Армении: "положение мусульман с каждым днем ухудшается, - говорится в первой телеграмме.- Наконец нам надо, кроме бумажных нот, сделать реальные шаги. Если мы хотим сдержать разъяренных армян и спасти жизнь и имущество многочисленных мусульман, то должны немедленно объявить войну. В районах Беюк-Веди, Шарура и Нахичевана идут бои. Армянские полки бегут или уничтожаются. Мусульмане пока не хотят завоевать Ереван. Передайте, что мне предпринять"² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Здесь налицо противоречие – с одной стороны говорит о тяжелом положении мусульман, о спасении их от разъяренных армян, с другой - об уничтожении армянских полков и о возможности взятия Еревана мусульманами. Чему должно было поверить правительство Азербайджана и поверило ли? К сожалению, ответ на эту телеграмму отсутствует в наших архивах. А Текинский через два дня предлагает другой план: "Азербайджану нужно в течение двух недель покончить с Зангезуром и двинуть войска до Камарлу. Сейчас самое удобное время. После прибытия американского полковника – комиссара Армении- будет поздно. Если мое предложение будет принято, осуществите без объявления войны. Очень прошу вос-

¹ С. Вращян, Республика Армения, с. 316.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 358, л. 68.

пользоваться моментом и не терять времени"¹.

Как видим, завоевание Зангезура Текинскому кажется делом очень простым. Но именно здесь, в Зангезуре, Азербайджан оступился, о чем скажем позднее. Что касается начала очевидной войны против Армении, то Азербайджан на это не пошел, проявив осторожность, а предпочел продолжать ту же политику, которая давала определенные плоды.

* * *

Попытаемся обобщить сказанное:

1. В деле подготовки антиармянского восстания в крае большую роль сыграла та всеобщая агитация, которую осуществляли власти Азербайджана, турецко-азербайджанские агенты, официальная печать. Представительство Азербайджана в Ереване стало координирующим центром антиармянских движений и деятельности, необходимое финансирование и инструктаж шли через него. А проникшие из Анатолии в Шарур-Нахичеван турецкие офицеры и аскяры организовывали и тренировали военные отряды, готовились к боевым действиям.
2. В развертывании антиармянского движения свою часть вины имеют также британское командование Закавказья и его представительство в Нахичевани, которые не только ничего не предприняли для его предотвращения, и оставили безответным многочисленные предостережения правительства Армении о готовящемся мятеже, но и своими неуместными и, как правило, в пользу мусульман вмешательствами они скомпрометировали армянскую администрацию Нахичевана.
3. Развернувшееся в июле антиармянское восстание было не стихийным, а организованным движением, которое вскоре переросло в общеисламский мятеж на восточ-

¹ Там же, л. 69.

ных, южных и западных границах Республики Армения. Его целью было крушение Республики Армения и если это не удалось, то лишь благодаря героическим усилиям армянского народа и его армии. А неудачи наших немногочисленных сил в Шаруре и Нахичеване кроются в превосходстве сил противника. Наряду с этим свою роль сыграли также ошибки некоторых наших командиров в планировании и осуществлении боевых действий.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ. ТРАГЕДИЯ ГОХТАНА.

Положение на фронтах в августе, общий натиск мусульман, окружение республики с трех сторон.

Обращение Ал. Хатисяна к Парижскому конгрессу с просьбой о помощи. Заседание парламента 15 августа, лозунг "Родина в опасности", обращение к парламентам мира.

Концентрация сил и отпор врагу на Мерденек-Каракуртском фронте, в Игдире и Кахзване. Бои в Ведибасаре.

Верховный комиссар Армении Гаскель в Ереване, его обещания об обуздании Азербайджана и защите Армении в вопросе Шарур-Нахичевана. Визит в Баку, отказ от обещаний, подписание соглашения о создании американского генерал-губернаторства в Шарур-Даралагязе и Нахичеване и попытка его навязывания Армении.

Переговоры Ал. Хатисяна с Гаскелем в Тифлисе, изменения в соглашении. Недовольство Азербайджана, решение Гаскеля о замене соглашения заявлением.

Представитель Гаскеля полковник Рей и губернатор Эд. Дейли в Нахичеване, враждебное отношение населения и демонстрации протеста. Провал попытки провозглашения американского генерал-губернаторства. Декабрьские события в Гохтане. Резня в Нижнем и Верхнем Агулисах и "союзники" Армении.

Подготовка восстания в Зангибасаре в начале 1920 года. Мартовские бои в Ведибасаре и Гохтане. Деятельность Халил-бея и его группы по присоединению Нахичеванского края к Турции.

Заинтересованность Армении в создании конфедерации Закавказских республик, записка Уордроп от 5 марта. Докладная правительства Армении "О территориальных требованиях Армении в Закавказье". Решения закавказской конференции от 11 и 12 апреля о прекращении военных конфликтов.

В августе военно-политическое положение Республики Армения еще более осложнилось. Пропагандистам возник-

шего в Анатолии кемалистского движения удалось поднять на ноги также мусульман Олти, Сурмалу и Карса и спровоцировать напряженную ситуацию в этих районах. Не прекращались военные действия на границах Беюк-Веди, Шарура и Даралагяза. Ни 4 августа, ни 6 полковнику Плаудену не удалось встретиться с Халил-беем. В опубликованном 11 сентября заявлении говорилось, что британский военный представитель намерен 15 сентября прибыть в Нахичеван, провести переговоры с мусульманскими лидерами и найти приемлемое решение¹.

Пока англичане думали “о приемлемом решении”, последователи ислама все более активизировали свои действия на фронтах. На страницах прессы все чаще появлялись сообщения о столкновениях. Из газеты “Ашхатанк” от 7 августа узнаем, что “31 июля около 500 курдов захватили боеприпасы и пушки направляемые в Мерденекскую часть в сопровождении 100 солдат. Отправленная на помощь воинская часть оттеснила курдов и отбила награбленное. 2 августа в 9 ч. утра приблизительно 400 татар атаковали со стороны Беюк-Веди наши центральные части. Вначале наши части на левом фланге отошли к селу Тантан. Но когда подошли запасные части, мы атаковали и восстановили прежние свои позиции. В это же время наш левый фланг перешел в наступление и приблизился к селу Беюк-Веди”. Там же говорится, что “2 августа около 300 вооруженных татар перешли Аракс, захватили села Шидлу и Халиса и продолжили продвижение к Давалу. Отправленные туда силы отбили село Халиса и отбросили татар от канала”.

Частые нападения неприятеля с правого берега Аракса создавали серьезную угрозу для армянского села Давалу, поэтому 4 августа было решено временно переселить его население в Камарлу. Правда, в заявлении, опубликованном по этому

¹ См. там же, ф. 276, оп. 1, д. 162, л. 74.

поводу, говорилось, что это было сделано “по некоторым военным соображениям” и что “эвакуация населения произошла без какого-либо давления со стороны врага”, но вряд ли это соответствует действительности.

6 августа турецко-татарские разбойничьи группы напали на село Араз-гель (район Игдира), население которого вынуждено было перейти в село Молла-Камар. А курды атаковали по направлению Сарыкамыша, но нашим солдатам на окружавших высотах удалось отбросить нападавших¹. 10 августа курды напали также на село Асланлу, но безуспешно. В этот же день курды атаковали также Абас-гель² (район Игдира). В этом районе бои шли несколько дней, курды в конце-концов захватили район Абас-гель. С 7 августа бои развернулись в районах Кохба и Дашбуруна и шли с переменным успехом.

В этих условиях, когда английское вмешательство опаздывало, а враг со дня на день расширял круг действий, армянское командование решило новыми нападениями подавить Беюк-Веди, ликвидировать этот фронт, что дало бы возможность и выправить линию фронта, и находящиеся там заблокированные части использовать на других фронтах. Атака была назначена на 10 августа. Газета “Ашхатанк” в номере от 14 августа в “Военной сводке” так описывает эту атаку: “Наши войска в ночь на 10-е атаковали и захватили село Хотун, высоту к северу от истока Шорбулах, которая находилась в 2 верстах от Боюк-Веди, села Енгиджа, Харалар, Ширазлу, Джат-Хран и Реганлу – атака продолжается”. А “Айастан ашхатавор” несколько иначе представляет это событие, приводя полученное 11 августа сообщение: “Вчера, с 5 утра, началось наше продвижение к Беюк-Веди. Наши войска героически продвигались вперед. В силу некоторых соображений вечером наше продвижение прекратилось. Вечером поднялся сильный

¹ “Ашхатанк”, 14 авг. 1919 г.

² “Айастан ашхатавор”, 14 авг. 1919 г.

пыльный ветер, который дул прямо в лицо войску и ослеплял, что послужило одной из причин прекращения продвижения. Ночь прошла спокойно”¹.

Думаем, эта оговорка несерьезна и действительной причиной того, что наши не смогли захватить Беюк-Веди, явилось преимущество сил противника или умелая оборона. Кстати, С. Вращян именно этим мотивирует, он пишет” “Турки дико оборонялись, поливая нас смертельным огнем из ружей и пулеметов с окопанных по военному искусству позиций. Несколько дней продолжались кровопролитные бои, за которыми напряженно следила вся страна”².

То, что неприятель сконцентрировал большие силы в Беюк-Веди, стало ясно уже на следующий день, когда он предпринял серьезную попытку контрнаступления, “11 августа в 14 часов враг неожиданно напал на наш левый фланг и смял его, говорится в сообщении телеграфного агентства.- Наши части отступили, но благодаря предпринятым мерам и умелым действиям одной из наших батарей, положение стабилизировалось и наши части снова заняли покинутые позиции. 11 августа в 24 часа татарские разведчики попытались продвинуться к высоте 526, в 4-х верстах к северу от Беюк-Веди, но ружейным огнем были отброшены”³. В том же сообщении также говорится, что враг двумя колоннами из Шарура перешел в наступление в направлении Даралагяза. Нападения на армянские деревни происходили в Нор-Баязетском уезде и в некоторых других районах. А на фронтах Беюк-Веди упорные бои продолжались также 12 и 14 августа. Вот, например, что пишет про эти бои АТА в “Военных сводках; “Вчера (12 авг. – Э. 3.) около 14 часов наши центральные части спустились к Беюк-Веди. С началом темноты они отступили. В это время татары начали силь-

¹ Там же.

² С. Вращян, Указ. соч., с. 317.

³ “Айастани ашхатавор”, 11-го августа, 1919 г.

но теснить справа наш центр. С криками “Аллах” татары начали наступление, но ружейным и пулеметным огнем и бомбами были отброшены. Через два часа татары снова атаковали наш центр слева. Под их сильным давлением мы были вынуждены оставить высоты 591 и 590, которые находятся к северу от Беюк-Веди. На рассвете мы атаковали 520 высоту, которую ночью татары оставили.

14 августа, с наступлением темноты, татары напали на 509 высоту правого фланга нашего центра, но сильным ружейным и пулеметным огнем были отброшены”¹.

В эти же дни враг предпринял активные действия также на правом берегу Аракса. “Вчера, 14 августа, в 21-00 курды-татары, числом от 4000 до 6000 человек, окружили наше войско в селе Молла-Камар, - говорится в другом сообщении.- По дополнительным сведениям, окруженные у Молла-Камара наши роты вырвались, прорвав вражеские цепи”².

Такова была ситуация на фронтах в середине августа. Думаем, и читатель тоже согласится, что она была очень тяжелая, если не сказать критическая. Враг фактически окружил республику с трех сторон. Угрожающим было положение под самим Ереваном – в Зангибасаре. События происходили также в Эчмиадзинском районе. Насколько серьезной и угрожающей была опасность, свидетельствует хотя бы тот факт, что правительство Армении было вынуждено непосредственно обратиться к Парижскому конгрессу. “По полученным правительством Армении официальным сведениям, 15 августа британские войска покидают Армению и Эрзрум, - говорится в телеграмме премьер-министра Ал. Хатисяна от 9 августа, адресованного председателю Парижской мирной конференции Клемансо (копии председателю национальной делегации Погосу Нубару - паше и председателю делегации РА А. Агароняну). Турецко-

¹ “Ашхатанк”, 16 авг. 1919.

² “Ашхатанк”, 21 августа, 1919 г.

татарское движение начинает угрожать существованию армянского народа. Присутствие британских сил частично сдерживает это движение. С их уходом неизбежно начнется катастрофа. Существование армянского народа под угрозой при том, что победа союзников сулила Армении свободу и культурную жизнь. *Во имя человеческой справедливости и существования Армении требуем принять срочные и эффективные меры для избежания катастрофы. Правительство Армении уверено, что союзники найдут достойные меры для принуждения своих решений туркам-татарам*¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Примечательно, что на сей раз Хатисян уже “требовал” а не просил, но не на правах младшего союзника, а “во имя человеческой справедливости и существования Армении”. Насколько Европа была поборницей человеческой справедливости, думаем, Хатисяну было давно известно. Но на сей раз у него был повод удостовериться, что существование Армении тоже очень мало интересовало Европу. Проходили дни, а из Парижа ответа не было и Хатисян на этот раз через начальника французской миссии на Кавказе полковника Шардини тем же адресатам сообщает, “что положение Армении известно Парижской конференции, которая еще ничего не сделала для предотвращения катастрофы. Правительство Армении глубоко сожалеет, что осталось одиноким в то время, когда ее существование находится под угрозой со стороны турецко-татарских орд, которые, развивая свое движение, окружают Армению. Объединившись с мусульманскими мятежниками и разными бандами, турецкие регулярные войска начали уже с трех сторон атаковать Армению и перешли на армянскую территорию. Ради армянского народа его правительство вновь просит высокое собрание принять спешное решение для освобождения народа, который был союзником Антанты и вместе с ними вел борьбу во имя справедливости и свободы. Просим о принятом

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 201, л. 72а.

решении немедленно сообщить нам”¹.

Реальной помощью было бы послать войско, но, как уже было сказано, именно решением этого конгресса британские войска покидали Закавказье. Конгресс не мог отправить войско и не отправил. Вместо этого совет пяти решил отправить в Армению полковника Уильяма Гаскеля, как комиссара Армении. Но до прибытия Гаскеля в Ереване произошло еще одно важное событие – это было чрезвычайное заседание парламента Армении, созванное 15 августа для обсуждения создавшейся в республике ситуации и принятия необходимых мер. очевидцы сравнивали это заседание с панихидой. Тяжелым и гнетущим было впечатление, которое создалось в результате доклада замещающего премьера А. Саакяна. Были представлены такие факты, положение на фронтах было описано такими красками, что отчаяние охватило всех.

“Нас постепенно окружают железным кольцом, - говорится в докладе.- Враг хочет вторгнуться в нашу страну... Правительство, считая недостаточной нынешнюю военную силу, призывает народ пожертвовать свое имущество и жизнь. Ныне правительство, обращаясь к этому высокому собранию, сообщает, что нуждается в авторитетных деятелях и надеется на помощь депутатов”. Цитируя эти слова А. Саакяна, С. Врацян пишет: “Парламент пошел навстречу правительству и решил: 1) объявить Родину в опасности и призвать народ направить все силы для защиты страны; 2) послать на фронт депутатскую группу в составе доктора О. Тер-Давтяна, Л. Тадевосяна, О. Аргутяна и О. Манукяна для приветствия войск и выработки программ по усовершенствованию армии; 3) обратиться с воззванием к парламентам союзных государств”².

Особый интерес представляло воззвание, которое было обращено не только к союзным, как отмечает С. Врацян, но и к

¹ Там же, л. 77а.

² С. Врацян, указ. соч., с. 318.

парламентам других стран. В печати оно было озаглавлено так: “Меморандум Парламента Армении обращенный к парламентам Америки, Англии, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Сербии, Греции, Румынии, Китая, Испании, Норвегии, Швеции, Голландии, Португалии и Персии”. Отчаянием проникнут этот документ, первые строки которого говорят о самопожертвовании армянского народа: “В то время, когда согласно многочисленным заявлениям правительств и парламентов союзных государств для малых наций должны были открываться новые дали, ибо мировая война завершилась победой союзников, *армянский народ - самая несчастная из малых наций - брошен на волю судьбы, истекает кровью в руках своих палачей*”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.). Затем подчеркнув, что армянский народ, отозвавшись “на первое же воззвание союзных государств, целых пять лет воевал против являющейся врагом человечества и цивилизации османской империи”, что в течение этих лет “Армения была почти полностью разрушена и армянский народ потерял почти половину своего населения”, подчеркнув все те обещания, которые “союзные правительства и стоящие за ними представители общественного мнения до войны и во время ее при каждом удобном случае высказывали в адрес армянского народа”, меморандум добавляет, что после того, как османская империя потерпела крах и союзники обосновались в ее столице, “казалось, что осталось несколько дней или недель для вызволения Армении из турецких когтей и для решения вопроса о возвращении армянам их истинных прав. Но, к сожалению, прошли месяцы, целых 9 месяцев, и в этом направлении ничего не сделано”. Более того, парламент Армении очень осторожно и мягко обвиняет союзников в уступчивой политике по отношению к Турции и добавляет: “Воодушевленная неожиданно мягким отношением союзных государств, Турция сегодня возобновила и с яростным, бешен-

¹ НАА, ф. 198, оп. 1, д. 34, л. 1.

ным упорством продвигает вперед старую политику истребления армян. Истребив остатки армян в границах Турции, она теперь с применением всей мощи восточных махинаций напала на созданную в Закавказье Республику Армения. После нескольких месяцев натравливания местного мусульманского населения против армянского правительства при помощи своих агентов, сегодня она со своими офицерами и аскярами во главе курдских и татарских банд разрушила до основания армянские села: *в Шарурском, Нахичеванском, Сурмалинском, Ереванском и Карсском уездах истребила остатки армянского народа. И эти зверства происходят в то время, когда представители союзных государств находятся у нас, а их многочисленные войска всего на расстоянии нескольких часов*”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Подчеркнув тот факт, что армянский народ не забывает ту материальную и моральную помощь, которую получил за последние месяцы от союзников, что, впрочем, несопоставимо “со всеми жертвами, которые понес армянский народ для общего дела”, меморандум одновременно констатирует, “что из поля зрения союзников полностью выпало дело защиты армянского народа или организации его самообороны”, вследствие чего “он сегодня стоит в одиночестве перед своим вековым палачом, без союзных войск, без нужного количества боеприпасов и военной силы” (подчеркнуто нами – Э. З.).

В этих строках уже есть обвинение в адрес союзников, проговорено, что они покинули своего младшего союзника. Но он, этот младший союзник – армянский народ, - полон решимости в неравных условиях достойно встретить свою судьбу. Поэтому меморандум резюмирует: “Таким образом, даже после победы союзников у армянского народа для сохранения физического существования не остается иного пути, чем одному и в неравных военных условиях встать на борьбу против

¹ Там же, л. 2.

векового врага армянского народа и всеобщей цивилизации. Поэтому парламент Армении призывает встать под ружье всех, кто в состоянии сделать это. Парламент сознает, что это решение принесет новые страдания армянскому народу, что эмиграция, сиротство, голод и инфекции могут унести последние осколки армянского народа. Но когда перед армянским мужчиной стоит неизбежность гибели от турецкого ятагана, когда армянским женщинам и девушкам грозит бесчестие, парламент Армении не может принять иное решение.

Если остаткам армянского народа суждено быть истребленными на глазах союзников, когда те могли легко остановить руку палача, то мы примем это по-мужски.

Если остаткам армянского народа уготовано быть истребленными сейчас, когда войска союзников десятками тысяч стоят в Полисе, Трабзоне, Байбурде, Тифлисе, Баку и когда им легко остановить руку палача, то армянскому народу не остается ничего иного, как довести до совести и сознания цивилизованного человечества трагическую весть и с готовностью к почетной смерти пойти навстречу своей тяжелой судьбе¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

После образования Республики Армения это первый официальный документ, где во всеуслышание выражалось недовольство несправедливым отношением к армянскому народу. К сожалению, здесь так же, как встарь, все сводится к “тяжелой судьбе”, к готовности “быть истребленным по-мужски”, к “почетной смерти”, а также к доведению “до совести и сознания цивилизованного человечества трагической вестии” и т.д. Как будто теперь только все поняли про совесть цивилизованного мира, того мира, который ничего не сделал для решения армянского вопроса, спокойно отнесся к резне 1890-ых, к Геноциду 1915-го. И задаешься вопросом: стоило ли идти на такой шаг, биться в закрытые двери, во всеуслышание говорить

¹ Там же, л. 2-3.

о своей слабости и беспомощности, ждать помощи оттуда, откуда ее ждать не имеет смысла? Более того, документ с таким отчаянным содержанием мог воодушевить и вызвать победное настроение в армии врага и наоборот – отчаяние в собственных рядах. Думаем, что парламент проглядел все это и действовал под влиянием момента. А момент на самом деле был критическим, опасность всеобщая и гибельная. Необходимо было напрячь все силы и дать отпор врагу. И в дни после заседания газеты подняли тревогу: “опасность, угрожающая армянскому народу, очевидна, растет с каждым днем, расширяется и станет всепожирающей... опасность, которая нависла над нами, самая ужасная из всех, когда-либо нами виденных, - говорится в статье “Перед лицом опасности”, напечатанной в газете “Ашхатанк” от 16 августа. - Ничто не помогло нам, и никто не смог посодействовать нам в трагических усилиях. Обнадежились пустыми надеждами, ободрились победой союзников и их присутствием, на миг подумали, что освободились от азиатского мракобесия, обманулись, подумав, что победили право и справедливость, и вот сейчас, очнувшись, снова мы одни против опасности, подвергающиеся огню и мечу” (подчеркнуто нами – Э. З.).

Затем подчеркнув, что каждый армянин должен осознать, что его жизнь в опасности, что армянский народ может быть истреблен в присутствии союзников, как его истребляли и до этого, автор провидчески пишет, что “*Парижская конференция может прочитать над армянским народом “отходную молитву”, как священник читает над усопшим*” (подчеркнуто нами – Э. З.).

Передовица газеты “Айастани ашхатавор” называлась “Свобода или смерть”: “*Враг на пороге: нарушив условия перемирия, вчера он вторгся в Шарур-Нахичеван, сегодня он занял Кохб и продвигается к сердцу нашей страны – к Еревану.*

Нельзя представить опасность более явную и ужасную”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Опасность была ужасной и, провозгласив “свободу или смерть”, передовица ничего уже не говорила о союзниках, а призывала народ подняться и дать отпор врагу, полагаясь только на собственные силы. Обращение к парламентам мира осталось “гласом вопиющего в пустыне”. Правда, находящийся в Стамбуле американский адмирал Бристоль 21 августа представил меморандум султанскому правительству, коим предупреждал, что если турецкие власти немедленно не предпримут эффективные меры, чтобы предотвратить на Кавказе или где-нибудь еще насилия по отношению к армянам со стороны турок, курдов или иных мусульман, то президент Вильсон из своих “14-и пунктов” изымет пункт, касающийся Турции, следствием чего станет полная ликвидация турецкой империи. Но летом 1919 года власть султана уже была сильно ограничена и не распространялась дальше Стамбула и его окрестностей. Значит, даже при желании султан был не в состоянии повлиять на события в Малой Азии и на Кавказе. Кроме того, изъятие посвященного Турции пункта не было серьезной угрозой и вряд ли султан придавал бы ему серьезное значение. А США на Ближнем Востоке не имели вооруженных сил, следовательно - у них не было также рычагов давления. Еще одно обстоятельство – летом 1919 года уже появились разногласия союзников в вопросе Турции, что было замечено турками. Это нашло свое отражение в связи с меморандумом Бристоля: на заседании руководителей держав во время Парижской конференции 25 августа, когда был поднят вопрос об угрожающей армянам опасности, говорилось не столько о мерах помощи²,

¹ “Айастан и ашхатавор”, 19 авг. 1919 г.

² Заседание удовлетворилось тем, что поручило правительству Франции изыскать средства для военной помощи армянам. А Франция в регионе не имела ни войска, ни влияния на мусульман.

сколько о том, почему Бристоль представил меморандум султанскому правительству, не поставив в известность союзников¹.

Подобное отношение со стороны держав к Обращению парламента Республики Армения подтверждает нашу мысль, что документ был принят под влиянием момента, не были учтены возможные отрицательные последствия и особенно то, что он мог повлиять на представления держав о жизнеспособности Республики Армения. Об этом намекнул Гаскель во время беседы с Хатисяном о Шарур-Нахичеване в сентябре в Тифлисе: *“Гаскель полагает, что мы наше положение представляем очень трагично (например – Обращение парламента), - говорится в сводке информационного отдела МИД РА по этому поводу. Эта беспомощность влияет на всех. Поддействовала также на меня во время составления первого проекта соглашения. Имеет значение также для врагов Армении”*² (подчеркнуто нами – Э. З.).

То, что Армения еще способна сопротивляться и дать отпор врагу, стало очевидным после чрезвычайного заседания парламента 16-18 августа, когда удалось выдворить исламские банды из Мерденек-Каракурта (Карсская область) и Игдира, дать отпор у Хорвирапа и Беюк-Веди. Особенно значительной была победа у Кахзвана. Турецко-курдская банда, состоящая из 1500 человек, внезапно 17 августа атаковала город, но встретив сопротивление войск, вынуждена была отступить. Были и неудачи – в частности, 18 августа не удалось остановить атаку многочисленных сил противника на Кохб и наши войска вместе с населением (около 5000 армян и езидов) отступили к берегу Аракса. В этом сыграло роль также восстание мусульманских сел в тылу наших войск³.

¹ Г. Галоян “Армяне и державы в 1917-23 гг.”, Ер., 1999, с. 105.

² НАА, ф. 276, оп. 1, д. 101, л. 90-91.

³ С. Врацян, указ. соч., с. 318.

Такова была ситуация на фронтах республики, когда была получена весть о миссии назначенного Парижской конференцией верховным комиссаром Армении полковника Гаскеля.

Полковник американской армии Уильям Гаскель был назначен генеральным комиссаром Армении (затем также Азербайджана и Грузии) от имени совета пяти конференции и, следовательно, являлся представителем союзных держав. Уже это обстоятельство придавало значительный вес миссии. Правительство Армении связывало с ним серьезные надежды. Имея большие полномочия, он действительно многое мог сделать для Армении, правда - при желании. С. Врацян свидетельствует, что "прибытие Гаскеля вызвало большое воодушевление среди армян. От Батуми до Еревана, везде, ему оказывали восторженный прием"¹. Архивные документы также свидетельствуют о том внимании, которое было уделено миссии Гаскеля. 16 августа в телеграмме на имя премьера и министра иностранных дел, дипломатический представитель Армении в Тифлисе Евангулян пишет: "Вчера утром приехал полковник Гаскель. Никого не принимает, даже американцев. Несколько раз в день Гаскель посещает больного Грина. О пределах и существе своих полномочий пока никому ничего не говорит. По словам Грина, Гаскель назначен верховным комиссаром не только Армении, но и всего Закавказья"². Затем отметив, что его выезд в Ереван еще не решен, одновременно сообщает, что Гаскель уже начал посещать представителей союзников, а в понедельник примет его.

Евангулян в отдельной телеграмме, адресованной Хати-сяну, описывает встречу и характеризует Гаскеля как человека оставляющего "приятное впечатление", который обещает "восстановить порядок в Армении". А как это надо сделать,

¹ Там же, с. 320.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 362, л. 12.

видно из следующих строк, где говорится, что еще из Константинополя Гаскель телеграфировал Клемансо "о необходимости ввода в Армению союзных войск", но ответа не получил. О большом внимании к Гаскелю говорит вторая часть телеграммы, где сообщив о том, что 20 августа Гаскель с женой и в сопровождении нескольких офицеров направляется в Ереван, одновременно представляет целую программу мер по приему и устройству гостей. "Устройте встречу на границе в Каракилисе, Александрополе, Ереване,- говорится в телеграмме, - заготовьте в Санаине и в пути паровозы, выставьте в вагоне Гаскеля парных часовых хорошо дисциплинированных и одетых, реквизируйте в Ереване помещение с ванной, наймите женскую прислугу, поднесите на вокзалах Еревана и Александрополя цветы, выставьте на вокзале почетный караул с трубами, назначьте офицера связи"¹ и т.д.

"Указания" посла с честью были выполнены, Гаскелю был оказан очень теплый прием в Каракилисе, Александрополе и особенно в Ереване. 21 августа город был празднично разукрашен. На вокзале в Ереване собрались не только министры, депутаты, зарубежные представители, но и Премьер и Спикер парламента. "Город весь был разукрашен флажками, коврами и зеленью, - пишет С. Врацян.- Все магазины были закрыты. На улицах был чрезвычайный ажиотаж"².

Судя по встрече с премьером и выступлению в парламенте, Гаскель был так же щедр в обещаниях. Премьеру он сказал, что "имеет задание от Конгресса защищать всех армян, независимо от того, где они находятся - в Армении, Азербайджане, Турции или Грузии. Военную помощь пока предоставить не может, но уже отправил в Париж 3 офицеров с просьбой немедленно прислать войско в Армению, а также часть английских войск оставить в Армении. Он предпримет все ме-

¹ Там же, д. 175, 1 ч., л. 34.

² С. Врацян, указ. соч., с. 320.

ры для защиты границ Армении и потребует, чтобы Азербайджан прекратил свою подрывную деятельность среди мусульман Армении. Предпримет меры, чтобы Армения получила оружие и боеприпасы и чтобы грузинское правительство не строило преград для их транспортировки. В частности, постарается обеспечить Армению продовольствием. Для этого он оставил в Батуми одного из своих офицеров для транспортировки товаров получаемых для Армении. Скоро в Батум придет судно, груженное 7000 тоннами муки, затем получат консервы, мясо, лекарства, земледельческие орудия, машины и т.д. Денежной помощи Америка не предоставит, пока вопрос мандата не решен, но он надеется, что пособие будет до 50 миллионов долларов. Надеется также добыть одежду для войск, сирот и беженцев, а также 150 мулов с полным снаряжением для войск. До зимы беженцев- армян из Турции не могут репатриировать, но весной они смогут вернуться в свои дома. Решение армянского вопроса на Конференции бесспорно, это уже решенный вопрос, остается только определить границы и страны мандатарий”¹.

На следующий день, 22 августа было созвано торжественное заседание парламента. Председатель обратился к гостю с взволнованной речью, в которой говорил и о страданиях армянского народа, и его борьбе, и о новых провокациях врага, и об ожидаемой помощи со стороны союзников. “Победа союзников заставила затрепетать наши сердца, - говорилось в речи председателя. - Скорбящая Армения уверена, что союзники прекратят страдания и она возродится как независимая страна и государство”. Обвинительная нотка в его следующих словах: “Наши старшие союзники не спешат, опираясь на свою мощь, приблизить час расплаты с побежденными врагами. Это обстоятельство враг использует, распространяя страх и сомнения среди слабых и строя западню против нашей молодой рес-

¹ Там же, с. 321.

публики”. Затем напомнив гостю, что наш враг “типичный представитель восточного деспотизма, привык уважать чужое право только при условии сильной руки”, председатель добавил, что “наши могучие союзники должны дать почувствовать Турции, что они стоят за нашей спиной и при необходимости, ради справедливости, ради нашего существования и политического суда, они готовы приструнить, обуздать неукротимых. *Сегодня настал час, когда союзники словом и делом провозгласят, что Армения не одинока, что больше невозможно безнаказанно играть с ее судьбой*”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

В ответном слове Гаскель обещал обеспечить защиту границ Армении и снабдить продовольствием. Более того, он обещал заставить Азербайджан прекратить вражескую политику по отношению к Армении. “Безусловно, правительство Азербайджана нарушило инструкции полученные от англичан, - заявил Гаскель, - и эта проблема сейчас меня заботит. *Я уезжаю в Тифлис и потребую, чтобы Азербайджан прекратил все это, в противном случае члены азербайджанского правительства будут привлечены к личной ответственности*”² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Примечательное обстоятельство – председатель парламента в своей речи ни разу не произнес “Азербайджан”, справедливо полагая, что автором и вдохновителем всех антиармянских провокаций и движений является Турция. А Гаскель говорил не о Турции, а об Азербайджане. Правда, он обратился также к вопросу о Турции, но все это связал с Парижской конференцией и с мандатом Армении, добавив, кстати, что “протестовал против ухода британских войск и надеется, что английские войска останутся здесь”.

Итак 23 августа Гаскель отправился в Тифлис, оттуда в Баку, чтобы заставить правительство Азербайджана прекратить

¹ НАА, ф. 198, оп. 1, д. 30, л. 1-2.

² С. Врацян, указ. соч., с. 322.

вражеские действия по отношению к Армении, как он заявил в парламенте. Что произошло в Баку, какие сведения были ему изложены и как его запутали, не знаем, но в результате всего этого он забыл обещания, данные Еревану, и 29 августа с премьером Азербайджана Усубековым подписал соглашение, согласно коему Шарур-Даралагязский и Нахичеванский уезды выделялись как нейтральная зона и создавалось американское генерал-губернаторство. 3 сентября в Ереване американский полковник Форд передал Хатисяну телеграмму Гаскеля от второго сентября, где было сказано, что с Азербайджаном заключено соглашение о прекращении военных действий и то же самое должна сделать Армения, а также прекратить поставку оружия и боеприпасов в Зангезур. Сообщается также, что в Шарур-Нахичеване создается нейтральная зона и что “между ней и Арменией пограничный раздел состоится позднее”. Примечательный факт – Форд сказал Хатисяну, что “вышесказанное надо принимать как указание высшего командования для точнейшего исполнения”¹.

Вот так, Гаскель с Азербайджаном заключает соглашение, а Армению инструктирует. Единственное, что оставалось сделать правительству Армении, это ответной запиской сообщить, что несмотря на то, что она не объявляла войну Азербайджану, от него тоже не получала подобного объявления, а имела дело только с турецко-азербайджанскими мятежниками, но принимает перемирие и даже находит, что “во время перемирия все те вопросы, которые затронуты в телеграмме Гаскеля, то есть о нейтральной зоне, о границе и т.д.- остаются открытыми и подлежат обсуждению и решению полковника Гаскеля и правительства Армении. Для решения вопроса о порядке рассмотрения соблаговолите сообщить полк. Гаскелю, находит ли он целесообразным встретиться с представителями правительства, которые могут прибыть в Тифлис, или желает сообщить

свои соображения правительству Еревана, чтобы оно заранее их рассмотрело”¹.

В ответ на примирительное поведение правительства Армении Гаскель решил послать проект соглашения в Ереван, премьеру Хатисяну, “для немедленного подписания и возврата в Тифлис, в канцелярию Гаскеля”. В состоящем из 21² статьи соглашении есть пункты также о том, что правительство Армении и Азербайджана “незамедлительно отводят свои войска от границ Нейтральной зоны” (ст. 4), объявляют “всеобщую амнистию”, Азербайджан обязуется направить все свое внимание “на успокоение татарского населения в нейтральной зоне и в районе Еревана (ст. 8), а Армения- в “Нейтральной зоне и в Зангезуре” (ст. 9) и т.д. Итак получается, то под именем нейтральной зоны от Армении отчуждались не только весь Шарур и Нахичеван (в 16-й статье говорилось, что по направлению железной дороги граница между Арменией и Нейтральной зоной проходит по “Волчьим вратам”), но и армянский Даралагяз и Зангезур. Поэтому “строящаяся желдорога Баку-Джульфа находится исключительно под контролем правительства Азербайджана” (статья 15).

А насколько нейтральная зона была нейтральной а не азербайджанской, видно из 17-ой статьи, где говорится, что кроме средств, собранных для правления из местных налогов, “при необходимости правительство Азербайджана предоставит дополнительные средства по указанию американского губернатора”³.

Нетрудно понять то недоумение и возмущение, которое вызвало это соглашение в Ереване. 6 сентября правительство одобряет ответ Хатисяна и решает спешно отправить в Тифлис

¹ Там же, с. 70-71.

² Так в архивном документе, а в печати (напр. “Ашхатавор” 19.09.1919, опубликованный текст имеет 20 статей.)

³ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 162, л. 133-134.

¹ ВАА, 1993, 1-2, с.70

делегацию под руководством премьера дабы отговорить Гаскеля и внести в текст соглашения изменения.

Делегация прибыла в Тифлис утром 7 сентября и в тот же день посетила Гаскеля. Переговоры шли устно и продолжились до 14 сентября, состоялось 6 встреч. Гаскель с самого начала был благосклонен и готов принять армянские пожелания. Уже после второй встречи с подписью Ал. Хатисяна и Р. Тер-Минасяна была послана телеграмма в Ереван, председателю парламента, где говорилось: "Прибыли в понедельник утром, на вокзале нас встретил Гегечкори. С Гаскелем имели две долгие встречи. Его отношение весьма благожелательное, его условия не ультимативные. Надеемся на благоприятное решение всех спорных вопросов, касающихся зоны (нейтральной Э. З.)... Вопросы Карабаха и Зангезура пока подробно не рассматривали, но полностью прояснили нашу позицию. Любыми средствами укрепите нашу связь и влияние в Зангезуре"¹.

В эти же сентябрьские дни в Тифлис прибыл также премьер Азербайджана Усубеков, и в свою очередь несколько раз встретился с Гаскелем. Ознакомившись с возражениями армянской стороны и с позицией Гаскеля, он согласился внести изменения в проект, но одновременно выдвинул контрпредложения:

1. Нахичеван и Шарур-Даралагыз образуют особое генерал-губернаторство.
2. Генерал-губернатор назначается Гаскелем из американцев.
3. Уезды управляются выборной администрацией.
4. Вся полнота власти находится в руках Национального совета. Генерал-губернатор имеет функции только контроля.

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 362, л. 26.

5. Администрация назначается Советом из среды преобладающего населения.
6. Свобода печати, совести, слова и т.д.
7. Бюджет нейтральной зоны рассматривается в Азербайджанском парламенте. Недостаток уплачивает Азербайджан.
8. В ходу находятся азербайджанские боны.
9. До выборов генерал-губернатора приглашаются из Баку два советника для успокоения и умиротворения края.
10. Из этого района выделяется особая полоса Баку-Джультинской ж/д для Азербайджана.
11. Население на территории генерал-губернаторства не разоружается.
12. Объявляется амнистия за все преступления, связанные с разрешением территориальных вопросов"¹.

С этими пунктами армянская сторона не могла согласиться, не был согласен и Гаскель, который разработал новый проект, согласно которому Даралагыз отчуждался из Нейтральной зоны, а Зангезур оставался в прежнем состоянии, то есть там должно было быть правление местного национального совета. Этот проект был представлен двум сторонам. Усубеков остался недоволен проектом и выдвинул новые требования из трех пунктов:

1. Железная дорога Баку-Джультинская должна быть передана Азербайджану.
2. Вся власть – Национальному совету нейтральной зоны.
3. В виде компенсации за передачу Даралагюза Армении передать Азербайджану территорию по линии Агулис-Ордубад"².

Эти предложения армянские делегаты тоже решительно отклонили. Особенно резким был протест против третьего

¹ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 101, л. 90.

² Там же, ф. 276, оп. 1, д. 101, л. 90.

пункта. В результате Усубеков, недовольный таким ходом обсуждения, вернулся в Баку. Но еще до отъезда из Тифлиса он организовал наигранную акцию протеста – в Тифлис прибыли два представителя Шарур-Нахичевана, которые предъявили Гаскелю записку из 10 пунктов, где говорилось не только о непризнании армянской власти, но и о требовании незамедлительного объявления Сурмалу, Веди-Басара, Шарура, Нахичевана и Ордубада частью Азербайджана. Интересен тот факт, что в начале беседы Гаскель попытался их уговорить, чтобы они признали власть Армении, пообещав взамен неприкосновенность личности и имущества, но делегаты резко отвергли это и среди ряда причин (безвластие в Армении, группы маузеристов, возвращенная дашнаками неприязнь по отношению к ним) ссылались также на свое право быть независимым и свободным. А когда Гаскель указал на подобное же требование армян Карабаха, те заявили, что это совершенно другой вопрос, “эти маленькие районы, живущие среди мусульманского большинства несколько сел не могут образовать новую республику” и т.д.

С одной стороны ведя переговоры с Гаскелем, с другой стороны азербайджанское руководство, параллельно с дипломатической работой, старалось укрепить свои позиции победами на ратном поле.

Вопрос Шарур-Нахичевана считая решенным, они взялись за Сурмалу. В случае успеха Азербайджан мог настоять, чтобы Сурмалу тоже ввели в нейтральную зону.

Турецко-курдские силы Сурмалу, поощряемые, и руководимые офицерами и аскярами из Анатолии, уже в конце августа были готовы к активным действиям. 31 августа в “срочной, секретной” записке на имя внутренних дел РА комиссар Сурмалинского уезда Х. Бабаян пишет: “После отступления из Абасгельского района и Кохба для Игдирского района создавалась тяжелая ситуация. Около пятидесяти тысяч армян находятся почти в осадном положении, окруженные вражескими

элементами”. Затем отметив, что турецко-курдские силы особенно “угрожают Игдиру и шоссе Игдир-Маргара”: продолжает “Местная армия слишком малочисленна для защиты населения. Имеет два батальона (Мурада и Аслана) и 2-й добровольческий полк – приблизительно 1500 штыков, 70 всадников и 4 пушки”. В конце, говоря о волнениях в турецко-курдских районах и о слухах об ожидаемом нападении на армян, добавляет: “Прошу посодействовать усилению армии, чтобы была создана возможность продвинуться вперед, занять ближайшие высоты, двинуться к Кохбу и этим укрепить Сурмалу, в противном случае положение очень опасное”¹.

Естественно, что 1500 солдат слишком мало, чтобы держать в подчинении этот беспокойный район. Но беда была именно в том, что на всех фронтах ситуация была тяжелой и не было никакой возможности усилить войска. А враг начал широкомасштабные действия до начала переговоров с Гаскелем 6 сентября. Атаковав армянскую роту в Даликдаше, после дня упорных боев, врагу удалось занять шоссе, ведущее в Игдир. Вечером рота, отступив из Даликдаша, разделилась на две части и отступила в сторону Эрзрума и Игдира. Воодушевленный неприятель занял также село Багарлу близ Игдира и попытался оттуда вторгнуться в город. Но здесь на помощь солдатам пришли добровольческие группы, и им удалось отбросить врага, перейти в контрнаступление и за ночь вернуть село Малаклу и Даликдаш. На следующий день неприятель снова перешел в наступление в направлении Даликдаша, но армянским солдатам удалось не только отбросить врага но и занять село Каракоюнлу и восстановить связь с армянской ротой Дашбуруна. Бои 8 и 9 сентября также не принесли успеха неприятелю. 10 и 11 сентября было спокойно, но 12 ночью враг неожиданно перешел в наступление по правому флангу и аракскому направлению, занял Каракалу, Хайфалу, Хошхабар и несколько дру-

¹ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 612, л. 4.

гих сел и снова подошел к Игдиру. В городе началась паника, часть населения удалилась. А когда наступил рассвет и стала видна расстановка вражеских сил, армянские силы перешли в наступление, обратили в бегство врага и освободили села, занятые ночью¹.

Эти события заставили обратить серьезное внимание на Сурмалинский фронт, так как стало ясно, что враг стремится завоевать опорные пункты на правом берегу Аракса, захватить мосты, отрезать уезд от левого берега и полностью изолировать его. Командование армянским войском решило направить сюда Дро. 19 сентября в телефонном разговоре с генералом Ахвердяном и полковником Притомановым Дро сообщив о своем прибытии, одновременно представляет тяжелое положение, создавшееся в игдирском отряде из-за нехватки боеприпасов, продовольствия и особенно из-за инфекционных болезней (малярия), вследствие чего половина командного состава и солдат вышла из строя. Сообщив что в подобном состоянии невозможно начать активные действия, Дро просит незамедлительно прислать теплую одежду, продовольствие и т.д.². А враг, хорошо осведомленный о состоянии отряда, готовился к новому наступлению на Игдир. Это подтверждали также захваченные в плен курды. И это случилось 21 сентября, когда многочисленные турецко-курдские силы неожиданной атакой заняли Хайфалу, Хашхабар, Али-Камар и вторглись в Игдир. Защищающие город армянские силы попали в тяжелую ситуацию – солдаты колебались и под давлением врага стали отступать. Но в этот решающий миг блестящий пример храбрости показал Дро, “ураганный Дро,” как его называет С. Врацян. Во главе своих телохранителей он самоотверженно бросился вперед, своим личным примером воодушевил солдат и с новой силой разжег бой. Продолжающиеся несколько часов крово-

¹ “Арач”, 24, 25 сентября 1919 г.

² НАА, ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 150.

пролитные бои на улицах города в конце концов завершились победой армян. Оставив 500 трупов на поле боя, враг в панике отошел в горы. Этот отважный человек с бесспорными военными талантами, вышедший из фидайнского мира, игравший большую роль в военной истории первой республики, в этот день, 21 сентября, спас не только свой родной Игдир, но и Сурмалу, потому что после этого враг здесь не проявил большой активности, а Азербайджан во время дальнейших переговоров с Гаскелем больше не настаивал на включение этого уезда в нейтральную зону. Но до переговоров с Гаскелем рассмотрим ситуацию в Зангибасаре, потому что в эти сентябрьские дни турко-азербайджанские агенты во всю старались начать мятеж и в Зангибасаре.

17 сентября в письме-записке министр внутренних дел сообщает Совету министров РА, что “согласно полученным данным, в конце августа в Зангибасар прибыл первый адъютант Халил-бея Мамед-бей, который был командиром батальона во время прошлогоднего турецкого похода... Во всем районе идет мобилизация и из каждой деревни мобилизуется 100-200 человек...”¹. В письме говорится также о том, что в районе Зангибасара число вооруженных людей доходит до 2000, но среди населения наблюдается раскол, часть не хочет восставать. Говорится об Улуханлу как о мирном, но подверженном угрозам агентов Халил-бея. “Сегодня в Зангибасаре следующая ситуация, - говорится в конце письма, - мы, представители нашего правительства, лишены права входа туда, ибо наши действия в этом направлении вызовут вражеские действия со стороны турок, для чего пришлось бы использовать военную силу... Для восстановления ситуации я вижу две осуществимые программы:

1. Так как в районе Зангибасара наблюдается раскол на два течения: одно против нашего правительства, второе – настрое-

¹ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 615, л. 1.

но мирно и подвластно нашему правительству; турок второго течения надо связать с нашим правительством, обезопасить их от Халил-бея и уплотнить их ряды. В этом направлении мной сделаны определенные шаги и надо надеяться на некоторые последствия. А если наши желания не осуществляются и мы, несмотря на наше хорошее отношение к мирному турецкому населению, не получим никакого результата по восстановлению порядка, тогда:

2. Надо, чтобы наше правительство было готово применить силу для нормализации ситуации”¹.

Зангибасарцы накопили большое количество оружия, боеприпасов и других необходимых вещей, а также начали перевозить рис, пшеницу и другие товары на правый берег Аракса, чтобы в случае неудачи все это не попало в руки армян. Но осенью 1919 года здесь дело не дошло до военного столкновения – армянская сторона, проявив осторожность, не ввела войска в Зангибасар, а те в свою очередь, особенно после победы армян в Игдире, побоялись обратиться к оружию.

Если постараемся резюмировать сказанное и вернуться к переговорам с Гаскелем, то надо констатировать, что попытка Азербайджана действовать на двух фронтах не увенчалась успехом, он не смог поставленные на дипломатическом фронте задачи подкрепить победами на поле боя. В результате во время переговоров с Гаскелем он не смог диктовать свою волю. А армянские делегаты после отъезда Усубекова из Тифлиса еще несколько раз встречались с Гаскелем². Они просили и требовали оставить без изменений последний проект. Гаскель, похоже, был не против, но указывал на отсутствие реальной силы для принуждения Азербайджана. Поэтому решил разработать новый проект и опубликовать его в виде манифеста от имени Парижской конференции. Вначале он состоял из 9 статей и в

¹ Там же, л. 3-4.

² В эти дни состоялось 6 встреч.

основном был составлен из предложений армянской стороны. В посланном в Ереван отчете они представлены следующим образом:

1. Зангезур остается в прежнем положении.
2. Даралагыз наш.
3. Нейтральная зона Шарур-Нахичеван.
4. Американское генерал-губернаторство.
5. Наша граница до Волчьих Ворот.
6. Бююк-Веди должен разоружиться.
7. Линия ж-д Джульфа-Баку должна строиться лишь после особого соглашения с нами.
8. Расходы по нейтральной зоне или американские, или общие”¹.

Гаскель также сообщил армянским делегатам, что лично выедет в Баку и представит это соглашение на утверждение азербайджанскому правительству. Он так и сделал, но Баку упорствовал. Поэтому Гаскель решил обойти Баку, войти в прямые переговоры с нахичеванцами и получить их согласие. Он командировал в Нахичеван ген. Робинзона, который 1 октября созвал здесь совещание при участии Рахим -хана, Кербалай- хана и нескольких других руководящих деятелей. Но они решительно выступили против идеи создания американского генерал-губернаторства и заявили, что, кроме Азербайджана, другой власти они не признают.

Отказ Азербайджана подписать соглашение и жесткая позиция нахичеванцев поставили Гаскеля в трудное положение. Не имея военной силы, он не мог навязать свою волю Азербайджану. Поэтому он решил отказаться от идеи соглашения и довольствовался заявлением, которое должно было быть опубликовано 23 октября – в день прибытия американского генерал-губернатора в Нахичеван. В нем говорилось, что так как Парижская конференция пока не решила вопрос принадлежно-

¹ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 1, л. 90.

сти считавшихся спорными между Арменией и Азербайджаном территорий Шарура и Нахичевана, то исходя из необходимости восстановления мира в крае и опираясь на соглашение между правительствами Армении и Азербайджана и на права, данные ему Парижской конференцией, “как верховный комиссар США, Франции, Великобритании и Италии, ныне приказываю следующее:

1. Шарурский и Нахичеванский округа составляют союзную управляемую зону под руководством американского губернатора.
2. Полковник инженерных войск Северо-Американских Соединенных Штатов Эдмонд Дейли назначается губернатором этой зоны”¹.

Заявление состояло из 13 статей. В нем было сказано, что создается центральное управление состоящее из армян и татар, соответственно численности их населения (ст. 3), а местное управление может остаться прежним или губернатор может назначить новых должностных лиц (а бездельников и неспособных работников освободить от должностей) (ст. 7). Армения и Азербайджан незамедлительно выводят из зоны свои войска, агентов и провоцирующих население лиц (ст. 4, 5), объявляется амнистия (ст. 6). Строительство спорной железной дороги Баку-Джульфа осуществимо при непосредственном соглашении между Арменией и Азербайджаном (ст. 9). Траты на правление нейтральной зоной покрываются за счет местных налогов (ст. 10), население не разоружается (ст. 12), провозглашается свобода слова и совести (ст. 11). Последней 13-ой статьей соглашения всех призывают “подчиниться требованиям заявления, молча поддерживать и помогать администрации американского губернатора до окончательного решения вопроса принадлежности этих округов мирной конференцией”².

¹ Там же, ф. 200, оп. 1, л. 186.

² Там же, л. 188.

Армения была довольна содержанием заявления и выразила готовность всеми силами способствовать его реализации. Но совершенно иную позицию занял Азербайджан – внешне не противясь Гаскелю, тайно подстрекал нахичеванцев к мятежу. 16 октября временно замещающий Гаскеля полковник Рей письмом обратился к мусульманскому национальному совету Нахичевана, сообщая, что по соглашению между правительствами Армении и Азербайджана Шарур-Нахичеван должен управляться американским губернатором и что на эту должность назначен американский полковник Эдмонд Л. Дейли. “Он приступит к своим обязанностям 23 октября в Нахичеване, - говорилось в письме. Одновременно предполагается обнародовать объявление генерального комиссара союзников Армении и Азербайджана об управлении краем. Группа лиц, в том числе я и штабные офицеры, полковник Дейли и его штаб, представители Азербайджана и Армении придут в Нахичеван. 23 октября приглашаем мусульманский национальный совет Нахичевана, военных и политических представителей также принять участие”¹.

По указанию Гаскеля Армения и Азербайджан должны были послать по три представителя в свиту Э. Дейли для поездки в Нахичеван и участия в церемонии учреждения губернаторства. 21 октября Рей, Дейли и другие члены американской миссии были уже в Ереване. В тот же день дипломатический представитель Азербайджана в Ереване спешно телеграфирует в Баку, сообщая о прибытии американской миссии и просит срочно сообщить, “на самом ли деле заключено соглашение, чтобы объявить об этом населению Нахичевана. Миссия и население в неведении”². На это последовал ответ миндел Азербайджана Джафарова от 23 октября: “Гаскель провел переговоры с правительством *об объявлении Шарур-*

¹ С. Врацян, указ. соч., с. 326.

² ВАА, 1993, 1 1-2, с. 153-154.

Нахичеванского района нейтральной зоной. Соглашение не состоялось, ибо Гаскель не принял наши условия. Правительство заявило только, что оно останется пассивным, не окажет сопротивления, если Гаскель установит нейтральную зону»¹.

Но, как показали последующие события, Азербайджан не остался в «пассивной» роли, он не только не послал представителей, но и при помощи своих агентов провел такую подготовительную работу, что когда, прождав в Ереване целый день, американская делегация 24 октября двинулась к Нахичевану, ее повсеместно встречали враждебно. А в Нахичеване при подстрекательстве Халил-бея и Кербалай-хана была организована даже акция протеста. Собравшаяся перед губернаторством толпа криками и угрозами требовала, чтобы американцы ушли из Нахичевана. Попавший в тяжелое положение Рей под давлением Халил-бея и Кербалай-хана был вынужден согласиться, чтобы Дейли остался в Нахичеване не как губернатор, а как американский советник-представитель. Дейли даже вынужден был поселиться не в городе, а в находящейся в 3-х км казарме. Рею пришлось отправить обратно часть должностных лиц. В секретной записке направленной дипломатическому представителю Армении в Тифлисе, говорилось, что: «Миссия Рея полностью провалилась. Его автомашины были обстреляны татарами. Встреча была недоброжелательной. Полковник Дейли остался в Нахичеване лишь как офицер связи, тем более, что татары объявили, что они не ответственны за его жизнь, Рей выразил убеждение, что без войска с этим народом ничего поделать невозможно»² (подчеркнуто нами – Э. З.). А дипломатический представитель Азербайджана в Ереване, усердствовавший в организации провала американской миссии, 1 ноября удовлетворенно телеграфирует своему министру: «Из Нахичевана мне пишут, что население отказалось

¹ Там же, с. 154.

² НАА, ф. 276, оп. 1, д. 138, л. 77.

признать полковника Дейли губернатором. После долгих переговоров полковник Рей согласился оставить полковника Дейли как представителя Америки. Он полностью отказался вмешиваться во внутренние дела. Обращения Гаскеля к народу отозваны...¹ (подчеркнуто нами – Э. З.). Этого события коснулся также премьер Хатисян в письме от 18 ноября своему дипломатическому представителю в Вашингтоне. Он пишет: «... Благодаря вмешательству Гаскеля, Азербайджан уже принял одно соглашение, по которому Шарур, Нахичеван и Гохтан должны были составить Американское губернаторство, нейтральную зону, до окончательного решения Парижской конференции по этому вопросу. По указанию главного комиссара американский губернатор должен был 23 октября торжественно вступить в Нахичеван вместе с представителями Армении и Азербайджана, но в последний момент Азербайджан отказался от этого, одновременно тайно организовав сопротивление со стороны турецкой толпы в Нахичеване. Сейчас в Нахичеване находится американский губернатор, но он совершенно бессилён...² (подчеркнуто нами – Э. З.).

Таким был финал деятельности Гаскеля по созданию американского генерал-губернаторства в Шарур-Нахичеване. Она полностью провалилась, причиной чему явилось не столько сопротивление Азербайджана, сколько бессилие Гаскеля принудить признать свою точку зрения, ибо не имея под рукой реальной силы (войска или полиции), он не мог только с мандатом Парижской конференции осуществить какую-либо программу. И Гаскель, и его окружение имели повод удостовериться, что в мире ислама уважают только силу, а этого осенью 1919 года в Закавказье у союзников почти не было – британское командование хотя и имело несколько отрядов в регионе, но не только не вмешивалось, не помогало, но, как от-

¹ ВАА, 1993, 1-2, с. 155.

² Там же, стр. 187-188.

мечает Евангулян в своих докладах, относилось к американцам с подчеркнутым презрением, с высокомерием. Понятно, что в подобных условиях любой провал Гаскеля не только не волновал британское командование, даже - наоборот. Да, Гаскель потерпел неудачу, а удача Азербайджана была двойной, потому что, во-первых, провалилось создание американского генерал-губернаторства в Шарур-Нахичеване и даже дошло до того, что полковник Дейли в Нахичеване пребывал лишь как американский представитель. А это фактически означало признание самостоятельного существования этого региона, отделенного от Армении, признание власти назначенного Азербайджаном губернатора Джамалинского, который в официальных документах величал себя "Губернатором Юго-Западного Азербайджана". И как мог Азербайджан не оценить этот шаг американцев? "Предприняв все меры предосторожности, - телеграфировал министр иностранных дел Азербайджана своему дипломатическому представителю в Ереване Ахвердову 9 ноября 1919 года, - сообщите Джамалинскому, что необходимо наладить дружеские отношения с полковником Дейли и что их позиция находит одобрение в правительстве".

Итак, Азербайджан был доволен американской позицией, а Армения? Неудача Гаскеля являлась также неудачей правительства Армении, оно не могло не сознавать, как обернется проблема Нахичевана, если вопрос создания американского генерал-губернаторства окончательно будет снят с повестки. После провала 23 октября Армения еще долгое время лелеяла надежду на создание американского генерал-губернаторства, тогда как Азербайджан считал вопрос решенным и полагал, что вопрос принадлежности этих районов обсуждению не подлежит. Именно в эти дни правительство Азербайджана дало свое принципиальное согласие на проведение армяно-азербайджанской конференции, одновременно объявив, что вопросы Карабаха, Зангезура и Нахичевана не могут быть рассмотрены на этой конференции. Получив это заявление, ми-

ниндел РА в секретной записке своему дипломатическому представителю в Тифлисе от 28 октября поручает "неофициально и в устной форме сообщить полковнику Рею, что в переговорах с Азербайджаном армянское правительство хотело бы добиться в данный момент:

- а) *установления американского генерал-губернаторства в Шарур-Нахичеване;*
- б) *прекращения активных действий Азербайджана против Зангезура;*
- в) *подписания транзитного договора и предоставление нам (права) свободной закупки разного рода материалов в пределах Азербайджана;*
- г) *улучшения положения армянского населения в Азербайджане и прекращения насилий над ним. Прекращения нападений на границах Армении"¹ (подчеркнуто нами - Э. З.).*

Как видим, Армению прежде всего волновали Шарур-Нахичеван и Зангезур. И это понятно, ибо после того, как в августе Нагорный Карабах временно (до окончательного решения этого вопроса Парижской конференцией) признал гегемонию Азербайджана², а Шарур-Нахичеван фактически отделился от Армении, Зангезур был единственной территорией, способной помешать формированию общей границы между Азербайджаном и Турцией. Понятно было также, что вскоре Азербайджан должен был со всей мощью напасть на Зангезур

¹ НАА, ф. 276, оп. 1, д. 183, л. 77-78.

² 22 августа в Шуше между Азербайджаном и Нагорным Карабахом было подписано соглашение, коим Карабах признавал гегемонию Азербайджана до окончательного решения вопроса на Парижской конференции. Это было сделано с целью избежания кровопролития, но последующее показало, что это было ошибкой, так как кровопролития избежать не удалось (резня в Шуше в марте 1920 года), затем и мусаватисты, и Советский Азербайджан использовали это для подтверждения своего права на Нагорный Карабах.

для решения этого вопроса. Когда и где это случилось, мы рассмотрим вместе с Гохтанскими событиями, ибо они связаны между собой (Зангезур не относится к теме нашего исследования). Что касается дальнейших усилий правительства Армении по созданию нейтральной зоны в Шарур-Нахичеване, то все это оказалось впустую. Гаскель в этом направлении больше не старался, более того, уже в январе 1920 года американцы начали уходить из Нахичевана. Это вызвало беспокойство у нахичеванцев, 3 февраля Джамалинский из Нахичевана по Индоевропейской телеграфной сети спрашивал Ахвердова: "Почему американцы покидают Нахичеван; 2. Что вообще нового в политическом мире. Армяне иногда нападают на границах. Об этом сообщено Гаскелю..."¹.

Беспокоила Джамалинского опасность возможного нападения армян, которая после ухода американцев и обострения отношений с османскими военными могла стать реальностью. Джамалинский также сообщил Ахвердову, что "3. Если подрывная деятельность известных Вам лиц будет продолжена, то я и мои товарищи будем обречены на гибель... Халил-бей объявил себя главой группы и желает организовать на днях переворот и истребить моих сотрудников. 4. Деньги полностью кончились, второй месяц чиновники не получают зарплату, это все (выгодно) Халил-бею и из-за его подлых намерений гибнут беженцы"².

Мы не будем рассматривать противоречия, возникшие между азербайджанскими властями Нахичевана и Халил-беем³, а только хотим подчеркнуть, что вопрос стал настолько серьезным, что Ахвердов был вынужден 4 февраля срочно телегра-

¹ ВАА, 1993, 1-2, с. 159.

² Там же.

³ Из документа от 3 января 1920 года узнаем, что на съезде представителей Аралыха, Ведибасара и Милистана в Нахичевани регион был объявлен в военном положении, Халил-бей провозглашен диктатором, а Кербалай-хан заместителем по гражданским делам.

фировать в Баку, правительству, сообщить о кризисной ситуации в Нахичеване и предложить при помощи Халил-паши отозвать Халил-бея из Нахичевана¹.

Правительство Армении, безусловно, было осведомлено о внутренних распрях в Нахичеване, но не готовилось силой оружия перезахватить его. Создание нейтральной зоны и то, что Парижская конференция должна была окончательно решить вопрос, полностью удовлетворяло Армению. Поэтому после ухода американцев из Нахичевана правительство Армении предприняло еще одну попытку создания там нейтральной зоны, уже при помощи англичан. 30-го января 1920-го года в Ереване было созвано чрезвычайное заседание правительства Армении, на котором присутствовал также Генеральный комиссар Великобритании в Закавказье Уордроп. Премьер Хатисян, представляя задачи, стоящие перед правительством, заверял Уордропа, что его кабинет желает быть в мире с мусульманами, но не может позволить, чтобы Азербайджан, пользуясь миролюбием Армении, расширял свои территории за счет бесспорно армянских районов Карабаха, Зангезура и других. Он особенно заострил внимание Уордропа на нахичеванском вопросе и заявил, что для Армении желательно создание там английского генерал-губернаторства, открытие желдороги Ереван-Тавриз и т.д.

Отвечая премьеру, Уордроп заверил, что он хорошо понимает важность и необходимость решения нахичеванского вопроса и предпримет все меры в этом направлении, но без военной силы трудно будет удалить турецких агентов и аскяров. Он считал необходимым подождать до подписания мирного договора с Турцией, коим будут решены все вопросы, но вместе с тем не забыл выразить свое недоумение: "имел ли полномочия генерал Деви сдать Нахичеван правительству Арме-

¹ Там же, с. 160.

нии?”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Этим, думаем, все сказано: Уордроп не предпримет (и не предпринял) никаких шагов по урегулированию нахичеванского вопроса. Единственное обещание, которое он хотел претворить в жизнь, это был вопрос открытия желдороги Ереван-Тавриз, что, впрочем, завершилось безрезультатно. 8 февраля Джафаров сообщил своему дипломатическому представителю в Ереване, что “мистер Уордроп просит посодействовать открытию желдороги Джульфа-Ереван”, на что следует ответ Ахвердова:

*“До нормализации наших взаимоотношений и установления границ, открытие желдороги Ереван-Джульфа считаю нецелесообразным. С экономической точки зрения это выгодно только Армении. Для нас открытие дороги не представляет экономического интереса, а политические интересы и в Нахичеване, и в персидском Азербайджане мы можем преследовать без этой дороги. Уордроп действует по указке армян”*² (подчеркнуто нами – Э. З.). Установление же границ было выше сил не только Уордропа, но и представителей всех действующих в Закавказье западных держав. Об этом свидетельствует также частное совещание, которое созвал Уордроп 23 февраля в своей квартире в Тифлисе при участии капитана Грейса, дипломатического представителя Азербайджана в Грузии Ахвердова, члена парламента Армении В. Папазяна и дипломатического представителя Армении в Грузии Л. Евангуляна.

Открыв совещание, Уордроп предложил обменяться мнениями и внести предложения по урегулированию армяно-азербайджанских отношений и приемлемых решений по установлению границ. Споры были бурными – азербайджанцы предлагали и в Зангезуре, и в Нахичеване образовать национальные советы, правление этих районов передать им до окон-

чательного решения Парижской конференции, а также из этих спорных районов вывести и войска, и агитаторов. То есть, они спорными считали Зангезур и Нахичеван, но никак не Карабах. Понятно, что армяне с этим не согласились и, в свою очередь, предложили “сохранить status quo по отношению к Карабаху и Зангезуру, а Шарур-Нахичеван передать Армении как ее неоспоримую часть, в крайнем случае ввести там временное правление союзных сил”¹.

Долгие споры, как и ожидалось, закончились безрезультатно. Азербайджанцы предложили созвать новую конференцию, на что армяне согласились при условии принятия их предложений за основу. Уордроп не вмешивался в споры и не высказывал мнение и только в конце сказал, что подобные встречи могут быть полезны. Вот так старался отрегулировать армяно-азербайджанские отношения мистер Уордроп.

* * *

Во время июль-августовских событий в Шарур-Нахичеване были разрушены и уничтожены несколько сел Гохтана. Уцелели только Верхний и Нижний Агулисы, принявшие свое подданство Азербайджану в надежде на его сострадание, а также 6 сел Горного Гохтана (Бист, Цхна, Рамис, Насырваз, Парака и Алаи), которые, будучи защищены высокими и труднодоступными горами Капутджуха, окруженные с трех сторон врагами вели смертный бой против орд неприятеля без пищи, без боеприпасов и других необходимых вещей. “В Гохтане Агулисы и Цананаб (Цхна) целы, - говорил корреспонденту “Ашхатавора” посетивший в августе Нахичеван представитель Американской благотворительной организации доктор Эшир. Танакерт, Азан разрушены. Горные села осаждены татарскими бандами. Спасшиеся беженцы умирают в горах от голода”².

¹ Там же, с. 133.

² Там же, с. 161.

¹ Там же, с. 134.

² “Ашхатавор”, 4 октября 1919 г.

Прибытие группы Качал Казара в Гохтан вселило кое какую надежду в горцев и нашедших там прибежище беженцев, но не смогло спасти их от кошмара. Руководимые Казаром и Гюльназаряном силы насчитывали 7-8 сотен человек, с двумя пушками и шестью пулеметами. Для самообороны и этого было достаточно, если иметь в виду естественную недоступность этих сел, правда - при наличии продовольствия и боеприпасов.

В начале осени, в сентябре-октябре в уезде положение было сравнительно спокойное, но в ноябре, после провала большого похода Азербайджана на Зангезур, в Гохтане снова начались атаки на армянские села. Но пока вкратце рассмотрим ноябрьский поход Азербайджана на Зангезур.

Небольшие нападения на Зангезур всегда происходили и весной, и летом 1919 года и, как правило, получали достойный отпор зангезурцев. С одним из них, по направлению Капана, мы уже ознакомились, когда капанцы под руководством офицера Торосяна нанесли сокрушительное поражение врагу в Карабабайской битве. Казалось, что после этого тяжелого поражения азербайджанцы не осмелятся вступить в Зангезур и, действительно, несколько месяцев ситуация была нормальной. Но к началу осени поползли слухи о готовящемся большом нападении азербайджанцев на Зангезур. Как уже отмечалось, это было ожидаемо – после Карабаха и Шарур-Нахичевана очередь была за Зангезуром. Опьяненный временными успехами Азербайджан готовился одним ударом подавить Зангезур и этим открыть дорогу на Нахичеван и Турцию. Притом это делалось так явно, что было заметно даже без особой разведки. 22 сентября в телеграмме мининделу РА дипломатический представитель Армении в Баку пишет, что “в последнее время из направленных Вам и военному министру сообщений становится ясно, что правительство Азербайджана лихорадочно готовится к подчинению силой армянского населения Зангезура и расширению своих границ от Джульфы в Персии, этим обеспечив строительство железной дороги Джульфа-Баку, а с дру-

гой стороны готовится граничить с Турцией через Нахичеван и Сурмалу и этим помешать осуществлению независимости Армении”¹.

Т. Бекзадян не делал открытия, указывая на преследуемые Азербайджаном две задачи. Это было давно известно руководству Армении. Не было откровением и то, что “Азербайджан, воодушевленный благоприятными для себя последствиями после столкновений в Нахичеване, Шаруре и Б. Веди и доброжелательным отношением представителей союзных государств, в своих захватнических операциях стал более необузданным”. Т. Бекзадян говорит о том, что, наряду с военными приготовлениями в последнее время, выходящая в Баку на русском и татарском языках газета “Азербайджан” чуть ли не каждый день печатает объявления, письма, заявления турок Еревана, Нахичевана, Шарура, Ордубада, Сурмалу, направленные правительству Азербайджана и представителям Союзных государств, коими стремятся скомпрометировать правительство Армении и его администрацию, описывая насилия, грабежи и гонения против турок, и заключает, что весь этот шум поднят с целью “создать общественное настроение и если в ближайшее время начнется нападение на тот или иной армянский район, то они это обоснуют и оправдают как бы справедливым гневом турецкого народа”².

После двух месяцев подготовки, Азербайджан перешел к делу. Ему казалось, что достаточно большой армии азербайджанцев подойти к границам Зангезура, и тот последует примеру Карабаха. Доктор Султанов, который величал себя губернатором Карабаха и Зангезура, в конце октября от имени правительства Азербайджана обратился к зангезурцам, но его обращение осталось безответным.

В начале ноября 6-тысячная армия ген. Ага-огли Ших-

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 50, 1 ч., л. 135.

² Там же.

линского с востока, а нахичеванские силы Халил-бея (3 тысячи человек) с запада решили взять Зангезур в тиски. Начало для них, казалось, было удачным – войско Шихлинского смогло продвинуться к Горису и занять несколько сел. Но это длилось недолго – получив помощь из Капана и Сисиана, защитники Гориса под руководством полковника Арсена Шахмазяна перешли в контратаку, после недельных кровопролитных боев разгромили врага и заставили в панике бежать из Зангезура, оставив на поле боя несколько сот убитых, большое количество оружия и боеприпасов. На границе Даралагыз-Зангезура удалось отбросить также нахичеванские силы под руководством Халил-бея.

Эта ноябрьская победа одна из героических страниц истории Зангезура. Ее значение очень велико, потому что разгром азербайджанской армии не только спас Зангезур от когтей Азербайджана, но и очень благотворно повлиял на моральное состояние армянского народа. Пораженческие настроения отступили. Трудно даже представить, что было бы с Республикой Армения, если бы Зангезур тоже уступил врагу и принял бы гегемонию Азербайджана. По всей вероятности, исламские орды двинулись бы на Ереван. Это не случилось благодаря стойкости Зангезура. Более того, Усубеков, который сперва отказывался от предложения Рея встретиться с Хатисяном для мирного урегулирования вопроса и делал высокомерные заявления, что происходящее в Зангезуре это внутреннее дело Азербайджана, после известия о поражении, стал уступчивым, сразу отправился в Тифлис и 23 ноября подписал с Хатисяном соглашение из 5-и статей, коим стороны обязывались “прекратить столкновения... все спорные вопросы, включая и пограничные вопросы, решать мирными средствами” до решения предстоящей армяно-азербайджанской конференции и т.д.¹

Соглашение было подписано, но не прошло и недели, и

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 190, л. 36.

оно было нарушено. 29 ноября вооруженные силы Шарур-Нахичевана - “более 2000 пехотинцев, 500 всадников с двумя пушками и 8 пулеметами, широким фронтом атаковали армянские села Даралагяза – Ринд, Арпу, Хачик и Айнадзор”¹, но после упорных боев были отброшены.

Нетрудно понять, что перед конференцией Азербайджан стремился расширить находящиеся под его контролем территории. Кроме того, завладев этой частью Даралагяза, Азербайджан получил бы возможность отрезать Зангезур с тыла, полностью окружить и заставить разоружиться и принять его господство. Кстати, о разоружении Зангезура упорно твердил Усубеков еще за девять дней до этого, 20 ноября, во время переговоров с Хатисяном при участии полковника Рея. Считая Зангезур территорией подвластной Азербайджану, он требовал от Хатисяна вывести оттуда военные соединения, помочь разоружить население, открыть дороги, возвратить мусульманских беженцев. А. Хатисян, ничего не говоря о власти, вяло протестовал, что Армения в Зангезуре не имеет военных соединений, а приказа о разоружении он дать не может, “ибо пока уезд окружен вражескими элементами”, а именно - “находящимися к югу от Карабаха курдскими племена, которые настроены крайне враждебно”².

Удивительно, но факт, что, потерпев неудачу с созданием американского генерал-губернаторства в Нахичеване и не сумев предотвратить армяно-азербайджанские столкновения, Гаскель пришел к заключению, что для установления мира необходимо провести временную демаркационную линию между сторонами. “Вчера встретился с Гаскелем, - сообщает Евангулян в телеграмме от 7 декабря, - который остается при своем мнении, что *Зангезур входит в зону влияния Азербайджана, как Шарур-Нахичеван -Армении*, при этом указывает демарка-

¹ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 183, л. 110.

² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 352, л. 15.17.

ционную линию, которую якобы установили англичане. На мое решительное заявление, что нам ничего не известно про демаркационную линию, Гаскель сделал новое предложение, пусть Зангезур войдет в границы Армении, а Нахичеван – Азербайджана. Не имея на это полномочий от Вас, я ответил, что про это предложение я доложу правительству”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Неизвестно, сообщил ли Гаскель свое мнение правительству Азербайджана и согласились они или нет. Но вот правительство Армении, даже временно не могло согласиться ни с каким из этих вариантов. Это стало бы смертью Республики Армения. Зангезур был той цитаделью, который отделял Азербайджан от Нахичевана и при столкновении с которым разбивались атаки Азербайджана. Отказаться от Зангезура, который только что победил на ратном поле, было бы предательством по отношению к нему. Кроме того, потеряв Зангезур, Армения не стала бы хозяином и в Нахичеване, тогда как Азербайджан смог бы протянуть дальше свои щупальца, пограничить с Нахичеваном и развить там антиармянскую деятельность. Сказать, что Гаскель и его окружение не осознавали это, было бы несправедливо. За два дня до подписания армяно-азербайджанского соглашения, 21 ноября в Вашингтон, в отправленной в госдеп телеграмме сказано: “Последние попытки турок-татар завоевать Зангезур обусловлены тем фактом, что этот вызывающий беспокойство армянский район клином вбит между Баку, Нахичеваном и Турцией”².

Если иметь в виду крайне важное географическое положение Нахичевана, то надо признать, что выдвинутый Гаскелем второй вариант тоже (Зангезур – Армении, Нахичеван – Азербайджану) был неприемлем для Армении. “Самым реши-

¹ Там же, д. 50, II ч., л. 370.

² Г. Галоян, “Армения и державы”, 1917-1923 гг., Ер. 1999, с. 76, (на арм. языке).

тельным образом, без колебания заявите Гаскелю, что *сейчас единственное приемлемое решение и единственная возможная уступка Армении в том, чтобы Зангезуром правил Национальный совет, а Шарур-Нахичеваном – американский губернатор*, - говорится в ответной телеграмме Хатисяна от 8 декабря. Предложенная Гаскелем комбинация вызовет ропот народа... Повторяю, правительство Армении ни при каких условиях больше не может идти на уступки, тем более что наше военное положение в последнее время улучшилось. *Демаркационной линией может быть только линия Забуха*¹. Что касается Карабаха, Азербайджан должен выполнять пункты соглашения с Национальным советом” (подчеркнуто нами – Э. З.)².

Вместе с этим правительство Армении через Евангуляна сообщает Гаскелю о двойной игре Азербайджана в вопросе Нахичевана. В частности, сообщается об арестованном 5 декабря в Ереване австрийском офицере Маро-кутти, который с грузинским паспортом направлялся в Нахичеван – неся для местного руководства большую сумму денег и множество карт Шарура и Нахичевани. В конце телеграммы сказано, что “надо конфиденциально сообщить полк. Гаскелю о существовании дела, указав, что несмотря на соглашение, Азербайджан продолжает содействовать мятежникам Нахичевана и вести лживую политику по отношению к Армении”³. А 18 декабря в адресованной непосредственно Гаскелю телеграмме Хатисян сообщил о передаче британским командованием Нахичеванского края Армении, о спровоцированном там турецко-азербайджанским агентами антиармянском восстании и соглашении об установлении там американского генерал-губернаторства, вследствие чего Армения прекратила военные действия против Нахичевана, а Нахичеван, вновь провоцируемый Баку, отказался при-

¹ Забухское ущелье отделяет Зангезур от Карабаха.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 50, II ч., стр. 371.

³ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 196, л. 95.

знать власть американского генерал-губернаторства. Заострив внимание Гаскеля на нескольких дешифрованных письмах Азербайджанского правительства, где Шарур и Нахичеван рассматриваются как азербайджанские территории, Хатисян в конце добавляет: “Правительство Армении, ответственное перед своим парламентом и народом, не может оставить без внимания подобное очевидное нарушение Азербайджаном жизненных прав и интересов Республики Армения. Глубокое сознание ответственности принуждает меня просить Вас вновь от имени моего правительства о скорейшем осуществлении намеченного Вами и принятого правительствами обеих республик плана об установлении Американского генерал-губернаторства в районах Шарура и Нахичевана: *дальнейшее промедление, остро угрожая интересам Армении, принудит правительство Армении, с помощью всех имеющихся в его распоряжении и приемлемых способов, взяться за защиту своих прав и интересов в мятежных районах Шарура и Нахичевана, которые под влиянием тайных интриг и подстрекательства со стороны Азербайджана, отказываются признать существующее соглашение относительно установления в указанных районах Американского генерал-губернаторства*”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Естественно, что учреждение американского генерал-губернаторства не только смягчило бы армяно-азербайджанские натянутые отношения вообще, но и благотворно повлияло бы на межнациональные отношения в самом Нахичеване. Но все дело в том, что в создавшихся условиях ни Гаскель мог бы повлиять на Азербайджан, ни Армения была в состоянии силой оружия подчинить Шарур-Нахичеван. Особых ожиданий не было также от созываемой 14 декабря в Баку армяно-азербайджанской конференции, к коей мы не обращаемся, так

¹ Там же, д. 183, л. 127.

как она, по существу, ничего не сделала, кроме как перевела конференцию в Тифлис и приняла решение о созыве единой конференции трех республик (21 дек.). Но не можем не обратиться к кровавым событиям в Гохтане, происходящим в те же дни, вследствие чего были уничтожены Верхний и Нижний Агулисы, ибо они в какой-то мере связаны с Зангезурскими событиями и лишний раз подтверждают, что целью азербайджанских властей Нахичевана была не “свободная и независимая жизнь”, как они пытались убедить Гаскеля, а чистка региона от армян. Кроме того, эти варварские события развернулись после установления Шарур-Нахичеванского американского представительства, чем лишний раз подтверждается, что полковник Дейли не имел там влияния и авторитета и не мог воздействовать на местные власти.

Еще 12 ноября мусульмане Ордубада совершили большое наступление на Бист, 25-го на Алап, Месропаван (Насырваз), Рамис. Правда, эти атаки были успешно отбиты, но положение в армянских селах все более ухудшалось, а единственная, к тому же труднодоступная дорога, связывающая горный Гохтан с Зангезуром, закрылась то ли из-за глубокого снега, то ли из-за вражеских действий разбойных турецких крестьян Охчу и Гехвадзора. Находясь на трассе Мегри-Капан, эти села с населением около 5000-6000 человек были большой опасностью также для армянских сел Капана, участились пропажи скота а также отдельных людей. Эти два сельских объединения не признавали власть национального совета Зангезура и не подчинялись ему. Из Нахичевана сюда просочилось большое количество агентов и военных, которые тренировали и готовили население. 2 ноября они объявили, что не признают Национальный совет Зангезура и подчиняются только Азербайджану. Понятно, что нельзя было терпеть такое положение и командование Капана решило очистить этот район от вражеских элементов. В этом были заинтересованы также гохтанцы, и первый шаг сделали именно они – 18 ноября из Гохтана отряд

численностью 200 человек, перейдя Капутджух, внезапно напал на турецкие села ущелья Охчу (Охчи, Шабадин, Пирдовдан, Аралых) и изгнала их население¹. Благодаря этой победе восстановилась связь между Гохтаном и Капаном. Но еще оставался Гехвадзор со своими 7-8 более разбойными и вражескими турецкими селами. Именно они организовали избиение перешедших в Зангезур из-за османского похода гохтанских беженцев, жертвами чего стали 2000 человек. Так что в сердцах капанцев тлеет огонь мщения. На рассвете 1 декабря роты, руководимые Г. Нжде, перешли в наступление и после недели боев очистили Гехвадзор².

Не считаем лишним отметить, что целью этих двух операций было не уничтожение сел, а их чистка. Поэтому жители понесли незначительные потери и перешли в Нахичеван. А Азербайджан поднял такую шумиху в связи с этими событиями, что даже Гаскеля и его коллег настроил против Армении. 9 декабря в телеграмме на имя премьера РА представитель Гаскеля в Ереване Тельфорд сообщил, что получил записку полковника Дейли из Нахичевана, где сообщается, что к нему пришли представители татар Нахичевана и заявили, что «армяне Зангезура нападают на татарские села, нарушая договор составленный правительством Армении и Азербайджана... Они также сказали, что если армяне не прекратят военные действия в Зангезуре, то невозможно удержать татар от мести и нападений на армян»³. Сообщив о содержании записки, Тельфорд выразил желание, чтобы правительство Армении незамедлительно приняло бы меры для предотвращения дальнейших действий.

В эти же дни по требованию Гаскеля полковник Дейли из

¹ См. В. Геворгян, «Героическая битва Горной Армении» (1919-21), Ер., 1991, с. 36.

² Там же, стр. 40.

³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 50, II ч., л. 375.

Нахичевана переехал в Тифлис. В Ереване он встретился с министром РА и сообщил о настроениях, царящих в Нахичеване в связи с «разрушением армянами татарских сел Сисиана». Он также предупредил, что «возможна резня оставшихся в Нахичеване армян». Но правительство Армении, опираясь на секретные телеграммы и записки дипломатического представителя Азербайджана в Ереване Ахвердова, которые, как уже было отмечено, контрразведка дешифровала, не поверило этим слухам. 12 декабря генеральный секретарь МИД Тер-Акопян телеграфирует в Тифлис, дипломатическому представителю Армении Л. Евангуляну, что в Нахичеване повсюду спокойно, против армян выступления не намечаются и просит поставить в известность полковника Гаскеля и полковника Дейли¹. В тот же день Ал. Хатисян направляет пространную телеграмму Евангуляну (из 8 пунктов), поручая сообщить Гаскелю в связи с поднятым Азербайджаном шумом вокруг Зангезура, что Армения в Зангезуре не имела и сейчас не имеет регулярной армии, что его правительство искренний сторонник сохранения соглашения от 23 ноября, что он не имеет официальных сведений о творящихся там событиях, что он сделал запрос и при подтверждении слухов виновные будут наказаны, наконец выражал уверенность, что все эти столкновения прекратятся только в том случае, когда в Нахичеване реально установится американское губернаторство, а Азербайджан откажется от притязаний на Зангезур².

Следует отметить, что одна из причин вышеозвученной позиции правительства Армении по отношению к тревоге Дейли о вероятной мести мусульман Нахичевана состояла в следующем: оно надеялось, что поскольку оставшиеся в Нахичеване 1-2 армянские села, а в Гохтане Верхний и Нижний Агулисы уже заявили о своем подчинении властям Нахичева-

¹ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 183, л. 120.

² Там же, д. 178, л. 170.

на, то против них не будет вражеских подстрекательств. Так думали также сами агулисцы, которые в 1918 г. при османском вторжении объявив о своей покорности, спаслись от гонений. Но на этот раз реальность оказалась совсем иной: сами власти Нахичевана организовали резню Агулисов всего через несколько дней.

В печати и мемуарах довольно широко освещены эти события. Утром 18 декабря дикая толпа внезапно ворвалась в Нижний Агулис и начала грабить и убивать безоружный народ. В этот день погибли 400 человек, все, кто не сумел убежать, а кто смог, в панике направились в Верхний Агулис. Характерный факт: когда беженцы добрались до Верхнего Агулиса, полицейские несколько часов не открывали ворота (Верхний Агулис был обнесен стеной), пока не пришел начальник полиции и приказал сперва всех обыскать и только затем впускать внутрь. Под предлогом оружия проводимый обыск превратился в грабеж¹.

Трагедия Нижнего Агулиса, озадачила армян Верхнего Агулиса, которые сразу обратились к властям Ордубада и комиссару района – османскому офицеру Эдиф-бею, с просьбой о защите. Тот явился в Агулис с 20 аскярами и удостоился воодушевленного приема со стороны армян. Эдиф-бей обещал привести войско из Нахичевана и защитить армян. Очевидец событий, мирской судья Агулиса Ог. Тер-Антонян² свидетельствует, что в день прихода в Агулис Эдиф-бей с этой просьбой обратился к находящемуся в Нахичеване Халил-бею, тот ответил, что в “Нахичеване анархия и он не может послать войско”. Но “Эдиф-бей успокоил армян, что он из Баязета приведет турецкое войско, в противном случае обещал своими средствами довести население до границы”³.

¹ См. “Арач”, 3 февраля 1920 г.

² В “Араче” фамилия представлена как Тер-Акопян.

³ “Арач”, 3 февр. 1920 г.

Удивительно, что Тер-Антонян не видит в поведении Эдиф-бея ничего подозрительного. А ведь ясно, что если Эдиф-бей хотел бы спасти армян Агулиса, то он легко бы это сделал. Во-первых, местные чиновники ему беспрекословно подчинялись (в том числе и полиция) и вообще 20 полицейских было достаточно для выполнения этой задачи. Наконец, 6 дней (от 18 до 24 декабря) немалый срок для организации отхода армян в горные армянские села. Но вместо этого он успокаивает армян, затем оставляет их беззащитными перед разъяренной толпой. “В ночь на 24 декабря, - пишет О. Ахназарян, - когда турецкая вооруженная толпа один за другим поджигает и грабит дома и подходит к домам центрального квартала, положение собравшихся людей становится очень опасным. Разъяренная толпа угрожает напасть на собравшийся там безоружный народ. В это время Эдиф-бей заявляет отчаявшемуся народу, что более не способен со своими малочисленными солдатами и полицейскими защитить их и смирить разъяренную толпу. Говорили, что в него стреляли, как в защитника армян.

Учитывая эту опасность, распоряжается под защитой своих людей перевести армян ближе к турецким кварталам, обещая их вывести в более безопасное место”¹.

Но вместо того, чтобы вывести армян в безопасное место, на следующее утро вместе с уездным начальником он отправляется в Ордубад, якобы для встречи Али Ихсан-пашы. Это становится сигналом резни – разъяренные погромщики и присоединяющиеся к ним полицейские переходят к действию. “Жандармы и цепкими выговяжи армян на улицы, после чего послышались звуки канонады регулярного войска, - рассказывает О. Тер-Антонян. Когда послышались залпы, в комнату, где я находился, привели около 30 армянских красавиц и начали их насиловать в соседних комнатах, зарыв ее отлив у них драгоценные вещи”².

¹ О. Ахназарян, указ. соч., с. 258.

² Там же.

Вопли убиваемых, крики погромщиков не прекращались до позднего вечера. Иногда слышна была перестрелка. Это были те случаи, когда армянские юноши с оружием в руках защищали свои семьи и вместе с собой уносили в могилы множество туток. С болью отмечали, что армяне Агулиса фактически были безоружны и не оказали серьезного сопротивления. Кто был в этом виноват, это другой вопрос, и мы не станем его рассматривать. Сам он, О. Ахназарян, участник и очевидец событий, ничего об этом не говоря, часто повторяет, что если бы не события Гехвадзора, то Агулисы и сегодня были бы целы. Официальные круги Азербайджана так же объясняли случившееся – ставя знак равенства между покорными, признавшими власть Азербайджана агулисцами и воевавшими с оружием в руках против армянских властей Зангезура гехвадзорцами.

Примечателен тот факт, что на события в Агулисе первым отозвался Зангезур: 27 декабря был предъявлен ультиматум властям Нахичевана – прекратить погромы, под угрозой, что в противном случае то же самое будет сделано с мусульманским населением Зангезура. В ответной записке от 31 декабря так называемый генерал-губернатор Юго-Западного Азербайджана взваливал вину на разъяренных беженцев Охчи-Шабадина и Киги-Дараси, которые образовали банды из 400-500 человек и нападают “не только на армянские, но и на мусульманские села” и якобы разрушили три мусульманские села. Турок губернатор не забыл напомнить зангезурцам, что еще есть армяне в Тазакенде, Ханлухларе, которые тоже подвергнутся погромам, если Зангезур осуществит свою угрозу¹.

В связи с событиями в Агулисе активно протестовало также правительство Армении. 29 декабря в депеше полковнику Гаскелю (копии представителю Великобритании Уордропу, представителю Франции Нонанкуру) Хатисян сообщает о со-

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 484, л. 9.

бытиях в Гохтане, протестуя против такого нарушения соглашения от 23 ноября, требуя принять неотложные меры для предотвращения дальнейшего кровопролития¹. На следующий день, 30 декабря, телеграмма протеста направляется также в Баку, вновь напоминая о соглашении 23 ноября, с просьбой немедленно принять меры для предотвращения дальнейшего кровопролития, в “противном случае, всю ответственность за эти тяжелые для двух народов дни правительство Армении полностью возлагает на правительство Азербайджана”². Интересно, что в этой телеграмме говорится об истреблении села Агулис и продолжающихся атаках на Верхний Агулис. Это означает, что в конце декабря правительство Армении не имело точных данных о происходящем. Только в начале января было получено сообщение об уничтожении Верхнего Агулиса и около 1000 погибших. 12 января временно замещающий министра внутренних дел А. Гюльханданян в телеграмме, адресованной дипломатическому представителю Армении в Тифлисе Л. Евангуляну сообщает новые, уточненные данные о резне в Агулисах, о продолжающихся нападениях на горные села Гохтана и о требовании зангезурцев об удалении турецких офицеров и генерал-губернатора Нахичевана³. 14 января телеграмма такого же содержания была послана министру внутренних дел Азербайджана Хану-Хойскому⁴.

Как отнесся Гаскель к протестам правительства

Армении в связи с событиями в Гохтане. Ознакомившись с докладом Евангуляна о резне в Агулисах, Гаскель ответил пространной речью, где было больше обвинения и критики в адрес правительства Армении, чем сочувствия. “Каждый раз, как только речь идет об обвинении в избиении одной стороны,

¹ Там же, ф. 276, оп. 1, д. 183, л. 133.

² Там же, ф. 278, оп. 1, д. 6, л. 34.

³ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 458, л. 26.

⁴ Там же, л. 19.

сразу же появляются тождественные сведения с другой стороны – для нейтрализации этого сообщения. Всегда так было. Кстати, сегодня получил сообщение, что близ Эчмиадзина убито шесть турок. Пришел Векилов и заявил, что это нарушение соглашения от 23 ноября и через несколько часов получаем сведения о событиях в Агулисах и снова это оценивается как нарушение соглашения. *Я вообще перестаю верить этим заявлениям и склонен думать, что их истинное место – мусорный ящик*” (подчеркнуто нами – Э. З.).

Вряд ли правомерно обвинять Гаскеля в неправильной ориентации в водовороте армяно-азербайджанских сложных взаимоотношений и в идентичном отношении к заявлениям сторон. В самом деле, взаимные обвинения были столь частые, столь взаимоисключающие и столь противоречивые, что было трудно сориентироваться, тем более человеку с западным мышлением. Для Гаскеля сложно было понять стиль общения в исламском мире, когда перед каким-то задуманным действием поднимается шумиха об опасных намерениях, насилии и убийствах со стороны неприятеля. Заявление о 6 погибших близ Эчмиадзина было из этой серии, с целью заглушить протест Армении по поводу резни в Агулисах. И, судя по высказыванию Гаскеля, даром не прошла. Более того, Гаскель обвинил правительство Армении в распространении заявлений на основе непроверенных фактов “с целью возбуждения общественного мнения”. Посчитав это дешевым средством пропаганды, он заявил, что “политика правительства Армении ничуть не лучше политики татар, тогда как правительство Армении должно было показать свое превосходство над ними, а не действовать теми же средствами...”

Этой политикой установить армяно-татарские мирные отношения невозможно. Единственное средство – установить временную демаркационную линию между двумя государствами и во главе правительства иметь таких людей, на которых можно опереться, добиться от правительства единого отно-

шения ко всем гражданам независимо от национальности и религии. Надо достичь того, чтобы живущий в Армении татарин на самом деле чувствовал себя полноправным гражданином. В этом случае прекратится его стремление к Азербайджану”¹. “Хатисов умнее и выше всех, - говорил Гаскель, - но он слаб. Он всецело в руках партии и вынужден исполнять диктуемые парламентом и партией приказы”².

Неизвестно, были ли обращены к Векилову такие же “советы” и упреки. Но то, что Гаскель больше не верил правительству Армении (даже обвинил его в резне) – это факт. Значит, без последствий должны были остаться все направленные ему заявления. Даже при желании он ничего не смог бы сделать, потому что не имел никаких средств для влияния на мусульманские власти Нахичевана. Уже было отмечено, что он потерпел неудачу в вопросе установления генерал-губернаторства в Нахичеване. Вскоре еще один случай подтвердил, что мусульмане Нахичевана ни во что не ставят американцев. Дело в том, что правительство Армении, желая хоть как-то помочь оставшимся на местах после Агулисского погрома армянам (около 600 человек были в плену в Ордубаде, 300-ам удалось перебраться в Персию, 200 – в Мегри) в феврале 1920 года организовала делегацию в Нахичеван-Ордубад под руководством американского полковника Шелли, который на нескольких машинах вез 1500 пудов муки, сахар, сгущенное молоко и др. товары³. Делегация в составе которой был Али-хан Макинский и другие лица, ставила перед собой задачу освободить пленных армян и отправить в Джульфу, откуда при возможности их отправили бы в Ереван, а если это не удалось бы, то в Персию. Причем, это не было односторонним действием – 5 февраля на заседании правительства был рассмотрен и одобрен

¹ Там же, л. 147.

² Там же.

³ См. “Ашхатавор”, Тифлис, 28 февраля 1920 г.

вопрос об “обмене пленных турок из Ханлухлара, Тазакенда и Агулиса на пленных армян”, который был одобрен¹.

Но миссия полковника Шелли полностью провалилась – ни ему, ни кому-нибудь из делегации не разрешили пересечь пределы Нахичевана, а продукты конфисковали. В марте вернувшийся в Ереван Хан-Макинский сообщил, что “армянам не разрешили выехать... Продукты раздали местным туркам...². Из Ордубада молодых девушек и женщин везут в Джульфу и продают персидским туркам”³. Но если хан сумел вернуть свою машину, то в совершенно ином положении оказался полк. Шелли. Турки Шарура его ограбили, отняли сумму, данную правительством Армении для армян Гохтана, обезоружили его охранников. Так что американский полковник имел возможность на собственной шкуре убедиться, что такое турецкий сброд, и доложить об этом Гаскелю. Правда, тот, как уже отметили, не имел никаких рычагов для воздействия на мусульман, но хотя бы понял, с кем имеет дело армянский народ и перестал бы предъявлять односторонние обвинения.

Первые месяцы 1920 года не внесли существенных изменений в политическую ситуацию Закавказья. Азербайджан продолжал вести активную антиармянскую политику и одновременно старался втянуть Республику Армения в конфедерацию, целью которой должна была быть борьба против опасности с севера (сначала против Деникина, затем большевиков). В этот раз целью был избран Зангибасар (ныне – Масисский район). Находящиеся в нескольких км от Еревана турконаселенные эти села создали так называемую “милли-шуру” и не признавали правительство Армении. Для подготовки вос-

¹ ВАА, 1993, 1-2, с. 72.

² В номере от 23 марта 1920 г. полк. Шелли несколько иначе представляет конфискацию продуктов (одна часть была отдана властям Нахичевана, остальная разделена между армянами Тазакенда, Джахри, Ханлухлара.)

³ “Ашхатавор” 25 марта 1920 г.

стания с 8 по 15 января в Баш-Норашене и 31 в селе Зинджирлу Зангибасара были созваны совещания, где кроме руководителей восстания участвовали также представители из Азербайджана и Анатолии. 14 февраля в Зангибасаре была объявлена мобилизация и был отдан приказ всем мусульманам вооружиться до 23 февраля¹. В марте разведслужбы Армении сообщили, что в Зангибасаре проходят каждодневные военные учения и роются траншеи. Параллельно с этим то тут, то там совершаются нападения на армянских крестьян (6 марта во время нападения на станцию Улуханлу пропали без вести 20 армян²). 26 марта секретный агент (по национальности турок) сообщил, что из Веди в Зангибасар доставлено 4 пулемета и что на прошедшем здесь совещании было решено начать на днях нападение по направлению Игдира³.

Примечательно одно обстоятельство – готовясь к восстанию, зангибасарцы одновременно требовали от Азербайджана вознаграждения за это. 4 апреля четыре сотрудника азербайджанского дипломатического представительства в Ереване на машине миссии помчались к Зангибасару, увозя с собой около полумиллиона азербайджанских боиов, 11 тысяч кавказских и 1100 армянских чеков. Но на этот раз цели они не достигли, на Учсапаларском посту машину остановили и конфисковали деньги⁴.

В марте 1920-го большие события развертываются также в Ведибасаре, Гохтане и Карабахе.

Исламские силы Ведибасара (около 5000), дабы создать благоприятные условия для зангибасарских мятежников 19 марта перешли в наступление на левом фланге Камардинского фронта и за счет внезапности и превосходства сил заняли Бов-

¹ ВАА, ф. 200, оп. 1, д. 461, л. 16.

² Там же.

³ Там же, ф. 201, оп. 1, д. 67, л. 4.

⁴ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 461, л. 28.

бурунские высоты. На следующий день напали на Нахичеванское шоссе и железнодорогу в районе сел Юва и Ширазлу. Удача открыла бы им дорогу в Зангибасар. Но армянские силы при помощи бронепоезда перешли в контратаку и отбросили врага на его прежние позиции¹. Из документа, датированного 24 марта, узнаем, что армянские силы с трудом, но все таки продвигаются вперед с целью возврата утерянных позиций.

Неспокойно было также в Шарур-Нахичеване и Гохтани. Нападение на пограничные с Даралагязом армянские села из Шарура и Нахичевана носили систематический характер. А мусульмане Гохтана никак не могли переварить существование 4-5 горных сел, которые они не могли захватить ни в 1918-ом, ни в 1919-ом, ни в первые месяцы 20 года, хотя атаки шли одна за другой. В начале 1920 года Эдиф-бей со своими османскими офицерами и собранным на местах турецким сбродом неоднократно пытался выкурить горных орлов из их гнезд, но безуспешно. Но и гоxtанские горцы не оставались в долгу и под предводительством Мовсеса Гюльназаряна² иногда переходя в контрнаступление разрушали турецкие села, нанося им большой людской и материальный урон. Особенно значима контратака в марте 1920 года, когда вместе с отрядом, прибывшим из Капана под руководством Г. Нжде, армянские силы Гохтана захватывая одну за другой несколько сел, подошли к Ордубаду. Враг отчаянно сопротивлялся, звал на помощь ханов Карабаха и Маку, значительная часть населения в панике перешла на другой берег Аракса. Но начавшиеся в Карабахе бои³ заставили командование Зангезура отозвать отряд

¹ Там же, л. 13.

² Об этом мужественном человеке и в архивных документах, и в мемуарах говорится как о храбром воине, который в бою был бесстрашен и даже под ливневым огнем шел в полный рост.

³ Начавшееся восстание Нагорного Карабаха против Азербайджана 23 марта 1920 г. протекало неудачно, и зангезурцы были вынуждены пойти на помощь Карабаху (апрель 1920 г.).

Нжде из Гохтана. После ухода капанцев армянские силы Гохтана отошли к своим горным селам и укрепились на своих прежних позициях. Конференция трех закавказских республик, о которой так долго говорили в политических кругах в конце 1919 года и начале 1920, была обусловлена не экономическим, а политическим фактором. Это был вопрос борьбы против опасности с севера, которая, как уже отмечали, в конце 1919-го и начале 1920 года исходила от Деникина, а весной – от Советской России. Кстати, более заинтересованы были Грузия и Азербайджан, которые уже успели подписать соглашение в этом роде в 1919 году. А Армения в борьбе против Деникина не могла быть заинтересована, потому что во-первых, она была в тесных связях с деникинским правительством (в политических кругах ее даже считали союзником), во-вторых, это было бы не по нраву ни Англии, ни Франции и даже ни Америки. “В Тифлисе Гаскель предупредил наших посланников о политической конфедерации, - говорится в одном сообщении армянской делегации, участвующей в созванной в декабре 1919 года в Баку армяно-азербайджанской конференции, - предлагая временное решение вопроса границ, торговые и другие договоры. *Ни в коем случае не присоединяться к ним против Деникина*”¹ (подчеркнуто нами – Э. З.).

Понятно, что правительство Армении не могло не считаться с Гаскелем. А Азербайджан интересовала только опасность с севера. Примечательный факт: 9 декабря приняв прибывших в Баку армянских посланников, премьер Усубеков сразу спросил: “Есть ответ о конфедерации”²? В этом причина, что конференция на своих двух официальных заседаниях и четырех частных совещаниях не зафиксировала никакого прогресса и в конце концов решила перевести конференцию в

¹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 365, л. 25.

² Там же.

Тифлис (вероятно, Азербайджан надеялся получить здесь поддержку своей союзницы Грузии). Выдвинутые армянской делегацией вопросы (установление временной демаркационной линии, прием и обустройство беженцев, заключение торговых и железнодорожных договоров) не были приняты азербайджанской стороной. Безответным остался также вопрос армян о том, надо ли бороться только с севером или также с югом.

Нелишне напомнить, что, несмотря на союзный договор с кемалистами¹, руководящие круги Азербайджана были недовольны деятельностью своих союзников в Баку и особенно в Нахичеване. Дело в том, что хотя и Шарур-Нахичеван не входил в границы, начертанные турецким Национальным договором², руководители анатолийской Турции считали обладание Шарур-Нахичеванским районом одним из насущных задач. По их указанию, Халил-бей начал борьбу против назначенного Баку губернатора Джамалинского, о чем мы уже писали. В феврале Халил-бей достиг определенных успехов и, перетянув на свою сторону имевшего большое влияние в Нахичеване Кербалай-хана, он сумел Джамалинского и его администрацию выдворить из края. Сообщив об этом командиру расположенной в Старом Баязете турецкой дивизии Джавид-бею, Халил-бей добавил, что следующим шагом Кербалай-хана должно быть заявление о выводе Нахичевана из под азербайджанского подчинения, после чего присоединение края к Турции станет неизбежным³. Джавид-бей тоже для ускорения решения вопроса в марте направил новый отряд под командованием Али

¹ Было подписано в Стамбуле 29 ноября 1919 г. (подробнее см. Э. Зограбян, "Советская Россия и армяно-турецкие отношения в 1920-22 гг.", Ер. 1979, с. 27 (на арм. яз.)).

² Был принят османским парламентом в Стамбуле 28 января 1920 г. (подробнее Э. З. ук. соч. с. 22-23).

³ См. Г. Мадатов. Победа Советской власти в Нахичеване и образование Нахичеванской АССР, Баку, 1968, с. 71-72.

Темур-бея в Нахичеван¹. Но вскоре события пошли иным путем – Халил-бей получил приказ перейти в Карабах для помощи азербайджанским войскам, а 28 апреля Красная армия вошла в Баку и Азербайджан был объявлен Советской Республикой. Понятно, что в этих условиях Джавид-бей и другие были вынуждены некоторое время воздерживаться и следить за дальнейшим развитием событий. Ведь Азербайджан стал другом и союзником Советской России. Значит, она должна была быть равнодушной в вопросе Нахичевана.

Возвращаясь к созыву новой армяно-азербайджанской конференции, на чем особенно настаивал Азербайджан, считаем необходимым отметить, что правительство Армении не имея ничего против созыва конференции, одновременно считало необходимым отметить тот круг вопросов, которые составят повестку конференции., чтобы не повторить судьбу остальных. По этому поводу был обмен телеграммами. 8 марта, отвечая на телеграмму мининдел Азербайджана Хан-Хойского от 4 марта, мининдел РА подчеркнул важность подобного подхода, предлагая правительству Азербайджана заранее представить интересующие его вопросы, одновременно представляя интересующие армянскую сторону вопросы: 1. сохранение статус-кво в Карабахе; при этом Азербайджан должен строго сохранять условия договора, заключенного с армянским национальным советом Карабаха; 2. сохранение статус-кво в Зангезуре; 3. открытие железной дороги Ереван-Джульфа; 4. признание Шарур-Нахичевана неотъемлемой частью Республики Армения.

В телеграмме высказывалась уверенность, что решение этих задач создаст стабильное положение в регионе и поможет укреплению мира, что послужит гарантией для положительного решения вопроса конфедерации. Но Азербайджан интересовала только конфедерация, а вышеперечисленные ре-

¹ Там же.

гионы он считал своей собственностью и отказывался от публичного рассмотрения этих вопросов. Он уклонялся также от обсуждения торговых, транзитных, почтово-телеграфных и других вопросов подобного толка.

Но вскоре телеграфные обсуждения этих тем прекратились и идея созыва армяно-азербайджанской конференции тоже была отеснена на задний план, потому что в эти же мартовские дни была выдвинута задача созыва единой конференции трех республик и «установления самых дружественных экономических и политических отношений». Примечательно, что это предложение на сей раз шло от британского правительства, отсюда, где еще два месяца назад ничего не хотели знать о каком то союзе южнокавказских стран. В чем была причина? Несомненно, неожиданное поражение Деникина и быстрое продвижение Красной армии на Северном Кавказе. Кто должен был остановить продвижение красных? Находящиеся в фактической войне друг с другом Азербайджан и Армения или слабая Грузия? Да, полтора года спокойно наблюдая, как терзают друг друга эти республики, часто из-за их политики, британские власти вдруг поумнели, как только большевистская опасность стала реальной. Эта опасность не остановилась бы на Кавказе, а отсюда проникла бы в Иран. Тогда почему не попытаться примирить эти три республики, объединить их усилия против севера? И 5 марта правительство Армении получает от Уордропа спешную депешу: «Британское правительство уверено, что интересы правительств трех стран требуют *немедленного решения всех спорных, в том числе территориальных вопросов* и сообщает, что эти три республики исходя из собственных интересов *установят между собой самые дружеские и политические отношения*. Для решения этого вопроса от меня спешно требуют доклада вашего правительства *о своих территориальных притязаниях, основанных на этнографических, исторических и других серьезных аргументах*, которые могут быть представлены на созываемую конференцию

для определения границ и где все три закавказские республики будут иметь своих посланников, уполномоченных своими правительствами представлять требования своих правительств и подписывать окончательное соглашение»¹ (подч. нами – Э. З.).

Великолепная инициатива, но, к сожалению, запоздалая. Вот если британское правительство пошло на это не в 1920 году, а весной 1919 года, то не был бы этих разрушений, насилия, беженцев, и что самое главное, республики не были бы столь слабы и уязвимы для внешних врагов. В том же марте-апреле, когда Англия наконец приступила к решению спорных вопросов, азербайджанская армия была полностью сконцентрирована в Карабахе и не имела никаких частей на севере. Поэтому, когда 28 апреля 11-я Красная армия начала наступление с Дербента, она всего за несколько часов дошла до Баку без единого выстрела.

Итак, возвращаясь к письму Уордропа, скажем, что он под конец вновь просит не запаздывать с докладом, просит чтобы тот был на английском языке и советует, чтобы республики заранее созвали бы совещания, пришли бы к соглашению вокруг множества пунктов, дабы не перегружать работу конференции мелочами.

Понятно, что точно такие же письма были посланы правительствам Азербайджана и Грузии. Армения, естественно, сразу заявила о своей согласии, но ее интересовали два вопроса, выяснение которых она поручила своему дипломатическому представителю в Тифлисе: 1. Касается ли это предложение также Западной Армении? 2. Исходит ли это предложение только от Англии и информированы ли о нем другие державы?

9 марта Евангулян телеграфирует в Ереван, что виделся с Уордропом, который и сообщил ему, что предложение не касается Западной Армении, что сейчас поставлена только задача установления границ между Арменией, Грузией и Азербай-

¹ Там же, д. 555, I ч., л. 44.

джаном и что судя по переписке, предложение исходит только от Англии¹. Исходя из этого, срочно составляется "Записка о территориальных требованиях Армении в Закавказье" и отсылается Уордропу. В шестистраничном докладе с исторической и этнографической позициях обосновывается право Армении на Ахалкалаки, Цалку, Борчалу (вместе с Лори до реки Храм). Карабах, Зангезур и Шарур-Нахичеван².

По интересующему нас Шарур-Нахичевану в документе сказано: "Касательно долины Аракса, надо отметить, что Шарур и Нахичеван вместе с Зангезуром всегда были армянскими областями со множеством древнейших армянских памятников и имели армянское население, но персидский шах Аббас в XVII веке переселил отсюда армян и заселил эти края мусульманами, дабы отрезать Карабах от Араратской долины и помешать созданию армянской территории. По этой причине в долине мусульман больше (160 тысяч), чем армян (120 тысяч), но эта долина абсолютно необходима для связи Армении с Карабахом, Ваном и Персией. Карабах со своим 350000-м армянским населением иначе никак нельзя связать с остальной Арменией"³.

Думаем, читатель согласится, что аргументация не блестящая, но удовлетворительная для обоснования права Армении на эти территории. Считаю нелишним отметить, что в документе больше говорится об Ахалкалаки, Борчалу и Карабахе. В случае с последним есть даже угроза, что если вопрос не решится в пользу Армении, все равно, армянское население Карабаха восстанет и присоединится к родине.

В документе есть еще одно требование, о чем следует обязательно сказать – речь идет о передаче Армении части Батумского края с портом Батуми и долиной реки Чорох. Здесь, не-

¹ Там же, л. 35.

² Там же, л. 86-89.

³ Там же, л. 89.

сомненно, речь не идет об историческом и этнографическом праве, хотя армян там достаточно¹. Речь о жизненно необходимом для Армении выходе к морю, а Батум был и близок и удобен. 5 апреля делегация Армении прибыла в Тифлис (председатель – мининдел А. Оганджян, члены делегации – Т. Бекзаян, С. Хачатрян и С. Мамиконян. Последний из-за болезни прибыл позже)². В этот день конференция должна была начать работу, но из-за опоздания азербайджанской делегации была отложена на несколько дней (делегация Азербайджана прибыла в Тифлис только 8 апреля и то без председателя делегации Хана-Хойского). Не наша задача анализировать всю работу конференции, остановимся лишь на отношении конференции к конфликтным вопросам.

Сразу же с начала конференции, когда председательствующий Е. Гегечкори предложил определить повестку, делегаты Армении и Грузии объявили, что они не могут участвовать в обсуждении отдельных вопросов, когда в Карабахе идет фактическая война между армянами и азербайджанцами, когда ежедневно гибнут сотни людей. Пока не прекратится кровопролитие, конференция не может спокойно и плодотворно работать, - заявили делегаты.

Делегация Азербайджана, выразив свое принципиальное согласие с такой постановкой вопроса, одновременно старалась уклониться и оттянуть решение задачи, то объявляя, что это должно распространяться не только на Карабах, но и на все конфликтующие районы (Ордубад, Нахичеван, Веди, Казах и т.д.), то говоря, что не получала от своего правительства таких полномочий. Но армянские делегаты, посчитав такой ответ формальным, настаивали, чтобы конференция сперва приняла решение о прекращении военных конфликтов. В этом вопросе

¹ По документу, в требуемом районе проживали 15000 армян, 25000 турок и мусульман-грузин и 5000 христиан-грузин.

² НАА, ф. 200, оп. 1, д. 411, л. 52.

грузинские делегаты поддержали армян. В результате было принято решение, согласно которому азербайджанские делегаты должны были получить от своего правительства полномочия или ночью, или хотя бы до следующего заседания, которое должно было быть созвано 10 апреля¹. Но это решение не было исполнено и решения о прекращении конфликтов были приняты только на заседаниях 11 и 12 апреля. В первом из них, принятом на заседании 11 апреля, сказано:

“Конференция республик Азербайджана, Армении и Грузии начав свою работу, решила:

Первое – Немедленно прекратить все кровопролитные столкновения, происходящие в Казахе, Нахичеване, Ордубаде и Карабахе.

Второе – Вместе с тем конференция настаивает, чтобы правительства Армении и Азербайджана немедленно приняли самые решительные меры, чтобы исключить любую возможность столкновений между армянами и мусульманами в границах соответствующих республик.

Третье – Об этом решении спешно сообщить правительствам Азербайджана и Армении для принятия соответствующих мер”².

Получив это решение, правительство Армении сразу же предприняло соответствующие меры. 14-го апреля в телеграмме премьера дипломатическому представителю Армении в Баку Арутюняну говорится: “Решение Закавказской конференции о прекращении вражеских действий правительство Армении считает для себя обязательным. Правительство предприняло спешные меры для оповещения населения и властей конфликтующих районов о необходимости прекращения военных действий. Прошу сообщить, сделало ли правительство

¹ Там же, л. 57.

² Там же, л. 58.

Азербайджана такое распоряжение”¹.

Правительство Азербайджана таких распоряжений не сделало и даже если сделало, то формально. Иначе не продолжались бы “карательные” действия азербайджанской армии в Карабахе и Дро не вынужден был бы с зангезурскими отрядами перейти в Карабах (17 апреля), чтобы защитить безоружных армянских крестьян от “храбрых аскяров”.

В первом из принятых 12 апреля решений сказано: “Немедленно полностью восстановить тот правовой статус, который был до столкновений и основывался на достигнутых армяно-азербайджанских и принятых на Закавказской конференции соглашениях и на договорах соответствующих правительств с национальными советами”. Нетрудно догадаться, что это решение также относилось к Карабаху, так как Азербайджан нарушил заключенное 22 августа 1919 года соглашение с Карабахским армянским национальным советом и пытался подчинить край полностью. Что касается принятого конференцией третьего решения, то оно должно было проконтролировать исполнение двух решений. С этой целью конференция выбрала комиссию из 6 человек, которая должна была: “1. На местах осуществить и проконтролировать решения конференции о прекращении кровавых столкновений и восстановлении правового статуса; 2. Изучить причину столкновений”².

Конференция других решений о конфликтах не приняла, принятые же остались на бумаге, так как пока контрольная комиссия готовилась отбыть в конфликтующие районы, пока делегации спорили об опасности с севера, как уже было отмечено, 28 апреля Красная армия появилась в Баку и вскоре на границах Армении и Грузии. Это коренным образом изменило военно-политическую ситуацию в южнокавказском регионе.

¹ Там же, л. 77.

² Там же, л. 59.

Советизированный Азербайджан имея за собой великую Россию, начал говорить со своими соседями языком ультиматумов, стараясь спорные территориальные вопросы решать исключительно в свою пользу. А представители союзных держав, которые еще совсем недавно гуляли по Закавказью и распоряжались, собрались в Тифлисе и стали собирать чемоданы. Влиять на дальнейшее развитие событий они уже не могли, хотя изредка давали о себе знать.

* * *

Подводя итоги, мы приходим к следующему:

1. Великобритания и остальные державы фактически ничего не сделали для военной и материальной помощи несчастной Армении. Для прекращения военных действий вмешательство британского командования в Закавказье ничего не дало. В середине августа ситуация на фронтах еще более обострилась. А обращение премьера к Парижскому конгрессу и обращение парламента к парламентам мира о помощи осталось "гласом вопиющего в пустыне".

2. Назначенный Парижским конгрессом Генеральным комиссаром Армении американский полковник Гаскель хотя в Ереване обещал заставить Азербайджан прекратить притязания к Армении, но, прибыв в Баку, изменил намерение, решил Шарур-Даралагызский и Нахичеванский уезды провозгласить нейтральной зоной и установить там американское генерал-губернаторство. В результате долгих переговоров с Гаскелем Ал. Хатисяну удалось вывести из нейтральной зоны только Даралагыз и сделать некоторые изменения в договоре. Но Гаскель потерпел неудачу в деле создания генерал-губернаторства. При подстрекательстве Азербайджана мусульманская верхушка Нахичевана не признала власть американского губернатора, и тот, оставшись в Нахичеване, фактически исполнял обязанности офицера связи и представителя.

3. Достигнув успеха в вопросе Шарур-Нахичевана и при-

нув Карабах к подписанию временного соглашения о признании своей власти, Азербайджан затем с большим воодушевлением пошел на завоевание Зангезура с целью ликвидации клина между Азербайджаном и Нахичеваном. Удача открыла бы дорогу на Турцию и дала бы возможность окружить Республику Армения с трех сторон. Но ноябрьское наступление с востока (из Азербайджана) и с запада (из Нахичевана) завершилось позорным поражением. Победа Зангезура имела общеармянское значение и заставила Азербайджан заключить соглашение с Арменией о мирном разрешении спорных вопросов.

4. События, развернувшиеся в летние и осенние месяцы 1919 года в Шаруре, Нахичеване и Гохтане довершили зачистку края от армян: в течение двух месяцев существования Нахичеванской армянской администрации часть вернувшихся армянских беженцев была истреблена, часть снова стала беженцами, на этот раз – навсегда, а оставшиеся на местах были вынуждены влачить жалкое существование пленных.

Более варварским было отношение к Верхнему и Нижнему Агулисам, население которых признало власть Азербайджана, никогда не поднимало оружие против Азербайджана, при необходимости даже помогало, спасая своих соседей от мести армян. Если даже Азербайджан никогда не совершал бы другого преступления против человечества, истребления безоружных и покорных агулисцев довольно, чтобы навечно оставить на его челе клеймо "убийцы".

5. Первые месяцы 1920 года не внесли особых изменений в армяно-азербайджанские отношения. Несмотря на заключенные соглашения и заявления на конференциях о мирном решении спорных вопросов, Азербайджан, как и прежде, продолжал антиармянскую деятельность, подготавливая восстание в Зангибасаре, организуя периодические нападения на армянские села в Гохтане, Даралагязе, Зангибасаре. Вместе с этим Азербайджан вкупе с Грузией старались вовлечь Армению в

конфедерацию, целью которой была борьба против опасности с севера. С этой целью под патронажем Англии в Тифлисе созывается конференция трех республик, которая осталась незавершенной из-за советизации Азербайджана.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Попытаемся обобщить содержание книги и представить вкратце в виде тезисов.

1. Резкое ухудшение отношений между армянами и мусульманами в Ереванской провинции в конце 1917 и начале 1918 года, повлекшее за собой межнациональные столкновения, было обусловлено двумя основными факторами:
 - Внутренним фактором, выразившимся прежде всего в слабости Закавказского комиссариата и Сейма, проявивших беспомощность и бездеятельность в деле обеспечения мира в крае, и в разногласии между армянами, азербайджанцами и грузинами в вопросе национально-территориальных разграничений, в совпадении интересов азербайджанцев и грузин и их совместной антиармянской деятельности.
 - Внешним фактором, обусловленным политикой завоевания Закавказья Османской империей, в рамках которой развернулась деятельность турецких и азербайджанских эмиссаров в тылу, направленная на создание внутреннего фронта для армян, на срыв воинского призыва и воспрепятствование отправке войск на фронт.
2. Тифлисскому армянскому национальному совету удалось в чрезвычайно тяжелой политической и экономической ситуации правильно сориентироваться и вовремя приступить к формированию армянского корпуса, призванного защитить армянский народ от нависшей над ним угрозы. Особая роль в организации воинского

призыва и формировании подразделений принадлежит Араму Манукяну (Араму-паше) и Драстамату Канаяну (Дро).

3. В феврале-марте 1918г. участвовавшие в населенных мусульманами районах Ереванской губернии (Сурмалу, Зангибасар, Ведибасар, Шарур, Нахичеван) нападения на армянские села и отдельные воинские части, грабежи и убийства на дорогах, разрушение железнодорожного полотна и мостов, уничтожение телеграфных линий и т.д., стали причиной не только больших человеческих и материальных потерь, но и существенно помешали формированию армянской армии, ее военной подготовленности и боеспособности. Все это создавало также нестабильную ситуацию в тылу армянских воинских подразделений и в значительной мере способствовало успеху турецких войск. Как правило, наступлениям османских войск сопутствовали организованные мусульманские погромы в тылу.
4. Несмотря на тяжелую ситуацию, армяне не были пассивной жертвой. И подтверждением этому могут послужить нанесенные армянами в феврале-марте 1918 года несколько серьезных ошеломительных ударов по местным турецко-курдским разбойничьим бандам в Ереванском, Сурмалинском и Нахичеванском уездах. После сокрушительного поражения местное население впоследствии не осмелилось выступить против армян. Но особенно показательны действия поручика Харазяна в Нахичеванской провинции. Он со своим маленьким отрядом (около 700 воинов) не только смог нанести сокрушительный удар по местным туркам и пришедшим на помощь им макинским курдам, но и заставить подписать договор о мире, с сохранением спокойствия вплоть до наступления Османской армии на Нахичеван.
5. Ереванские губернские власти были парализованы и до

формирования правительства Армении реальная власть была сосредоточена у Особого комитета при Ереванском национальном совете, в руках Арама Манукяна. Трудно переоценить его роль в деле восстановления межнационального мира, как и его усилия в организации, оптимальном использовании имеющихся сил и оказании достойного отпора врагу. Назначение Арама диктатором явилось выражением всенародной любви, доверия и уважения.

6. Батумскому договору не было альтернативы. Беспристрастный исследователь не может не согласиться, что после того, как турки предъявили ультиматум, а грузины, тайно сговорившись с немцами, заявили о роспуске Закавказской республики и о независимости Грузии, Тифлисскому армянскому национальному совету не оставалось ничего, кроме принятия турецкого ультиматума и подписания договора и мире. В создавшейся ситуации не было пути для спасения последних остатков собственного народа. Оставшись один на один перед внешним и внутренним врагом (грузины, при всей их ненадежности, были все-таки союзниками) армянский народ, окруженный со всех сторон врагами и не ожидавший помощи ниоткуда, с иссякающим запасом боеприпасов и оружия не имел никакой возможности продолжать войну. Об этом свидетельствуют также протоколы заседаний Ереванского армянского национального совета от 30, 31 мая и 5 июня.
7. Согласно навязанному армянскому народу Батумскому договору, в числе других армянских территорий младотурецкие авантюристы завладели также и Шарур-Нахичеваном, и далее, с июля по август 1918 года, не жалея усилий, делали все возможное, чтобы очистить этот край от армян (путем физического уничтожения или насильственного изгнания) и во что бы то ни стало,

следуя пантюристской программе, удержать в своих руках эту кратчайшую и наиболее удобную дорогу, ведущую в Азербайджан. Особой свирепостью отличались местные турки: они не только не попытались что-либо сделать для своих соседей-армян, оказавшихся в тяжелом положении, но и превзошли своих учителей, османских турок, в изощренности и жестокости. За содеянные преступления против армян Шарура, Нахичевана и южной части Гохтана в ответе не только Турция, но и Азербайджан.

8. Летом 1918 года Армения была подобна раненому, истекающему кровью животному, находящемуся в предсмертной агонии. Но хотя оно и было изранено и расчленено, и на его слабом теле кровоточили бесчисленные раны, оно тем не менее проявляло признаки жизни. Велика была его жажда жизни, и оно все же было способно выпрямить согнутую спину и встать на ноги, если хищник вынужденно отступит, потерпев поражение на других фронтах. И случилось невероятное. Отважные защитники Баку, большинство из которых были армяне, довольно долго (с июня по сентябрь) удерживали внимание младотурок на себе, а в сентябре, после падения Баку, османские войска потерпели сокрушительное поражение на Балканах. Фронт был прорван. В октябре Турция вышла из войны. И, может быть, в первый раз исход событий был в пользу армян. Армянский народ вздохнул свободно: казалось, нависшая над головой угроза исчезла.
9. Древняя восточная пословица гласит, что мудрый учится на собственном опыте, а счастливый - на чужом. Это в равной степени относится и к народам. Армянскому народу и его политическим и государственным деятелям не дано было счастья учиться на чужом опыте, но они имели много возможностей изучить собствен-

ный опыт и брать уроки у себя самих. В этом отношении специфично время господства союзных держав в Закавказье и особенно их политика в спорных территориальных вопросах. Наша доверчивая и неопытная в дипломатии нация получила еще одну возможность удостовериться, что великие державы, которые полвека эксплуатировали армянский вопрос, а в годы первой мировой давали громогласные обещания, не только не озабочены судьбой своего малого союзника - армянского народа, но могут пренебречь справедливостью, общепризнанными принципами (историческими, этническими, экономическими) урегулирования конфликтов и руководствоваться только собственными интересами и целесообразностью. Иначе чем объяснить игнорирование права Республики Армения (исторического и этнического) на Джавахк, Лори, Нагорный Карабах, Зангезур и исторического права в отношении Шарур-Нахичевана? Заботясь лишь о своем экономическом интересе (Армения была крайне нищей страной) и стремясь способствовать укреплению антирусских сил в регионе (армян считали неисправимыми русофилами), они своими волонтаристскими решениями открыли окно для нескончаемых межнациональных столкновений и внешнего вмешательства. Эта политика имела катастрофические последствия для армянского народа и, в частности, для армян Нахичевана. В результате антиармянских движений в июле-августе 1919 года Шарур-Нахичеван был окончательно очищен от армян, был осуществлен второй этап геноцида армян Нахичевана, и все это на глазах союзных держав.

10. Межнациональные конфликты, неразрешенные территориальные вопросы стали благоприятной почвой для распространения большевизма и удобным поводом для военного вмешательства.

Советизация Азербайджана произошла в подобных условиях. При этом она произошла столь стремительно, столь неожиданно, что застигла врасплох не только местные власти, но и западные политические ведомства. А как свидетельствовала история, сила британской дипломатии состояла именно в том, что она никогда не позволяла застигнуть себя врасплох.

За советизацией Азербайджана вскоре последовала советизация Армении, затем Грузии. Значит, можно с уверенностью сказать, что в вопросе урегулирования территориальных споров политика союзных держав бумерангом ударила по ним и стала одним из факторов, способствующих советизации южнокавказского края. Безусловно также, что если сегодня, в начале 21-го века в нашем регионе существуют нерешенные вопросы, территориальные споры, то в этом виноваты и союзные державы, которые в годы своего правления, в основу решения возникающих задач ставили не принцип справедливости, а целесообразность и собственные интересы.

E.A.Zohrabian

Sharur-Nakhijevan in 1918-1919
(History of the Genocide of the Armenians in Nakhijevan)

Resume

The Transcaucasian situation at the end of 1917 and at the beginning of 1918, the disorganization of the front and the removal of the Russian troops from the region created favourable conditions for the realization of the Panturkizm plans. The Youngturkish government considered the moment suitable to conquer Eastern Armenia and to open up the way to Turan. Making preparations for an invasion, the Turkish command started broad propagation campaign through its known and secret emissaries, particularly in Muslim-populated regions of Transcaucasus and Yerevan Province. Their aims were to create inland front for Armenians to wreck the mobilization and to hinder the forwarding of the troops to the front. The destruction of railroads, bridges and telegraph wires, invasions on Armenian villages, robbery and murders on roads resulted not only in numerous human and material losses, but also greatly hindered the process of formation of the Armenian army and made the military training of soldiers extremely difficult. Those actions created unstable condition at the rear of the newly-formed Armenian army and favoured the success of Turkish weapons. As a rule, the attacks of the Osman troops went together with the Muslim barbarities organized at the rear of the Armenian army.

As far back as in the autumn 1917 the bandit Kurdish tribes of Surmaloo province, unsatisfied with the local robberies, often crossed to the left bank of the Araks river, trying to expand the territories of their actions. In January-February 1918, with the begin-

ning of the Osman intervention, the Turks of Zangibasar, Vedibasar and Sharoor also took up arms; the Armenia-Muslim conflicts resembled real military actions. The Armenian National Council of Yerevan, trying to restore peace between the nations, summoned an Armenia-Muslim conference, formed mixed committees. Meanwhile, necessary steps were taken to repulse the mean army. In February-March 1918 the Turk-Kurdish bands of Yerevan and Surmaloo were attacked successfully several times and in battles for approximately 2 months the Armenians of Nakhijevan managed to defeat the local Turks, as well as the Kurds of Makoo who had come to their aid. On 14 April, 1918 the enemy was forced to sign a peace treaty and had to remain quiet until the incursion of Osman troops to Nakhijevan in July 1918.

In spite of the victories won in Sardarabad and Bash-Aparan, the Armenian nation had to accept the Osman government ultimatum and make peace. Under the circumstances there was no other way to save the survivors. The Armenian nation, left completely alone against the internal and external enemy, cordoned off from all sides, deprived of arms and ammunition, had no possibility to continue the war. It is confirmed by the protocols of the May 30 and June 5 meeting of the Armenian National Council of Yerevan. Gaining access to Surmaloo, Sharoor, Nakhijevan and Goghtan, in addition to many other territories (via June 4, 1918 Batoom treaty). The Turkish Government annihilated and deported Armenians and did its best to keep the shortest and the most convenient route to Azerbaijan in its hands. Actually, a real genocide with all its manifestations was carried out.

The enthusiasm of the Armenian people inspired by the victory in World War I of its allies, the Entente powers, did not last. Armenian hopes for establishing a durable peace in the region and addressing the disputable issues in a fair way were not realized. In a short time, the Armenian Government was able to see that the Western powers pursued their own interests in the Transcaucasus and forgot their "smaller ally", the Armenian people, who had ac-

tively participated in the War and who had suffered so much from it. The Western powers considered the Armenians to be extremely pro-Russian and thus assisted the non-Armenian anti-Russian forces in the region in every way they could. This policy was specifically manifested by the giving of the Akhalkalak region (which was fully inhabited by Armenians) to Georgia, by the creation of a neutral zone in Lori, and by the attempts to subordinate Nagorno Karabakh and Zangezur under Azerbaijani authority. Originally the British command in the Transcaucasus did not even intend to give the Kars region or Sharur-Nakhijevan to the Republic of Armenia.

Having been defeated in World War I and compelled to leave the Transcaucasus, the Turkish invaders had not only left a great number of military men, weapons, and ammunition in the regions of Armenia inhabited by Muslims, but had also created the so-called "Arax Republic" in Sharur-Nakhijevan to prevent the integration of this area with Armenia, a goal of crucial importance for Pan-Turkish plans. Not recognizing the supremacy of Armenia, the Muslims of Sharur-Nakhijevan created obstacles for the Armenian immigrants returning to their motherland. And when Armenian troops moved towards Sharur in January 1919 to "clear" the path for the immigrants, the British command immediately interfered and decided to set up another neutral zone there, under the leadership of a British general-governor. This was the second neutral zone in the land of Armenia.

Thus, having placed Nagorno Karabakh, which was inhabited only by Armenians, under the authority of Azerbaijan, the British command did not think it proper to give Nakhijevan, which had mixed population, to Armenia. Moreover, worrying about the security of British general-governorship, the British forced the Armenian government to withdraw its troops from Gail to Khamarlu, thus creating a vast demilitarized zone in the regions of Vedibasar and Davalu. However, the power of the British governor was of a former character; the Muslim top leadership neglected him, his orders and regulations were not carried out, and the anti-Armenian

violence and robbery would not stop. This undermined the British authority. The complaints and dissatisfaction of the British troops and, ultimately, the resolution of the Paris Conference to withdraw these troops from the Transcaucasus, compelled the British command to revise the policy in Sharur-Nakhijevan; Armenia was authorized to govern this area (May of 1919).

The unification of Sharur-Nakhijevan with Armenia was carried out in a rush, without serious preparatory work. At the same time, the British command did not allow the introduction of an adequate number of Armenian troops into the area. Moreover, it did not allow the disarming of the population, though this law was valid in the Republic of Armenia. The Muslim military groups continued their semi-legitimate existence. The Armenian administration of the area, which functioned under these conditions, could be neither strong nor steady, even though it was concerned about both the Armenian and Muslim population. In the creation of the local government, the composition of the population was taken into account, and Muslims were incorporated into both the police force and the court system. Furthermore, the Muslim immigrants shared the benefit of the food originally received for the Armenian immigrants.

Taking advantage of the favorable conditions that had emerged, the anti-Armenian forces of Sharur-Nakhijevan agents formed armed detachments, trained them, and prepared for an uprising. The movement was headed by several hundred Turkish officers and askiars, who had come to Nakhijevan from Anatolia. The British command of the Transcaucasus and its representation in Nakhijevan also had a share of guilt in spreading the anti-Armenian movement, not only by doing nothing to prevent it, but also by interfering improperly in favor of the Muslims, thus undermining the Armenian administration of Nakhijevan.

In 1919, the uprising started in Sharur-Nakhijevan, and soon thereafter turned into an all-Islamic movement threatening Armenia from the East, South and West. Great Britain and the other powers did nothing to render military or material help to the Republic of

Armenia, which was encircled from three sides. The attempt of the British command to halt the military actions did not produce any results. The Armenian Colonel Haskel, appointed by the Paris Conference as the supreme commissioner for Armenia, said that Sharur and Nakhijevan were an inseparable part of Armenia, but he could not put his words into action because he had no military forces at hand. Haskel's attempt to set up an Armenian general-governorship in Sharur-Nakhijevan failed as well (October of 1919). The top Muslim leadership of Nakhijevan did not recognize the administration of the Armenian governor; the later ended up performing the duties of a communications officer and a representative.

Following the success in Sharur-Nakhijevan, and having imposed on Karabakh a temporary agreement recognizing its supremacy (October 22 of 1919), Azerbaijan became enthusiastic about conquering Zangezour, with the aim of removing this "wedge" between Azerbaijan and Nakhijevan. The success would have also paved a way to Turkey. However, the attack from the East (Azerbaijan) and from the West (Nakhijevan) had a shameful ending. The victory of Zangezour was of importance for all Armenians and Armenia, forcing Azerbaijan to conclude an agreement with the Government of Armenia. (November 23, 1919) on peaceful settlement of disputes. Nevertheless, a month had hardly gone by before the authorities of Nakhijevan started a slaughter of peaceful and unarmed inhabitants of Nerkin and Verin Agulis, as well as neighboring Armenian villages. Even if Azerbaijan never commits another crime, the slaughter of the population of Agulises would be enough to label them a "murderer" forever.

The events in Sharur-Nakhijevan and Goghtan during the summer and fall of 1919 ended with the cleaning of Armenians from the area. During the months of the Armenian administration (May-July), a portion of the immigrants, who had returned to their homes, were slaughtered, and the other portion migrated again, this time for good. The genocide of Armenians of Nakhijevan, which had started during the Ottoman occupation in 1918, thus ended.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ШАРУР-НАХИЧЕВАН В 1918 ГОДУ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ГЕНОЦИДА АРМЯН НАХИЧЕВАНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СИТУАЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ. АНТИАРМЯНСКИЕ
ВЫСТУПЛЕНИЯ КУРДОВ И ТАТАР (АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ)
(октябрь 1917 г. – февраль 1918 г.).....13

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТУРЕЦКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ
(февраль-апрель 1918 г.).....55

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ШАРУР-НАХИЧЕВАН В ПЛАНАХ ПАНТЮРКИЗМА.
ПОЛИТИКА УНИЧТОЖЕНИЯ И ДЕПОРТАЦИИ АРМЯН.88

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАХИЧЕВАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В 1919 ГОДУ.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГЕНОЦИДА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. НАХИЧЕВАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ МЕСЯЦЫ. ОСНОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА.....135

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРОВАЛ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ШАРУР-
НАХИЧЕВАНСКОМ ВОПРОСЕ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРАЯ К
АРМЕНИИ.192

ГЛАВА ШЕСТАЯ. УСИЛЕНИЕ ТУРЕЦКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
АНТИАРМЯНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПОВСТАНЧЕСКИЕ
ДВИЖЕНИЯ В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ.231

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В ШАРУР-НАХИЧЕВАНЕ.
ТРАГЕДИЯ ГОХТАНА.295

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.....363

Е.А.Zohrabian. Sharur-Nakhijevan in 1918-1919 (History of the Genocide
of the Armenians in Nakhijevan). *Resume*369

ЗОГРАБЯН ЭДИК АРТЕМОВИЧ

ШАРУР-НАХИЧЕВАН В 1918-1919 ГГ.

(История геноцида нахичеванских армян)

Комп. верстка А. Агузумцян

Формат 60 x 84 1/16.
23.5 печ. листа.
Тираж 200. Заказ 75.

Издательство ЕГУ, Ереван, А. Манукяна, 1.

Типография ЕГУ, Ереван, ул. Абовяна, 52.